

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

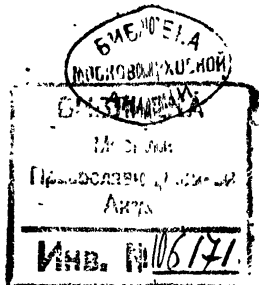
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ тридцать восьмой.

Том
1314

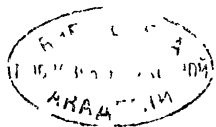
ТВОРЕНІЯ

Б.3
Н.69.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

6864

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪЕ.

1861.

Б. О НАДПИСАНИИ ПСАЛМОВЪ (а).

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДРУГУ.

Со всею (б) готовностію принялъ я твое, человекъ Божій, приказаніе, и меня и тебя равно вызывающее на трудъ, и вникалъ въ надписанія псалмовъ. Ибо сего и требовалъ ты отъ насъ — изслѣдовать (в) усматриваемый въ нихъ смыслъ, чтобы для всѣхъ сдѣлалось явнымъ, что можетъ въ нихъ руководить (г) насъ къ добродѣтели. Посему, съ великимъ

(а) При переводъ сего творения печатное изданіе сличаемо было съ тремя рукописями, хранящимися въ московской Синодальной библіотекѣ, одною пергаменною X или XI вѣка N 71, и двумя, писанными на бумагѣ, XVI вѣка N 289 и 434.

(б) По всѣмъ синод рукописямъ читается: *μετὰ λόγου*

(в) По всѣмъ рукопис. *διερευνήσασθαι*.

(г) По рукоп N 289 и 434 *σδηρῶσαι*.

вниманіемъ перечитавъ всю книгу псалмовъ, признавъ я необходимымъ не изслѣдованіемъ надписаній начать, но касательно всего вообще псалмопѣнія изложить напередъ нѣкоторый способъ (д) къ искусному уразумѣнію мыслей, по которому естественнымъ образомъ уяснится для насъ понятіе о надписаніяхъ. Почему прежде всего надлежитъ уразумѣть цѣль сего писанія, къ чему она клонится; потомъ, въ слѣдъ за симъ, разсмотрѣть то направленіе мыслей къ предположенному, какое показываютъ и порядокъ, удобно служащій (е) къ познанію цѣли, и отдѣлы всей книги, опредѣляемые особыми нѣкими очертаніями при пятичастномъ раздѣленіи всего заключающагося въ псалмахъ пророчества. По предварительномъ же въ надлежащей мѣрѣ уразумѣніи сего содѣлается для насъ понятіе польза, извлекаемая изъ надписаній (ж), и раскрываемая уразумѣніемъ напередъ изслѣдованнаго. Поэтому съ сего должно начать обозрѣніе.

ГЛАВА I.

Конецъ добродѣтельной жизни—блаженство. Ибо все, въ чемъ тщательно преуслѣваемъ,

(д) По рук. читается: *ἐξέτασις* вмѣсто: *ὑποθέσις*, *μεθόδον* вмѣсто: *ἕρπιδον* (крошъ N 279), *προκείμεθαι* вм. *ἐπικείμεθαι*.

(е) По рук. *εὐδαιμονία*.

(ж) По рукоп. N 71. *ἐπιγυαθόν*.

непремѣнно что нибудь имѣеть цѣлю. И какъ у врачебнаго искусства въ виду здравіе, а цѣль земледѣлія—заготовленіе потребнаго для жизни: такъ пріобрѣтеніе добродѣтели служить къ тому, чтобы живущему добродѣтельно содѣлаться блаженнымъ; это — верхъ и предѣлъ всего, что умопредставляемъ себѣ, какъ благо. Посему и то, что, въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ, усматривается и умопредставляется подъ симъ высокимъ понятіемъ, справедливо будетъ называться естествомъ Божественнымъ. Такъ и великій Павелъ именуеть Бога, всѣмъ богословскимъ именованіямъ предпоставивъ имя: Блаженный, когда въ одномъ изъ посланій выражается такими словами: *блаженный и единъ сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ ильпый безсмертіе, и во свѣтъ живый непреступный, Еможе никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ: Ему же честь и держава вѣчная* (1 Тим. 6, 15. 16.)! Всѣ сіи высокія понятія о Божествѣ, по моему разсужденію, могутъ служить опредѣленіемъ блаженства. Если кого спросятъ: что такое блаженство? то не погрѣшитъ, въ отвѣтъ благочестивомъ послѣдовавъ слову Павлову, и сказавъ: блаженно, что въ собственномъ смыслѣ и первоначально такъ называется, или превысшее всего естество; а въ людяхъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается и именуется блаженнымъ, что таково

но причастию истинно Сущаго, и принадле-
жить въ нихъ естеству того, чего они при-
частны. Посему вотъ опредѣленіе человѣче-
скаго блаженства: оно есть уподобленіе боже-
ству. И какъ, что истинно благо, или превыше
блага, то одно и блаженно и вождельно для
естества, и причастиемъ сего все дѣлается
блаженнымъ; то божественное псаломское пи-
саніе въ нѣкоей благоискусной и естественной
последовательности прекрасно указываетъ путь
къ сему единому, въ простомъ, по видимому,
и безхитростномъ ученіи разнообразно и много-
различно излагая способы къ приобрѣтенію
блаженства. Посему и изъ самаго перваго
псалма можно заимствовать мысль о семъ пред-
метѣ, такъ какъ слово, дѣля добродѣтель тре-
частно, каждому отдѣлу, въ приличной нѣкоей
соразмѣрности, приписываетъ блаженство,
ублажая то отчужденіе отъ зла, какъ служащее
началомъ стремленія къ лучшему, то за симъ
поученіе въ высшемъ и божественнѣйшемъ,
какъ производящее уже навѣкъ къ лучшему,
то наконецъ чрезъ сіе въ совершенныхъ до-
стигающее до преспѣянія уподобленіе Боже-
ству, ради котораго и предшествующія состоя-
нія называетъ блаженными, послѣднее же га-
дательно разумѣется подъ образомъ присно-
цвѣтущаго древа; ему уподобляется усовер-
шенная добродѣтелию жизнь.

ГЛАВА 2.

Чтобы имѣть намъ точнѣйшее свѣдѣніе объ ученіи о добродѣтеляхъ, какое преподается во всемъ псаломскомъ руководствѣ, хорошо будетъ, какъ бы нѣкое искусственное слово въ послѣдовательномъ порядкѣ изложивъ напередъ для себя самихъ, подробно опредѣлить прежде всего, какъ возможно любителю добродѣтельной жизни пребывать въ добродѣтели. Ибо въ такомъ случаѣ узнаемъ слѣдствія предварительно указуемаго намъ ученія. Посему, кто намѣренъ обратиться къ добродѣтели, тому надлежитъ прежде различить въ словѣ жизнь (з) благоприличную и укоризненную, обозначивъ каждую особенными признаками, чтобы понятіе о нихъ не было затемняемо ничѣмъ общимъ и не смѣшивалось. Между знаками особенности каждаго изъ сихъ образовъ жизни имѣются, можетъ быть, и какіе нибудь иные, но болѣе общими другихъ, по нашему предположенію, служатъ слѣдующіе: веселіе, доставляемое ими людямъ, удѣляется то чувству, то разуму; такъ какъ порокъ услаждаетъ чувство, а добродѣтель веселитъ душу. При семъ естественно будетъ одобренію и оужденію удалять мысль

(з) По рук. читается *τῷ λόγῳ τὸν βίον*

слушателей отъ худшаго и сроднять съ лучшимъ, потому что оужденіе дурной жизни возбуждаетъ ненависть къ пороку, а похвала дѣламъ добрымъ увлекаетъ пожеланіе къ болѣе одобрительному. Потомъ, чтобы похвала жизни доброй дѣйствовала сильнѣе, и порицаніе жизни худой было поразительнѣе, надлежитъ приводить на память самихъ, какъ возбудившихъ удивленіе добродѣтелию, такъ осужденныхъ за порочность; потому что представляемые примѣры изъ ихъ жизни производятъ нѣкое напряженіе и твердость въ душевномъ расположеніи, когда надежда достигнуть одинаковой чести съ доблестными привлекаетъ душу къ добродѣтели, а оужденіе осужденныхъ возбуждаетъ къ удаленію и отчужденію отъ одинакихъ съ ними предначинаній. При всемъ же этомъ необходимо будетъ для каждаго изъ сихъ случаевъ изложить подробное нѣкое ученіе, которое и укажетъ лучшее, и отвратить отъ худшаго, къ лучшему руководя слухъ какими либо правилами и совѣтами, и отъ худаго удерживая словами, внушающими отвращеніе.

Но и по строгомъ различеніи этого, поелику съ трудомъ пріемлется естествомъ все то, что чуждо удовольствій (разумѣю же удовольствіе, угодное тѣлу; потому что душевное веселіе далеко отстоитъ отъ безсловеснаго и рабскаго сластолюбія), а особеннымъ признакомъ той и другой, и добродѣтельной и порочной, жизни

признали (и) мы прежде то, что порокъ льстить въ насъ чувствилищамъ плоти, добродѣтель же душевнымъ веселіемъ дѣлается въ преуспѣвшихъ; то у возводимыхъ нынѣ въ высшую жизнь, для которыхъ судить о прекрасномъ представляется еще способнымъ чувство, душа, какъ неприготовленная опытомъ и непривыкшая къ такому уразумѣнію, не имѣетъ пока (i) и достаточныхъ силъ усматривать доброе. А что вовсе не извѣстно, къ тому, хотя оно и всего прекраснѣе, пожеланіе наше остается неподвижнымъ; безъ предшествующаго же пожеланія nebudeтъ никакого удовольствія отъ такой вещи, къ которой не чувствуемъ пристрастія; потому что путемъ къ удовольствію служить пристрастіе. Посему для невкусившихъ еще чистаго и божественнаго удовольствія необходимо надобно придумать нѣчто такое, почему были бы приняты и уроки добродѣтели, будучи услаждены чѣмъ либо увлекающимъ чувство. Такъ обычно поступать и врачамъ, когда какой либо горькій и противный вкусу цѣлительный составъ дѣлають они непротивнымъ для больныхъ, приправивъ сладостію меда.

Если же въ сказанномъ нами вполне изло-

(и) По рукоп. *ἐπιγυωμην*.

(i) По рукоп. N 71 *οὐπω* вмѣсто *οὐτω*.

жено руководство къ добродѣтельной жизни, и именно, какъ сперва должно отдѣлить одинъ отъ другаго противоположные роды жизни, потомъ каждый изъ нихъ обозначить особеннымъ признакомъ, послѣ того одинъ родъ почитать словомъ, другой же чрезъ оужденіе сдѣлать отвратительнымъ, и примѣрами мужей знаменитыхъ усилить мысль о каждомъ родѣ, частными же правилами указать путь, ведущій къ добру, и отвратить отъ худаго, и что въ добродѣтели суроваго и требующаго мужескихъ силъ, содѣлать это пріятнымъ для младенчествующихъ, усладивъ чѣмъ либо увеселяющимъ наше чувство; то время уже уразумѣть, какимъ образомъ изъ разсмотрѣннаго сего изложенія открывается намъ все заключающееся въ псалмахъ ученіе, удерживающее отъ порока и привлекающее къ добродѣтели.

ГЛАВА 3.

Итакъ сперва (ибо начинаемъ съ послѣдняго) всмотримся въ это примышленіе, по которому псалмопѣвецъ столько суровый и напряженный образъ добродѣтельной жизни, столько загадочное, исполненное тайнъ ученіе, столько неизреченное и прикровенное неизглаголан-ными созерцаніями богословіе содѣлалъ до того постижимымъ и сладостнымъ, что ученіе сіе

изучается не только совершенными мужами, у которыхъ очищены уже душевныя чувства-лица, но дѣлается собственнымъ достояніемъ женскаго терема; какъ одна изъ игрушекъ, доставляетъ удовольствіе младенцамъ, престарѣлымъ же служить вмѣсто жезла и отдохновенія; и кто весель, тотъ даръ сего ученія почитаетъ своею собственностію, а кто по какому либо обстоятельству въ грустномъ расположеніи, тотъ думаетъ, что ради него подается таковая благодать писанія. И путешествующіе, и плывущіе моремъ, или заняты какими либо сидячими работами, и вообще всѣ, въ чемъ бы то нибыло упражняющіеся, и мужчины, и женщины, здоровые и больные, почитаютъ для себя утратою — не имѣть въ устахъ своихъ сего высокаго ученія. Даже и пиры, и свадебныя торжества среди радостей въ семь любомудріи заимствуютъ для себя часть увеселенія; не станемъ же и говорить о божественномъ на всенощныхъ бдѣніяхъ пѣснопѣніи псалмовъ и объ изучаемомъ церквами въ нихъ любомудріи.

Какое же это примышленіе къ несказанному и божественному наслажденію, которое великій Давидъ вліялъ въ свои наставленія, и которыми содѣлалъ, что уроки его такъ охотно приѣмлются естествомъ человѣческимъ? Всякій, можетъ быть, готовъ сказать причину, по которой съ удовольствіемъ занимается псалмами.

Сладкозвучіе рѣчи, скажетъ иньй,—вотъ причина наслажденія, съ какимъ перечитываются псалмы. А я, какъ сіе ни справедливо, утверждаю, что не должно оставлять сего безъ изслѣдованія; ибо кажется мнѣ, что любомудріе сладкозвучіемъ означаетъ нѣчто большее, нежели какъ понимаютъ это многіе. Чтò же хочу этимъ сказать? Слышалъ я одного мудреца, который о нашемъ естествѣ велъ такое слово;—человѣкъ есть малый міръ, заключающій въ себѣ все, чтò есть въ великомъ мірѣ. А устройство вселенной есть нѣкая музыкальная стройность, во многихъ видахъ и разнообразно по какому-то порядку и ладу сама съ собою согласенная, сама себя поддерживающая и никогда не нарушающая сего согласія, хотя и усматривается нѣкое великое различіе существъ, если брать каждое отдѣльно. Чтò бываетъ съ смычкомъ, который, искусно касаясь струнъ, разнообразіемъ звуковъ производитъ услаждающій гласъ, какого, конечно, не составилось бы, если бы во всѣхъ струнахъ былъ однообразный звукъ; такъ и входящее въ составъ вселенной, при разнообразіи существъ, отдѣльно усматриваемыхъ въ мірѣ, по какому-то на всегда установленному и ненарушному ладу, само себя касаясь, и производя согласіе частей съ цѣлымъ, оглашаетъ вселенную этимъ всестройнымъ сладкопѣніемъ, слышателемъ котораго бываетъ умъ. Какъ

нимало неполюющійся этимъ (к) слухомъ, но простирающійся далѣе плотскихъ чувствилищъ, и возносящійся горѣ, такъ слушаетъ онъ пѣснопѣніе небесъ, какъ; по моему мнѣнію, слышалъ и великій Давидъ, когда, по усматриваемому въ небесахъ искусному и всепремудрому движенію, уразумѣвалъ, что *повѣдаютъ* они славу производящаго въ нихъ это Бога (Пс. 18, 2.).

Ибо дѣйствительно съ таковымъ ладомъ выводимая пѣснь неизслѣдимой и несказанной Божіей славѣ есть это согласіе всей твари съ самой собою; слагаемое изъ противоположностей. Противоположны же между собою покой и движеніе; и они взаимно срастворены въ естествѣ существъ; и въ нихъ самихъ усматриваемъ какое-то неизъяснимое смѣшеніе сихъ противоположностей, такъ что и въ движеніи оказывается покой, и въ неподвижномъ—приснодвижущееся. Хотя всегда движется все, что на небѣ, или вращаясь съ неподвижнымъ кругомъ, или увлекаясь въ противную сторону подвижными тѣлами (*διὰ τῶν πλανητῶν*); но взаимное между собою расположеніе небесныхъ тѣлъ всегда покоится, и пребываетъ тождественнымъ, изъ того порядка, въ какомъ состоитъ оно, никогда не переходя въ какой

(к) То есть тѣлеснымъ.

либо другой, а всегда, какимъ было, такимъ и оставаясь. Посему соединеніе покоющагося съ движущимся, повсюду совершающееся въ нѣкоемъ однажды установленномъ и ненарушимомъ согласіи, есть мусикійская нѣкая стройность, съ какою совершается складно и чудно сложенное пѣснопѣніе всѣмъ обладающей Силѣ. Его-то, кажется мнѣ, услышавъ и великій Давидъ, сказалъ въ одномъ изъ псалмовъ, что хвалятъ Бога всѣ силы, какія на небеси, и звѣздный свѣтъ, *и солнце, и луна, и небеса небесъ: и вода яже превъше небесъ* (Пса. 148, 3. 4.); а далѣе перечисляетъ и все, что есть въ твари; потому что взаимное единодушіе и сострастіе всего, направляемая въ порядкъ, чинности и послѣдовательности, составляютъ первую, первообразную и истинную мусикію. Ес-то, по неизреченному закону премудрости, Правитель вселенной художественно предназначаетъ тѣмъ, что вѣчно совершается въ премудрости.

Посему, если порядокъ цѣлаго міра есть мусикійская нѣкая стройность, *художникъ и содѣтель* которой, какъ говоритъ Апостоль, (Евр. 11, 10.) Богъ; а человекъ есть малый міръ, но онъ же самый дѣлается и подобіемъ Приведшаго міръ въ стройность; то разумъ, что усматриваетъ въ великомъ мірѣ, тоже самое видитъ и въ маломъ; потому что часть цѣлаго непремѣнно однородна съ цѣлымъ. Какъ

осколокъ небольшого стекла, въ прозрачной своей части, подобно зеркалу, показываетъ солнечный кругъ, сколько вмѣщаетъ малость прозрачной частицы: такъ и въ маломъ мірѣ, разумію человѣческое естество, видна вся мусикія, усматриваемая во вселенной, частію соотвѣтствующая цѣлому, сколько вмѣщается цѣлое въ части. Показываетъ же это и устройство орудій нашего тѣла, искусно приспособленное природою къ упражненію въ музыкѣ. Видишь ли эту свирѣль — дыхательное горло, эту подпорку у струнъ — небо, эту, какъ бы на струнахъ и смычкомъ, игру языка, щекъ и рта?

Итакъ, поелику все, что согласно съ естествомъ, любезно естеству, а музыка, какъ показано, согласна съ нашимъ естествомъ; то посему великій Давидъ къ любомудрому ученію о добродѣтеляхъ присоединилъ и сладкопѣніе, въ высокіе догматы вливъ, какъ бы нѣкую сладость меда, при помощи которой естество наше нѣкоторымъ образомъ изучаетъ (л) и врачуетъ само себя. А врачествомъ естеству нашему служить стройность жизни, какая, по моему мнѣнію, прикровенно внушается сладкопѣніемъ. Ибо, можетъ быть, сіе самое служить призваніемъ къ высокому

(л) По рукоп. N 71. читается *διαδιδωκεν*.

состоянію жизни, къ тому, что живущихъ добродѣтельно нравъ не долженъ быть грубымъ, страннымъ, со всѣми разногласнымъ, не издавать, какъ и струна, сверхъ мѣры высокаго звука, потому что стройность струны, будучи доводима до излишества, непременно нарушается; но и напротивъ того не долженъ ослаблять своей силы до непомѣрности сластолюбіемъ, потому что душа, разслабленная такими страстями, дѣлается глухою и нѣмою; и все прочее также должно при времени повышать и понижать, имѣя въ виду, чтобы у насъ въ нравахъ сохранялись всегда стройность и добрый ладъ, безъ непомѣрной распущенности и чрезмѣрной натянутости. Почему о Давидовыхъ преслѣніяхъ въ сей божественной мусикіи свидѣтельствуемъ исторія, именно же, что нѣкогда Саула, который неистовствовалъ и изступалъ изъ ума, Давидъ исцѣлялъ отъ страсти игрою на гусляхъ, такъ что Сауль снова возвращался умомъ въ естественное состояніе. Почему явствуемъ изъ этого, на что указываетъ загадочно значеніе сладкопѣнія, именно же, что оно внушаетъ намъ утишать въ себѣ страстные движенія, различно возбуждаемыя житейскими обстоятельствами. Но не надлежитъ оставлять безъ вниманія и того, что не по правиламъ пѣснописцевъ, чуждыхъ нашей мудрости, составлены сіи пѣснопѣнія, потому что не въ тонѣ реченій заклю-

чается сладкогласіе, какъ можно сіе видѣть у тѣхъ, у кого ладъ поражается отъ извѣстнаго сочетанія слоудареній, — когда тонъ звуковъ понижается и возвышается, сокращается и удлиняется. Напротивъ того Давидъ, придавая божественнымъ словамъ неподготовленное и безискусственное сладкогласіе, хочеть сладкопѣніемъ, при извѣстномъ теченіи рѣчи, истолковать смыслъ сказуемаго, когда самый тонъ голоса открываетъ, сколько возможно, мысль, заключающуюся въ реченіяхъ. Посему такая это приправа снѣди, которою, какъ бы сладостями какими, дается пріятность нищѣ уроковъ.

ГЛАВА 4.

Согласно съ предложеннымъ нами искусственнымъ воззрѣніемъ, благовременно уже будетъ подвергнуть въ словѣ разсмотрѣнію самый пиръ добродѣтелей. Ибо вопервыхъ можно найти, что добродѣтель ясными признаками отличается отъ порока, такъ что разность той и другаго съ противоположнымъ неслитна. Изъ веселія, доставляемаго намъ ими, дѣлается виднымъ отличительное свойство жизни добродѣтельной и порочной; порокъ увеселяетъ тѣлесныя чувства, а добродѣтель — душу; почему находимое по симъ признакамъ свойство подлежащаго безошибочно и несомнительно.

И это не по иному чему, но по мыслямъ, усматриваемымъ съ перваго взгляда, и при обзорѣни, проникающемъ до глубины, можно находить во многихъ мѣстахъ псалмопѣнія, особливо же въ псалмѣ четвертомъ, гдѣ Давидъ называетъ тяжкосердыми тѣхъ, которые ложь и суету не отличаютъ (м) отъ истины (Пса. 4, 3.), но любятъ неосуществимое, постоянное же и достойное любви презираютъ. Одна святость, сказано у Давида, дѣйствительно достойна удивленія, а все прочее, чего домогаются люди, какъ блага, таково только въ предположеніи; оно само въ себѣ несуществуетъ, но въ суетномъ только мнѣніи человѣческомъ представляется имѣющимъ бытіе. И чтобы яснѣе раскрыть ученіе о семъ, говорить Пророкъ далѣе, что многіе ограничиваютъ благо вещами видимыми, говоря: то только благо, что можетъ инымъ показать чувству. Мнози, по слову Пророка, *глаголютъ: ктоavitъ намъ блага (7)?* Но кто имѣетъ въ виду добродѣтель, тотъ презираетъ это рабское сужденіе о прекрасномъ. Во свѣтѣ видить онъ прекрасное; обозначаетъ же симъ именемъ божественное и высокое веселіе. А свѣтомъ называетъ оный свѣтъ *возсіявающій* отъ лица Божія, въ естество котораго не мо-

(м) По руск. п. читается: *м); въкрѣпостас.*

жетъ проникать чувство. Знаменася на насъ, сказано, *сѣтѣ лица Твоего, Господи* (7). Ибо подѣ лицемъ Божіимъ, усматриваемымъ въ нѣкихъ (н) чертахъ, кажется мнѣ, Пророкъ разумѣеть не иное чтò, какъ добродѣтели; потому что ими отличается образъ Божества. И сказавъ это, указываетъ совершенный признакъ добродѣтели: *далъ еси веселіе въ сердце мое* (8), вмѣсто души и ума именуя сердце; потому что уму не свойственно услаждаться приманками порока. Веселію же сердца противопоставляетъ Пророкъ это вещественное и житейское изобиліе (о), утверждая, что у имѣющихъ въ виду настоящее цѣнителемъ прекраснаго бываетъ чрево. Ибо сказавъ, что у таковыхъ умножились пшеница и вино (8), подѣ именемъ части совокупилъ въ словѣ услажденія чрева и всѣ удовольствія пиршествъ, занимающія первое мѣсто въ числѣ всякихъ вещественныхъ развлеченій, попеченіе о которыхъ не приводитъ ни къ какому успѣшному концу. Ибо въ естествѣ человѣческомъ для мгновеннаго наслажденія нѣтъ никакого хранилища, въ которомъ бы могли мы запасть для себя удовольствіе, со всѣмъ тщаніемъ приобрѣтенное. Но когда сластолюбцамъ кажется,

(н) По рукоп. N 71 читается: *ἐν χαρακτῆρσι τοῖς*.

(о) По рукоп. *ἐνθῆλαις*.

Гр. Нисск. Ч. II.

106171

что овладѣли они чѣмъ-то, какъ обманчивый какой-то призракъ, мгновенно исчезаетъ и обращается это въ ничто, и по удаленіи таковой мечты остается одинъ ея слѣдъ—стыдъ, отпечатлѣвающій въ нихъ глубокой и неизгладимый образъ того, что прошло, такъ что, подражая въ искусствѣ ловцамъ, можно по слѣдамъ распознать природу звѣря. Ибо ловцы, когда добыча и невидима, по слѣду узнаютъ животное.

Поэтому, если свинья, или левъ, даетъ о себѣ знать собственными своими слѣдами, то, конечно естественно и свойству удовольствія дѣлаться извѣстнымъ по оставленному имъ слѣду. Но слѣдъ его есть стыдъ; слѣдовательно и удовольствіе, отпечатлѣвающее въ душѣ такой слѣдъ, безъ сомнѣнія, есть или стыдъ, или то, чѣмъ производится стыдъ. Но это было уже нами рассмотрѣно въ предшествовавшемъ сему мѣстѣ; ибо по предположенному должно было показать изъ псалмопѣнія, какой конецъ того и другаго рода жизни, и добродѣтельнаго и порочнаго. Посему, сказавъ въ поименованномъ (п) выше псалмѣ, что конецъ добродѣтели миръ, упокоеніе и вселеніе единообразное, неимѣющее ничего общаго съ страстями, преуслѣвающее въ упованіи на общеніе съ Богомъ, Пророкъ противоположное сему, какъ

(п) Рукоп. N 71 *ἐκ τῆς προφητείας ψαλμῶν.*

здѣсь далѣ видѣть самымъ умолчаніемъ, такъ и во многихъ мѣстахъ псалмопѣнія, возвѣщаетъ громко, говоря: *беззаконницы изженутся, и сѣмя нечестивыхъ потребится* (Пса. 36, 28); и: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу. Одождитъ на грѣшники слѣти* (Пса. 10, 5. 6.). А есть тысячи и другихъ мѣстъ сему подобныхъ; да и вся книга псалмовъ наполнена похвалами добродѣтели и осужденіемъ живущихъ порочно. И напоминаніе историческихъ событій, направленное къ двумъ цѣлямъ, возбуждаетъ соревнованіе добродѣтелию благоискусныхъ лицъ, и ужасъ лукавствомъ осужденныхъ. Ибо когда возбуждаетъ тебя примѣромъ къ добродѣтели, говоритъ: *Моисей и Ааронъ во іереехъ Ею, и Самуилъ въ призывающихъ имя Ею: призываху Господа, и Той послушаше ихъ. Въ столпъ облакъ глаголаше къ нимъ* (Пса. 98, 6. 7.). А когда указываетъ на худой конецъ порока, описываетъ страданія осужденныхъ за лукавство. *Отверзесе земля и пожре Давани, и покры на сомлѣнщи Авирона: пламень попали грѣшники* (Пса. 105, 17. 18.). И: *сотвори имъ яко Мадіагу и Сисаръ. Положи князи ихъ яко Орива и Зива, и Зевса и Салмана вся князи ихъ* (Пса. 82, 10. 12.), и многое иное сему подобное. Всѣ же частныя внушенія отъ начала до конца громко повторяетъ тебѣ псалмопѣніе, ни въ чемъ не оставляя безъ побужденія (р) къ прекрасному, ра-

(р) По рук. N 71 *αὐτὴ προτροπή.*

ди чего человѣку необходимо избѣгать порока. Все сопряжено съ правилами, ведущими къ прекрасному: потому что пріобрѣтеніе добраго дѣлается удаленіемъ отъ противоположнаго и истребленіемъ его. Но излишнимъ было бы дѣломъ выставять все это въ точности, когда для читающихъ сіе писаніе явна заботливость слова о подобномъ сему.

ГЛАВА Б.

Весь составъ псалмовъ дѣлится на пять частей. И въ сихъ отдѣлахъ есть нѣкое искусственное расположеніе и распредѣленіе. Объемъ сихъ отдѣловъ дѣлается явнымъ, однообразно заключааясь нѣкими славословіями Богу, которыя можно знать по указанному у насъ раздѣленію псалмопѣнія. Число же псалмопѣній въ каждомъ отдѣлѣ слѣдующее: въ первомъ ихъ сорокъ, во второмъ тридцать одно; въ третьемъ семнадцать, въ четвертомъ столько же, въ пятомъ сорокъ и пять (с). Посему первая часть, начавшись съ перваго псалма, оканчивается сороковымъ, у котораго послѣднія слова: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка, и до вѣка: буди, буди* (Пса. 40, 14.), вторая же—семьдесятъ первымъ, у котораго ко-

(с) По рук. N 71 *λέντε καὶ τεσσαράκοντα*.

нецъ слѣдующій : *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, творяй чудеса единъ, и благословенно имя славы Его во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка: и исполнится славы Его вся земля: буди, буди* (Пса. 71, 18. 19.); третія—восемьдесятъ осьмымъ, и заключается подобнымъ же образомъ; ибо конецъ псалма таковъ: *благословенъ Господь во вѣкъ: буди, буди* (Пса. 88, 53.). Заключеніемъ четвертаго отдѣла служить псаломъ сто пятый, котораго конецъ подобенъ концу прочихъ отдѣловъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка: и рекутьъ вси людіе: буди, буди* (Пса. 105, 48.). Пятая же часть простирается отъ сего псалма до послѣдняго, у котораго конецъ : *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Пса. 150, 6.).

Посему время теперь кратко сказать о томъ искусственномъ порядкѣ, какой примѣтили мы въ сихъ^г отдѣлахъ. Въ первомъ отдѣлѣ Пророкъ живущихъ порочно удерживаетъ отъ неумѣстнаго заблужденія, привлекаетъ же къ избранію лучшаго, чтобы не слѣдовали они болѣе (т) обольщеніямъ нечестивыхъ, не стояли твердой ногою на дурной стезѣ грѣха, не предавались пороку, постоянно и глубоко въ нихъ укоренившемуся, но прилѣплялись къ закону Божественному, при поученіи себя въ ономъ преуспѣвъ въ непогрѣшительномъ ше-

(г) По рукописимъ: *μηκέτι ἐπιπορευέσθαι.*

ствіи, такъ чтобы. подобно древу, укоренился въ нихъ навѣкъ къ лучшему, поддерживаемый божественными ученіями. Посему первое вступленіе на путь добра (у) есть удаленіе отъ противоположнаго, слѣдствіемъ чего бываетъ общеніе съ лучшимъ.

† Вкусившій уже добродѣтели и собственнымъ опытомъ уразумѣвшій свойство добра, бываетъ таковъ не потому, что какою-то необходимою и по вразумленіямъ другимъ отвлекается отъ пристрастія къ пороку, и обращаетъ взоръ къ добродѣтели, но потому что паче всего жаждетъ лучшаго; ибо непреодолимое и сильное желаніе псалмопѣвецъ уподобляетъ жадѣ, пріискавъ между животными породу наиболѣе чувствительную къ жадѣ, чтобы сила пожеланія наипаче выразилась примѣромъ животнаго, чрезмѣрно жаждущаго. И животное сіе называетъ *еленю* (Псал. 41, 2), естество котораго утучняется тѣмъ, что употребляетъ въ пищу ядовитыхъ звѣрей. А какъ соки сихъ звѣрей горячи и воспалительны; то елень, наѣвшись и отравившись ихъ сокомъ, по необходимости чувствуетъ въ себѣ сухость. И потому съ большею жадностію желаетъ воды, чтобы уврачевать происходящую отъ та-

(у) По рукописямъ: τῆς θείας διδασκαλίας ἐκασμένη ἢ ὄντι πρὸς τὸ ἀγαθὸν ἕσιδος и пр.

кой пищи сухость. Посему, кто по первой части псалмопѣнія предначалъ добродѣтельную жизнь, вкушеніемъ позналъ сладость вождельннаго, истребилъ въ себѣ всякій пресмыкающійся видъ похотѣнія, и вмѣсто звѣрей зубами цѣломудрія пожираетъ страсти; тотъ общенія съ Богомъ возжаждетъ паче, или столько же, какъ и елень *желаетъ на источники водныя* (Псал. 41, 2). А достигшему источника послѣ чрезмѣрной жажды естественно столько поглотить воды, сколько станетъ пожеланія и силъ вмѣстить. Но кто принялъ въ себя желаемое, тотъ полонъ того, чего желалъ; потому что содѣлавшееся полнымъ не пустѣетъ снова, подобно полнотѣ въ тѣлѣ; и питіе не остается недѣйственнымъ само въ себѣ, а напротивъ того Божественный Источникъ, въ комъ бы онъ ни былъ, въ Себя претворяетъ къ Нему прикоснувшася, и сообщаетъ тому собственную Свою силу. *

ГЛАВА 6.

Но Божеству собственно принадлежатъ сила надзора надъ существами и дѣйственность. Посему, кто имѣетъ въ себѣ, чего желалъ, тотъ самъ дѣлается надзирателемъ и прозираетъ въ естество существъ. Потому третьему отдѣлу псалмопѣнія положено такое начало, на основаніи котораго писаніе (Псал. 72) изслѣ-

дуетъ наибаче, какимъ образомъ правда суда Божія сохранится при видимомъ житейскомъ безурядствѣ, когда всего чаще не по достоинству произволеній достается людямъ благоденствіе въ настоящей жизни; потому что въ одномъ и томъ же нерѣдко можно усмотрѣть двѣ крайности, а именно: человѣкъ дошелъ до послѣдней ступени порока, и стоитъ на самомъ верху благоденствія. Иный, смотря на него, колеблется какъ-то мыслию: не лучше ли для естества человѣческаго то, что называется худшимъ? И напротивъ того не худо ли то, что причисляется къ долѣ лучшаго? Ибо, если справедливость хвалится, но ревнующій о ней живетъ несчастно: оуждается же порокъ, но возревновавшимъ о немъ доставляетъ достаточное наслажденіе всѣмъ, что желательно для людей; то почему должно признать, что выборъ восхваляемой добродѣтели предпочтительнѣе для жизни осуждаемаго порока? Посему, кто возвышенъ разумомъ, и какъ бы съ высокой какой башни простираетъ око на отдаленные предметы, тотъ видитъ, въ чемъ состоитъ разность порока и добродѣтели, а именно, что судъ о нихъ совершается не по настоящему, но по послѣднему. Ибо кто дальновиднымъ и прозорливымъ окомъ души, какъ настоящее, уразумѣвъ то, что въ упованіи уготовано добрымъ, оставляетъ въ сторонѣ все видимое, проникаетъ же душою внутрь

небеснаго святилища, тотъ посмѣвается не-разсудительности людей, судъ о прекрасномъ малодушно предоставляющихъ чувственности. Посему псалмопѣвецъ говоритъ: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Пса. 72, 25). Въ той же части псалмовъ, съ удивленіемъ возвеличивая и превознося слово небесное, а что на землѣ, и вождѣнно очамъ несмысленныхъ, то презрительно и съ осмѣяніемъ уничижая и представляя отвратительнымъ, подобно тому, какъ если кто изъ родившихся въ темницѣ тотъ мракъ, въ которомъ воспитанъ и выросъ, почитаетъ великимъ, нѣкимъ благомъ, потомъ, вкусивъ пріятности быть подъ открытымъ небомъ, оуждаетъ прежнее свое сужденіе, говоря: какимъ зрѣлищамъ солнца и звѣздъ и всей небесной красоты, по невѣдѣнію лучшаго предпочиталъ я привычный мнѣ мракъ, и псалмопѣвецъ потому же самому оуждаетъ въ словѣ неразсудительное мнѣніе о прекрасномъ, говоря о себѣ, что онъ былъ *скотенъ* (22), пока видѣлъ благо только въ земномъ. Но когда сталъ съ Богомъ (Богъ же Слово), и наставленъ на правый путь, а вождемъ для него дѣлается правое совѣтомъ Слово, и увидѣлъ въ добродѣтели славу, какою бываюгъ восхищаемы обращающіе взоры къ небу; тогда употребляетъ оныя реченія, изъ которыхъ одно всякое у людей благо вмѣняетъ въ нѣкое

чудо, а другое съ презрѣніемъ отзывается о ничтожествѣ и суетности обманчивой заботы о жизни. Все же изреченіе таково: псалмопѣвецъ говорить: *скотенъ былъ у Тебе (22)*, означая таковыми словами неразумное пристрастіе. Потомъ присовокупляетъ: *и азъ выну съ Тобою (23)*. Сказавъ же сіе, указываетъ и способъ единенія съ Богомъ, чтобы и мы дознали, какъ тотъ, кто прежде былъ *скотенъ*, послѣ сего вступаетъ въ единеніе съ Богомъ; ибо говорить: *удержалъ еси руку десную мою (23)*. Божіею помощію называетъ направление разумнія къ дѣламъ правымъ. *И совѣтолъ Твоимъ наставилъ мя еси (24)*; потому что наставленіе къ прекрасному не бываетъ безъ Божія совѣта: *и со славою пріялъ мя еси (24)*. Прекрасно стыду противопоставляетъ славу, которая какъ бы нѣкоею колесницею и крыломъ служить для пріемлемаго подъ Божію руку, какъ скоро отчуждить кто себя отъ дѣлъ постыдныхъ. И такимъ образомъ псалмопѣвецъ присовокупилъ къ сказанному: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣлъ на земли?* Такъ конечно поступаютъ доннѣшніе многіе изъ людей, хотя въ ихъ власти и таковыя блага на небѣ, однако же признаютъ они достойнымъ молитвы просить себѣ у Бога сихъ мечтательныхъ оболещеній, владѣнія чѣмъ нибудь, или почести, или богатства, или жалкой этой ничтожной славы, за какою

съ безуміемъ гоняется человѣческій родъ. А приобрѣтающій блага небесныя въ слѣдъ за тѣмъ присовокупляетъ: *мнѣ же прильпятся Богови благо есть, полагати на Господа упованіе мое* (28), показывая, что нѣкоторымъ образомъ тотъ входитъ въ единеніе съ Богомъ, кто прильпится къ Нему упованіемъ, и дѣлается съ Нимъ едино.

ГЛАВА 7.

И такъ, въ третьемъ отдѣлѣ, по совершеніи таковаго восхожденія въ высоту, до такой мѣры вознесенный мыслию и вступивъ еще на высшую степень, человѣкъ дѣлается самъ себя больше и выше въ четвертой части, какъ бы, подобно Павлу, восшедши на третіе нѣкое небо и ставъ выше пройденныхъ до толъ высотъ; потому что вступаетъ туда, не какъ простой человѣкъ, но какъ прильпившійся уже къ Богу и вступившій съ Нимъ въ единеніе. Слово же, начиная слѣдующую часть, говоритъ такъ: *молитва Моисею, человеку Божию* (Иса. 89, 1). Ибо таковъ уже этотъ человѣкъ, что не самъ назидается закономъ, но для другихъ дѣлается истолкователемъ закона. Таковъ былъ оный великій Моисей, о которомъ слышимъ, что добровольно отвергъ онъ царское достоинство, какъ бы нѣкій прахъ, отрясенный ступнею ногъ (Евр. 11, 24—27)

будучи сорока лѣтъ, отлучилъ себя отъ общенія съ людьми, и живя одинъ самъ съ собою, въ безмолвіи неразвлекаемо погружался въ созерцаніе невидимаго; послѣ чего озаренъ былъ свѣтомъ неизреченнымъ (Исх. 3, 2), и отрѣшилъ душевныя стопы отъ кожаной и мертвой обуви; египетское войско и мучители истребилъ одна за другою послѣдовавшими казнями, Израиля же отъ мучительства освободилъ свѣтомъ и водою. Для него послѣ Египта все время было однимъ непрерывнымъ днемъ, потому что ночь не отемняла его мракомъ (ф), по дневномъ шествіи сіяніе лучей смѣнялъ другою свѣтъ, снова возсіявавшій изъ облака, такъ что, хотя по необходимому круговращенію скрывалось отъ нихъ солнце, однако же оставался непрерывный и непреерственный свѣтъ отъ сіянія столпа, безъ промежутка времени (х) слѣдовавшій за сіяніемъ лучей солнечныхъ. Горькую и непіемую воду усладилъ онъ деревомъ, и камень для жаждущихъ претворилъ въ источникъ, за земную пищу вознаграждалъ небесною; острозрителемъ былъ въ Божественномъ мракѣ, и видѣлъ въ

(ф) Сдѣланное въ переводѣ дополненіе читается въ изданіи Паралогіи Paris 1858 г. и въ синодальныхъ рукописяхъ NN 434 и 289.

(х) По рукописи N 71 читается: *ἀδίατος*

немъ Невидимаго, описалъ нерукотворенную скиню, достойно уразумѣлъ украшеніе священства, пріялъ богописанныя скрижали, и по сокрушеніи ихъ, истесалъ снова, носилъ на лицѣ знаменія явившейся ему Божіей силы, и свѣтлостію лица, какъ бы нѣкимъ сіяніемъ лучей, заставлялъ отвращать взоры недостойныхъ съ нимъ встрѣчи, осудилъ на сожженіе огнемъ и на поглощеніе землею возставшихъ противъ священства, истребилъ поругавшихъ Божественную благодать, волхвованіе Валаамово обратилъ въ благочестіе; и кончина его, какъ повѣствуется, была выше жизни; взошедши на вершину горы, ни слѣда, ни памяти земной скорби не оставилъ онъ міру, отъ времени не перемѣнилъ прекрасныхъ чертъ лица, но въ измѣняемомъ естествѣ сохранилъ неизмѣнность красоты. Онъ-то служитъ началомъ въ четвертомъ восхожденіи, и вмѣстѣ съ собою возноситъ того, кто, пройдя уже три указанныя прежде степени, содѣлался великимъ. Ибо кто на сей высотѣ, тотъ нѣкоторымъ образомъ стоитъ на общемъ предѣлѣ измѣняемаго и неизмѣняемаго естества, и соотвѣтственно сему посредствуетъ между крайностями, Богу принося моленія за измѣнявшихся по причинѣ грѣха, помилованіе же передавая отъ Превысшей власти имѣющимъ нужду въ помилованіи. Почему и изъ сего можемъ дознать, что, чѣмъ болѣе далекъ кто отъ

перстнаго и земнаго, тѣмъ паче приближается къ Естеству. превосходящему всякій умъ, и благотворностію уподобляется Божеству, дѣлая то, что свойственно естеству Божественному; свойственнымъ же называю благотворить всякому, имѣющему нужду въ благотвореніи, въ той именно мѣрѣ, въ какой то для него потребно.

Такую мысль нашелъ я въ этомъ псалмопѣніи, имѣющемъ сіе надписаніе: *молитва Моисею человеку Божію*. Поелику надъ человѣчествомъ возобладало зло грѣха, и отторгнутое отъ единенія съ добромъ, погрязло оно въ противоположныхъ страстяхъ, и возымѣло нужду въ чемъ либо ходатайствѣ предъ Могущимъ воззвать его изъ погибели; то мѣсто ходатая заступаеть Божій человѣкъ, испрашивающій извиненія паденію соплеменныхъ и преклоняющій Божество на милость къ погибшимъ. Ибо немедленно какъ бы оправдывается предъ внемлющимъ ему, и говоритъ, что одному Богу свойственно быть твердымъ во всякомъ добрѣ и всегда одинаковымъ, челоѳчество же подлежить превратности и измененію, никогда непробываетъ въ томъ же, восходитъ ли къ лучшему, отпадаетъ ли отъ общенія съ лучшимъ. Посему просить, чтобы непреложное содѣлалось приѣжищемъ во спасеніе блуждающему во всякомъ родѣ.

Вотъ точныя слова псалма: *Господи приѣжь-*

жище былъ еси намъ въ родъ и родъ (Пса. 89, 2.). Почему это сказано? Потому, продолжаетъ, что Ты прежде твари, объѣмлешь все вѣчное протяженіе отъ того мгновенія, когда естество вѣка воспріяло свое начало, и до того мгновенія, когда придетъ конецъ; конецъ же нескончаемаго безпредѣльности: *прежде даже юрамъ не быти и создатися земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка*, говоритъ псалмопѣвецъ, Ты еси (3). А человѣческой родъ, по измѣняемости своего естества съ высоты благъ совлеченный до низости и поползновенности грѣха, унизился. Посему, говоритъ Пророкъ, Ты, Непокосимый, простри руку поползнувшемуся. Чѣмъ Ты по естеству, тѣмъ пребывая и для насъ, съ той высоты, какая у Тебя, *не отврати человека во смиреніе грѣха* (4). Потомъ Пророкъ дѣлается служителемъ Владычнаго слова, и произноситъ человѣколюбивое изреченіе, говоря: потому что *и рекъ еси: обратитесь сынове челоувчестіи* (4). А такое слово заключаетъ въ себѣ особенное ученіе; ибо обращено къ естеству, и въ немъ предлагается врачевство отъ золь. Поелику вы, говоритъ оно, будучи измѣнчивы, уклонились отъ добра, то воспользуйтесь обращеніемъ снова къ добру; и откуда низпали, туда опять возвратитесь; такъ какъ въ произволеніи людей свободно избирать для себя (ц), что хо-

(ц) По рукописамъ читается: *τὸ ἐπιτοὺς νέμειν*.

тять, доброе ли то, или дурное. Послѣдующее за симъ содержитъ другое ученіе. Ибо сказано: *яко тысяща лѣтъ предъ очима Твоима Господи яко день вчерашній, иже мило иде. Уничженія ихъ лѣта будутъ* (5. 6.). Чему же научаемся изъ сего догматически? Тому, что для приступающаго по обращеніи снова къ добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрѣшеній, скопленіе злыхъ дѣлъ кажется подобнымъ тысящѣ лѣтъ; но какъ скоро онъ обратился, Богъ ни во что ему невмѣняетъ сего; потому что Божіе око взираетъ всегда на настоящее, не вмѣняетъ же прошедшаго; напротивъ того признается сіе у Бога за одинъ день, или за часть ночи (ч), которые прошли и миновались. Порочный же поступокъ въ настоящемъ, хотя согрѣшающими ставится онъ въ ничто, предъ очами Божіими тоже, что множество лѣтъ. Ибо сказано: *уничженія ихъ лѣта будутъ*. Прекрасно же и прилично Пророкъ прегрѣшенія именуетъ *уничженіями*; потому что дѣлающій худое обыкновенно какъ-то погрѣшительный свой поступокъ почитаетъ за ничто, и для каждаго злаго дѣла находитъ какія-либо оправданія, такъ что о каждомъ готовъ сказать: и похоть ничто, и гнѣвъ ничто, и все сему подобное ничто; по-

(ч) По рукописи N 71 читается: *ἀντὶ μίας ἡμέρας ἢ μέρους ἡμέρας*.

тому что это движенія естества, а естество Божіе дѣло. Посему не признаетъ ничего этого (ш) чѣмъ либо худымъ и Назирающій жизнь человѣческую. Потому и Пророкъ говоритъ, что *уничиженія ихъ*, когда они еще въ произволеніи дѣлающаго, а неминовались, въ очахъ Божіихъ признаются каждое за множество лѣтъ. А чтобы паче преклонить Бога на милость, Пророкъ снова изображаетъ словомъ скоротечность естества нашего. Ибо, въ примѣрѣ представляя сіе взору, ясно сказуетъ, что надлежитъ думать о бѣдности нашего естества, объ утрѣ и вечерѣ, то есть, о юности и старости; утромъ трава, и цвѣтъ, и появленіе въ свѣтѣ. А что остается послѣ сего, когда съ возрастомъ истощилась влага, растеніе отцвѣло, и сродная красота исчезла? **сухость и увяданіе**. Ибо такъ говоритъ слово: *утро, яко трава мимо идетъ, утро процвѣтаетъ, и преидетъ* (ш), *на вечеръ отпадетъ, ожестыетъ и изсхнетъ* (б). Вотъ естество человѣческое! Въ послѣдующихъ же за симъ словахъ Пророкъ еще болѣе оплакиваетъ человѣчество, говоря, что гнѣвомъ истощается жизнь человѣческая, какъ бы вѣтромъ какимъ, **обуреваемая** прираженіемъ ярости. Явно же,

(ш) По рукописамъ читается: *тѣ*, а не *тѣс*.

(ш) Такъ читается въ синод. рукописяхъ.

что гнѣвомъ и яростию означаетъ ту мятежную дѣятельность, отъ которой у людей происходитъ какъ оскудѣніе жизни, такъ и смятеніе покоющагося. Выражено же сіе такъ: *яко исчезохомъ гнѣвомъ Твоимъ, и яростию Твоею смутихомся* (7). И въ слѣдъ за тѣмъ къ словамъ симъ присовокупляетъ, что человѣческому пороку не прилично дѣлаться зрѣлищемъ для Бога, и пречистому лицу не долженъ являться оскверненный грѣхами вѣкъ нашъ; объясняя же такую мысль словами, выражается такъ: *положилъ еси беззаконія наша предъ Тобою* (8). Если иной приведетъ въ большую ясность рѣчь сію, дополнивъ словомъ: для чего?—то смыслъ изреченія будетъ таковъ: Тебѣ прилично имѣть предъ очами хорошее; а незаконное не достойно того, чтобы Тобою было видимо. Посему сдѣлай человѣчество таковымъ, чтобы небыло оно не достойнымъ Твоего ~~взрѣнія~~. а напротивъ того, вѣкъ нашъ сталъ достойнымъ явиться предъ Тобою. А что съ нами теперь, то *все дніе наши оскудѣша* (9); потому что не быть въ Тебѣ значить вовсе небыть (ъ): надъ кѣмъ невозможно владычество гнѣва, жизнь тѣхъ не состоятельна, походить на тѣнь, пободна паутинной

(ъ) Дополненное въ переводѣ читается въ изданіи Патрологин Paris 1858 и въ рукописяхъ Синодальной библіотеки.

ткани. Какъ она бываетъ видна, пока остается связною; но, если кто наложить руку, немедленно, отъ прикосновенія перстовъ распавшись, уничтожится: такъ и жизнь человѣческая, не состоятельными усиліями, какъ бы изъ воздушныхъ вѣтрихъ нитей всегда соплетаемая, напрасно старается соткать себѣ (ы) ткань неосуществимую, которой если коснется кто твердымъ помысломъ, то избѣжить прикосновенія и обратится въ ничто сей напрасный трудъ; потому что все чего домогаются въ этой жизни, есть мечта, а не существенность. Мечта—честь, достоинство, родъ, надменіе, пышность, богатство, и все сему подобное, въ чемъ поучаются науки этой жизни. Потому то все подобное имѣетъ нужду въ уврачевателѣ Богѣ. Таковъ, думаю, смыслъ сказаннаго тѣмъ, кто говоритъ: *дніе мѣтъ нашихъ въ низше сѣдмьдесятъ мѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ мѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (10), не потому, что для живущаго сверхъ этой мѣры жизнь многоболѣзненна, но потому что и сей столько краткой жизни большая часть проходитъ въ трудѣ и болѣзни: младенчество — болѣзнь, юность — трудъ, жизнь въ срединѣ болѣе изобилуетъ болѣзнями, а старость самую сѣдиною и морщинами пре-

(ы) По рукописямъ читается: *дѣтъ*.

имущественно свидѣтельствуеть о множествѣ трудовъ.

Пророкъ примышляетъ и другой еще способъ, которымъ бы Божество могло быть умиловлено къ людямъ; смыслъ же сказуемаго таковъ: бремя грѣховъ нашихъ навлекаеть великое наказаніе, но состоятельность естества нашего маломощна, и не вынесеть гнѣва, заслуженнаго прегрѣшеніями. Но когда налагаемое на насъ въ наказаніе было бы сносно, тогда и сего достаточнымъ оказалось бы для вразумленія претерпѣвающихъ. Поэтому, если и легкаго воздаянія будетъ довольно для вразумленія и наказанія, кто выдержитъ державу гнѣва? Или какое число возможетъ измѣрить страхъ ярости? Посему, если гнѣвъ не выносимъ, сносенъ же образъ дѣйствія, соединенный съ человѣколюбіемъ; то *десницу Твою тако скажи намъ*, чтобы дѣлаемое Тобою намъ вразумленіе могли мы принять, какъ дѣло премудрости, а не какъ наказаніе (б). Такъ послѣ изложеннаго нами напередъ смысла, умѣстно будетъ привести и самыя богодухновенныя рѣченія, которыя читаются такъ: *яко прииде кротость на ны, и накажемся. Кто вѣсть державу гнѣва Твоего? и*

(б) Въ Патрологіи, Париж. 1858 г. и въ рукописяхъ вмѣсто: *δουκ ἐν τῇ μισρίᾳ* читается: *οὐκ ἐν τιμωρίᾳ*.

отъ страха Твоего ярость Твою исчисти? Десницу Твою тако скажи ми, и окованныя (Ѣ) сердцемъ въ мудрости обрати (10. 11. 12.). Прекрасно же и то изреченіе, которое непосредственно за симъ присовокуплено къ сказанному. Пророкъ говоритъ: по немощи естества, величіе гнѣва, какое движеть на насъ грѣхъ, не выносимо, между тѣмъ имѣемъ нужду во вразумленіи: да вразумитъ же насъ лучше спасеніе посредствомъ обращенія, нежели наказаніе по грѣхамъ нашимъ. Потому обрати насъ Господи, — ни мало не отлагая сего до временъ благодати: ибо словомъ: *доколь* означаетъ ускореніе благодати. И продолжаетъ: *умоленъ буди на рабы Твоя (—13);* потому что примиришься не съ чужими, но съ собственными Своими рабами, потомъ, какъ сподобившійся уже благодати и увидѣвшій оный свѣтъ, которымъ просвѣщается тма блуждающихъ въ жизни сей, и которымъ начинается день добродѣтельной жизни, говоритъ: *исполнихомся завтра милости Твоея, и возрадовахомся и возвеселихомся: во вся дни наша возвеселихомся (э) (14. 15.),* потому что радость, почерпаемая въ Тебѣ, послѣдовала за временемъ, проведеннымъ въ униженіи грѣха, и лѣта порока мино-

(Ѣ) Въ рукописяхъ: *τους πεπεδημένους.*

(э) Такъ читается по рукописямъ.

вались. Такъ разумѣемъ сказанное: *за дни въ няже смирилъ ны еси, лѣта въ няже видѣхомъ злая* (15). Такъ ободряетъ просвѣщаемыхъ обращеніемъ, называя чадами дѣлъ Божіихъ; ибо говоритъ: *призри на рабы Твоя, и на дѣла Твоя* (16); указываетъ на произшедшихъ отъ Авраама патріарховъ, потому что они въ подлинномъ смыслѣ дѣла Божіи;—*и настави сыны ихъ* (16), ибо, совершающіе дѣла Авраамовы дѣлаются чадами патріарховъ, за добродѣтели присвоаемые въ родство ими. Потомъ напоследокъ посредствомъ чистоты соединяетъ Бога съ человѣчествомъ, умоляя, чтобы свѣтлость Божія посредствомъ чистой жизни возсіяла и въ нашемъ мірѣ; ибо говоритъ: *буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ* (17); чтобы всѣ начинанія жизни нашей приносили спасительный плодъ, и все, что ни дѣлаемъ, клонилось къ одной цѣли. Потому, сказавъ во множественномъ числѣ: *и дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ*, подъ словомъ: *дѣла* совокупивъ многое, продолжаетъ: *и дѣла рукъ нашихъ исправи*; потому что разнообразная и многовидная попечительность о добродѣтеляхъ дѣлается многомошною, доставляетъ спасеніе преуспѣвающему.

Такъ Пророкъ разумѣніе восходящихъ съ нимъ вмѣстѣ возносить на четвертую степень псаломскаго восхожденія, и поставляетъ выше всякой суеты, о какой заботятся многіе въ настоящей жизни, показывая имъ, что подоб-

ная паутинѣ и несостоятельная вещественной жизни обольстительность не приводитъ осуетившихся ни къ какому доброму концу (ю).

ГЛАВА 8.

Въ слѣдъ за симъ способнаго идти за нимъ до высоты и твердымъ крыломъ расторгшаго смепенія житейскихъ паутинъ Пророкъ въ пятой части псалмовъ возводитъ, какъ бы на жакую вершину, на высочайшую степень созерцанія. Едва опушившіеся и неокрѣвшіе при слабомъ и не быстромъ полетѣ, подобно мухамъ, лакомясь липкостями настоящей жизни, какъ мрежами какими, оплетаются и опутываются сѣтлю таковыхъ нитей, разумью, забавы, почести, славу и различныя пожеланія, и какъ бы обернутые паутиными какими тканями, дѣлаются добычею и пищею этого звѣря, уловляющаго ихъ такими вещами. А если кто по естеству быстръ, какъ орелъ, не уклоннымъ окомъ души взираетъ на лучъ свѣта, и, простираясь въ высоту, приблизится къ такимъ паутинымъ тканямъ; то при одномъ взмахѣ крыль въ стремительности полета уничтожаетъ все сему подобное, что ни приблизилось бы къ крыламъ. И таковаго возвышенный Пророкъ, восхитивъ

(ю) По двумъ синод. рукоп. XVI в. читается: *дѣдѣн*.

съ собою, ведетъ на вершину пятаго восхожденія, въ которомъ заключается какъ бы вся полнота и главизна человѣческаго спасенія, ибо въ объясненномъ выше псалмѣ словами Моусесвыми изложивъ пространно любомудрое ученіе объ измѣняемомъ и неизмѣняемомъ, и именно, что одно всегда пребываетъ тѣмъ, что оно есть, а другое непрестанно дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно не есть; потому что измѣненіе есть переходъ изъ того, какимъ есть, въ то, какимъ не есть, и показавъ, что естество наше свободно одною и тою же силою, какъ низпадаетъ во зло, такъ чрезъ обращеніе снова возводится къ добру, и потому возможно свѣтлости Божіей снова возсіяты въ жизни человѣческой, теперь открываетъ въ словѣ всю благодать, подаваемую намъ Богомъ, многообразно представляя ее взору тѣхъ, которые съ высоты смотрятъ на чудеса Божіи. Ибо не удовольствовался тѣмъ, чтобы въ одномъ видѣ показать благодать, а напротивъ того въ различныхъ видахъ изображаетъ бѣдствія, въ какія впали мы, по склонности къ злу, и многообразно описываетъ оказываемое намъ Богомъ содѣйствіе въ добрѣ, чтобы преизбыточествовали поводы къ благодаренію, когда по мѣрѣ благъ избыточествуеть благодарность къ Богу.

Начиная слово, Пророкъ немедленно говоритъ: *исповѣдайтесь Господеву, яко благъ, яко*

въ *вѣкѣ* милость Ею (Пса. 106, 1.), подъ
 исповѣданіемъ разумѣя теперъ благодареніе,
 а не возвѣщеніе, повелѣваетъ за одну един-
 ственно благодать прославлять Бога, означая
 симъ то, что все доброе и спасительное, содѣ-
 ланное для людей Богомъ, совершено по бла-
 годати и *благодати*, а нами не подано ни какой
 причинѣ, къ оказанію намъ добра. Напротивъ
 того мы пребываемъ во всякомъ порокѣ,
 Богъ же не отступаетъ отъ собственного
 Своего естества, но что Онъ есть, то и тво-
 рить; такъ какъ благому по естеству не есте-
 ственно было бы содѣлать что-либо иное,
 кромѣ свойственнаго Ему. *Да рекуть*, говоритъ
 Пророкъ, *избавленіи Господель, изже избави*
изъ руки врага, и отъ странъ собра ихъ, отъ
востокъ, и западъ, и съвера, и моря (2. 3.).
 Слово *благовѣствуетъ* сіе о всецѣломъ возвра-
щеніи къ добру человѣческаго рода; ибо въ
 семъ изреченіи словомъ *избавленіе* означаетъ
 воззваніе изъ плѣненія. Богъ же въ искупле-
 ніе за одержимыхъ смертію Себя Самаго далъ
 имѣющему державу смерти. И поелику всѣ
 были подъ стражею смерти; то, какъ очевидно,
 всѣхъ искупаетъ сею цѣною, такъ что по со-
 вершеніи искупленія цѣлаго рода, никто не
 оставленъ подъ владычествомъ смерти; потому
 что и невозможно кому нибудъ пребывать въ
 смерти, когда нѣтъ уже смерти.

Посему слово, цѣлую вселенную раздѣливъ

по положенію на четыре части, ни единой изъ нихъ не оставило не участвующею въ Божіемъ избавленіи, и говоритъ: *отъ востока и запада, и сѣвера и моря*, моремъ означая югъ. Посему, вкратцѣ представивъ благотворность, съ какою Богъ дѣйствовалъ на весь человѣческій родъ, послѣ сего въ нѣсколько приемовъ описываетъ паденіе людей въ зло и Божіе руководство каждаго изъ падшихъ къ лучшему, говоритъ же такъ: *заблудиши въ пустыни безводныи* (4), т. е. оставивъ путь (а путь есть Господь), блуждали внѣ Божія надзора въ пустынѣ, которая вся была (я) суха, не увлажнена и лишена духовнаго орошенія. А посему блуждая, гдѣ не проложено пути, не возмогли обрѣсти града Божія, въ которомъ обитель достойныхъ. Ибо сказано: *града обительнаго не обрѣтоша: алчуще и жаждуще* (4. 5). Какъ скоро отъ недостатка пищи оскудѣла ихъ сила, зло въ нихъ достигло высшей степени. Да и какъ быть пищѣ въ землѣ иссохшей и безплодной? Чѣмъ утолить жажду въ мѣстѣ безводномъ? Явно же, что пророчество называетъ не хлѣбъ пищею, и не воду питіемъ, а подъ пищею разумѣтъ истинное *брашно* и подъ питіемъ *духовное* оное *пиво* (1 Кор. 10, 3. 4). А тѣмъ и другимъ бываетъ Господь, предлагая Себя, соотвѣтственно нуж-

(я) По рукоп. N 71 вмѣсто *ѡ*, читается: *ѣ*.

дѣ требующихъ и дѣлаясь пищею для алчущихъ, и источникомъ для жаждущихъ. Посему какое нашлось избавленіе отъ таковой тѣсноты, отъ скитанія по пустынѣ, отъ бѣдствованія въ странѣ безводной, отъ разслабленія производимаго голодомъ? Подлинно чудо! Одинъ гласъ, обращенный къ Богу, претворилъ все въ добро. Ибо сказано: *воззваша ко Господу, внигда скорбѣти имъ, и отъ нужды ихъ избави я: и настави я на путь правъ, вни-ти во градъ обительный* (Псал. 106, 6, 7). Путемъ, отъ котораго уклонились, Пророкъ называетъ Самаго Господа. Путь же сей говорить въ Евангеліи: ни кто не приходитъ ко Мнѣ, если Отецъ Мой не восхощетъ привлечь его (Юан. 6, 44). Посему Богъ изводитъ на путь заблудшихся, и Онъ Самъ дѣлается *градомъ обительнымъ*, какъ говорить Апостолъ: *о Немъ живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28). Посему Пророкъ сподобившимся сихъ милостей кстати присовокупляетъ увѣщаніе воздать благодареніе: *да исповѣдаются Господеву милости Его, и чудеса Его сыновомъ человеческимъ* (Псал. 106, 8), то есть, благодаренія да не скрываютъ въ молчаніи по непризнательности, но да съ благодареніемъ провозглашаютъ милость, по которой Богъ душу *тишу* содѣлалъ исполненною благъ: ибо Пророкъ говорить: *насытилъ есть душу тишу, и душу алчущу исполни благъ* (9).

Пророкъ еще другимъ способомъ представляетъ взору бѣдствія нашего естества, и изображаетъ Божіе человеколюбіе, по которому естество наше уготовляется къ лучшему. А смыслъ сказуемаго Пророкомъ таковъ: человѣчество, удалилось отъ свѣта, и склонилось ко грѣху, и не въ прямомъ уже оно положеніи, но отчуждено отъ жизни истинной. Ибо сказано: *сѣдящія во тлѣ и снѣи смертнѣи, окованныя нищетою и желѣзомъ* (10). Удерживаемое тяжкими оковами стало человечество недвижимо изъ области зла; оковами же служить обнищаніе въ добрѣ, подобно какому-то желѣзу, обложившее собою сердца. И началомъ всему этому было непослушаніе Божію закону, и отверженіе совѣта Всевышняго. Сіе означаетъ Пророкъ, говоря: *яко преогорчиша словеса Божія, и совѣтъ Вышняго раздражиша* (11). За симъ жизнь таковыхъ людей, какъ и естественно, постигли трудъ и смиреніе. Трудъ, какъ лишившихся пищи, смиреніе, какъ невосхотѣвшихъ пребывать въ единеніи съ Всевышнимъ; ибо Пророкъ говоритъ: *смирися въ трудѣхъ сердце ихъ* (—12), а оставленіе силы (е) не иное что есть, какъ изнеможеніе; потому что найдется ли какая помощь безъ силы, почему и сказано: *изнемогоша, и не бѣ*

(е) Такъ читается по рукописямъ и по изданію Патрологіи.

помогаей (12). Но Пророкъ опять однимъ словомъ бѣдствіи сія премѣнилъ въ веселіе; ибо говоритъ: *воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ спасе я* (13). И уничтожаетъ тму, сокрушаетъ смерть, расторгаетъ узы (v). *Изведе я, сказано, изъ тмы, и съни смертныя, и узы ихъ растерза* (14). А посему, продолжаетъ Пророкъ, да проповѣдуется съ благохваленіемъ милость, что сокрушена неизбѣжная стража смерти, огражденная, какъ говоритъ Пророкъ, вратами мѣдными и верями желѣзными (a). Ибо таковою почитаема была сила смерти, пока явленіемъ жизни (б) истинной не уничтожена держава смерти, потому что все, находившееся внутри оной, оставалось не имѣющимъ возможности бѣжать, задерживаемое какъ бы какими-то желѣзными верями и несокрушимыми вратами. Но *сокруши, сказано, врата мѣдная, и верей желѣзныя сломы* (16). А сіе значить, что путь беззаконія ихъ уничтожень и жизнь приуготована къ бла-

(v) По рукописи N 71 читается: сокрушаетъ заблужденіе, расторгаетъ узы невѣрія.

(a) По рукописи N 71 сіе читается: что сокрушено заблужденіе идолослуженія, на подобіе мѣдныхъ вратъ и желѣзныхъ верей, удерживающее впадшихъ въ него.

(б) По той же рукописи читается: и такую почитаема была смертоносность его (заблужденія), пока съ появленіемъ жизни истинной не уничтожена его держава и пр.

гочестию; и уничтоженіемъ оныхъ вратъ означается возвращеніе жизни къ праведности, ибо сказано: *воспріятъ я отъ пути беззаконія ихъ* (17).

Пророкъ и иначе еще изображаетъ въ словѣ бѣдственное состояніе человѣчества; выражаетъ же ту мысль, что беззаконіе есть смиреніе. И говорить это прекрасно; потому что съ таковымъ понятіемъ согласуется одно мѣсто у другаго Пророка, который говоритъ о беззаконіи, что сидитъ оно на талантѣ свинца, (Зах. 5, 7. 8), показывая тѣмъ, что порокъ есть что-то тяжелое и стремится въ низъ, а чтó, по подобію Божію, на высотѣ, то увлекаетъ въ свою бездну; ибо сказано: *беззаконій бо ради своихъ смиришиа* (Пса. 106, 17), и потому отвратились отъ всесильной оной пищи, о которой слово сказуетъ перевозданнымъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съдѣю съиси* (Быт. 2, 16). Какъ полноту всякаго блага именуетъ тамъ оно *всякимъ древомъ*, такъ здѣсь истинную и всесильную съдѣ именуетъ *всякимъ брашномъ*, отвращеніе отъ котораго производитъ изнеможеніе, оканчивающееся смертію. Сказуетъ же такъ: *всякаго брашна возмрушиа душа ихъ, и приближишиа до вратъ смертныхъ* (—18). И гласъ къ Богу снова бѣдствіе сіе обращаетъ въ торжество; ибо сказано: *воззваша ко Господу внегда скорбыти имъ,*

и отъ нужды ихъ спасе я (—19). Пророкъ пересказываетъ и образъ спасенія, и это сказаніе есть прямое Евангеліе. Ибо говоритъ: *посла Слово Свое, и исцѣли я, и избави я отъ растльнй ихъ* (—20). Видишь живое и одушевленное Слово, во спасеніе погибшихъ посылаемое и избавляющее отъ тлѣнія подвергшагося тлѣнію! Какой Евангелистъ такъ открыто провозгласилъ сіе таинство? Посему да восхваляется, сказано, мѣдость испытанными на себѣ благодѣяніе, и хвала за благодѣяніе да содѣляется пѣснопѣніемъ. *Да пожрутъ Ему жертву хвалы, и да возвьстятъ дѣла Его въ радости* (—22). Послѣ сего снова представляетъ Пророкъ страданія, и снова послѣ страданій присовокупляетъ слово о Божіей милости. Сказуетъ же о безразсудствѣ людей, что оставивъ постоянную и неволненную человѣческую жизнь, по произволенію содѣлались жителями моря. Ибо говоритъ: *сходящии въ море въ корабляхъ* (—23), и вмѣсто того, что бы *дѣлати рай* (Быт. 2, 15), въ которомъ прежде были поставлены, *творящии дѣланіе* подъ водами. Моремъ же называетъ вещественную эту жизнь, возмущаемую всякими вѣтрами искушеній, и волнуемую одна за другой непрестанными страстями. Ибо говоритъ: *творящии дѣланія въ водахъ многихъ: тѣмъ видѣши дѣла Господня, и чудеса Его во глубинѣ* (Иса. 106, 23. 24); потому что, будучи погружены

въ порочность жизни (в) и многократно претерпѣвая жестокия душевныя крушенія, видѣли надъ собою дѣла челоуѣколюбія Спасающаго насъ изъ глубинъ. Ибо сказано: *рече, и ста духъ буренъ* (—25). Сію мысль относить должно не къ Богу, а ко врагу; потому что голосъ сопротивника производитъ *духъ буренъ*. И бурю называется сильный вѣтеръ, непрямо дующій, но кружащійся сильнымъ вихремъ, который, когда стремительно ударить въ воду, море, какъ отъ какого-то брошеннаго большаго камня, сею тяжестію будучи приведено въ смятеніе (г), по необходимости разсѣкается силою дуновенія, потому что вода, гдѣ только врѣжется налегшій на нее вѣтеръ, отъ поражающей ее тяжести и здѣсь и тамъ отбрасывается вверхъ. Поэтому Пророкъ продолжаетъ ясно представлять сіи страшныя явленія, а именно, что вмѣстѣ съ тѣмъ, — какъ врѣзывается духъ бурный, возносятся волны морскія, восходя *до небесъ* и нисходя *до безднъ* (26). Ибо дѣйствительно подъятіе въ высоту такихъ волнъ, разумѣю же волны страстей, дѣлается причиною нисхожденія въ бездну. А бездною, какъ

(в) Вмѣсто: *ἐν τῇ καρδίᾳ* по рукописямъ и по изданію Патрологіи читается: *ἐν τῇ κακίᾳ*.

(г) По рукоп. N 71 вмѣсто *ἐποκλύσθη* читается: *ἰποκλύσθη*.

дознали мы, во многихъ мѣстахъ Писанія называется жилище демоновъ. Волнуемые симъ смятеніемъ и обуреваніемъ волнь, отъ омраченія дѣлаются малосмысленными, отъ неприятности такого плаванія, какъ бы отъ опьянѣнія, отяжелѣвъ головою. Ибо сказано: *смятошася, подвигошася яко пїяный* (27). Однажды же утративъ благоразуміе, не даютъ они въ себѣ мѣсто никакой мысли о спасеніи; напротивъ того мудрость ихъ прежде всего терпитъ крушеніе, и погибаетъ. Посему сказано: *и ося мудрость ихъ положена бысть* (27).

И для нихъ опять, при такомъ множествѣ золь, прекращеніемъ невыносимаго бѣдствованія бываетъ воззваніе къ Богу. Сказано: *и воззваша ко Господу внезапно скорбѣти иль, и отъ нужды ихъ изведе я* (28). И немедленно буря премѣнилась въ благопріятный и попутный вѣтеръ, и утихаетъ отъ волненія приведенное въ безмолвіе море. Сказано: *и повель бури, и ста въ тишину, и уполкоша волны его* (29). А словомъ: молчаніе Пророкъ, можетъ быть, даетъ разумѣть, что волны суть нѣкія произволеніемъ одаренныя силы, какими обнаруживаетъ себя то отступническое естество, которому Господь сказалъ въ Евангеліи: *молчи, престани* (Марк. 4, 39.). А тихимъ вѣтромъ называетъ благодать Духа, которая, при управленіи кормиломъ и плаваніемъ Слова, подъ умными вѣт-

рилами (д) вводитьъ душу въ Божественную пристань: ибо сказано: *и настави я въ пристанище хотѣнія Своего* (30). Послѣ сего Пророкъ снова повелѣваетъ людямъ и церкви пѣснословить благодать, изображая словомъ едва не настоящее состояніе церквей, а именно, что на сѣдалищѣхъ начальствующихъ проповѣдуются сіи чудеса Божіи, которыми утверждается вѣра въ слушающихъ. Ибо сказано: *да вознесутъ Ело въ церкви людскѣй, и на сѣдалищи старецъ восхвалятъ Ело* (32). Пророкъ присовокупляетъ и причины благодареній, а именно, что отъ Бога рѣки и появляются, и исчезаютъ: уничтожаются потоки порока, исходяща же добродѣтелей орошаютъ мѣста дотоѣ сухія. Ибо говоритъ: *положилъ естъ рѣки въ пустыню, и исходяща водная въ жажду* (33). Рѣками называетъ притоки страстей, и исходящими водными — непрерывные ряды худыхъ дѣлъ; потому что люди, присовокупляя всегда лукавое къ лукавому, подобно какому-то потоку, удлиняютъ цѣпь пороковъ. Но сказано еще: *и землю плодоносную обратилъ въ сланость* (34). Ибо душа, многоплодная для злыхъ дѣлъ, будучи претворена, стала жаждущею, какъ приправленная Божественною солію ученія, чтобы не умножалась болѣе порочность живущихъ,

(д) Въ рукоп. N 289 и 434 читается: *δὲ τῶν ποταμῶν ἐστὶν.*

будучи питаема дурными притоками водъ, а душа, осоленная и жаждущая, воспріавъ блаженную жажду и наводнившись собраніемъ добродѣтелей, содѣлалась озеромъ. Ибо сказано: *положилъ есть пустыню во езера водная, и землю безводную во исходяща водная* (35). И сіе-то дѣлается градомъ, который населяютъ алчущіе правды. Ибо никто изъ утратившихъ вкусъ и пожеланіе пищи, съ душою пресыщенною порокомъ, не поселяется близъ сего озера и сихъ водъ. Они же засѣваютъ *села* и насаждаютъ *винограды*. Такими загадочными наименованіями означаетъ Пророкъ Божіи заповѣди и добродѣтельное житіе; потому что заповѣдь есть сѣмя будущаго плодоношенія, а добродѣтель—виноградная лоза, изливающая вино изъ словеснымъ гроздовъ въ чашу премудрости. Сіе же не иное что есть, какъ обиліе благословенія. Посему Пророкъ говорить: *и благослови я, и умножишася злыя: и скоты ихъ не умали* (38). Скотами называетъ покорное служеніе душевныхъ движеній, когда каждое изъ нихъ въ насъ способствуетъ добродѣтели. Раздражительность — добрый скоть, когда бываетъ подъ ярмомъ разсудка. Другой добрый скоть—пожеланіе, нѣкоторымъ образомъ на хребтѣ держащее и носящее душу, даже возводящее въ высоту, какъ скоро бразды ума направлены горѣ. И всѣ прочіе скоты умножаются благословеніемъ, какъ скоро слу-

женіе ихъ намъ содѣйствуетъ чему либо великому.

Потомъ Пророкъ въ продолженіи слова излагаетъ краткую перечень всего сказаннаго. Ибо, многими чертами изобразивъ страданія и представивъ взору Божіи благодѣянія, теперь заключивъ тоже въ краткую рѣчь, снова повторяетъ въ словѣ, когда говоритъ: *и умалишиася и озлобишиася отъ скорби золъ и болъзни* (39), *умаленіемъ* означая маловажность и совершающееся съ высоты и величія низведеніе до низости; ибо малое по понятію означаетъ самое маловажное; а подъ озлобленіемъ разумѣетъ освоеніе съ зломъ. *Скорбію* же и *болъзнію* вездѣ называетъ конечную утрату благъ, какъ въ другомъ псалмѣ описываетъ подобное сему, говоря: *объяша мя болъзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя, скорбь и болъзнь обрѣтохъ* (Пса. 114, 3.). *Болъзнями смертными* и *бѣдами* назвавъ грѣхи, указываетъ и предѣлъ, къ которому окончательно приводитъ свойство грѣха, и который есть не иное что, какъ скорбь и болъзнь. Такъ Евангеліе словомъ: *плачь* и *скрежетъ зубовъ* (Матѳ. 24, 51.) означаетъ тоже самое.

Потомъ въ слѣдъ за симъ присовокупляетъ Пророкъ: *измѣся уничиженіе на князи ихъ* (Пса. 106, 40.). А тѣмъ учитъ, что быть въ Сущемъ, значитъ быть дѣйствительно; но если что отпало отъ Сущаго, то оно уже и не въ

бытіи; потому что быть въ порокѣ не значить въ собственномъ смыслѣ быть. Посему-то порокъ самъ по себѣ не существуетъ, дѣлается же порокомъ небытіе добраго дѣла. Посему, какъ тотъ, кто въ Сущемъ, пребываетъ въ бытіи, такъ, кто доходитъ до ничтожества (а таковъ порокъ), тотъ уничтожается, по выраженію Псалмопѣвца. Подобное сему словопотребленіе приведено какъ-то въ общую извѣстность обычаемъ такъ говорить. О пищѣ, принятой плотію, говоримъ, что она оплотворилась, и о винѣ, вылитомъ въ воду, что оно оводнялось, и о желѣзѣ, которое въ огнѣ, выражаемся, что оно стало огненнымъ. Такъ и о томъ, кто отпалъ отъ Сущаго, говоримъ, что онъ, пришедши въ ничтожество, уничтожился. Посему уничтоженіе есть небытіе въ добрѣ. Оно же, постигши князей порока, то есть первыхъ людей, подобно зловредному нѣкому потоку, *изліяся* и на преемниковъ рода. Посему, такъ какъ естество обнищало, лишившись сего достоянія, разумѣю жизни, чело-вѣкъ приведенъ въ бѣдность татемъ, будучи окраденъ Божія благословенія; то Пророкъ говоритъ посему: *и положе збогу отъ нищеты* (41). Ибо *Его нищетою* мы обогатились (2 Кор. 8, 9.). И Пастырь добрый *положи я*, не какъ звѣрей, но *яко овцы отечествія* (Пса. 106, 41.). Отечествомъ же именуеть Пророкъ собраніе включаемыхъ въ божественный спи-

сокъ (е), какъ и Павелъ говоритъ: *изъ Нею же всяко отечество на небесахъ и на земли именуется* (Ефес. 3, 15). Потомъ Пророкъ при-
 совокупляетъ: *узрятъ правии* и убоятся (ж) (Иса. 106. 42.), научая сказаннымъ и правого, чтобы и онъ, взирая на сіе человѣколюбіе, убоялся; потому что страхъ служить не малымъ охраненіемъ благъ, памятованіемъ прежде бывшаго для послѣдующаго времени уцѣломудривая и того, кто въ страсти. Поелику страхъ превозмогаетъ, и не даетъ въ насъ мѣста всякой наклонности къ злу, поражаемой нетвердостью воли; то сказано: *всякое беззаконіе заградитъ уста своя* (42). Какъ блаженна та жизнь, въ которой уста беззаконія, какъ нѣкій источникъ грязи, навсегда заградятся, и человѣческой жизни не будутъ уже осквернять зловоніемъ! Вотъ верхъ благъ, вѣнецъ надеждъ, предѣлъ всякаго блаженства — естеству не возмущаться болѣе порокомъ, но всякому беззаконію (а имъ можетъ быть и изобрѣтатель беззаконія, потому что и сіе можетъ означаться собирательнымъ словомъ: *всякое*) заградить тѣ уста, которыхъ гласъ первоначально содѣлался для людей снѣдію смертною. Посему, когда изъято будетъ все противополо-

(е) По рукописямъ читается: *εις τὸν θεὸν κατάλογον.*

(ж) По обыкновенному чтенію: *и возвеселятся.*

ложное добру, тогда наступитъ для насъ то состояніе, къ истолкованію котораго не найдется ни одного слова, но о которомъ свидѣтельствуесть слово Божіе, что оно выше и чувствованія и вѣдѣнія.] Къ сему Пророкъ, какъ бы нѣкую печать, прилагаетъ въ концѣ слѣдующія слова: *кто премудръ и сохранитъ сія, и уразумѣютъ милости Господни* (43). По велику дѣятельность премудрости двояка, одна изслѣдываетъ и отыскиваетъ полезное, а другая хранитъ найденное; то Пророкъ хочетъ, чтобы одно дѣло премудрости, разумѣю отыскиваніе, тогда прекратилось. Ибо къ чему исканіе, когда искомое уже у насъ? Повелѣваетъ же пребывать въ дѣйствіи одной остальной дѣятельности, чтобы могло сохраниться приобрѣтенное благо, при содѣйствіи намъ въ этомъ премудрости. Что же это за премудрость, и какое это храненіе благъ?—Не безъ разумѣнія пользоваться Божіимъ челоуѣколюбіемъ. Ибо разумѣющій, чего сподобился, не пренебрежетъ блага, котораго удостоенъ. А безъ разумѣнія приемлющій милость, терпитъ то-же, что слѣпые, которые, взявъ въ руки жемчужину, или изумрудъ, или какой либо драгоценный камень, бросаютъ, какъ простой камень, произвольно лишая себя обладанія имъ, по невѣдѣнію красоты.

ГЛАВА 9.

Сии пять отдѣленій псалмовъ, представивъ себѣ въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ бы нѣкими ступенями, одна надъ другой возвышающимися, разграничили мы по сказаннымъ признакамъ, а именно, что окончательное выраженіе каждаго отдѣла составляетъ нѣкое пресѣченіе рѣчи и основную мысль, выражающую въ себѣ предѣлъ предъидушаго славословіемъ и благодарственнымъ изрѣченіемъ, состоящимъ изъ словъ: *благословенъ Господь во вѣкъ: буди, буди* (Пса. 88, 53). Ибо имп означается нѣкое, непрестанно продолжающееся, благодареніе; потому что Писаніе, сказавъ однажды: *буди*, не заключило симъ благословенія, но двукратнымъ повтореніемъ сего реченія узаконяетъ вѣчное благодареніе. Въ каждой же части псалмовъ, распредѣленныхъ на сии отдѣлы, Писаніе дало замѣтить особое нѣкое благо, въ которомъ подается намъ отъ Бога блаженство, въ нѣкоемъ послѣдовательномъ порядкѣ усматриваемыхъ каждымъ благъ постоянно возводя душу къ высшему, пока не достигнетъ высочайшаго изъ благъ.

Это же есть хвала Богу, воздаваемая всѣми святыми (3), какъ выражаетъ мысль сію по-

(3) Слова: *ὁ μὴ ἐπί τοιοῦτος* въ рукописяхъ не читаются.

слѣдній псаломъ, говоря: *хвалите Бога во святыхъ Его* (Пса. 150, 1.), гдѣ словами: *утверженіе силы* обозначается неотъемлемость блага, и словами: *силы Божіи* дается разумѣть, что надъ естествомъ не владычествуетъ уже порокъ. Когда человѣческая сила въ состояніи наконецъ совершать хвалу *по множеству величествія Его* (2), велегласіемъ уудобляясь уже трубамъ (и), не маловажное что либо возглашая, по сказанному: *хвалите Господа во гласъ трубныхъ* (3), когда въ обилии и разнообразіи добродѣтелей подражаетъ она стройности вселенной по мѣрному складу пѣснопѣнія, дѣлается предъ Богомъ органомъ (Писаніе же въ нѣкоёмъ иносказательномъ значеніи именуется это *псалтирю и цулями* (3)); а послѣ сего, отложивъ всякое земное мудрованіе (i), все неиздающее гласа и послушанія, въ велегласіи тимпановъ, съ небесными ликами сочетаваетъ звукъ собственныхъ струнъ (струнами же, натянутыми въ органѣ, будутъ въ каждой добродѣтели непоползновенность и непреклонность къ пороку; отчего произойдетъ прекрасное созвучіе кимвала и струнъ); когда звукъ кимваловъ возбудитъ усердіе къ Божественному ликостоянію (чѣмъ, кажется

(и) По рукопис. читается: *τὰς αὐλίσσας*.

(i) Такъ читается въ рукопис. N 71.

мнѣ, объясняетъ Пророкъ связь нашего естества съ Ангелами, именно говоря: *хвалите Господа въ кимвальхъ добромасныхъ* (5), потому что таково собраніе, разумѣю... естество ангельское и человѣческое), когда человѣческое естество будетъ возведено въ первоначальный (к) свой жребій, и при взаимномъ своемъ столкновеніи издастъ сладостный гласъ благодаренія, и другъ черезъ друга и другъ послѣ друга непрестанно будутъ воспѣвать благодарность, приносимую Богу за человѣколюбіе (такъ какъ на сіе указываетъ соединеніе кимвала съ кимваломъ: одинъ кимваль есть премірное естество Ангеловъ, а другой кимваль — разумная тварь, человѣкъ, только грѣхъ раздѣлил ихъ другъ съ другомъ): посему, когда человѣколюбіе Божіе оба лика снова сопряжетъ между собою: тогда, изъ двухъ ставъ едино, возгласятъ оную пѣснь, какъ говоритъ великій Апостоль: *всякъ языкъ исповѣсть небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 10. 11.). По совершеніи сего, когда врагъ уничтоженъ, звукъ кимваловъ сихъ, издаваемый общимъ собраніемъ, провозгласитъ побѣдную пѣснь. А по конечномъ уничтоженіи и приведеніи врага въ небытіе, во вѣки вся-

(к) Слово: первоначальный дополнено по рукописямъ.

кимъ дыханіемъ равночестно совершаться будетъ непрерывная хвала Богу. Ибо такъ какъ *не красна похвала со устъхъ грѣшника* (Сир. 15, 9.), грѣшника же тогда не будетъ, потому что не будетъ и грѣха; то, безъ сомнѣнія, въ вѣкѣ томъ *всякое дыханіе* восхвалитъ Господа (6)✓

Посему таковой путь къ блаженству указанъ намъ симъ высокимъ любомудріемъ въ псалмахъ и путеводимыхъ ими на высоту возводитъ онъ всегда къ тому, что еще важнѣе и выше въ добродѣтельномъ житіи, а именно человѣку указываетъ возможность достигнуть такой мѣры блаженства, что о превышающемъ сію мѣру и разумъ не въ состояніи по какимъ нибудь догадкамъ и предположеніямъ заключить что либо, и слово не находитъ, что сказать о слѣдующемъ за нею по порядку, да и самая надежда, которая во всемъ простирается далѣе и далѣе, оставляя позади себя наше пожеланіе, какъ скоро приближается къ превышающему упованіе, остается въ бездѣйствіи, а что выше сего, то лучше чаемаго, какъ свидѣтельствуешь и самое любомудріе псалмопѣнія, усмотреннымъ въ немъ порядкомъ. Оно съ первыхъ же словъ, какъ бы нѣкую дверь и входъ въ блаженную жизнь, отверзаетъ намъ въ удаленіи отъ зла (ибо сему учать первыя реченія псалмопѣнія, началомъ блаженства называя отчужденіе отъ зла), потомъ предла-

гаеть заблуждающимъ руководство закона ,
 обѣщая въ слѣдствіе таковой жизни уподобле-
 ніе всегда зеленѣющему дереву, и показавъ
 горести идущихъ противоположнымъ путемъ,
 послѣдующими за тѣмъ восхожденіями пользую-
 щагося симъ руководствомъ возводитъ на са-
 мый верхъ блаженства. Ибо сіе показываетъ
 тебѣ смыслъ послѣдняго псалма, по которому,
 при восклицаніи вступившихъ въ союзъ и об-
 щій ликъ ангеловъ и челоуѣковъ, совершится
 единое торжество (л), и все вознесетъ соглас-
 ную хвалу Богу, равно, въ твердости силы
 воспріавъ непреклонность къ пороку, и *вели-*
чествію Ею , какъ бы велегласною какою
 трубою вознося благохвалебный гласъ. Когда
 въ одинъ ликъ устроится вся тварь изъ всѣхъ
 горнихъ и дольнихъ, и тварь разумная, даже
 раздѣленная нынѣ грѣхомъ и несогласная
 между собою, по нашемъ согласіи, подобно
 кимвалу издастъ добрый гласъ; когда стекутся
 вмѣстѣ и ангельское и наше естество, изъ
 слянія сего составившійся Божій полкъ, при
 пораженіи враговъ, провозгласитъ побѣдную
 пѣснь Побѣдителю: тогда отъ всякаго дыханія
 вознесется хвала, на всегда продолжающая ми-
 лость, и своимъ приращеніемъ непрестанно
 увеличивающая блаженство, разумѣю то истин-

(л) Переведено по рукописи N 71.

ное блаженство, при которомъ бездѣйственно гадающее о вѣдѣніи разумѣніе, бездѣйствена, также и упованіемъ поощряемая наша дѣятельность; заступитъ же ихъ мѣсто неизреченное, недомыслимое, всякаго разумѣнія превысшее состояніе, котораго и око не видѣло, и ухо не слышало, и сердце человѣческое не вмѣщало (1 Кор. 2, 9.). Ибо такъ Божественный Апостолъ опредѣлилъ блага (м), уготованныя въ святинѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Послѣ сего сдѣланнаго нами разбора псалмовъ, время войти въ разсмотрѣніе и надписаній, потому что и они подають намъ не малое пособіе въ пути къ добродѣтели, какъ можно дознать сіе изъ самаго смысла въ надписанномъ. Да и необходимо прежде обозрѣнія псалмовъ первоначально и вкратцѣ сдѣлать искусное нѣкое объясненіе надписаній, чтобы и изъ сего стало для насъ наиболее явнымъ, что вся цѣль богодухновеннаго сего ученія — возвести разумѣніе къ истинному блаженству.

(м) Такъ читается по рукописи N 71.

Итакъ изъ псалмовъ иныя вовсе не надписаны; другіе имѣютъ у насъ въ надписаніи имя Пророка, но не имѣютъ у Евреевъ; у иныхъ надписаніемъ служить просто имя Давида; а у другихъ вмѣстѣ съ симъ именемъ надписывается нѣчто и другое, или *хвала* (*ᾠδος* — (90), и *ᾠμολογία* (144)), или *пѣснь* (75), или *псаломъ* (3), или *разума* (31) или *молитва* (16), или *исхода скинии* (28), или *обновленія*, (29), или *изступленія* (30), или *въ воспоминаніе* (69), или *во исповданіе* (99), или *отроку Господню* (35), или *Идиѳуму* (38), или *Елаѳу Израелитянину* (87). Въ другихъ псалмахъ дѣлается надписаніе изъ нѣкотораго сочетанія сихъ именъ или реченій, одно къ другому приписанныхъ: такъ надписаніе дѣлается изъ сочетанія поставленныхъ при имени Давида реченій: *пѣснь псалма* (68), или *псаломъ пѣсни* (67), или *пѣснь*, или *псаломъ*, или *въ пѣсняхъ псаломъ* (66), или *въ пѣсняхъ разума* (53), или *молитва Давиду* (85), или *молитва нищаго* (101), или *хвала пѣсни* (92) и другихъ тому подобныхъ реченій. Опять и съ симъ вмѣстѣ въ другихъ псалмахъ надписывается нѣчто иное. Всего чаще пишется: *въ конецъ*; но съ симъ реченіемъ надписываются вмѣстѣ и другія различныя по виду и смыслу: такъ напримѣръ пишется: или *о имущихъ исполнитися* (68), или *о тайныхъ* (45), или *о наследствующемъ* (5), или *о осмы* (11), или *о точильхъ* (8), или о

заступленіи утреннемъ (21), или о *Маелеѣ* (52), или о людехъ отъ святыхъ удаленныхъ (55), или да не растлиши (74), или въ столпописаніе (59), или то и другое вмѣстѣ (56 и 58), или о *Соломонѣ* (71), или пльсь о возлюбленномъ (44), или о тайныхъ сына (9), или во исповѣданіе (99): или какое нибудь историческое обстоятельство, на примѣръ: когда былъ въ вертепъ (141), или внигда посла *Саулъ*, еже умертвити его (58), или внигда быша въ пустыни (62), или о словесехъ *Хусіевыхъ* (7), или внигда излпни лице свое предъ *Авимелехомъ* (33), или внигда пріити *Зифеемъ* (53), или внигда пріити *Доику Идумейску*, и возвьстити *Саулу* (51), или во дни, когда избави его Господь отъ руки всѣхъ врагъ его, и изъ руки *Саулу* (17), или внигда возвратися *Юавъ*, и порази дебрь солей, дванадесять тысяць (59), или внигда вниги къ нему *Навану Пророку*, егда вниде къ *Вирсавіи* (50). У нѣкоторыхъ псалмовъ надписаніемъ служить еврейское слово: *аллилуія*, и притомъ написанное или дважды, или однажды. У другихъ же псалмовъ въ надписаніи тоже слово сочетается съ именами нѣкоторыхъ Пророковъ, на примѣръ: *аллилуія Анея и Захаріи* (145), *аллилуія Іереміи и Іезекіиля*. Есть еще и другой видъ надписанія, на примѣръ: или *сыномъ Коровымъ* (41), или *Идиѣулу* (38), или *Асафу* (49); надъ однимъ псалмомъ по преимуществу надписывается: *мо-*

литва *Моисея, человека Божія* (89). Въ псалмахъ, по церковнымъ спискамъ имѣющихъ надписанія, какія и донинѣ сохраняются, а остающихся безъ надписанія у Евреевъ, находимъ слѣдующее различіе: въ однихъ означается какое либо число дней недѣльныхъ, напримѣръ: *единыя отъ субботъ* (23), или *четвертыя субботы* (99) или *въ день субботный* (91), или *предсубботный* (92); а другіе заключаютъ въ надписаніяхъ иной смыслъ, о которомъ вовсе умолчано у Евреевъ.

ГЛАВА 2.

Уяснивъ себѣ это раздѣленіе надписаній, полезно будетъ сдѣлать напередъ общее нѣкое истолкованіе надписаній, имѣющихъ между собою сходство, а потомъ по порядку войти въ изслѣдованіе видимыхъ разностей. Посему вообще разсужденіе о надписаніи имѣетъ двойную цѣль. Или дѣлается оно для указанія предлагаемаго въ псалмѣ, чтобы, изучивъ цѣль псалмопѣнія, удобнѣе дознать намъ смыслъ, заключающійся въ реченіяхъ; или нерѣдко надписаніе и само по себѣ обучаетъ чему либо слухъ, заключающимся въ реченіяхъ смысломъ указывая на какое-либо преспѣяніе въ добродѣтели. Лучше же сказать въ каждомъ родѣ взгляда на надписанія цѣль одна—воз-

вести къ чему либо доброму, хотя бы (н) въ сказанномъ, по видимому, указывалось нѣчто историческое, хотя бы приписано было одно простое имя. Ибо божественное Писаніе употребляетъ историческія сказанія не для того только, чтобы сообщить намъ познаніе о событіяхъ, изъ которыхъ дознаемъ какія либо дѣянія и страданія жившихъ въ древности, но чтобы преподать намъ нѣкое ученіе о жизни добродѣтельной. если историческій взглядъ замѣненъ будетъ высшимъ разумѣніемъ. Посему, согласившись, что такое понятіе должно имѣть намъ о надписаніяхъ (о), слѣдуетъ, какъ сказали мы предварительно, изложить напередъ общій смыслъ надписаній, имѣющихъ между собою сходство, и сдѣлать частный разборъ тѣхъ, которыя изложены съ какою либо разностию.

Итакъ, поелику надъ большею частію псалмовъ надписывается реченіе: *въ конецъ*; то должно, думаю, о семъ знать: какое объясненіе дано по разумѣнію прочихъ, толковавшихъ сіе же писаніе. Въмѣсто сего: *въ конецъ*, нѣкто говоритъ: побѣдодавцу; другой: побѣдная пѣснь, а еще иной: на побѣду. Такъ какъ концемъ всякой борьбы бываетъ побѣда, которую

(н) По рук. вмѣсто: *каі* читается: *кав*.

(о) По рук. вмѣсто: *περί τῶν γραφῶν* читается *περί τῶν ἐπιγραφῶν*.

имѣя въ виду, вступающіе въ подвиги начинаютъ ратоборство; то кажется мнѣ, что выраженіе: *въ конецъ* краткимъ реченіемъ возбуждаетъ къ усердію подвизающихся за добродѣтель на поприщѣ жизни, чтобы, взирая на конецъ, т. е. на побѣду, надеждою получить вѣнцы облегчали они трудъ подвижничества, что, какъ видимъ, и нынѣ бываетъ на ристалищахъ: вѣнецъ, предварительно показываемый вступающимъ между собою въ борьбу на поприщахъ, дѣлаетъ, что ихъ тщательность о побѣдѣ сильнѣе трудовъ, ожидающихъ въ борьбѣ, но похищаемыхъ изъ вида ожидаемою славою. Поелику поприще для борьбы открыто всѣмъ, и поприщемъ служитъ обыкновенная человѣческая жизнь, и на немъ одинъ сопротивникъ — порокъ, разнообразно въ коварныхъ нападеніяхъ преодолювающій ратоборствующихъ; то добрый пѣстунъ душъ напередъ для сего указываетъ тебѣ на конецъ твоихъ подвиговъ, на украшеніе изъ вѣнцевъ, на привѣтствіе съ побѣдой, чтобы, взирая на этотъ конецъ, и ты опирался на Побѣдодавца, и уготовлялъ себѣ побѣдное провозглашеніе. Всѣ же тѣ понятія изъ ученія о добродѣтели, какія изъ сего слѣдуютъ, безъ сомнѣнія, ясны для тѣхъ, которые по сему началу смотрятъ и на послѣдующее. Ибо извѣстно, что сколько въ душѣ страстей, столько у враговъ способовъ привязаться къ намъ и нанастъ на насъ;

помысль, подобно нѣкому члену души, часто выводится или изъ своего состава, и получаетъ неправильное положеніе если чловѣкъ не приуготовитъ себя упражненіемъ и не преуспѣетъ достигнуть безопасности и неперетковенности въ сихъ борьбахъ законнымъ подвижничествомъ, какъ говоритъ Апостоль (2 Тим. 2, 5.), приобрѣтшии себѣ побѣду, которая есть конецъ подвиговъ.

А что еще надписывается вмѣстѣ съ выраженіемъ: *въ конецъ*; то служитъ нѣкоторымъ наставленіемъ и совѣтомъ къ одержанію побѣды, и при помощи ихъ не безуспѣшнымъ остается то, о чемъ приложено стараніе. Ибо выраженіе: *о илущихъ измѣнитися* (Пса. 68.) предполагаетъ претвореніе души въ лучшее состояніе; значеніе слова: *маелевъ* (Пса. 52) возбуждаетъ подвижника къ сильному усердію, указуя на ликостояніе послѣ ожидающихъ насъ трудовъ (п); ибо такъ объясняется прочими толковниками самое реченіе, и *маелевъ* переводится словомъ: ликованіе. И сіе: имѣтъ въ виду *тайное*, сложить пѣснь о возлюбленнѣхъ, пѣтъ о заступленіи утреннѣхъ, имѣтъ предъ очами *осмой* день, взирать на *наследствующую*, постараться стать внѣ сродства Ко-

(п) Переводъ, начиная съ слова: предполагаетъ, дополненъ по рукописямъ.

реева, и это важное повелѣніе Давида: *да не растлѣши*, которое далъ онъ оруженосцу, устремившемуся на убіеніе Саула—все сіе со-вѣтуетъ намъ слово въ образецъ великодушія слѣлать столпописаніемъ въ душѣ каждого. И кто вникнетъ со тщаніемъ, тотъ во всемъ сему подобномъ найдетъ, что это нѣкіе подвижническіе уроки, дѣлаемые подвижникамъ ихъ наставникомъ о томъ, какъ кому достигать конца, то есть побѣды. А также, если при выраженіи: *въ конецъ* надписывается что-либо историческое; то и сіе къ тому же клонится, а именно, чтобы мы историческими примѣрами паче укрѣплялись къ борьбамъ. Вотъ смыслъ выраженія: *въ конецъ*.

ГЛАВА З.

И надписанія: псаломъ, пѣснь (*ὠδὴ, ὕμνος*), хвала, и молитва имѣютъ между собою такое различіе: псаломъ есть сладкопѣніе при игрѣ на музыкальномъ орудіи. Пѣснь (*ὠδὴ*) есть произношеніе словъ при устномъ пѣніи. Молитва есть обращенное къ Богу испрашиваніе чего-либо полезнаго. Пѣснь (*ὕμνος*) есть благохваленіе, возносимое Богу за блага, какія уже имѣемъ. Хвала (*αἶνος* или *αἰνεῖς*; ибо тѣмъ и другимъ словомъ означаетъ одно и то же) заключаетъ въ себѣ похвалу Божиимъ чудесамъ.

Ибо похвала есть не иное что, какъ усиленіе хвалы.

Но въ надписаніяхъ названія сіи нерѣдко какимъ либо сочетаніемъ между собою соединяются такъ, что изъ двухъ названій по соединеніи дѣлается одно: или *псаломъ пѣсни* (Пса. 91), или *пѣснь псалма* (Пса. 82), или *въ пѣснѣхъ псаломъ* (Пса. 66), или, какъ дознаемъ у Аввакума, и *молтва съ пѣснью* (Авв. 3, 1). Смыслъ же надписаній сихъ, по которому возводимся ими къ добродѣтели, есть слѣдующій: псалтирь— такое музыкальное орудіе, которое издаетъ звукъ изъ верхнихъ частей своего состава; и музыкальное произведеніе, разыгрываемое на семъ орудіи, называется псалмомъ. Посему увѣщавающее къ добродѣтели слово самымъ видомъ орудія выражаетъ особую мысль: имъ повелѣвается, чтобы жизнь твоя была псалмомъ, который не земными звуками (а подъ звуками разумѣю помышленія) изглагольвается, но изъ горняго и небснаго производитъ чистый и внятнѣйшій звукъ. Услышавъ же пѣснь (*ᾠδή*), гадательно дознаемъ видимое благоприличіе жизни. Какъ отъ музыкальныхъ орудій достигается до слуха одинъ звукъ сладкопѣнія, самыя же реченія пѣснопѣнія не выражаются членораздѣльными звуками, а въ пѣсни бываетъ то и другое: слышны и складъ пѣнія, и вмѣстѣ съ пѣніемъ выводимая сила реченій, которая по всей необходимости бываетъ не-

извѣстна, когда сладкопѣніе производится одними музыкальными орудіями: такъ бываетъ и съ упражняющимися въ добродѣтели. Нѣкоторые, внявъ умомъ умозрительному и созерцательному любомудрію о сущемъ, неявно для многихъ преуспѣваютъ въ добродѣтели, заключая доброе въ собственномъ своемъ сознаніи, а которые, по мѣрѣ рачительности, преуспѣваютъ въ самомъ образѣ жизни, тѣ благоприличіемъ во внѣшнемъ, какъ бы словомъ какимъ, обнаруживаютъ и другимъ благоустройство своего поведенія. Посему, когда въ добрѣ преуспѣваетъ кто тѣмъ и другимъ способомъ, и любомудріе нравственное сходится съ умозрительнымъ, тогда бываетъ *пѣснь псалма*, или *псаломъ пѣсни*. А когда предметомъ похвалы бываетъ что-либо одно изъ сего, тогда или умопредставляемое благо выражается только *псалмомъ*, или нравъ и благоприличіе въ видимомъ изъясняется пѣснію.

Пѣснь же (*ᾠδὴ*) или хвала, соединяемая съ пѣснію (*ὕμνος*), служитъ урокомъ для насъ не прежде отваживаться на богомысліе, какъ содѣлавъ жизнь свою достойною такого дерзновенія. *Некрасна*, сказано, *похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. 15, 9.). *Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаешь оправданія Моя?* (Пса. 49, 16.). Также и слова: *молитва съ пѣснію*, внушаютъ намъ тоже, а именно, сперва заботиться о жизни, чтобы не оказаться кому не-

стройнымъ и разногласнымъ въ начинаніяхъ, а потомъ уже приступить съ молитвою къ Богу. И, мнѣ кажется, что Господь сказавшимъ Ему: *научи ны молитися* (Лук. 11, 1.), подавъ такую мысль, а именно, что молитва преспѣваетъ не словами, а жизнью, когда сказалъ: *аще отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ небесный грѣхи ваши* (Матѳ. 6, 14.). Когда же пишется просто: *хвала*, тогда понятіе сіе содержитъ въ себѣ нѣкое свидѣтельство о воспісующемъ хвалы Богу; потому что не иному кому принадлежитъ хвалить Бога, а только, какъ сказано: *хвала Давиду* (Пса. 144.); изъ чего можно дознать, что если и мы содѣлаемся подобными ему, то получимъ тогда дерзновеніе хвалить Бога.

А въ *пѣснхъ псаломъ* (Пса. 60.) возводитъ насъ въ высшее состояніе, которое зналъ и божественный Апостоль, какъ говоритъ о себѣ Коринтянамъ, что воспѣваетъ онъ то *духомъ*, то *умомъ* (1 Кор. 14, 15.). Почему псалопѣніе, совершаемое умомъ, объясняетъ сказанное прежде слово, что видимое должно быть (р) достойно сокровеннаго, чтобы пѣснь приводила къ догадкѣ о такой мысли. Псалмопѣніе же, совершаемое однимъ духомъ, ука-

(р) По рук. вмѣсто: *то докъ*, читается: *то дѣтъ*.

зываетъ на преимущественное состояніе святыхъ, когда приносимое ими Богу лучше изъясненія видимымъ; потому что это, какъ сказано, *псаломъ* не въ какихъ либо пѣсняхъ (*ᾠδαίς*), выражающихъ силу умопредставляемаго словами, но въ пѣсняхъ (*ᾠμοίς*), выражаемыхъ не словомъ. А это по моему сужденію урокъ намъ, что надлежитъ знать о пѣсни (*τῆ ᾠμῆς*). Ибо дознаемъ, что жизнь высокая, мудрствованіе о горнемъ, возбужденіе нашего орудія помышленіями небесными и выспренними есть пѣснь (*ᾠμος*) Богу, преуспѣвающая не силою словъ, но превосходною жизнію.

А когда къ слову: *сз пѣсней* Пророкъ приписываетъ слово: *разума* (Пса. 53. 54.), тогда, мнѣ кажется, подаетъ нѣкій совѣтъ, не безъ разсужденія избирать реченія, употребляемая въ славословіе Богу, чтобы въ неосмотрительномъ какомъ либо стремленіи, даже непримѣтивъ того, не приписать Божію величію неприличныхъ понятій. Такова на примѣръ мысль, что награды живущимъ по Богу состоятъ въ благополучіи настоящей жизни: таково мнѣніе, будто бы и по суду Божію прекрасно то, что таковымъ кажется человѣческому чувству. Можно найти и много подобныхъ симъ мыслей, допускаемыхъ неразумными въ ихъ понятіяхъ о Богѣ. А тебѣ потребенъ разумъ знать о Немъ только то, что, будучи произнесено, не послужитъ въ хулу. Приличное

служить Ему въ похвалу выше того, что можетъ быть избрѣнено человѣческимъ естествомъ. Для насъ же такъ вождельнно найти и не то, что должно о Немъ знать, но то, что не можетъ Онъ быть сравниваемъ ни съ чѣмъ отличнымъ отъ Него.

Что разумѣемъ мы о хвалѣ Давиду, а именно, что тому только, кто подобенъ ему, принадлежитъ хвала Божія, тоже, кажется мнѣ, должно знать и о молитвѣ, когда услышимъ слова: *молитва Давиду*, а именно, что должно и намъ стараться жизнь свою уподобить его жизни, чтобы пріобрѣсти дерзновеніе молиться.

Такъ должно сказать и о надписаніи: *молитва нищаго, егда уныетъ, и предъ Господемъ проліетъ моленіе свое* (Пса. 101.). Потребно намъ усильное восхождение къ Богу, чтобы уразумѣть, въ чемъ мы обнищали; ибо не пріидемъ въ вождельніе истинныхъ благъ, если не поймемъ своей въ нихъ нищеты. Но какимъ-то одушевленнымъ и внутреннимъ содѣляется гласъ молитвы, когда узнаемъ, въ чемъ мы обнищали, когда пріидемъ въ уныніе отъ замедленія въ исполненіи желаемаго, и въ такомъ случаѣ изліется моленіе наше, вмѣсто словъ, слезами изъ очей.

Такъ понимай и надписаніе: *молитва Моисеа чловька Божія* (Пса. 89.), а именно, что при-

ступить къ Богу съ молитвою можно не иначе, какъ развѣ кто, отрѣшась отъ сего міра, содѣлается человѣкомъ единого Бога.

ГЛАВА IV.

Надписаніе же: *о излѣнитися хотящихъ* (Пса. 59.), по моему мнѣнію, имѣетъ тотъ смыслъ, что одно Божіе естество не подлежитъ превратности и измѣненію; потому что, какъ недопускающее вовсе зла, не имѣетъ, на что и воспользоваться симъ превращеніемъ; въ лучшее превратиться Оно не можетъ, нѣтъ ничего такого, для чего допустило бы Оно измѣненіе; такъ какъ нѣтъ ничего, что было бы лучше Его, и во что могло бы Оно перемѣниться. Но мы—люди, подлежа превратности и измѣняемости, по измѣнчивой дѣятельности въ томъ и другомъ, дѣлаемся или худшими, или лучшими:—худшими, когда удаляемся отъ общенія съ добромъ, и опять лучшими, когда измѣняясь возвращаемся къ лучшему. Посему, такъ какъ превращеніемъ вовлечены мы во зло, необходимо намъ доброе измѣненіе, чтобы въ слѣдствіе онаго произошелъ въ насъ переходъ къ лучшему. Сіе явствуетъ изъ связи приписаннаго къ словамъ: *о излѣнитися хотящихъ*. Ибо Писаніе не только подаетъ совѣтъ о томъ, что должно измѣниться, но предлагаетъ и нѣкоторый способъ преуспѣть въ

такомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ примѣрахъ показывая переходъ къ лучшему.

Полное же чтеніе надписанія слѣдующее: *въ конецъ, о измѣнитися хотящихъ, въ столпописаніе Давиду, въ наученіе; внигда соужже средорпліе сирійское, и Сирію совалскую, и возвратися Иоавъ, и порази дебрь солей дванадесять тысящъ.* Изъ приведенныхъ словъ видно, что Писаніе, говоря: *въ столпописаніе Давиду, въ наученіе*, содержитъ въ себѣ нѣкоторое наставленіе и совѣтъ: потому что не было бы приложено слова: *наученіе*, если бы не къ наставленію клонилась рѣчь. И сіе: *въ столпописаніе* показываетъ, что слово это должно имѣть глубоко и неизгладимо напечатлѣннымъ въ памяти, чтобы въ душѣ столпомъ была память, а письменами на столпѣ служили примѣры добрыхъ дѣлъ. Сими то примѣрами были доблестные подвиги главнаго вождя Давидовой силы, въ слѣдствіе которыхъ враги терпятъ двойное бѣдствіе, то истребленные (с) огнемъ, то пораженные въ битвѣ. Ибо какъ Сирія, лежащая между рѣками, такъ и сосѣдній съ ними удѣлъ Сиріянъ истребляются огнемъ; а также въ дебри солей побиты многія тысячи. Но въ точности излагать историческій ходъ событій было бы продолжительно, и вмѣстѣ

(с) По рукописямъ читается: *διπαρηθέντων*, а не *παρδοθέντων*.

излишне. Ибо что большее приобрятемъ мы, изучая въ связи изложеніе сихъ происшествій? Напротивъ того думаю, что лучше кратко объяснить въ словѣ, къ чему ведетъ загадочный смыслъ историческаго воспоминанія, чтобы такое столпописаніе послужило намъ въ наученіе для нашей жизни.

Что же значить сказанное мною? Пророкъ, Сиріею наименовавъ цѣлый народъ, дѣлитъ его на двѣ части, обозначая каждую особыми чертами, одна часть называется средорѣчіемъ сирійскимъ, а другая именуется Сиріею совальскою; сожигается же та и другая; а потомъ, по возвращеніи главнаго воеводы, дедь солей осуждается на преданіе смерти двѣнадцати тысячъ. Посему представимъ себѣ, что видъ Сиріи двоякій: одни изъ Сиріянъ отовсюду окружены рѣчными потоками, и это тѣ, которые со всѣхъ сторонъ одержимы страстями; другіе близки къ Совѣ, а симъ именованіемъ означается въ Писаніи мучительство сопротивной силы. Посему и для насъ послужить сіе путемъ измѣненія на лучшее, если двоякое это племя порока будетъ истреблено очистительнымъ огнемъ. Какъ добродѣтель оставляетъ замѣчательныя черты въ жизни и въ разумѣніи; такъ и порокъ усматривается въ томъ и другомъ. Безпорядочность жизни, вокругъ объемлющая душу потоками страстей, называется средорѣчіемъ, а разумѣніе, по

извращеннымъ догматамъ близкое къ князю міра, именуется Сирією совальскою; за истребленіемъ ихъ свѣтоноснымъ и очистительнымъ словомъ слѣдуетъ то, что безплодная и соленая земля, то есть воинство сопротивныхъ силъ, сокрушена ударомъ воеводы. Ибо не будетъ у насъ побѣды надъ врагами, если начальникъ воинствъ не превозможетъ силою руки. А за гибелью враговъ естественно слѣдуетъ миръ. И таково послѣдствіе побѣды, которое имѣя въ виду, писаніе, какъ на столпахъ, напишутъ въ памятяхъ нашихъ повелѣніе: *измѣнитися*, въ историческихъ примѣрахъ показывая освобожденіе отъ страстей. Лучше же сказать, урокъ объ измѣненіи яснымъ содѣлается для насъ, если послѣдуемъ прочимъ толковникамъ, изъ которыхъ одинъ, вмѣсто слова: *измѣненіе*, приписалъ къ псалму: о цвѣтахъ; а другой: о лиліяхъ (т). Слово: о цвѣтахъ, показываетъ переходъ отъ зимы къ веснѣ, что означаетъ прехожденіе отъ порока къ добродѣтельной жизни. Видъ лиліи объясняетъ, во что надлежитъ произойти измѣненію: ибо чрезъ измѣненіе дѣлающійся свѣтлымъ явно принимаетъ свѣтлый и бѣлоснѣжный видъ изъ чернаго и потемненнаго. Поэтому по силѣ

(т) Такъ переводится другими въ написаніи псалма 44-го слова: *шошанимъ*, у 70-ти переведенное: о измѣняемыхъ.

всякаго надписанія, въ которомъ читается: *о измѣнитися хотящихъ*, должно, какъ думаю, въ псалмѣ находить для себя совѣтъ о томъ, что всегда должно молитвою и тщательною жизнію (у) достигать измѣненія на лучшее.

ГЛАВА 5.

Надписаніе: *о тайныхъ* (Пса. 9.) внушаетъ намъ съ точностію преуспѣвать въ боговѣдѣніи; потому что погрѣшительное мнѣніе о Божествѣ — крайнее паденіе для души. Чѣмъ воспользуется человѣкъ отъ блага, не имѣя самаго блага? Посему-то надписаніе предлагаетъ тебѣ, какъ бы нѣкій свѣтильникъ, сіе ученіе, занимающееся изслѣдованіемъ таинъ боговѣдѣнія, въ которомъ главное—вѣра въ Сына; ибо такъ говоритъ и надписаніе: *о тайныхъ Сына*. Дѣйствительно тайно то, что недомыслимо, невидимо, превыше всякаго доступнаго разумѣнію примышленія, и къ чему приблизившійся вѣрою достигаетъ конца побѣды.

Явно и основаніе надписанія: *о наследствующей* (Пса. 5.); потому что Пророкъ о душѣ ни спадшейизъ своего жребія, когда для преступника заповѣди зашло солнце, приноситъ Богу сіе моленіе, чтобы на утро снова отло-

(у) Переводъ дополненъ по рукописямъ.

жила она тму, и удостоилась услышать оный сладкій гласъ, который изречеть стоящимъ одесную: *приидите благословеннїи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствїе отъ славенїя мїра* (Матѳ. 25, 34.).

Не погрѣшить противъ истины, кто въ томъ же смыслѣ пойметъ и сіе надписанїе: *о заступленїи утреннемъ* (Пса. 21.): ибо Писанїю обычно утромъ именовать утреннюю зарю, то есть время, служащее взаимнымъ предѣломъ ночи и дня, съкоторымъ ночь исчезаетъ и начинается день. И поелику во многихъ мѣстахъ Писанїя подъ загадочнымъ именемъ тмы разумѣтся порокъ, то, когда по Божїю заступленїю совершится въ насъ восхожденїе добродѣтельной жизни, тогда достигнемъ побѣды, какъ говоритъ Апостоль: *отложивъ дѣла темная, и яко во дни, благообразно ходя* (Римл. 13, 12. 13.).

Близко къ изслѣдованному основанїе надписанїя: *о осмыи* (Пса. 11.). Ибо вся попечительность о добродѣтельной жизни имѣеть въ виду будущїй вѣкъ, начало котораго; имѣющее послѣдовать за чувственнымъ временемъ, круговращающимся въ седмицахъ дней, называется осмымъ днемъ. Посему надписанїе: *о осмыи* подаетъ совѣтъ не имѣть въ виду настоящаго времени, но взирать на осьмый день. Ибо, когда прекратится это скоротекущее и переходящее время, въ которое одно приходитъ въ бытїе, а другое разрушается; когда минуетъ-

ся потребность приходить въ бытіе, и не будетъ уже разрушаемаго, потому что уповаемымъ воскресеніемъ претворится естество въ нѣкое иное состояніе жизни; когда прекратится и это преходящее свойство времени, потому что не будетъ уже силы приводящей въ бытіе и разрушеніе: тогда, безъ сомнѣнія, кончится и эта седмица, измѣряющая время, заступитъ же ея мѣсто осьмый день, то есть послѣдующій вѣкъ, который весь составляетъ однимъ днемъ, какъ говоритъ нѣкто изъ Пророковъ, уповаемую жизнь назвавъ *днемъ великимъ* (Іоил. 2. 11.), потому сей день освѣщать будетъ нечувственное солнце, но истинный Свѣтъ, Солнце правды, которое въ пророчествѣ именуется *востокомъ* (Зах. 6, 12.), потому что никогда не скрывается на западѣ.

То же самое разумѣемъ мы и въ надписаніяхъ: *о точильцѣхъ*; потому что точило есть орудіе винодѣлія; изъ выжимаемыхъ въ немъ гроздовъ выходитъ вино. Но если вино вытекаетъ изъ гроздовъ гнилыхъ, или незрѣлыхъ, то оно скоро портится и дѣлается негоднымъ къ питію, предлагаясь въ какое-то зловоніе, или въ нѣчто качествомъ подобное уксусу, и при другой какой-либо порчѣ измѣняется въ служащее къ зарожденію червей. Но если въ точило вложенъ гроздь добраго качества и зрѣлый; то изъ грозда потечетъ вино сладкое и благовонное, въ которомъ съ продолженіемъ

времени возрастать будутъ добротность и благоуханіе. Посему, о чемъ же внушаетъ намъ, сколько можно, наипаче заботиться эта загадка о гроздѣ? О томъ, чтобы обогащалась наша сокровищница человѣческаго ума, а эта сокровищница есть надежда (Ф); въ ней хранится всякій запасъ для нашей жизни. Въ такомъ же случаѣ свойство гроздовъ сдѣлается для насъ извѣстнымъ, если будутъ видимы сперва вѣтви, а потомъ виноградная лоза, держащая на себѣ грозды и вѣтви. А сіе содѣлается по словамъ Господа, изрекшаго: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. 15, 5.). Ибо если дѣйствительно, и плодонося и возрастая, какъ говоритъ Апостоль, *въ Немъ* пребываемъ *укоренени* (Кол. 2, 7.); то уразумѣемъ изъ сказаннаго, что отъ насъ, созданныхъ въ Немъ, и безъ Него недостойныхъ питающей насъ влаги, требуется гроздь дѣлъ, который не окисленъ и не доведенъ до терпкости гнѣвомъ, не дошелъ до гнилости и не распался отъ какого-либо сластолюбія. Въ точилѣ каждой души (а точиломъ служить совѣсть) гроздь дѣлъ даетъ намъ вино на послѣдующую жизнь, и каждому по всей необходимости должно вкушать отъ собственныхъ своихъ трудовъ, какіе бы они ни были. Посему блаженны тѣ дѣлатели, которыхъ вино,

(Ф) Дополненіе въ переводѣ сдѣлано по рукописямъ.

вкусенное ими, веселить сердце; напротивъ того жалки и достойны слезъ тѣ, у которыхъ вино, по выраженію Моисея, дѣлается *яростію змѣвъ*—(Второз. 32, 33), преложившись въ ядовитое качество и отъ розги содомской принося плодъ въ пагубу. Посему, если имѣешь въ виду осмый день; то помни, говоритъ Пророкъ, о точилахъ въ добродѣтеляхъ; да *точила*, по слову притчи, *источаютъ* тебѣ вино благовонное (Притч. 3, 10.).

ГЛАВА 6.

А надписаніе: *о Маелевъ*, яснѣе переданное переложившими реченіе сіе на элминскій языкъ, придаетъ какую-то ревность подвижникамъ добродѣтели, указывая имъ на конецъ подвиговъ, говоря, что одержавшимъ верхъ въ борьбахъ предстоятъ ликованія и веселія; такъ какъ въ этомъ смыслѣ протолковано оное слово: *Маелевъ*, которое переводится словомъ: ликованіе, что знаемъ изъ исторіи о побѣдѣ Давида, когда въ единоборствѣ съ симъ юношею палъ Голиаѳъ, съ ликованіемъ встрѣтивъ дѣвы славятъ отважный Давидовъ подвигъ. Такъ надписаніе: *о Маелевъ* выражаетъ, что всякая побѣда надъ сопротивниками, приобретаемая трудомъ и пролитіемъ пота, сопровождается веселіемъ и ликованіемъ, потому что всякая разумная тварь присоединяется къ побѣдите-

лямъ, какъ бы входя съ ними въ одинъ стройный ликъ. Было нѣкогда, что словесное естество составляло одинъ ликъ, который взиралъ на единаго ликона начальника, и исполненіемъ заповѣди приводилъ себя въ согласіе съ тою стройностію ликовъ, каковую ликона начальникъ устанавливалъ своимъ движеніемъ (х). Но послѣ того какъ это Божественное согласіе ликовъ разстроилъ вторгшійся грѣхъ, и подъ ноги первыхъ людей, ликовавшихъ вмѣстѣ съ Ангельскими силами, подливъ нѣчто содѣлавшее ихъ поплзновенными къ оболъщенію, довелъ до паденія, и человѣкъ отлученъ отъ общенія съ Ангелами, потому что паденіемъ прервано единомысліе; падшему потребно стало много трудовъ и пота, чтобы, поборовъ и свергнувъ съ себя налегшаго на него въ паденіи, снова возстать, въ награду за побѣду надъ противникомъ получивъ право на Божественное ликостояніе. Посему, когда слышишь, что надписаніе: *о Маелеѣ* соединено съ выраженіемъ *въ конецъ*, тогда знай, что въ этой загадкѣ предлагается тебѣ совѣтъ, не ослабѣвать въ боръбахъ съ искушеніями, но взирать на конецъ—побѣды, то есть, на вчиненіе въ Ангельскій ликъ и твоей души, очищенной прираженіемъ искушеній. Такъ, слышимъ отъ Господа,

(х) Въ рукописяхъ вмѣсто *τῆ κινήσει*, читается: *τῆ κινήσει*.

было и съ Лазаремъ, который, поелику терпѣніемъ страданій на цѣломъ поприщѣ жизни сохранилъ себя непадшимъ, по разрушеніи на немъ этой скинии (ц) послѣ побѣды надъ боровшимся съ нимъ на жизненномъ поприщѣ, немедленно оказался среди Ангеловъ; ибо сказано: *бысть умрети нищему, и несену быти Ангелы* (Лук. 16, 22.). Вотъ ликованіе—совершенство пути съ Ангелами, и лоно патріарха, приемлющее на себя Лазаря. и само представляющееся не чуждымъ сего радостнаго согласія съ ликомъ (ч). Ибо не погрѣшитъ, кто, услышавъ слово: *лоно*, представитъ себѣ, что это полнота благъ, какою наименованъ патріархъ, подобно какому-то обширному объему моря и въ ней-то пребываетъ Лазарь;—потому что у отличившихся подобными подвигами ни у кого нѣтъ ничего собственнаго, но благо общими дѣлается для всѣхъ, одною и тоюже добродѣтелию достигшихъ равнаго блага.

Надписаніе, въ которомъ упоминается: *исходъ скинии*, и еще другое: *о обновленіи дому Давидова* близки между собою и по положенію и по смыслу. Ибо одно имѣетъ мѣсто въ двадцать осьмомъ псалмѣ, а другое въ слѣдующемъ за нимъ. Каждое изъ нихъ читается слѣдую-

(ц) По рук. вмѣсто *τῆς κοινῆς* читается: *τῆς σκηνῆς*.

(ч) Слово: *τοῦ χοροῦ* читается въ рукописяхъ.

щимъ образомъ: надписаніе первое: *псаломъ Давиду, исхода скинии*, а надписаніе слѣдующаго псалма: *псаломъ пѣсни, обновленія дому Давидова*. Если не вышли мы изъ этой чувственной скинии, не обновится истинный домъ нашъ. А смыслъ сказаннаго таковъ: въ естествѣ человѣческомъ умопредставляются двѣ жизни: плотская, водящаяся чувствами, и духовная, невещественная, преуспѣвающая въ разумномъ и безплотномъ житіи души. Но невозможно содѣлаться въ одно и тоже время причастнымъ той и другой жизни; потому что тщательность объ одной изъ нихъ производитъ лишеніе въ другой. Потому, если будемъ стараться содѣлать душу жилищемъ Божиимъ, то надлежитъ плотию выдти изъ плотской скинии. Чтобы домъ нашъ обновленъ былъ Тѣмъ, Кто обновляетъ насъ Своимъ вселеніемъ, сему невозможно совершиться иначе, какъ развѣ когда совершится исходъ скинии отчужденіемъ отъ жизни тѣлесной.

Псаломъ *изступленія*, слѣдующій за обновленіемъ, предъ которымъ положено слѣдующее надписаніе: *въ конецъ, псаломъ Давиду, изступленія*, согласенъ съ разсмотрѣнными прежде, и совѣтуетъ удаляться отъ тѣхъ, съ кѣмъ связь вредна.

Въ псалмахъ же съ надписаніемъ: *въ воспоминаніе* (Пса. 37. 69.), предлагается намъ краткое нѣкое ученіе о спасеніи. Поелику преслу-

шаніе заповѣди Божіей содѣлалось для людей путемъ къ погибели (мы не погибли бы, если бы сохранили въ памяти заповѣдь); то писаніе поэтому, какъ врачевство отъ недуга забвенія, предлагаетъ намъ памятованіе о заповѣди, дѣлая это въ двухъ псалмахъ.

А въ псалмахъ, къ которымъ прилагается слово: *исповданіе*, реченіемъ симъ научаемся слѣдующему: поелику, по обычаю писанія, слово: *исповданіе* имѣетъ двойное значеніе, и указываетъ, то на исповданіе грѣховъ, то на благодареніе; здѣсь въ томъ и другомъ разумѣніи онаго руководимся имъ къ жизни добродѣтельной; потому что исповданіе грѣховъ производитъ удаленіе и отчужденіе отъ худыхъ дѣлъ, а усердіе въ благодарности увеличиваетъ милость Благодѣтеля къ приемиющимъ благотворенія съ добрымъ чувствомъ. Посему псаломъ предлагается *во исповданіе*: въ такомъ случаѣ, когда безпокоитъ тебя какое-либо воспоминаніе о грѣхѣ, совѣтуетъ тебѣ прибѣгнуть къ очистительному средству, покаянію; а если жизнь твоя благоусиѣваетъ въ лучшемъ, доброе твое произволеніе дѣлаетъ твердымъ за благодарность твою къ Богу.

Слова: *столпописаніе*, и: *да не растлиши*, въ совокупности ли, отдѣльно ли, находятся въ какихъ надписаніяхъ, содержатъ въ себѣ совѣтъ о добродѣтели долготерпѣнія. Ибо сіе: *да не растлиши* сказано Давидомъ, когда запре-

тилъ онъ оруженосцу нанести ударъ Саулу; а смыслъ слова: *столпописаніе* тотъ, что такое реченіе должно имѣть начертаннымъ въ памяти, какъ на нѣкоемъ столпѣ, чтобы въ подобныхъ дѣлахъ, если какое обстоятельство возбудитъ нашу раздражительность къ отмщенію за оскорбленіе, прочитывая мысленно сіе повелѣніе, запрещающее убійство, сами въ себѣ усыпляли мы раздражительность, приучая къ долготерпѣнію. Но точнѣйшее о семъ разсужденіе оставимъ до будущаго времени, переходя къ обзорѣнію прочихъ надписаній. Ибо надлежитъ уразумѣть, что когда значитъ слово: *аллелуія*, которое служитъ надписаніемъ многихъ псалмовъ.

ГЛАВА 7.

Итакъ слово: *аллелуія* есть таинственное побужденіе къ пѣснопѣнію Бога; оно вызываетъ слуху, что означаемое имъ тоже, что: *хвалите Господа*. Ибо въ какихъ частяхъ святаго Писанія встрѣчаются напередѣ эти слова: *хвалите Господа*, въ еврейскихъ писаніяхъ означается это словомъ: *аллелуія*. Или, можетъ быть, слово сіе даетъ паче видѣть силу псалмопѣнія, которому служитъ надписаніемъ, сказую о немъ, что-это хвала Богу. Такъ какъ на еврейскомъ языкѣ естество Божіе означается

различно разными именами, употребляемыми въ нѣкоемъ иносказательномъ значеніи; то въ числѣ именъ, означающихъ Бога, находится (ш) и слово: *іа*, а слово: *алмлу* у Евреевъ значить хвала. И не дивись, если таковой видъ сего реченія въ косвенномъ падежѣ имени показываетъ, такъ называемый, именительный падежъ: потому что не по нашему обычаю у Евреевъ видоизмѣняются слова, напротивъ того у нихъ иное сравнительно съ нашимъ видоизмѣненіе въ произношеніи именъ. Такъ, имя Пророка, придавъ ему еллинское видоизмѣненіе, произносимъ: *Иліа*, а у Евреевъ по правиламъ языка именительный падежъ сего имени говорится: *Илу*. Такъ и здѣсь, когда слово: хвала требуется означить въ именительномъ падежѣ, языкъ еврейскій выговариваетъ: *алмлу*. Поселику же хвала непременно относится къ Богу, а имя: *іа* есть одно изъ именъ, означающихъ естество Божіе; то цѣлое вообще слово: *алмлуіа* толкуется: хвала Богу. Посему, когда реченіе сіе приписано къ псалмопѣнію, надлежитъ разумѣть, что слѣдующее ниже непременно должно возводить къ словословію Бога. Какъ въ книгѣ псалмовъ таковыя надписанія находятся всего болѣе надъ послѣдними псалмами; то можно изъ сего уразумѣть,

(ш) Мѣсто сіе переведено по рукописямъ.

что достигшимъ уже совершенства въ жизни добродѣтельной, и очистившимъ себя согласно съ тѣмъ, что выразумѣли при обзорѣни предыдущихъ отдѣловъ псалмопѣнія, прилично хвалить Бога, и быть въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ вѣруемъ, пребываетъ естество ангельское. Ибо у нихъ, извѣстно намъ, нѣтъ другаго занятія, какъ только хвалить Бога, и у совершенныхъ въ добродѣтели нѣтъ иной заботы, какъ только устроить жизнь свою, чтобы была хвалою Богу. Итакъ, поелику псалмы, имѣющіе надписаніе: *аллилуія*, всѣ почти находятся въ послѣднемъ отдѣлѣ псалмопѣнія; то ясно можно уразумѣть, что выше всякаго восхожденія на высоту съ помощію псалмовъ — послѣдній отдѣлъ псалмопѣнія, въ которомъ большею частію заключается хвала Богу, или приглашеніе хвалить Бога.

ГЛАВА 8.

Остается уразумѣть по возможности причину того, что нѣкоторые псалмы не надписаны. Но что найдено нами по этой части, да будетъ предоставлено суду читателей, или принять наше мнѣніе, или возвести разумѣніе свое къ высшему взгляду. И такъ въ ненадписанныхъ псалмахъ примѣчаемъ мы слѣдующее различіе: однимъ изъ нихъ вмѣсто надписанія служитъ самое содержаніе псалмопѣнія,

въ нихъ, и у Евреевъ и у насъ это общее, что у предлагаемаго нѣтъ другаго надписанія, кромѣ одного только смысла, открывающагося въ реченіяхъ. А въ прочихъ псалмахъ, хотя есть надписанія церковныя и таинственныя, знаменательныя для таинственнаго нашего благочестія, однакоже нѣтъ ихъ у Евреевъ, согласно съ обвиненіемъ, какое сдѣлано имъ въ евангеліи, что постановили опредѣленіе: *да, аще кто исповѣсть Христа, отлученъ отъ общины будетъ* (Іоан. 9, 22.). Посему, въ какихъ надписаніяхъ Евреи замѣтили, что заключаютъ въ себѣ какое-либо указаніе на таинство, тѣхъ они не приняли; поэтому въ Писаніи о такихъ псалмахъ съ точностію замѣчено это, и къ чтенію церковнаго надписанія прибавлено: *не надписанъ* у Еврей. Итакъ, указавъ предварительно на сіе раздѣленіе псалмовъ ненадписанныхъ, благовременно будетъ предложить о семъ свидѣтельство изъ самыхъ псаломскихъ изреченій.

Псаломъ, предпоставленный всѣмъ, не имѣлъ нужды въ надписаніи, потому что для читающихъ ясна цѣль сказуемаго въ немъ; а именно, служить онъ введеніемъ въ любомудріе, советуя удаляться отъ зла, пребывать въ добрѣ и по возможности уподобляться Богу.

Но какъ въ самомъ началѣ ученія о блаженствѣ предписано, что не должно нечестивать; то, чтобы намъ избавиться отъ нечестія, при-

лагается второй псаломъ, предвѣстившій евангельское таинство, такъ что первый псаломъ нѣкоторымъ образомъ служить надписаніемъ втораго. Ибо Пророкъ сказуетъ тамъ о плотскомъ рожденіи ради насъ рожденнаго *днесь* (а *днесь* составляетъ часть времени), но всегда отъ Отца и во Отцѣ сущаго, Сына и Бога. Сказуетъ и о царствѣ у неприявавшихъ царства, у тѣхъ, которые за то, что неслужили Богу, причислялись къ язычникамъ, были какими-то самозаконниками, лучше же сказать, — беззаконниками; потому что не приняли закона Божія, но свергли съ себя *иго* (а *игомъ* Пророкъ называетъ заповѣдь). Когда же превышее всего царство пришло и на нихъ, тогда и они, неприявавшіе нѣкогда надъ собою владычества, дѣлаются наследниками Божиими по вѣрѣ въ Рожденнаго *днесь*, разумѣю Того, Кто поставленъ надъ ними въ царя; тогда и родились, и стали царями тѣ самые, которыхъ желѣзный жезлъ, то есть, непреложная сила, сокрушивъ въ нихъ земное и скудѣльное, претворила въ чистое естество, научивъ тѣмъ, что одно только блаженно — уповать на Царя. Вотъ смыслъ сего псалма, по моему изложенію; желающій можетъ мнѣніе наше повѣрить самыми божественными реченіями, точно ли сказанное нами согласно съ богодухновеннымъ словомъ.

Прочіе же изъ ненадписанныхъ псалмовъ,

по высказанной нами выше причинѣ, таковы въ еврейской синагогѣ, а не въ церкви Божіей. Ибо при всѣхъ можно найти непременно какое либо надписаніе, котораго не принимаетъ Еврей за слово благочестія, и которое не допускается ими по невѣрію. Такихъ псалмовъ (говоря вообще о числѣ ихъ) двѣнадцать. Но чтобы и точнѣе изложить, что нужно сказать о нихъ, укажемъ порядокъ послѣдованія каждаго: именно, псаломъ тридцать второй и сорокъ второй, за ними семидесятый, потомъ третій по семидесятому, и послѣ нихъ девяностый, потомъ девяносто второй и слѣдующіе до шестаго, далѣе девяносто восьмой, и послѣдній изъ ненадписанныхъ сто третий, — вотъ порядокъ псалмовъ, ненадписанныхъ у Евреевъ. Причины же, почему не приняли Евреи сихъ надписаній, не полагаю иной, кромѣ сказанной. Лучше же сказать, наше о семъ разсужденіе. если немного и мимоходомъ обозримъ нѣкоторые изъ ненадписанныхъ псалмовъ, послужить доказательствомъ, что обвиненіе Іудеевъ въ неблагопризнательности, подтверждается самымъ обзорѣніемъ реченій.

Псаломъ повелѣваетъ возрадоваться о Пришедшемъ съ небесъ на землю, говоря: *радуйтесь праведнии о Господь* (Пса. 32, 1.), потому что Онъ всѣмъ править, все изъ несуществующаго привелъ въ бытіе, все сохраняетъ въ бытіи, и Его повелѣніе дѣлается сущностію.

Таковъ смыслъ божественныхъ словъ: *яко Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (9). Онъ блаженнымъ дѣлаетъ о имени Его утверждающійся народъ, а народомъ называетъ Пророкъ насъ, для которыхъ надежда спасенія — имя Христово, такъ какъ по имени Его называется всякій увѣровавшій; потому что *сѧ небесе призрѣ Господь видѣть вся сыны чловчскія: отъ готоваго жилища* (13. 14.). А готовымъ жилищемъ наименовалъ присносушнаго Отца, Которому принадлежитъ вѣчное бытіе, какъ ни отъ кого не происшедшему, но всегда готовому. И не почтемъ страннымъ, что изъ онаго готоваго жилища къ сынамъ чловчскимъ присоединяется Содѣлавшійся сыномъ чловчскимъ, такъ какъ мы увѣрены, что Онъ есть *создавый на единь сердца ихъ* (15). Ибо, если естество чловчское—Его созданіе, что новаго познаемъ изъ таинства? То, что Владыка естества *во Своя прииде*, но Евреи Его не *прияша* (Іоан. 1, 11.). Потому-то и нѣтъ у нихъ надписанія, какъ у того, кто не видитъ, нѣтъ солнца. Потому-то и мы плотское исполненіе закона, которое Пророкъ называетъ *ложивымъ конемъ*, и всякое тѣлесное разумнѣе заповѣдей (это, можетъ быть, значить слово *исполнѣ*), признаемъ бесполезнымъ для спасенія, какъ и псалмопѣвецъ оуждаетъ подобное сему, выражаясь загадочно: *ложь конь во спасеніе* (Пса. 32, 17.), *и исполнѣ не спасетсѧ*

множествомъ крѣпости своея (16). Но взирая на Избавляющаго отъ смерти души наши небесною пищею (какъ говоритъ Пророкъ: очи Господни на боящяся Его, уповающя на милость Его, избавиши отъ смерти души ихъ, и препитати я въ гладъ (18)), говоримъ: душа наша чаеъ Господа (20), призрѣвшаго на насъ съ небеси, и: буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя (22). Посемуто Еврей не принимаетъ надписанія псалма сего!

Такимъ же образомъ опять и сорокъ второй псаломъ не имѣеть у Евреевъ надписанія; такъ какъ самыя слова, по моему мнѣнію, показываютъ, что заключающееся въ семъ псалмѣ таинство не было приемено держащимися еврейской ереси; потому что псаломъ возвѣщаетъ, что дѣлающійся юнымъ видетъ *къ жертвеннику* (Пса. 42, 4.), Но для Еврея сіе невозможно; онъ несогласенъ въ таинствѣ спасенія обновиться рожденіемъ свыше.

А въ псалмѣ семидесятомъ, по церковному изданію имѣющемъ надписаніе: *сыновъ Юанадавовыхъ и первыхъ плѣншихся*, Евреями сіе умолчано; причина же тому ясна. Въ сихъ словахъ заключается болѣе другихъ явное пророчество о Господѣ; и ими оуждается невѣріе Іудеевъ, которые не могли принять явнаго ученія о таинствѣ. Какъ большыя глазами, или страждущіе водобоязнію,

не переносятъ, одни прираженія къ глазамъ луча, а другіе взгляда на воду, но, смеживши вѣжди, отворачиваются страждущіе глазами отъ луча, а подверженные водобоязни отъ взгляда на воду: такъ и злоба Іудеевъ, поелику не хочетъ признать славы божественной проповѣди, неудобоприемлемою дѣлаетъ истину умолчаніемъ о ней. Но и изъ самаго псалмѣнія можно познать загадочный смыслъ пророчества, Ибо въ семидесятомъ псалмѣ, у котораго это надписаніе : *о первыхъ плънившихся*, Пророкъ, какъ бы отъ лица плѣнника, говоритъ и иное нѣчто приличное рѣчи просителя, и слѣдующее: *избави мя изъ руки гръшнаго, изъ руки законопреступнаго и обидящаго* (4), сими именоваіями указуя на плѣнившаго жизнь нашу. А въ остальныхъ словахъ псалма, послѣ многихъ утѣшительныхъ изреченій, описываетъ совершившееся возвращеніе изъ плѣна, когда говоритъ: *елики явилъ ми еси скорби многи и злы, и обращаея оживотворилъ мя еси, и отъ безднъ земли паки возвелъ мя еси: умножилъ еси на мнѣ величествіе Твое и обращаея утѣшилъ мя еси* (20, 21.). Сіе же, какъ изводится изъ бездны увлеченный въ нее тяжестию грѣха, яснѣе уразумѣемъ изъ ученія великаго Павла; о такомомъ говоритъ онъ: *да не речеши въ сердцы твоемъ: кто въздетъ на небо? сиречь Христа свести. Или: кто снидетъ въ бездну? сиречь Христа отъ мертвыхъ возвести* (Римл. 10,

6. 7.). Ибо отъ чего взошла въ міръ смерть, тѣмъ опять и изгнана, взошла Человѣкомъ, Человѣкомъ и изгоняется. Первый Человѣкъ открылъ входъ смерти, вторымъ Человѣкомъ вводится напротивъ жизнь, вшествіе которой производитъ уничтоженіе смерти. Для сего, когда въ безднѣ смерти содержимъ былъ плѣнный смертію (щ), второй Человѣкъ страданіемъ снизшелъ въ бездну смерти, чтобы погрязшаго въ ней снова возвести съ Собою въ горнее. Ибо сіе въ точности объяснило великое слово Апостола; сказавъ о семъ многое другое, говоритъ онъ слѣдующее: *якоже о Адамъ вси умираемъ, такожде и о Христвъ вси оживемъ* (1 Кор. 15, 22.). Посему-то, велику надпись: *о плънишихся* громко зываетъ о домостроительствѣ воплощенія Господня, то Евреи заграждаютъ себѣ слухъ, и не принимаютъ надписанія.

Такъ, ту же причину неприятию надписанія Евреями найдешь и въ девяностомъ псалмѣ, а именно, что надпись указываетъ на Христово богоявленіе. Ибо у насъ упомянутый псаломъ есть *хвала пѣсни*; а всякая хвала относится къ Богу; Евреи же умалчиваютъ сію хвалу и хвалящимъ Господа повелѣваютъ молчать. Они стараются воспретить и дѣтямъ во

храмъ хвалить Господа за благодѣянiя, какъ евангелiе выставляетъ на позоръ ихъ неблаго-
годарность. Излишнимъ же было бы дѣломъ
указывать въ семь обзрѣнiи на самыя изре-
ченiя, относящiяся къ Господу въ хвалѣ этой
пѣсни, такъ какъ при самомъ чтенiи напи-
саннаго явственнѣе открывается этотъ смыслъ.

И слѣдующiй за девяносто первымъ псаломъ
имѣеть въ надписанiи также нѣчто ясно вы-
сказанное; почему iудействующiй далекъ отъ
согласiя на сiе надписанiе. Читается же оно
такъ: *хвала пѣсни Давиду, въ день субботный (ъ),
всегда населися земля.* Ибо кто изъ обучив-
шихся слову о благочестiи не знаетъ, что въ
день субботнiй совершенно таинство побѣды
надъ смертiю, когда тѣло Господне, въ точно-
сти по закону, пребывало недвижимымъ на
ложѣ во гробѣ? Кто не знаетъ и того дня,
всегда населися земля Населителемъ нашимъ,
Который, сокрушивъ истребителя нашего се-
ленiя, разрушенное снова возсоздалъ отъ осно-
ванiя? А истребителемъ нашимъ была смерть,
которую Господь тогда привелъ въ бездѣй-
ствiе, когда, пребывая недвижимымъ на томъ
мѣстѣ, гдѣ находился, казался намъ суббот-
ствующимъ (ы), поборолъ же силу смерти, про-

(ъ) По общепринятому чтенiю: *предсубботный*.

(ы) Такъ читается по рукописямъ.

лагаю Собою путь всѣмъ умершимъ къ воскресенію отъ смерти. Но не приѣмлетъ тайинства субботы врагъ — креста Христова. Потому и сія *хвала* у Евреевъ ненадписана; ибо несоглашаются они, что тотъ есть Господь, Кто, содѣлавшись подобнымъ намъ, и пріевъ на Себя наше поношеніе въ образѣ раба, снова воцарился, и *облечеся* въ Свою *льпоту* (Пса. 92, 1.), и возложилъ на Себя силу Свою. Сила же и *льпота* Сына—Отецъ. Сей-то Сынъ разслабленное грѣхомъ естество человѣческое снова содѣлалъ твердымъ, чтобы оно не уклонялось болѣе въ порокъ и не допускало до себя грѣховной бури. Псалмопѣвецъ, и за многое другое въ загадочныхъ выраженіяхъ восхваливъ благодать, прилагаетъ къ слову какія-то, громкій гласъ издающія, *рыки* (З), означая симъ, какъ думаю, гласы евангельскіе. Но какая нужда повторять по порядку написанное въ семъ псалмопѣніи, когда въ Божественныхъ изреченіяхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что пѣснопѣніе сіе относится къ Нему—Богу, возшедшему *въ воскликновеніи* (Пса. 46, 6.), свидѣнія Свои содѣлавшему достовѣрными добрымъ исповѣданіемъ, и устроившему, что собственному *дому* церкви *подобаетъ* *святыня* Духа (Пса. 92, 5.)?

Такъ по той же причинѣ Еврей не принимаетъ надписанія и девяносто третьяго псалма. Надписаніе же это чигается такъ: *Давиду въ*

четвертый субботы, не надписанъ—у Еврей. Закрывающееся въ семъ псалмѣ таинство предвозвѣщаетъ домостроительство страданія. Поелику въ пятый день недѣли совершенно предательство Иуды; то Искупившій Собою весь міръ въ предшествовавшій сему день какъ бы продается предателемъ (б). Такъ сдѣланное Иудою, именуется и въ пророчествѣ Іереміи: *и прикиша тридесать сребренникъ, цѣну цѣннаго* (Матѣ. 27, 9.). Для того же, думаю, продается, чтобы продажею Своею купить проданныхъ подъ грѣхъ. Почему Пророкъ, провидя будущее, возбуждается какимъ-то гнѣвомъ на совершаемое, называя Его *Богомъ отмщенія* (Пса. 93, 1.), и умоляя *вознесися насъ ради Смирившагося, воздать юрдымъ воздаяніе по достоинству ихъ* (2), да не *восхвалятся злобою ирпаницы* (3), къ которымъ взываетъ, именуя ихъ *безумными* и *буими* (8), какъ не признавшихъ Божества въ Явившемся. Ибо безумному свойственно, какъ говоритъ Пророкъ въ другомъ мѣстѣ, сказать, что нѣтъ Сущаго Бога (Пса. 13, 1.). Взываетъ же таковымъ: *разумайте безуміи въ людехъ, и буи нѣкогда умудритесь. Кто насаждаетъ ухо? Кто создавый око? Кто наказуяи языки? Кто вѣсть помышленія чловѣческая* (Пса. 93, 8 — 11.)?

(б) Такъ читается въ рукописяхъ.

Ибо всѣмъ этимъ, какъ думаю, Пророкъ указываетъ на чудеса при исцѣленіяхъ, когда созидались очи изъ плюновения и земли творимымъ брениемъ (Іоан. 9, 6.), когда перстомъ насаждался слухъ у лишенныхъ какъ либо сего чувства, когда все, сокрываемое въ тайнѣ помышлений, объявляемо было Видящимъ мысли ихъ. Поелику Пророкъ, взывая къ нимъ, не былъ слышанъ; то обращаетъ онъ слово къ Господу, и говоритъ: *блаженъ человекъ, его же еще накажеша Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (12); какъ будто законъ самъ по себѣ не приноситъ никакой пользы, если заключающагося въ немъ таинства не уяснить какое Божественное наставленіе, какъ сказалъ это сей самый Пророкъ: *открыи очи мои, и узрѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пса. 118, 18.). Или, можетъ быть, онъ ублажаетъ увѣровавшаго въ законъ духовный язычника, который, будучи до того времени человекомъ плотскимъ и уподобляясь скотамъ, по обученіи закону Божію, когда клятва премѣнилась на благословеніе, дѣлается блаженнымъ, потому что для него *укрощается гнѣвъ отъ дней мутныхъ*, а для неувѣровавшаго *изрыется яма* (Пса. 93, 13.). Потомъ чрезъ нѣсколько словъ Пророкъ скажетъ цѣль домостроительства Господня о человекѣ: *еще не Господь помогъ бы ми, вѣдаль вселилася бы во адъ душа моя* (17); потому что Господня помощь не попускаетъ

намъ быть обитателями ада; сказуетъ еще, что по множеству болъзней, слѣдствій грѣха, Врачующимъ насъ употреблено надъ нами равносильное врачеваніе (19). Посему вдается въ высшее любомудріе, уча, что зло не отъ Вѣчнаго; ибо говоритъ: *не прибудетъ Тебѣ престолъ беззаконія, созидай трудъ на повелѣніе* (20), то есть, не вмѣстѣ съ Тобою усматривается начало злобы; потому что престолъ, установляющій грѣхъ повелѣніемъ, есть начало. Симъ Пророкъ показалъ, что злоба не отъ вѣчности, и не вѣчно пребудетъ; ибо что не вѣчно было, то и будетъ не вѣчно. Сказываетъ же Пророкъ и способъ истребленія зла, предрекая уничтоженіе злобы съ убіеніемъ Господа Іудеями. Ибо говоритъ: *уловятъ на душу праведницу, и кровь неповинную осудятъ* (21). Но сія кровь сдѣлается спасительною для меня. Ибо осужденный на смерть *Господь* чрезъ то дѣлается для меня *прибъжищемъ*, и въ помощь упованія поставляется вѣрующимъ сей *Богъ* (22), Который, на праведномъ судѣ воздая каждому по достоинству, уничтожитъ лукавство, а не естество согрѣшившихъ. Вотъ точныя слова пророка: *воздастъ илѣ Господь беззаконіе ихъ, и по лукавствію ихъ помубитъ я Господь Богъ* (23). Означаетъ же сказаннымъ, что погибнуть пріавшіе на себя нынѣ образъ грѣха. А когда не будетъ злобы, не будетъ носящаго на себѣ образъ ея. Посему когда

погибнеть злоба, и ни въ комъ не останется такого начертанія, всѣ образуются по подобію Христову, и во всѣхъ возсіяетъ одинъ образъ, какой въ началѣ вложенъ былъ въ естество.

ГЛАВА 9.

Послѣ сего Пророкъ послѣдовательно поступаетъ далѣе, не употребляя никакого музыкальнаго орудія, но собственнымъ своимъ голосомъ воспѣвая Богу благоговѣйную хвалу въ пѣсни; ибо говоритъ: *хвала пѣсни Давиду* (Пса. 94.). И этого надписанія у Евреевъ нѣтъ, потому что слышащихъ призываетъ оно къ общенію въ радованіи и къ побѣдному восклицновенію, говоря: *приидите возрадуемся Господеву, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (1), а въ концѣ заключаетъ нѣкую сильную угрозу невѣрующимъ, обнаруживавшимъ сіе злоуміе и въ продолженіе сорокалѣтняго пребыванія въ пустынѣ, когда раздражали они Благодѣтеля, и послѣ того не пріившимъ дарованнаго намъ евангеліемъ упокоенія отъ грѣха, когда, *услышавъ гласъ* Пришедшаго ради насъ въ сіе днесь, и изъ довременнаго и вѣчнаго величія снисшедшаго во временное бытіе, можно было имъ днесь открыть для себя входъ въ покой, но они, всегда, поставляя себѣ путеводителемъ заблужденіе и невѣріе, и въ

первыя и въ послѣдующія за тѣмъ времена входятъ въ покой Божій заграждали клятвою. Ибо, какъ вошли бы въ покой добровольно содѣлавшіе себя чуждыми благословенія?

Такъ и послѣ сихъ псалмовъ девяносто пятый у еврействующихъ читается не написаннымъ, а у насъ есть пѣснь, воспѣтая Богу по возвращеніи изъ плѣна, когда возсоздано было разрушенное устройство естества нашего. Читается же написаніе сіе такъ: *хвала плъни, вегда дома созидашеса по плъненіи, ненаписанъ у Еврей* (Пса. 95.). Прямо же въ самомъ вступленіи псалмонѣніе сіе благовѣствуетъ таинство новаго завѣта, говоря: *воспойте Господеви пѣснь нову* (1). И не безъ основанія умолчано написаніе псалма сего у Евреевъ; ибо послѣ евангельскихъ провозглашеній, какія сдѣланы въ началѣ псалма, пророчество обращаетъ рѣчь къ обращеннымъ изъ язычниковъ, говоря: *принесите Господеви отечествія языкъ, принесите Господеви славу и честь* (7), *поклонитесь Господеви во дворъ святѣмъ Его* (9). И такова вся послѣдующая рѣчь; она предсказываетъ прѣхождение благословенія на язычниковъ. *Рцйте во языцехъ*, говоритъ Пророкъ, *яко Господь воцарися*, и разрушенную злобою вселенную исправи, такъ что она навсегда пребудетъ неколебимою (10). О семъ веселятся небеса и радуется вся земля, потому что подвиглись воды морскія съ ихъ исполненіемъ. А

симъ иносказательно изображаетъ Пророкъ сопротивную силу, потрясаемую и приводимую въ несостоятельность нашею жизнію, когда мы содѣлываемся небесами, повѣдающими славу Божию, и землею благословенною за плодоношеніе добродѣтели. *Да подвижится море*, говоритъ Пророкъ, *и исполненіе ея* (11). Далѣе сказуетъ, что *возрадуются поля*, называя полями уравнивающую въ добродѣтели жизнь, о которой и Исаія въ словахъ своихъ упоминаетъ инымъ образомъ, повелѣвая дебрямъ наполниться, холмамъ и горамъ смириться (Иса. 40, 4.). Говоритъ же сіе, кажется мнѣ, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ желая уврачевать недостатки и излишества въ добродѣтельныхъ предначинаніяхъ, чтобы отъ недостатка въ добромъ въ ученіи о добродѣтели не произошло пустоты, и отъ излишества—неровности. Ибо говоритъ: *возрадуются поля, и вся яже на нихъ.*

Подобнымъ образомъ и слѣдующій за симъ псаломъ не принятъ у Евреевъ съ надписаніемъ; потому что говоритъ о касающемся до насъ, и благовѣствуетъ о состояніи нашей земли. Надписаніе приписываетъ Давиду сіе псалмопѣніе, и выражается такъ: *Давиду, егда земля ея устроилася.* Но слово: *ею*, очевидно, относится не къ Давиду, а къ Богу; потому что земля, прежде отпадшая чрезъ грѣхъ, нынѣ познаніемъ Бога пріобрѣла постоянство; земля

Божія—всѣ мы, неустоявшіе прежде въ добръ и за то подпавшіе клятвѣ, но потомъ избавленные отъ клятвы, и снова достигшіе постоянства въ добръ. И сіе прямо благовѣствуетъ самое начало псалмопѣнія, а именно: поелику воцарился Господь, то радуется земля. Какъ иный сказалъ бы: поелику возсіяло солнце, то освѣщается имъ земля: такъ, поелику возоблагодало Господне царство, то въ насъ веселіе сего царства. Вотъ точныя слова псалма: *Господь воцарися, да радуется земля: да веселятся острови мнози* (Пса. 96, 1.). Прекрасно Пророкъ называлъ островами души показавшихъ твердость и неизмѣнность въ искушеніяхъ. Хотя отвсюду окружаетъ ихъ море порока, однакоже не имѣетъ оно надъ ними столь великой силы, чтобы прираженіемъ своимъ произвести какое либо волненіе въ постоянной добродѣтели. Потомъ слово среди всего этого подъ облакомъ и мракомъ представляетъ (ѳ) неудобозримость Божія естества: *облакъ и мракъ окрестъ Его* (2), и показавъ страшное дѣйствіе карательной силы въ сказанномъ: *огнь предъ Нимъ предвидетъ, и поглотитъ окрестъ враги Его* (3), открываетъ евангельское свѣтоводство, молніями называя слова Божественной проповѣди, озаряющія цѣлую вселенную; ибо гово-

(ѳ) Въ рук. вмѣсто *ἀποσκιάνη* читается *ἀποσκιμαίνε*.

рить: *освѣтиши молнія Ею вселенную* (4), и въ слѣдующихъ словахъ показавъ высоту евангельскихъ таинствъ, именно, когда говорить: *возвѣстали небеса правду Ею, и видѣли вси людіе славу Ею* (6), и предвозвѣстивъ истребленіе идоловъ и уничтоженіе всякаго заблужденія въ словахъ: *да постыдятся вси кланяющіися истуканнымъ, хвалящіися о идолахъ своихъ* (7), прилагаетъ печать благъ, сказуя людямъ пришествіе Господа во плоти: *святъ возсія праведнику, и правымъ сердцемъ веселіе* (11).

Съ концемъ сего псалмопѣнія прекрасно и сообразно съ дѣломъ связуется начало слѣдующаго ненадписаннаго псалма. Ибо одна и таже сила для праведника бываетъ свѣтомъ и веселіемъ, и гнѣвомъ для народа невѣрующаго. Сказано: *Господь воцарися, да шлѣваются людіе* (Пса. 98, 1.). Кто сей воцарившійся Господь, превышій ангельскаго и небеснаго естества? Ибо писаніе упоминаніемъ о херувимахъ показываетъ превосходство премірной силы Того, Чье воцареніе приводитъ въ разрушеніе то, что составилось худо; потому что колеблетъ не то, что въ насъ небеснаго, но то, что въ насъ земнаго, такъ выражаетъ сіе словомъ: *судяи на херувимыхъ, да подвижется земля* (1). Оставляю слѣдующее за симъ, чтобы продолженіемъ разбора не причинить великаго обремененія. Скажу только, что все до конца псалмопѣнія относится къ одной и той же цѣли. Пророкъ

свидѣтельствуеть, что сей воцарившійся Богъ не первымъ намъ нынѣ явился, но Онъ же являлся и именитымъ изъ пророковъ. Поэтому упоминаеть о Моусеѣ, Ааронѣ и Самуилѣ (6), изъ которыхъ каждый знаменитъ и славенъ благочестіемъ предъ Богомъ. Присовокупляеть же къ слову и упоминаніе о *столпѣ облачномъ*, въ которомъ Богъ глаголаъ *къ нимъ* (7), научая тѣмъ, какъ думаю, невѣрующихъ не удивляться по этому Божіей бесѣдѣ съ нами чрезъ человѣка. Ибо тогда въ столпѣ облачномъ глаголавшій Богъ послѣ того явился во плоти; почему если скажетъ кто, что плоть недостойна того, чтобъ чрезъ нее глаголаъ къ намъ Богъ, то не возможетъ засвидѣтельствовать достоинства и въ облачномъ столпѣ. Ибо что въ немъ такого, что можно было бы признать достойнымъ величія Божія? Если же для Иудеевъ достовѣрно, что Богъ глаголаъ въ столпѣ облачномъ, то да не будетъ не вѣроятнымъ и то, что глаголаъ Онъ во плоти. Сверхъ того и Исаія въ видѣ облака представлялъ себѣ плоть; ибо говорить: *се Господь сподитъ на облацъ лецъ* (Иса. 19, 1.); и послѣдующихъ за Господомъ тотъ же опять Пророкъ именуеть облаками, говоря: *кии суть, иже яко облацы летятъ?* (60, 8.). Сею подобоименностію облаковъ показываеть Онъ сродство Господней плоти съ остальнымъ человѣчествомъ. Итакъ сему-то Богу, нѣкогда чрезъ

облако, а послѣ того чрезъ плоть, глаголавшему къ людямъ, говоритъ далѣ Давидъ: *Господи Боже нашъ, Ты послушалъ еси ихъ: Боже, Ты милостивъ бывалъ еси имъ, и мщя на вся начинанія ихъ* (Пса. 98, 8.). А чтобы иный, смотря на домостроительство, непоползнулся на какія либо низкія и человѣческія понятія о Божествѣ, Пророкъ въ концѣ псалмѣнія, обративъ рѣчь къ намъ, присовокупляетъ сіе изреченіе: *вознесите Господа Бога нашего* (9), *и покланяйтесь подножію ногу Его, яко свято есть* (5). Смысль же сказаннаго, какъ предполагаемъ, есть слѣдующій: Божественныя тайны открыты вамъ, люди, сколько слухъ человѣческой принять можетъ; путеводимые симъ къ благочестивому боговѣдѣнію, сколько вмѣщаетъ вашъ разсудокъ, столько вознесите славу Божію, зная, что, сколько бы ни возвысилось ваше разумѣніе, хотя бы преступили вы всякое высокое представленіе въ понятіяхъ о Богѣ, и тогда обрѣтаемое и покланяемое вами—не самое еще величіе Искомаго, но только подножіе ногъ Его. Симъ-то сравненіемъ съ недоступнымъ для постиженія Пророкъ объясняетъ безсиліе и низость нашего разумѣнія.

Потомъ, миновавъ послѣ сего нѣсколько псалмовъ, въ псалмѣ сто третьемъ, который вмѣстѣ съ многими другими причисляется къ ненадписаннымъ у Евреевъ, Пророкъ ясно

богословствуетъ о едиnorodномъ Богѣ, Ему приписуя вину созданія вселенной. Ибо сказано, что псаломъ сей о сотвореніи міра—Давидовъ, и ненадписанъ у Евреевъ; а симъ означается, что Евреи непринимають цѣли сего пророчества. Надписаніе же читается такъ: *Давиду о мірствльмъ бытіи*, ненадписанъ у Еврей. Смыслъ псалма сего изложимъ при времени; а теперь достаточно намъ будетъ сказать только то, что таже причина, разумѣю невѣріе Іудеевъ, сдѣлала, что и сего псалма надписаніе не принято Евреями.

ГЛАВА 10.

Не надлежитъ оставлять безъ изслѣдованія и слова: *діапсалма* (э). Жившіе прежде насъ полагали, что словомъ симъ означается пере-мѣна, или мысли, или лица, или вещи; мы не отвергаемъ мнѣній отцевъ, но не полѣнимся о значеніи сего реченія придумать нѣчто и отъ себя. Посему принять нами такой смыслъ слова: *діапсалма*, что, когда, въ послѣдовательномъ ходѣ псалмопѣнія, въ пророчествующемъ Давидѣ происходило нѣкое новое озареніе Свя-

(э) Греческимъ словомъ: *діапсалма* переводится еврейское: *села*. Здѣсь греческое слово оставляется безъ перевода; потому, что въ славянской псалтири (напр. Пса. 9. ст. 24) оно ни какъ не переведено, даже совершенно опущено.

таго Духа, и нѣкое приращеніе въ дарованіи вѣдѣнія, на пользу приемящихъ пророчество; тогда, сдерживая свой гласъ, давалъ Онъ время разумѣнію усвоить себѣ вѣдѣніе мыслей, порождаемыхъ въ немъ Божественнымъ озареніемъ. И какъ нерѣдко иные, или идя вмѣстѣ дорогою, или разговаривая другъ съ другомъ на пирахъ, или въ собраніяхъ, если откуда либо приразится вдругъ къ слуху шумъ, прекративъ рѣчь, напрягаютъ разумѣніе разобрать сей шумъ, безмолвіемъ доставляя слуху время узнать силу шума, а потомъ, когда производившее шумъ умолкаетъ, снова заводятъ рѣчи другъ съ другомъ: такъ великій Давидъ, служа истолкователемъ Духа, въ сладкопѣніи излагалъ, что прежде имъ было дознано; и если научался чему въ продолженіе рѣчи, преклоняя душевный слухъ къ оглашающему его духовно, и заставляя умолкнуть свою пѣснь, какихъ исполненъ бывалъ мыслей, тѣ и выражалъ, снова слагая слова въ сладкопѣніе. Посему *diapsalma*, какъ скажетъ иный, давая опредѣленіе слову, есть внезапно происходящій перерывъ псалмопѣнія для пріятія свыше внушаемой (ю) мысли. Или иный опредѣлитъ лучше такъ: *diapsalma* есть ученіе, таинственно сообщаемое душѣ Духомъ, между тѣмъ какъ вниманіемъ къ сей сообщаемой мысли пресѣкается непрерывность

(ю) Въ рук. N 71 читается: *ἐπεσιγιομένη*.

пѣснопѣній, такъ что, по мнѣнію многихъ, происходящее молчаніе служить знакомъ, что сила Святаго Духа оставила пророчествующаго. Посему-то нѣкоторые толковники вмѣсто слова: *диансалма* въ сихъ промежуткахъ вписываютъ слово: *всеида*, чтобы изъ сего можно было дознать, что ученіе Духа Святаго было въ душѣ непрестанно, а слово истолковывающее мысли, внушаемыя душѣ свыше, было не непрестанно; но Пророкъ одно изглашалъ съ разумѣніемъ, а другое только еще принималъ. Посему, когда провѣщавалъ мысли, отпечатлѣнныя въ разумѣніи, тогда псалмопѣніе продолжалось послѣдовательно; но если душевный слухъ его оглашаемъ былъ чѣмъ либо еще болѣе божественнымъ, то весь онъ былъ слухомъ, и пѣсь умолкала. Посему, такъ какъ Духъ Святой глаголалъ въ немъ всегда (я) и во время молчанія; промежутки имѣло одно слово (сей то промежутокъ толковники наименовали *диансалмой*).

Но по обозрѣнному нами раздѣленію псалмопѣнія, во всей книгѣ разлагаемому на пять частей, и изъ этого можно доказать, что придуманная нами причина истинна, именно же изъ того, что каждымъ отдѣломъ путеводимый имъ постепенно руководится всегда къ высшему. Ибо послѣдній только отдѣлъ отъ начала до

(я) По рукописямъ вмѣсто *я* читается: *ди*.

конца въ каждомъ псалмѣ имѣеть непрерывное и нераздѣльное пѣснопѣніе, нигдѣ нераздѣляемое *диапсалмою*; это принадлежитъ каждому изъ псалмовъ, какъ называемому пѣснію *степеней*, такъ и надписанному: *аллѣлуя*. Соблюденіемъ такого правила, какъ думаю, доказывається, что въ другихъ псалмахъ, какъ нисшихъ, есть возможность поучать высшимъ мыслямъ, и въ связь рѣчи вводить то, что можетъ возвести разумѣніе къ лучшему; а совершенство степеней и псалмовъ съ надписаніемъ: *аллѣлуя*, какъ достигшее до самой высоты примышленнаго ко благу, не имѣеть нужды ни въ какомъ прибавленіи, но само собою доведено до полного совершенства въ добрѣ. О семъ свидѣтельствуєтъ и смыслъ надписанія сихъ псалмовъ, именуя все надписанное хвалою Богу. Ибо какъ тѣла, проходя по возрастамъ, имѣють предѣлъ, на которомъ останавливается естество, не допуская уже большаго приращенія, но все остальное время оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи: такъ и при Божественномъ обученіи возможны и возрастаніе и неподвижный предѣлъ, и обучающій младенчествующихъ и несовершенныхъ умомъ, питая приличными снѣдями, млекою и подобнымъ тому, приводитъ ихъ въ возрастаніе, а совершеннымъ, у которыхъ чувствилища души обучены другими уроками, предлагаетъ твердую трапезу.

Посему, что въ послѣднемъ отдѣлѣ никакой небыло нужды истолкователю Духа высшимъ сколько нибудь мыслямъ научиться *diapсалмою* (ѳ), къ разумѣнію причины сему яснымъ указаніемъ послужать здѣсь тѣ части псалмопѣнія, которыя раздѣлены *diapсалмою*. Такъ въ третьемъ псалмѣ, гдѣ Пророкъ предсказываетъ замѣшательство и затрудненіе, произведенное возстаніемъ враговъ, отдѣливъ эту часть *diapсалмою*, таинственно огласившему его съ упованіемъ изрекъ спасительное это слово: *Ты же Господи заступникъ мой еси, слава моя, и возносяй главу мою* (Псал. 3, 4.). И снова въ промежуткѣ сложивъ пѣснопѣніе, послѣ благодарственнаго онаго изреченія, какое произнесъ, говоря: *гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, и услыша мя отъ горы святыя Своея* (5), научаешь, чѣмъ рѣшится общая тягота человѣческихъ бѣдствій, и при внезапномъ озареніи Духомъ наученный таинству страданія Господня, пріемлетъ на себя самое лице Владыки, и говоритъ: *Азъ уснухъ и спяхъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя* (6). Но въ точности излагать смыслъ заключающійся въ каждомъ реченіи будетъ дѣломъ излишнимъ, потому что слово поспѣшаетъ къ другимъ предметамъ.

(ѳ) Переводъ дополненъ по рукописямъ.

А какъ въ данномъ понятіи слова: *diapсалма* увѣриться надлежитъ на основаніи самыхъ писаній, то и въ четвертомъ псалмѣ есть *diapсалма* (v), изъ которой узнаемъ тоже самое. Ибо Пророкъ нѣкоторымъ образомъ всему человѣческому роду взываетъ, что суетно, чего домогаются люди, и *тяжкосердыми* именууетъ сыновъ человѣческихъ, которымъ любезна суетная и несостоятельная ложь; потомъ умолкнувъ, показываетъ, въ чемъ состоитъ истина. Ибо говоритъ: *увидите, яко удиви Господь преподобнаго Своего* (Псал. 4, 4.), словомъ: *преподобный*, указывая, думаю, на Господа, какъ говоритъ и Моисей: *праведенъ и преподобенъ Господь* (Второз. 32, 4.). Потомъ предложивъ совѣтъ, какъ можно человѣку проходить жизнь въ чистотѣ, и бывъ судіею и рѣшителемъ душевныхъ помышленій, когда говорилъ: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилилися* (Пса. 4, 5.), и снова, возвратясь къ себѣ самому, и самъ услышалъ, и слышащимъ провозгласилъ, уничтоженіе приношенія по закону въ жертву животныхъ; ибо имѣющему нужду въ душевномъ очищеніи повелѣваетъ не надѣяться на закланіе безсловесныхъ животныхъ, но познать, какими жертвами благоугождается Богъ. Почему говоритъ:

(v) Въ рукоп. N 71 вмѣсто: *diapсалма* читается: *diapсалма*.

пожрите жертву правды, и уповайте на Господа (6).

Такъ Пророкъ и въ седьмомъ псалмѣ напередъ излагаетъ свое собесѣдованіе съ Богомъ, въ которомъ оправдывается предъ праведнымъ Судією, что злоба враговъ не есть воздаяніе за зло имъ причиненное, но сами они первые виновники лукавства, и что онъ равно вмѣняетъ въ грѣхъ, какъ самому начать злое дѣло, такъ и начавшему мстить тѣмъ же. Сказавъ это, преклоняетъ снова слухъ предъ Открывающимъ великое таинство благочестія, въ которомъ совершается Господомъ отмщеніе истиннымъ врагамъ. Ибо полчище сопротивныхъ не могло быть истреблено иначе, какъ воскресшимъ за насъ Господомъ. Но воскресенію, конечно, должна предшествовать смерть. Посему возвѣстившій воскресеніе Господне, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ и соединенное съ воскресеніемъ, разумѣю, таинство страданія. А Пророкъ, ставъ посему богодухновеннымъ, по вселеніи въ него Духа Святаго, говоритъ: *воскреси Господи ильвомъ Твоимъ, вознесися въ концѣхъ врагъ Твоихъ* (Пса. 7, 7.), означая словомъ: *ильвъ* карательную силу праведнаго Судіи, а послѣдующими словами — уничтоженіе порока; потому что одинъ только врагъ у естества, — то, что представляется противоположнымъ добру, и это — порокъ, конецъ котораго — уничтоженіе и превращеніе въ ничто.

Посему Пророкъ, сказавъ: *вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ*, даетъ видѣть, что, поелику злоба враговъ возимѣетъ конецъ, то не останется болѣе въ жизни стремленія къ пороку. Ибо, какъ концемъ болѣзни бываетъ здоровье, и концемъ сна пробужденіе (спящій же, пока онъ во снѣ, не имѣетъ конца сну, и больной еще не на предѣлѣ между недугомъ и здоровьемъ; но когда съ недужнымъ послѣдуетъ выздоровленіе, а съ спящимъ пробужденіе, тогда говоримъ, что они при концѣ того, въ чемъ каждый изъ нихъ находился, одинъ—сна, другой—болѣзни): такъ и здѣсь, приведеніе человѣческаго естества въ блаженное состояніе Пророкъ наименовалъ *концемъ враговъ*.

Въ разсужденіи слова: *диансалма* одну только во всей книгѣ псалмовъ примѣчаемъ перемѣну въ одномъ девятомъ псалмѣ. Ибо не просто сказано: *диансалма*, но: *пльнь диансалмы*. Хотя, можетъ быть, рѣчь сія извращена по какой-либо ошибкѣ писца, такъ что должно лучше читать: *диансалма пльни*, а не: *пльнь диансалмы*; однакоже, поелику надлежитъ имѣть предъ глазами изображенный въ Іоанновомъ Апокалипсисѣ судъ на измѣняющихъ божественныя Писанія прибавленіемъ или убавленіемъ; то, сохраняя преданный намъ порядокъ рѣчи въ сей части Писанія, попытаемся отыскать, ежели есть, причину, по которой написано: *пльнь диансалмы*. Итакъ соображаемъ, что отъ сей

диансалмы и до слѣдующей была одна *диансалма*, когда Духъ Святый влагалъ въ Давида пророчественныя мысли. Но, не какъ въ прочихъ случаяхъ, и здѣсь это происходило. Ибо въ другихъ случаяхъ не вмѣстѣ совершалось и оглашеніе, таинственно производимое въ душѣ Духомъ, и возвѣщеніе сообщеннаго Пророку вѣдѣнія, но пока сердце обучалось внутренно, слово безмолвствовало. Здѣсь же совокупно и въ одно время совершаются два дѣйствія; Пророкъ въ то же время, какъ пророчествуетъ, пріемлетъ отъ Духа наставленіе въ высшихъ свѣдѣніяхъ, и продолженіе пѣснопѣнія не пресѣкается, но соприсущій органу Пророка, Духъ Святый Самъ по Своему изволенію приводитъ въ движеніе издающія гласъ чувствилища, чтобы и пѣснь не умолкала, и ученіе не встрѣчало препятствія въ звукахъ; потому что самое ученіе Духа было пѣснь, какъ и называетъ это Симмахъ.

Но какъ таковая вставка слова встрѣчается во многихъ мѣстахъ псалмопѣнія, то для получившихъ въ сказанномъ общее напутіе къ разумѣнію слова: *диансалма* достаточно и сего будетъ, чтобы не перебирать уже въ подробности всѣхъ мѣстъ, гдѣ есть слово: *диансалма*. Ибо излишнее и вмѣстѣ напрасное дѣло, останавливаясь на извѣстномъ, длить слово разсужденіемъ о томъ, что признано всѣми.

ГЛАВА II.

Но иной основательно спросить и о томъ, почему порядокъ псалмопѣнія не согласенъ съ послѣдовательностію исторіи. Ибо, если кто обратитъ вниманіе на разстояніе времени, въ которое продолжалась жизнь Давидова, и на послѣдовательность событій; то не найдетъ, чтобы расположеніе псалмовъ согласовалось съ порядкомъ исторіи. Посему, обращаясь къ первой цѣли нашего слова, скажемъ, что ни о чемъ этомъ не было заботы у нашего Учителя; а Учителемъ, думаю, должно наименовать Духа Святаго, какъ говоритъ Господь: *Той вы научитъ всему* (Іоан. 14, 26.). Итакъ симъ руководителемъ и наставникомъ душъ признается дѣломъ второстепеннымъ все иное, попеченіе же у Него только о томъ, чтобы спасти блуждающихъ въ суетѣ жизни, и привлечь къ жизни истинной. Ибо для всякаго дѣла, совершаемаго съ какою-либо цѣлію, есть нѣкій естественный и необходимый порядокъ, при которомъ послѣдовательно съ успѣхомъ исполняется желаемое. Такъ у каменотесцевъ, хотя цѣль работы та, чтобы камень уподобить какому-либо существу, однакоже дѣло начинается не вдругъ съ конца, а напротивъ того, искусство вводитъ необходимый нѣкій порядокъ, безъ котораго желаемое не можетъ быть сдѣлано. Ибо сперва

надлежитъ отдѣлить камень отъ однородной съ нимъ скалы, потомъ обстѣчь на немъ бесполезныя выпуклости, препятствующія тому, чтобы онъ уподобился предположенному, и такимъ образомъ обработать камень, выдолбивъ тѣ его части, по отнятіи которыхъ въ остальномъ начинаетъ быть видимъ образъ животнаго, которое изобразить старается художникъ; послѣ сего, надобно какими либо болѣе тонкими и слегка дѣйствующими орудіями, очистить и выравнивать шероховатость камня, и тогда уже остальному сообщить видъ первообраза, наконецъ поверхности камня придать лоскъ и большую гладкость, и сообщить произведенію такую красоту всѣми средствами, какія знаетъ искусство. Такимъ же образомъ, поелику все естество наше отъ пристрастія къ вещественному какъ бы окаменѣло, то слово, которое выдѣлываетъ изъ насъ первобытное (а) божественное подобіе, нѣкимъ путемъ и послѣдовательно достигаетъ конца своей цѣли. Прежде всего отдѣляетъ насъ, какъ бы отъ какой-то однородной съ нами скалы, разумію порокъ, съ которымъ съедились мы какою-то постоянной дружною. Потомъ обстѣкаетъ излишки вещества; послѣ сего начинаетъ тому, что обдѣлываетъ, придавать видъ подобія образцу отня-

(а) Сіе дополнено по рукописи N 71.

тіемъ препятствующаго сходству, и такимъ образомъ, обученіемъ мыслямъ болѣе тонкимъ, очищая и выравнивая наше разумѣніе, впечатлѣніемъ добродѣтели воображаетъ въ насъ Христа, по образу Котораго и первоначально мы были, и снова, сотворены.

Посему какой же порядокъ въ обработкѣ нашихъ душъ (б)? Въ первомъ отдѣлѣ псалмоцѣнія, отлучены мы отъ порочной жизни, а въ слѣдующихъ отдѣлахъ непрерывною послѣдовательностію уподобленіе доведено до совершенства. Посему порядокъ псалмовъ строенъ, потому что, какъ сказано, Духу же лательно научить насъ не простой исторіи, но души наши образовать добродѣтелию по Богу, какъ требуетъ сего послѣдовательное уразумѣніе написаннаго въ псалмахъ, а не какъ сіе нужно въ исторической послѣдовательности. Ибо, какъ въ представленномъ нами примѣрѣ каменотесанія много орудій потребно искусству для обработки изваянія, и орудія сіи не сходны между собою по наружному виду, но иныя къ концу сдѣланы винтообразными, другія имѣють остріе, на подобіе пилы, другія же устроены въ видѣ рѣзца, инымъ приданъ видъ полукружія; изъ всего же этого и подобнаго сему служить художнику каждая вещь въ свое

(б) Слово *душъ*, читается въ той же рукопеси.

время: такъ и истинному искуснику, художнически приводящему души наши въ божественное подобіе, какъ бы вмѣсто нѣкихъ каменотесныхъ орудій, уготованы псалмопѣнія; употребленіе же сихъ орудій приводитъ въ порядокъ потребность дѣланія. И художнику не для чего любопытствовать, какое изъ орудій выковано прежде другаго, чтобы дриготовленное прежде и въ дѣлѣ тесанія употребить первымъ. Ибо кто обращаетъ вниманіе на потребность, тотъ первымъ и вторымъ часто употребляемымъ дѣлаетъ то орудіе, которое присовѣтуетъ потребность. Посему, идетъ ли рѣчь въ первыхъ псалмахъ о Гоіаѣѣ и Саулѣ, а въ послѣднихъ объ Авессаломѣ, объ Уріи, о *словесахъ Хусіевыхъ* (Пса. 7, 1.), о встрѣчѣ съ Вирсавіею, нѣтъ до сеѣго дѣла тому, кто образуетъ ими сердца наши, но только бы отъ каждаго псалма было какое либо содѣйствіе къ нашему благу; сіе одно имѣетъ въ виду и послѣдовательность въ дѣлѣ спасенія. Наилучшимъ порядкомъ дѣлается послѣдовательность и порядокъ въ томъ, что содѣйствуетъ намъ въ этомъ.

Такъ первый псаломъ удалилъ человека отъ сродства съ зломъ, второй, предвозвѣстивъ явленіе Господа во плоти и показавъ, что блаженство наше—уповать на Него, указалъ, къ кому должны мы прилѣпиться. Третій псаломъ предвѣщаетъ предстоящее тебѣ отъ врага

искушеніе, такъ что тебя, помазаннаго уже на царство за вѣру и соцарствующаго съ истиннымъ Помазанникомъ, намѣревается свергнуть съ сего достоинства не кто либо внѣшній, но тотъ, кто отъ тебя самага происходитъ. Ибо не со стороны заимствованную имѣеть надъ нами силу непріятель, и не бываемъ мы свергнуты съ своего достоинства кѣмъ другимъ, если сами при тяжкихъ мукахъ не содѣлаемся отцами злаго порожденія, которое угрожаетъ нашему царству, и возстаетъ на него, тогда одерживая надъ нами верхъ, когда осквернитъ сожительствующихъ съ нами, дѣлая открытымъ срамъ, то есть, когда объявить всѣмъ о растлѣніи въ насъ добродѣтелей, съ которыми сожительствовали мы нѣкогда. Посему, поелику въ первыхъ псалмахъ не укрѣплены еще наши силы къ борьбамъ, что бы при нападеніяхъ противника лицомъ къ лицу вступить съ нимъ въ битву; то слово показало боримымъ, что не маловажно для безопасности (в) избѣгать нашествія подобнаго врага, примѣромъ изъ надписанія (Пса. 11.) (г) научая тебя, что, когда родится у тебя Авессаломъ, власатый пороками братоубійца, вознеистовавшій на честный твой бракъ и на

(в) По рукоп N 71. читается: *eis dofalēian*, а не *eis drelēian*.

(г) По той же рукописи читается: *kata tēn epigraphēn*.

ложе нескверное; тогда бѣгай, какъ говоритъ Господь, изъ города въ городъ (Матѳ. 10, 23.). Ибо, бѣгствомъ отъ лица такого сына—Авессалома, тому, кто собралъ свои силы при помощи древа, привязавшаго къ себѣ лукавыя власы Авессаломовы, можно тремя стрѣлами умертвить врага. Конечно же явентъ для тебя смыслъ представляемый исторією загадки, то есть какъ значеніе древа, къ которому пригвождены были власы порока, что именуетъ Апостолъ рукописаніемъ грѣховъ, говоря: *и то сзятъ отъ среды, привоздизъ е на крестъ* (Кол. 2, 14.), то есть, на древѣ, такъ и значеніе трехъ стрѣлъ, въ средину сердца поражающихъ врага, чѣмъ наносится и смерть врагу послѣд- нему.

Чтобы имѣть намъ надлежащее понятіе о стрѣлѣ, вникнемъ въ пророчество Исаи, который говоритъ отъ лица Господа: *положи Мя яко стрѣлу избранну, и въ туль Своемъ вознесъ Мя* (Иса. 49, 2.). Посему стрѣла сія есть живое Слово Господне, *острыйшее паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12.), слово же есть Христовъ; и въ семъ имени исповѣдуются таинство Троицы. Въ Немъ познаемъ и Помазаннаго, и Помазавшаго, и Того, Кѣмъ помазанъ. Ибо если недостаетъ одного изъ трехъ, то не составляется и Имя Христово. Посему имя сіе, когда вознесено оно въ туль нашемъ, то есть, когда вѣрою пріемлется въ

душѣ нашей (потому что туль слова есть душа); тогда дѣлается губительнымъ для возстающаго на насъ и преслѣдующаго насъ, кому уничтоженіе на древѣ.

Посему послѣ благовременнаго бѣгства отъ возстающаго (который по естеству одинъ, но дѣлается множествомъ при худомъ вспоможеніи), и послѣ сказаннаго: *умножишася стужающіи ми: мнози востаютъ на мя* (Пса. 3, 2.), и послѣ всего того, что далѣе заключаетъ въ себѣ псалмопѣніе, полагается уже начало побѣдѣ. Ибо благовременное бѣгство отъ возстающихъ дѣлается причиною побѣды надъ врагами. Посему послѣдующее псалмопѣніе имѣетъ надписаніе: *въ конецъ*. А конецъ всякой борьбы—побѣда (какъ наше слово предвари-тельно установило сіе значеніе). И кто однажды извѣдалъ сію побѣду, у того побѣды надъ врагами успѣшно слѣдуютъ одна за другою; потому что въ первой побѣдѣ, когда житейскія радости входили въ состязаніе съ душевными благами, въ тебѣ склонность къ лучшему препобѣдила вещественное обольщеніе. Осудивъ ищущихъ суетнаго и любящихъ ложь, пристрастіе къ видимому обмѣнилъ ты на вожделѣніе невидимаго.

Въ слѣдующемъ псалмѣ побѣждаешь другимъ способомъ. Ибо двое васъ состязаются между собою объ истинномъ наслѣдіи, и другой выставляетъ на видъ законъ, а ты—вѣру;

правдивый же подвигоположникъ тебѣ предоставляетъ награды за побѣду надъ нимъ, такъ, что чистое состояніе души дѣлается для тебя восходомъ солнца, къ удалившемуся отъ тмы приводящаго начало дня, что псалмопѣніе именуется словомъ: *завтра* (Пса. 5, 4.). Такимъ образомъ у подвижника всегда слѣдуетъ побѣда за побѣдою, и преспѣянія, въ слѣдствіе побѣды дѣлаются непрестанно большими и славнѣйшими.

Еще по порядку слѣдуетъ другая побѣда. одерживаемая по указанному прежде сего. Ибо кто призналъ наслѣдіе, тотъ памятуеть о *осмомъ* (Пса. 6.) днѣ, который служитъ предѣломъ настоящаго времени и началомъ будущаго вѣка. Особенность же осмага дня та, что пребывающимъ въ оный не дается уже времени на приуготовленіе добрыхъ или злыхъ дѣлъ; но чего сѣмена посеетъ кто себѣ самому дѣлами своими, рукояти того и воздадутся ему въ замѣнъ. Посему, кто упражнялся въ одержаніи сихъ побѣдъ, тому псаломъ вмѣняетъ въ законъ покаяніе приносить здѣсь, потому что во адѣ стараніе о подобномъ сему не исполнимо.

Еще къ новымъ борьбамъ отсылаетъ (д) слово; снова умащаетъ предъ прираженіемъ

(д) По рукописи читается: *απολίει* а не: *απαλείφει*.

искушений. Ибо тотъ же непріятель, этотъ Авессаломъ, какъ бы возродившись отъ насъ, возставляетъ ту же нами уготовляемую брань, въ которой обращаетъ въ бѣгство уготовляющаго намъ смерть наше благоразуміе въ дѣлѣ, лучше же сказать, Божія помощь. Ибо Пророкъ, причину добрыхъ для него послѣдствій отъ словъ Хусіевыхъ приписавъ Богу, воздастъ тѣмъ благодареніе. Но излишнимъ будетъ дѣломъ въ точности излагать тебѣ исторію, какъ этотъ Хусій, вѣрный между оруженосцами Давидовыми, вмѣшивается въ число друзей Авессаломовыхъ, и у похитителя власти пріобрѣтаетъ болѣе довѣрія, нежели совѣтъ Ахитофеловъ, отъ чего произошло, что, когда въ совѣтѣ одержало верхъ рѣшеніе Хусіево, подававшій Авессалому гибельный для Давида совѣтъ, самъ на себя кладетъ удавку. Стоило бы вниманія къ жизни добродѣтельной примѣнить то, что въ исторіи загадочно; почему спасающее насъ опредѣленіе дѣлается удавкою сопротивнику? и сіе спасительное опредѣленіе описывается, какъ въ исторіи, такъ и въ псалмопѣніи? Но наша цѣль въ порядкѣ псалмовъ выразумѣть ту связь, которою приводимся къ благу. Поэтому обратимъ здѣсь вниманіе на опредѣленіе губительное для подающаго намъ коварный совѣтъ. Какое же это опредѣленіе? Равно вмѣнять въ порокъ—и начинать неправду и мстить начавшему. Ибо

Давидъ признаетъ себя достойнымъ крайнихъ бѣдствій, и самъ себѣ опредѣляетъ наказаніе, если окажется, что онъ какъ бы въ обмѣнъ за зло вознаграждалъ зломъ, и за сдѣланныя ему прежде обиды воздавалъ тѣмъ же, что самъ получилъ.

И такимъ образомъ Пророкъ послѣ сихъ бореній снова оказывается побѣдителемъ. Ибо слѣдуетъ надписаніе, предуказующее *конецъ: о точильнѣхъ* (Пса. 8.); а конецъ борьбы есть побѣда. Но распространять снова рѣчь о смыслѣ сего выраженія: *о точильнѣхъ*, будетъ дѣломъ излишнимъ, когда достаточно раскрытъ оный при изслѣдованіи его въ своемъ мѣстѣ. Пророкъ, какъ послѣ перваго бѣгства отъ Авессалома за различеніе дѣлъ истинныхъ съ суетною заботою удостоивается побѣды, такъ и теперь послѣ подобныхъ бореній, пользуясь споборающимъ сопротивника словомъ: *о точильнѣхъ*, дѣлается побѣдителемъ за сокрушеніе *вмѣстѣ врага и мстника* (7), который потому и именуется и *врагомъ* и *мстникомъ*, что самья приманки его ко грѣху служатъ для чувствующихъ всего тягчайшимъ наказаніемъ, и то самое, чѣмъ обманывая привлекаетъ онъ челоуѣка къ общенію съ зломъ, есть несноснѣйшій родъ мученія. Такъ объясняетъ мысль сію божественный Апостолъ, сказавъ: *возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріимлюще* (Рим. 1, 27.). Ибо какое другое тягчай-

шее наказаніе могло бы быть придумано за нечистоту студа, какой сами на себѣ содѣвають дѣлатели студа? Посему ты, собственно своею жизнію сокрушившій силу такого *местника*, который предающагося пороку наказывавъ соучастіемъ его въ порокѣ, обрати взоръ на небеса (е), и на великолѣпіе, которое превышаетъ небесъ, и на достоинство естества нашего, надъ кѣмъ оно начальствуетъ, и съ кѣмъ поставлено въ одинъ рядъ. Ибо однимъ и тѣмъ же и надъ безсловесными владычествуешь, и сравниваемое съ Ангелами не многимъ умалено въ равенствѣ съ ними. Разумъ причиною тому, что имѣетъ и начальство надъ безсловесными, и близость къ Ангеламъ.

Еще слѣдуетъ способъ новой побѣды, когда ты, Пророкъ, прешедши видимое, вступаешь съ Словомъ въ сокровенное; а Слово—Сынъ. И достаточно уже обученный предшествующими побѣдами, псалмопѣвствуешь *о тайныхъ сына* (Пса. 9.) въ благозвучномъ и стройномъ созерцаніи, и снова побѣдивъ въ тайнѣ устрояющаго намъ козни звѣря, преслѣдуешь такъ, чтобы врагу не оставалось больше повода хвалиться передъ нами. *Да не приложитъ кому величатися человекъ на земли* (Пса. 9, 39.). Тогда, по причинѣ послѣдовательно одержан-

(е) По рукописямъ читается: *τοὺς οὐρανοὺς*, а не *τοὺς ἀστέρας*.

ной тобою побѣды, имѣя еще совершеннѣйшее упованіе на Бога, говоришь: *на Господа уповахъ* (Псал. 10, 1.). А въ послѣдующей за тѣмъ побѣдѣ снова припоминаешь *объ осльмъ* (Пса. 11.), когда истребляются *языкъ вельрчивый* и *устны лстивыя* (Пса. 11, 4.) и неистовство противъ Бога. Но сохранены будутъ *отъ рода сего и во вѣкъ* (8) не ходящія окрестъ нечестія, а держащіяся прямого пути, *егоже обновилъ есть намъ Богъ — путь новый и живый* (Евр. 10, 19. 20.).

И какая надобность говорить о каждомъ псалмѣ? Достаточно тебѣ и сего напутствія, предудказующаго дальнѣйшій путь къ совершенству въ порядкѣ и надписаній и псалмовъ, послѣ того какъ къ такому разумнѣю немало помогаетъ намъ въ предшествующихъ словахъ предложенное истолкованіе надписаній.

ГЛАВА 12

Но какъ кончился первый отдѣлъ восхожденія посредствомъ псалмовъ; въ сороковомъ псалмѣ снова дѣлается повтореніе о блаженствѣ, и псаломское слово иначе, нежели въ началѣ, опредѣляетъ намъ блаженство. Ибо въ началѣ блаженнымъ признано удаляться отъ зла; а здѣсь ублажается познаніе добра. Но естество добра, или если можно найти какое высшее сего реченіе или понятіе, есть сей

единородный Богъ, Который *насъ ради обнища богатъ сый* (2 Кор. 8, 9.). Его-то нищету во плоти, показанную намъ въ евангельскомъ сказаніи, предвозвѣщаетъ здѣсь слово, ублажая съ разумѣніемъ познавшаго оную нищету Того, Кто нищъ по образу раба, но благословенъ по естеству Божества. Ибо слово, въ началѣ псалмопѣнія наименовавъ Его *убоимъ и нищимъ* (Пса. 40, 2.), въ концѣ отдѣла говоритъ: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка: буди, буди* (14).

Итакъ достигшій сей высоты начинается новое восхожденіе. Ибо, оставивъ отца Корея, который по гордости вознесся противъ священства, и за сіе попаленъ огнемъ, поглощенъ разверзшеюся землею, и за грѣхъ содѣлался преисподнимъ, вѣрою усыновляетъ себя истинному Отцу, уразумѣвъ, сколько разности въ этомъ — содѣлаться чадомъ Божиимъ, или называться сыномъ отступника Корея. Посему, улучивъ конецъ побѣды, познавъ, сколько разности между симъ Отцемъ и отцемъ лукавымъ, поглотивъ и истребивъ въ себѣ всякую звѣрскую и ядовитую мысль, подобно тому, какъ естеству еленей существенно принадлежитъ сила истреблять пресмыкающихся, уподобляется еленямъ и жаждою, и жаждетъ божественныхъ источниковъ (а это — само божественное естество, единое въ существѣ и созерцаемое въ Троицѣ). Ибо говоритъ: *имже образомъ же-*

лаетъ елень на источникахъ водныхъ: сице желеетъ душа моя къ Тебѣ Боже (Пса. 41, 1). Потомъ утоляетъ жажду соединенную съ пожеланіемъ, и поспѣшая улучшить желаемое, даже не продолжительное замедленіе въ приобщеніи благъ вмѣняя въ бѣдствіе, въ срединѣ и въ концѣ псалмопѣнія говоритъ: *вскую прискорбна еси душе моя? и: уповай на Бога (6. 12.)*, потому что дѣйствительно намъ обѣщано благое услажденіе божественнымъ упованіемъ.

И такимъ образомъ Пророкъ переходитъ къ слѣдующему псалму, въ которомъ отъ жертвенника Божія дѣлается юнымъ (Пса. 42, 4.); а въ слѣдующемъ снова ведущихъ родъ отъ Корея дѣлаетъ побѣдителями, показывая, что худородствомъ отцевъ не ослабляется добрая слава предъ Богомъ. Причину же истребленія враговъ приписавъ въ семь псалмопѣній Богу, когда говоритъ: *спаслъ бо еси насъ отъ стужающихъ насъ, и ненавидящихъ насъ посрамилъ еси (Пса. 43, 8.)*, переходитъ къ пѣсни о возлюбленномъ, чтобы бывшіе сперва сынами отступника, а потомъ содѣлавшіеся побѣдителями лукаваго, пришедши въ разумъ, достигли конца побѣды. Ибо сказано: *въ конецъ, въ разумъ, пѣсь о возлюбленномъ (Пса. 44, 1.)*. Изъ сей пѣсни узнаемъ, кто Тотъ, Котораго престолъ отъ вѣчности превыше всѣхъ существъ, и кто та дѣва, которая уневѣщивается Ему для сожи-

тельства, не иначе удостоенная сей чести, какъ уже по забвеніи отца своего (11).

И сію пѣснь посвятить возлюбленному, снова слагаетъ Пророкъ побѣдную пѣснь *о сынахъ Кореовыхъ* (Пса. 45, 1.), продолжая рѣчь о предметахъ таинственныхъ. Ибо наименованіе псалмопѣнію: *о тайныхъ*, и подъ симъ именемъ описывается въ словѣ, и шумъ водъ, и движеніе народовъ, и призваніе царей, и колебаніе земли, и сказано, что *Господь* всякой силы *съ нами* (8, 12.). А всѣмъ этимъ Пророкъ предвозвѣщаетъ пришествіе Господне во плоти, когда и все естество издастъ гласъ, и съ мѣста на мѣсто переходятъ горы, — эти земныя мудрованія порока, о которыхъ древле думали, что они неподвижны и непреложны; и рѣка веселія *веселитъ градъ Божій*, и селеніе *Свое освящаетъ Вышній* (5), и все, что слѣдуетъ въ томъ же порядкѣ, и въ чемъ слово сими загадками предвозвѣщаетъ тайны.

И еще къ новой побѣдѣ переходитъ слово; ей рукоплещутъ и радуются всѣ народы, потому что *взыде Богъ въ воскликновеніи* (Пса. 46, 6.). Конечно же ясно для тебя слово: *восхождение*, по толкованію Павла, который говоритъ, что невозможно взойти, если не предшествовало нисхождение (Ефес. 4, 9.). Повелѣвъ же всѣмъ пѣть разумно (Пса. 46, 8.), Пророкъ переходитъ словомъ къ болѣе возвышенному состоянію, предметомъ пѣсни содѣ-

лавъ *второй* день *субботы* (Пса. 47, 1.). А день сей, если смотрѣть на него по первоначальному устроению міра (ж). есть приуготовленіе неба и тверди, и отдѣленіе пренебесныхъ водъ отъ наземныхъ. Если же обратишь взоры къ Евангелію, то подлинно онъ угодовалъ намъ небо; потому что небо называѣтъ Богъ твердію; а Павелъ представляетъ себѣ утверженіемъ (*τὸ στερέωμα*) вѣру во Христа. Ибо тогда подлинно созидается для насъ по вѣрѣ небо, когда прошла печаль субботы, и содѣлалась для насъ вѣрною тайна нареченная Сына Божія *въ силу, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Иисуса Господа нашего* (Рим. 1, 4.). Который подлинно *велий Господь и хваленъ зъло* (Псал. 47, 2.), и что еще по порядку содержитъ въ себѣ псаломъ, и этотъ божественный градъ, который именуется у Пророка *горою благоденною, радованіемъ всея земли, горами сіонскими* (23.), о которомъ иначе повѣствуется всего болѣе чудное, что бывшій нѣкогда *ребрами съверовыми* нынѣ сталъ *градомъ Царя великаго*, и что *Богъ въ тяжестехъ его знаемъ есть* (3. 4.), чѣмъ ясно указывается въ словѣ на то чудо, какое видимъ въ Церкви. Ибо сѣверный край земли мраченъ и холоденъ, всегда остается не освѣщеннымъ

(ж) Слово сіе дополнено изъ рукописи N 71.

и лишеннымъ солнечныхъ лучей. Посему-то сопротивная сила разумѣется подъ именемъ сѣвера. И такъ тотъ же городъ, который нѣкогда находился на сѣверѣ и былъ ребромъ его, переведенный изъ жизни темной и холодной, содѣлался градомъ Божиимъ, и мѣстопробываніемъ царскаго жилища. *Въ тяжестехъ его знаемъ есть Богъ. Тяжестями же Пророкъ называетъ объемъ зданій, построенныхъ въ видѣ четверугольниковъ, которыми гадательно означаются твердыя и высокія столпозданія добродѣтелей, усматриваемыя въ душахъ святыхъ, такъ какъ только въ держащихся такого образа жизни познается Богъ. Съ предложеннымъ прежде согласно и слѣдующее: яко царіе собращася въ немъ (5); потому что собраніе, не рабствующиыхъ, но царствующихъ обитаетъ въ Божественномъ ономъ градѣ: *тѣи*, сказано, *видѣвши тако, удивившася* (6). Пророкъ объявляетъ и причину сего удивленія; тѣ, которые недостойно населяли прежде сей градъ, когда былъ онъ ребрами сѣверовыми, *смятошася, подвигошася: трепетъ пріятъ я*. И не трепеть только, но и болѣзни *яко раждающія* (7). Все сіе, говоритъ Пророкъ, произведено въ нихъ духомъ бурнымъ, сокрушившимъ корабли отступленія, худо плавающіе по морю житейскому. Ибо сказано: *духомъ бурнымъ сокрушивши корабли ваврійскія* (8.). Но кто содржитъ въ памяти исторію Дѣяній, тому не*

неизвѣстно *дыханіе бурно* (Дѣян. 2, 2.), какое ученики познали *въ юрницѣ* (1, 13.); и кто внимательно читалъ пророчество Іоны, конечно знаетъ, что отступившій отъ Бога ищетъ кобра, плывущаго въ Фарсисъ. Потомъ псаломское слово, какъ бы раздѣлившійся на два лица, въ первыхъ реченіяхъ принимаетъ на себя лице начинающаго рѣчь, а въ послѣдующихъ произносить сказанное принявшими слово. Ибо, говорить Пророкъ, соглашаясь въ истинѣ прежде произнесеннаго (з), какъ бы узнавъ сказанное кѣмъ-либо другимъ: *якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ во градѣ Господа силъ, во градѣ Бога нашего* (Пса. 47, 9.). Потому съ наслажденіемъ увидѣвшихъ, что слышали (и), представилъ подающими совѣтъ другъ другу. А совѣтъ былъ таковъ: *обидите Сіонъ, и обымите его, повѣдите въ столпѣхъ его: положите сердца ваша въ силу его, и раздѣлите домы его* (13, 14.), и что еще содержитъ въ себѣ псаломъ.

Послѣ сего проповѣдь слова распространяется по порядку по всей землѣ, и какъ до смѣшенія языковъ у всѣхъ были *устни единѣ и гласъ единъ* (Быт. 11, 1.): такъ и теперь всѣ народы, вся вселенная, всѣ люди дѣлаются

(з) По рукописи N 71 читается: *пропорогемѣон*.

(и) Въ той же рукописи читается: *ѣ ѣковон*.

единый слухъ и единое сердце, потому что всѣхъ оглашаетъ единое слово. Ибо, совокупивъ въ одно собраніе весь человѣчскій родъ, и цѣлый міръ претворивъ въ одно зрѣлище, всѣмъ вообще возглашаетъ слово, говоря: *услышите вси языцы, внушите вси живущіи по вселенный, земнородни же и сынове чловчестіи*, богатъ ли кто въ васъ, или убогъ (Иса. 48, 2. 3.). Сими тремя сочетаніями Пророкъ объемлетъ вообще всякое различіе въ жизни человѣческой (і). Въ первомъ сочетаніи сказуетъ: *вси языцы и живущіи по вселенный*, чтобы именемъ языковъ означить мѣстныя ограниченія, а слѣдующимъ выраженіемъ—обитателей сихъ мѣсть. Сказавъ же: *земнородни и сынове чловчестіи*, людей плотскихъ, перстныхъ и менѣ разумныхъ отличаетъ отъ спасаемыхъ, и имѣющихъ въ себѣ нѣкую отличительную черту естества человѣческаго; а собственно отличительная черта чловѣка—подобіе Божеству. Неравенство же житейское по бѣдности и богатству есть самая общая причина различнаго и многообразнаго несходства въ дѣлахъ чловѣческихъ. Но кто этотъ вѣщающій слово въ такомъ многочисленномъ и разнородномъ собраніи слушателей? Кто иный,

(і) Въ рукописи N 71 вмѣсто τῶν ἀνθρώπων читается: τῶν ἀσθράπων.

кромѣ свидѣтельствующаго о Себѣ, что *возмалютъ премудрость и разумъ* (4)? А глаголетъ это, кто имѣетъ духа премудрости и разума, эту великую благодать, въ которой человекъ преуспѣваетъ внимательностію и размышленіемъ; ибо Пророкъ, сказавъ, что не отверзеть усть, пока не приклонитъ слухъ къ предлагаемому слову, говоритъ: *уста моя возмалютъ премудрость, и позученіе сердца моего разумъ* (4). И сперва *приклоню въ притчу ухо мое*, а тогда уже *отверзу во псалтири ггананіе мое* (5). Посему какой же это *разумъ*, и какое это *ггананіе*? Тварь Божія, говоритъ Пророкъ, не видѣла приготовленія какого либо лукаваго дня, какъ свидѣтельствуешь слово міробытія, но грѣхъ день радованія содѣлалъ .немъ страха и наказанія, котораго могли бы мы не бояться, если бы блюдущій нашу пяту змій, которому имя беззаконіе, не кружился на жизненномъ нашемъ пути, и пресмыкаясь по оному, не содѣлалъ его не гладкимъ и страшно колючимъ, усыпавъ повсюду разными чешуями страстей. Потомъ, все псалмопѣніе раздѣливъ на двѣ части, Пророкъ въ первой части предлагаетъ совѣтъ не имѣть въ виду ни какого другого Избавителя. Ибо говоритъ, что *неизбавитъ ни братъ, ни другій какой человекъ*, но каждый будетъ самъ о себѣ умолять, если *дастъ Богу изльну за ся, и цѣну избавленія души своея* (8. 9.). Имѣетъ же Пророкъ въ

виду ту заботливость, съ какою въ этой жизни гоняемся за суетнымъ, обратить для насъ въ совѣтъ къ презрѣнію того, о чемъ заботимся. Почему люди проводятъ жизнь въ безразсудныхъ трудахъ, какъ будто надѣются жить всегда? Почему не чаютъ себѣ смерти и тлѣнія тѣ, которые видятъ предъ собою умирающихъ? Подлинно неразумны и безразсудны тѣ, которые видятъ, что послѣ этой жизни другимъ оставляютъ свое богатство, а сами навсегда поселятся въ гробахъ, если именъ своихъ возвышенною жизнію не вписали на небесахъ, но, возжелавъ быть именитыми на землѣ, содѣлали себя безыменными въ горнемъ градѣ. А всему этому причиной то, что человекъ не разумѣетъ собственной своей чести, но добровольно вовлекается въ скотскія удовольствія, будучи преданъ гортани и чреву, а по чревѣ и сквернѣ. Это составляетъ часть перваго отдѣла въ псалмѣ. Остальная же часть содержитъ въ себѣ обвиненіе въ иномъ; но опять тѣмъ же изреченіемъ оканчивается слово. И симъ, думаю, пророчество даетъ намъ видѣть любовное свое ученіе о первой причинѣ доступа къ намъ золь,—а именно, что человекъ уподобился скотамъ страстями свойственными безсловеснымъ. Да и по уврачеваніи нашемъ отъ такого зла, совершенномъ благодатию Призрѣвшаго милосердо на родъ человѣческой, люди, снова оставивъ добраго Пастыря, па-

сутся смертію, уклоняясь не на небесную, но на адскую пажить, и дѣлаясь овцами ада. Ибо сказано: *яко овцы во адъ положени суть, смерть упасетъ я* (15.). Такъ грѣхомъ снова производится въ насъ нечувствительность къ чести, даруемой намъ благодатию, и стремленіе къ безсловесной жизни. Ибо все совершающееся внѣ истиннаго разума есть безсловесіе; а безсловесіе и бессмысленность свойственны скотамъ.

ГЛАВА 13.

Излишнимъ было бы дѣломъ подробно писать о содержащемся въ псалмопѣніи, разбирая съ точностію каждое выраженіе; ибо желающій съ великимъ удобствомъ можетъ изъ сказаннаго уразумѣть и не объясненное; почему, думаю, не должно рѣчи придавать длиноту многословіемъ. Развѣ изъ доселѣ изслѣдованнаго необходимо повторить то одно, что великій Давидъ два благодѣянія оказываетъ естеству человѣческому, одно тѣмъ, что иносказательно предъизображаетъ наше спасеніе, а другое тѣмъ, что указываетъ людямъ способъ покаянія, для преспѣянія въ этомъ, какъ бы какому искусству, обучая пятьдесятымъ псалмомъ, которымъ уготовляется для насъ новая побѣда надъ сопротивникомъ. Ибо умѣть очищать себя отъ худаго значитъ стать гото-

вымъ, и имѣть предлогъ къ непрестанной побѣдѣ надъ врагомъ; потому что у насъ въ жизни сей ведется непрерывная *брань къ міродержителю тмы сей, къ духово изъ злобы поднебесныи* (Ефес. 6, 12.). А какъ¹ при всякомъ прираженіи искушенія имѣемъ у себя одну только защиту — покаяніе, то воспользовавшись имъ съ преслѣпаніемъ во всякое время бываетъ побѣдителемъ всегда нападающаго.)

Но при этомъ, хотя (к) въ надписаніяхъ есть историческая непослѣдовательность; однако же смыслъ связуется послѣдовательно. Ибо дѣло съ Вирсавіей и Уріемъ гораздо позднѣе повѣствуемаго объ Идумеяннѣхъ Донкѣхъ. Последнее происходило въ началѣ самовластия Саулова, а первое случилось незадолго до конца царствованія Давидова. Но Духъ не заботится въ словѣ о временномъ и плотскомъ порядкѣ дѣлъ. Ибо какая для меня великая польза сперва узнать объ Идумеяннѣхъ, а потомъ приобрѣсти свѣдѣніе о Вирсавіи? Какая въ этомъ добродѣтель? Какое восхождение къ лучшему? Какой урокъ для изученія высшихъ пожеланій? Но если, дознавъ тайны пятидесятаго псалма, какія слово содержитъ въ глубинѣ своей, вмѣстѣ съ симъ изучу то врачество, какое къ сокрушенію противника дано намъ въ ученіи о по-

(к) Въ рукописи N 71 вмѣсто *каі* читается: *каѳ*.

каяніи, такъ что чрезъ это пріобрѣту. навѣкъ и умѣнье къ всегдашней побѣдѣ надъ врагомъ; то смотри, сколько буду способенъ къ дальнѣйшему по порядку восхожденію, одерживая побѣду за побѣдой.

Прочитаю же тебѣ историческое надписаніе, изложенное въ такой связи: *въ конецъ, разума Давиду, внигда пріити Доику идулейску, и возвьстити Саулу, и реци ему: пріиде Давидъ въ домъ Авилелеховъ* (Пса. 51, 1. 2.). Изъ сего научаюсь, что тогда сіе приводитъ къ концу побѣды, когда моею жизнію, какъ у великаго Давида, управляетъ разумъ: и тогда всего болѣе огорчаю Доика, этого противника моему спасенію, пребывая въ дому іерея, когда сей прислужникъ мсковъ, не имѣя болѣе возможности сойдтись со мною лицомъ къ лицу, тайно составляетъ противъ меня злоумышленіе, донося моему убійцѣ о моемъ пребываніи у іерея. Да будетъ же явно, что такое и эти мски, къ которымъ приставленъ сей Идумеянинъ, пасущій бесплодную породу, для которой не нашло себѣ мѣста Божіе благословеніе, въ началѣ вложившее въ тварь способность къ размноженію, какъ сказано: *раститесь, и множитесь* (Быт. 1, 22.); потому что размноженіе порока не отъ Бога; какъ и у мсковъ не другъ отъ друга преемство рода, но всегда природа вновь производитъ сіе животное, отъ себя ухищряясь и вводя въ бытіе не суще-

ствующее въ числѣ тварей. Безъ сомнѣнія же, изъ сказаннаго явствуеть, какую цѣль имѣеть въ виду слово. Ибо если *вся, елика сотвори Господь, добра злы* (Быт. 1, 31.), а мсквъ внѣ списка вошедшихъ въ число тварей, то явствуеть, что имя сіе взято въ исторію для указанія имъ на порокъ. Посему не отъ Бога имѣеть существованіе, да и ставъ тѣмъ, что онъ есть, не достаточенъ въ силахъ къ продолженію собственнаго своего бытія. Ибо какъ не само себя соблюдаетъ естество мсковъ, такъ и порокъ не остается навсегда хранимымъ самъ собою, но всякой разъ бываетъ порождаетъ инымъ, когда благородное, бодрое, скорое и высоковольтное въ нашемъ естествѣ поползается въ вождельніе сочетанія съ безгласнымъ и безсловеснымъ. И такъ этотъ иноплеменникъ Доикъ, служащій Саулу вѣстникомъ о Давидѣ, этотъ пастухъ безплоднаго стада мсковъ, не иной кто, какъ злый ангелъ, различными грѣховными страстями привлекающій къ худому человѣческую душу, на которую (л), когда увидитъ, что она въ дому истиннаго іерея, тогда, не имѣя возможности поразить человѣка брыканьями мсковъ, доноситъ князю злобы *духа*, *уже дѣйствуетъ въ сынхъхъ противленія* (Ефес. 2, 2.). Но укорененный, *яко маслина плодovита въ*

(л) По рукописи N 71 читается *ъ* вмѣсто *ъ*.

дому Божію (Пса. 51, 10.), отвѣчаетъ мучителю тѣми словами, какія слышали мы въ псалмопѣніи, которое говоритъ: *что хвалишия во злобѣ сильный беззаконіемъ* (3)? Ты, у кого *языкъ, яко бритва изощрена* (4), у всякаго, на кого бываетъ возложена, похищающая благолѣпіе власовъ, и остригающая *седмь пленицъ* (Суд. 16, 19.) кудрей, въ которыхъ наша сила. Конечно же изъ седмичнаго числа, такъ какъ Исаія изчислилъ седмично подаваемую благодать Духа, составишь себѣ понятіе о духовныхъ *пленицахъ*, за остриженіемъ которыхъ, какъ было съ Сампсономъ, слѣдуетъ утрата очей, и то, что человѣкъ дѣлается посмѣшищемъ для Филистимлянъ, когда упіются. Но Пророкъ сказавъ, какими чертами описываются отличительныя свойства сильнаго въ порокъ, присовокупляетъ, что Богъ будетъ истреблять его *до конца*, пока не *восторженетъ* нынѣ, и не *преселитъ* отъ божественнаго селенія, и *отъ земли живыхъ* не ископаетъ корней злобы и горечи его (7), и не совершится все то, что псалмопѣніе въ слѣдъ за симъ содержитъ въ себѣ относящагося къ той же мысли, и чемъ, по словамъ божественнаго Апостола, усвершается твердость *укорененныхъ въ рою* (Кол. 2, 7.). Ибо Пророкъ говоритъ: *азъ же яко маслина плодовита въ дому Божію: уповахъ на милость Божію во вѣкъ* (Пса. 51, 10.), и въ продолженіе времени большее еще

этого, которому мѣра — безпредѣльность, и которое Пророкъ именуеть: *вѣкъ вѣка*; а симъ и благодареніе Богу общается приносить вѣчно, говоря: *исповѣлся Тебѣ въ вѣкъ, яко сотворилъ еси мнѣ то*, за что должно благодарить. *И терплю*, продолжаетъ, *иля Твое* (11), потому что терпѣніе для преподобныхъ Твоихъ есть благо.

Но какъ многоцвѣтный отблескъ по разнообразію цвѣта красокъ нечувствительно переходитъ изъ одного цвѣта въ другой, непримѣтно смѣшивая между собою разноцвѣтные лучи: такъ можно видѣть, что сіе псалмопѣніе крайній лучъ мысли послѣдовательно сливается съ началомъ свѣтлости слѣдующаго псалма, такъ что среда между псалмами дѣлается неощутительною, потому что смыслъ предыдущаго псалмопѣнія и смыслъ слѣдующаго сливаются сами собою. Ибо, *яко маслина плодовита*, укоренившійся *въ дому Божіи*, положившій въ себѣ незыблемое и неподвижное утвержденіе вѣры, и надежду на милость Божію благодарностію сраспростершій съ безпредѣльнію вѣковъ, приходитъ въ раздраженіе на безумствующихъ, у которыхъ верхъ безумія—объ истинно Сущемъ, о Томъ, Кто надъ всѣми и во всѣхъ, сказать: нѣтъ Его. При столькихъ и столь сильныхъ доказательствахъ (разсуждаетъ Пророкъ, и прежде всего указываетъ на Божіе о людяхъ промышленіе; почему твер-

доть надеждъ такъ непреложна, что желаніе исполненія, простирающееся на вѣчность вѣковъ, не утомляется), почему говоритъ *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ? растлѣша и омерзѣвшася* въ таковыхъ начинаніяхъ ума (Пса. 52, 2.). Ибо отпаденіе отъ подлинно Сущаго дѣйствительно есть поврежденіе и разрушеніе существующаго. Возможно ли кому существовать, не будучи въ Сущемъ? Возможно ли кому пребывать въ Сущемъ, не вѣруя въ Сущаго, что Онъ есть? Но подлинно Сущій, безъ сомнѣнія, есть Богъ, какъ великому Моусею свидѣтельствуеть о семъ видѣніе богоявленія. Посему, кто въ мысли своей не даетъ мѣста бытію Божію, говоря, что Бога нѣтъ, тотъ, ставъ внѣ Сущаго, растлѣлъ собственное свое бытіе. Посему Пророкъ говоритъ: *поелику уклонѣшася отъ Бога, то немедленно вси непотребни быша* (4), подобно какому-то брошенному сосуду, признанному ни на что негоднымъ. А что негодно для хорошаго, то своею непригодностію для лучшаго ясно показываетъ пригодность для худаго. И такъ посему-то Господь *съ небесе причне на сыны чельвческія* (3). А такое слово предугадываетъ Господне сопребываніе съ людьми въ то время, когда предводителямъ въ невѣріи, священникамъ, фарисеямъ, книжникамъ, съ покорностію послѣдовали всѣ. Ибо они хульными своими зубами терзали и поядали народъ. Потому ска-

зано у Пророка: *тамо устрашишася страха, ильже не бѣ страхъ, слыдающіи люди Моя въ слыдь хльба* (5. 6.), подобно какъ и страждущіе недугомъ водобоязни, для которыхъ, если сдѣлается возможнымъ принять въ себя воды. для страждущаго будетъ сіе врачевствомъ отъ недуга. Но они боятся почему-то предлагаемаго въ спасеніе, и чуждаются спасающаго, по страху не погибнуть, уготовляя себѣ погибель. Такъ и Іудеи, когда взываетъ къ нимъ *Источникъ: аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и пьетъ* (Іоан. 7, 37.), поелику чувствиллица души были у нихъ предварительно объаты неистовствомъ невѣрія, *устрашишася страха, ильже не бѣ страхъ*, отвращаясь отъ спасительнаго питія, не зная того, что въ родѣ праведныхъ бываетъ Богъ, дающій *отъ Сіона спасеніе Израилю, и плъненіе людей Своихъ*, отъ лукаво плѣнившаго насъ грѣхомъ, снова возвращающій къ Себѣ (Пса. 52, 7.), когда въ веселіи и радованіи истинный Израильтянинъ и духовный Іаковъ.

Посему таковъ смыслъ псалмопѣнія, какъ, по сказанному теперь, можно находить въ выраженіяхъ сего псалмопѣнія. Но съ симъ смысломъ согласно и надписаніе псалма. Ибо надписаніе даетъ видѣть, что псалмопѣніе сіе есть побѣдная пѣснь, разумно возглашаемая ликомъ. Ибо сказано: *въ конецъ, о Маелевъ, разума Давиду* (Пса. 52, 1.); а Маелевъ толкуется

ликъ (м). И вмѣсто сего: *въ конецъ*, иные толковники написали: побѣдная пѣснь.

Послѣдовательно за симъ поступающее даѣе слово, снова соображаясь съ понятіями, приобретаемыми (н) по мѣрѣ преспѣянія, приѣмляетъ къ нимъ сказанное въ исторіи загадочно. Когда бездѣйственнымъ противъ насъ дѣлается Доикъ, этотъ Идумеянинъ, пасущій въ себѣ безполую породу мсковъ (а и въ предшествовавшемъ словѣ сказано то, что животнымъ симъ означаетъ грѣхъ; потому что и грѣхъ есть плодъ безполага онаго древа, которое въ Писаніи именуется *добрымъ и лукавымъ* (Быт. 2, 9.), добрымъ; такъ какъ грѣхъ, за которымъ гонятся плотолубцы, какъ за добромъ, прикрытъ приманками удовольствія, и также лукавымъ; ибо, за чѣмъ гонимся теперь, какъ за прекраснымъ, то приводитъ къ горькому концу: равно какъ и въ представляемомъ животномъ можно видѣть знаки двухъ породъ, коня и осла, такъ что мскъ есть вмѣстѣ конь и оселъ, но не раздѣльно тотъ и другой, а въ одномъ животномъ два, потому что двоякая природа животныхъ соединилась къ произведенію сего животнаго); посему, когда доносчикомъ мучителю о пребываніи

(м) Переводъ сдѣланъ по рукописямъ.

(н) По рукописямъ читается: *εὐφροσύνης*.

нашемъ у іерея содѣлается оный умопредставляемый нами иноплеменникъ; а потомъ сего величающагося порочностію и приобрѣтшаго силу въ беззаконіи, при помощи Божіей, лишимъ мы владычества, и исторгнувъ изъ земли живыхъ, искоренимъ его; содѣлавшись маслиною, увеселяемою и обременяемою множествомъ плодовъ, и будучи усилены надеждою на Бога, ликовствуя, воспоемъ побѣдную пѣснь надъ побѣжденнымъ: тогда по всему праву поступимъ въ высшее, въ подлинномъ смыслѣ, по словамъ Пѣсни, *скачи на горы, и прескачи на холмы* (П. Пѣсн. 2, 8.). Итакъ чтѣ же это за гора, на которую (о) теперь перескакиваетъ слово съ прежней горы мыслей? Иная снова побѣда, и иныя по побѣдѣ *пѣсни разума*, слагаемая *Давиду*. Вызываетъ же здѣсь на подвиги не стадо уже мсковъ, но племя Зифеевъ, которые, засѣвши въ тѣсниахъ знойнаго восхожденія, когда не возмогутъ воспрепятствовать намъ совершить шествіе тѣснинами, тогда снова поспѣшатъ къ Саулу (п) опечаленному нашимъ спасеніемъ. Ибо сказано: *въ конецъ, въ пѣсняхъ разума Давиду, внигда пріити Зифеемъ, и рещи Саулови: се Давидъ скрися въ насъ* (Пса. 53, 1. 2.). Конечно же, кому не

(о) По рукописи N 71 вмѣсто *εφ' ον* читается *εφ' ο*.

(п) Переводъ дополненъ по рукописи N 71.

неизвѣстна исторія, тотъ знаетъ нѣкое тѣсное и знойное мѣсто, упоминаемое въ этой странѣ. А подъ симъ утѣсеннымъ проходомъ понимаемъ евангельскій путь царства, на которомъ преграждаютъ шествіе Зифеи, то есть иноплемненное полчище демоновъ, эти служители сопротивной силы, и который находятъ не многіе, отвращающіеся пути широкаго. Буквально же исторія сія читается такъ: *не се ли Давидъ скрыся у насъ въ Мессаръ во узинахъ на холмъ* (1 Цар. 23, 19.)? Ибо дѣйствительно въ сей тѣснотѣ укрываются живущіе по Богу. А путь сей указываетъ намъ новый завѣтъ, съ помощію котораго можно взойти на самую высокую вершину горы, въ историческомъ разсказѣ именуемую холмомъ. Посему, когда безпрепятственно проходимъ оный тѣсный путь, Зифеи о нашемъ спасеніи доносятъ мучителю; а мы имени Спасшаго предоставляемъ власть судить насъ ко благу, говоря: *Боже, во имя Твое спаси мя, и въ силу Твоей суди ми* (Пса. 53, 3.). Ибо совершившееся изображено въ словѣ, какъ ожидаемое. Такъ Писаніе не обращаетъ вниманія на точность показаній времени. Ибо пророчество и о будущемъ многократно повѣдывало, какъ о прошедшемъ, и о бывшемъ, какъ объ ожидаемомъ, что можно видѣть (р)

(р) Въ рукописи N 71 читается *εσις ιδειν*.

и въ семь псалмопѣнн къ концу его. Не ска-
залъ Пророкъ: воззреть, но *воззрь око мое на
враги моя* (9). Изъ сего дознаемъ, что для Бога
нѣтъ ничего, ни будущаго (с), ни прошед-
шаго, но все въ настоящемъ, такъ что при
реченіяхъ о Божіей силѣ, имѣють ли они ка-
кое значеніе прошедшаго, или будущаго, по-
нятіе не выходитъ изъ предѣловъ настоящаго.
Посему вступившій на путь знойный и тѣсный,
и обратившій въ бѣгство скопище Зифеевъ,
говорить Богу: во имя Твое совершилось
наше спасеніе, и въ Твоемъ владычествѣ
имѣетъ силу судъ нашъ во благо, и всегда
будетъ это. А за сіе Пророкъ призываетъ Бо-
жій слухъ выслушать благодаренія, сказуя о
возстаніи чуждыхъ и сильныхъ въ злобѣ, о
взысканіи души его тѣми, къмъ предводитъ
не Богъ, но противникъ Божій. Ибо говоритъ
поэтому: они *не предложиша Бога предъ собою*
(5), а мнѣ *помогаетъ Богъ* (6), возвращающій
зло изобрѣтателямъ злобы, истинною же уни-
чтожающій все, что враждебно истинѣ и ино-
племенно съ нею. А я, говоритъ Пророкъ,
возблагодарю Того, въ Чье имя спасенъ, по-
тому что благодарность для меня благо съ
тѣхъ поръ, какъ избавился я отъ скорбей, и
своими глазами увидѣлъ уничтоженіе враговъ.

(с) Дополнено по той же рукописи.

Ибо пророческое око увеселяется этимъ, когда неусматривается болѣе ничего сопротивнаго добродѣтели. А по истребленіи порока, который, какъ врагъ, противостоитъ добродѣтели, не останется уже и имени враговъ. Ибо кто еще назовется врагомъ, когда не живетъ болѣе вражда (т), но, какъ говоритъ Апостоль, убилъ ее Миръ (Ефес. 2, 14. 16.).

Но чтобы высказанную теперь мысль приложить къ словамъ псалмопѣнія, прочти до буквы самое псалмопѣніе, по порядку поставленное пятьдесятъ третьимъ. Пророкъ, когда преодолѣлъ уже Зифеевъ, увидѣлъ конечную гибель порока, снова пришедши въ сознание содѣйствія свыше, воспѣваетъ побѣдную пѣснь Богу. Ибо надписаніе читается такъ: *въ концеѹ, въ пѣснехъ разума Давиду.*

Но какъ въ тѣлесныхъ борьбахъ подвижники ведутъ дѣло не съ тѣми же сопротивниками, которыхъ преодолевали на поприщѣ въ молодости, напротивъ того по мѣрѣ возрастающей у нихъ силы, выходятъ на противоборниковъ, которые больше и ростомъ и крѣпостию; а если и этихъ одолѣють, вступаютъ въ

(т) По рукописи N 71 вся рѣчь послѣ словъ: „пророческое око увеселяется,“ выражено короче, и именно такъ: когда ~~нѣтъ~~ уже ничего враждующаго на добродѣтель; потому что по обнаруженіи у всѣхъ мира, не останется и силы у враговъ.

борьбу съ превосходнѣйшими и ихъ, всегда соразмѣрно приращенію силъ своихъ выбирая для борьбы сильнѣйшихъ противниковъ; такимъ же образомъ и тотъ, кто много разъ отличался побѣдами надъ врагами, дѣлаеть побѣды свои еще болѣе знаменитыми, вступая въ битву съ противоборниками болѣе знаменитыми и важными. И поэтому просить Подвигоположника объ услышаніи, говоря: *снуди Боже молитву мою, и не презри моленія моего* (Пса. 54, 2.). Просить также обратить вниманіе на подвигъ его, продолжая рѣчь: *воуми ми, и услыши мя* (3). Указываетъ въ словѣ на трудности подвиговъ, описывая печаль, затрудненіе, смятеніе сердца, *вражій гласъ, стуженіе грѣшниче* (4), открывая сіе Самому Подвигоположнику, какъ вѣкія пораженія, нанесенныя на поприщѣ противоборниками, и сверхъ этого еще *смятеніе сердца, боязнь смерти, страхъ и трепетъ*, мракъ, объявшій всю его жизнь, (5. 6.); почему, чтобы преодолѣть столько трудностей и стать выше ихъ, для всего этого нашелся одинъ только способъ—окрыться ему крыльями голубиными, и поднявшись ввыспрь, тамъ остановить полетъ въ такомъ мѣстѣ, которое, будучи безопасно отъ всѣхъ золь, изобилуетъ дарами божественными. Ибо говоритъ Пророкъ: *водворившись въ пустыни отъ дольняго малодушія и бури искушеній* (8. 9.), тамъ я получилъ спа-

сеніе Божіе, гдѣ уничтожается порокъ. Такъ какъ слово: потопъ у Пророка означаетъ уничтоженіе, потому что все поступившее въ глубину уничтожается. Посему погруженіе въ глубину и погибель грѣха есть сокрушеніе порочнаго общества. Потому сказано, что топляется Богомъ зло, когда раздѣляются Имъ языки соумышляющихъ злое. И что еще дальѣе содержитъ въ себѣ смыслъ сего псалмѣнія, изображеніе города, населеніе его дурными предначинаніями,—все это клонится къ тому же. Ибо Пророкъ именуетъ и перечисляетъ худыхъ обитателей сего города, сказуя, что *беззаконіе и прерѣканіе во градъ* (10), *нощію обходятъ по стѣнѣ*, и еще *беззаконіе, трудъ и неправда* питаются *посредь града* (11). Показываетъ же, какая злая толпа наполняетъ стогны его, именуя *михву и леств* (12), самое же тяжелое изъ всего этого, здѣсь поименованнаго, по словамъ Пророка, есть *лицемѣріе*, которое, принимая на себя равнодушную и показывающую знаки любви наружность, подъ этимъ добрымъ покровомъ скрываетъ обманъ. Посему правдивый Судія посылаетъ поселенцевъ, которые достойны таковыхъ жителей. Хочешь ли знать имена сихъ поселенцевъ? Сказано: *да придетъ смерть на ня, и да снудутъ во адъ живи* (16.). И изобразивъ словомъ всѣ горести, какія постигнутъ ихъ, Пророкъ прилагаетъ это улаждающее изреченіе, кото-

рымъ и препобѣдилъ градъ со всѣмъ его на-
 полненіемъ, говоря: *азъ же уповаю на Тя* (24).
 Полноту же сего города называетъ *мужамъ*
кровей и лсти, которые не преполовляють лу-
 каваго дня, какаго бы рода онъ ни былъ, и
 не оставляють лукавства не доконченнымъ, но
 достигаютъ совершенства во злѣ. Побѣдите-
 лемъ всѣхъ ихъ дѣлается Пророкъ симъ еди-
 нымъ изреченіемъ, которымъ выражаетъ рас-
 положеніе къ Богу, говоря: *азъ же уповаю*
на Тя.

ГЛАВА 14.

Человѣкъ трудолюбивый, дошедши до сихъ
 мыслей, пусть самъ читаетъ богодухновенныя
 изреченія псалмопѣнія, чтобы не утруждать
 его намъ, излагая все до буквы, и продолжая
 дѣлать свой взглядъ на каждую мысль. Какъ
 совершающіе путь, который простирается да-
 леко въ высоту и съ трудомъ проходимъ, когда
 встрѣчаютъ на дорогѣ мѣсто, гдѣ можно
 сѣсть, отдыхаютъ тамъ долго, смотря по труду,
 какой ими подъятъ, а когда силы ихъ снова
 укрѣпятся, побуждаютъ себя къ продолженію
 остальнаго пути: такъ и идущій путемъ добро-
 дѣтели, для котораго совершаемые имъ пере-
 ходы суть побѣды надъ сопротивниками, какъ
 свидѣтельствуемъ надписаніе предыдущаго
 псалма, подкрѣпивъ себя одержанною побѣдою,

снова простирается къ другой предстоящей ему побѣдѣ. Велико и то бореніе, которое преодолѣлъ онъ въ упомянутомъ псалмѣ: скорбь, затрудненіе, смятеніе, вражду, молву (ибо это значитъ *гласъ вражій*), *стуженія ирпанича* и гнѣвъ негодующихъ, отъ чего происходятъ: смятеніе ума, боязнь смерти, страхъ, трепеть, тма и тому подобное. Посему, кто превозмогъ столь многихъ и сильныхъ противниковъ, на крылахъ какъ бы голубицы, явившейся міру, и отъ преизобилующихъ пороками преселился въ пустыню, не произрашающую плевелъ лукавства, гдѣ приобрѣтается упокоеніе одолѣніемъ цѣлаго города сопротивниковъ и всей полноты населяющихъ его (а населяютъ городъ сей беззаконіе, трудъ, прерѣканіе, лихва, леть, смерть, нисхожденіе жизни во адъ, и злѣйшій всѣхъ родъ — всегдашнее лицемѣріе обитателей, которое подъ видомъ единодушія дѣйствуетъ злокозненно, и побѣдителемъ котораго бываетъ тотъ, кто во все время собственной жизни своей непрерывно сохраняетъ упованіе на Бога; ибо словами: *вечеръ и завтра и полудне* (Пса. 54, 18.), объемлетъ Пророкъ цѣлую дневную мѣру, въ продолженіе которой говорилъ онъ то, что благоволитъ услышать Богъ, избавляющій жизнь миромъ отъ приближающихся къ нему въ такомъ великомъ множествѣ, которыхъ онъ именуеть мужами *кровей и лсти* и совершенными въ порокѣ); итакъ

кто надеждою на Бога одержалъ верхъ надъ столь многими и сильными врагами, тотъ, какъ бы приведя въ нѣкое забвеніе показанные имъ труды, снова встаетъ на борцевъ еще болѣе сильныхъ и могущественныхъ.

Ибо вотъ какой новый трудъ беретъ на себя Пророкъ за прежніе подвиги. *О людехъ*, говоритъ онъ, *отъ святыхъ удаленыхъ* (Иса. 55, 1.). Люди же эти—вся полнота человѣчества, которую удаленіе отъ святыхъ заповѣдей на какое-то великое и безпредѣльное разстояніе, какъ бы стѣною, поставленною въ срединѣ, отдѣлило отъ Бога. Сихъ-то людей призываетъ побѣдою надъ сопототивникомъ, въ награду подвиговъ назначая спасеніе погибшихъ; почему заслугу сію выставляетъ на столпѣ въ неизгладимыхъ писменахъ памяти, увѣковѣчивающей событіе. Посему побѣда одерживается *Давиду въ столпописаніе*, *всегда*, говоритъ онъ, *удержаши и иноплеменницы въ Геель* (1). Но чтобы не укрылся отъ насъ смыслъ, сотканный въ этомъ словѣ изъ историческихъ загадокъ, повторю сію исторію, сокративъ въ немногія слова. Зависть къ Давиду при побѣдѣ его надъ Голиафомъ въ жестокой душѣ Сауловой порождена похвалою тѣхъ, которые ликуя веселились по причинѣ сей побѣды. И Саулъ всѣми способами, и тайно, и явно, уготовлялъ Давиду смерть: то скрытно строилъ ему козни, то, въ слѣдъ за

симъ, явно принимался за оружіе, и возставлялъ на него подданныхъ. Но послѣ многихъ, многократно дѣланныхъ Сауломъ, покушеній на жизнь Давида, наконецъ пришедши къ Зифеямъ, Давидъ поселился въ одномъ городѣ у иноплеменниковъ, добровольно принявшихъ его къ себѣ. Тамъ жилъ онъ съ своими сподвижниками, имѣя при себѣ двухъ законныхъ женъ, изъ которыхъ одна была Израильтянка, а другая, бывъ прежде женою одного изъ владѣтелей на Кармилѣ, по смерти его стала сожигательницею Давидовою. Вотъ что содержитъ въ себѣ исторія.

Посему то, что Давидъ удержанъ у иноплеменниковъ, не означаетъ, что удержание сдѣлано съ худымъ намѣреніемъ, ибо не то было на дѣлѣ; а напротивъ того означалось симъ исполненное любви и дружеское расположеніе, ибо Гевеи поселяютъ у себя изгнаннаго изъ земли отечественной. Итакъ что же? Ужели это сынъ Иессеовъ Давидъ — человѣкъ отъ человѣковъ, столько преуспѣлъ своими подвигами, что весь человѣческій родъ, удаленный отъ Бога за преступленіе святыхъ заповѣдей, снова призвалъ къ Богу, и показалъ ему гадательный смыслъ столпописанія? А кто столпописаніемъ наименуетъ Писаніе богодухновенное, тотъ не погрѣшитъ. Или не явствуетъ изъ самой связи исторіи, что столько великъ Тотъ,

Кто сталъ внѣ предѣловъ естества (у), населилъ городъ у иноплеменныхъ Себѣ, нашель Себѣ покой въ двоякомъ бракѣ, взявъ одну супругу изъ Израильскаго рода, и другую съ жожа иноплеменниковъ, такъ что, если слово о Немъ надлежитъ привести въ большую ясность, то Онъ есть вмѣстѣ Побѣдитель и Женихъ. Ибо, какъ сильный въ брани, преодолѣлъ имѣющаго державу смерти, и тѣмъ неисчетный народъ, содержимый въ адѣ, извелъ на свободу; а когда народъ Израильскій по зависти и ревности устремился на убіеніе Его, удерживается Онъ по благорасположенію иноплеменниками, и у нихъ созидаетъ градъ, разумію Церковь; и здѣсь-то утверждаетъ царство Свое Изрекшій подчиненнымъ Сауловымъ: *отъгнется отъ васъ царствіе, и дастся языку творящему плоды его* (Матѹ. 21, 43.). Въ этомъ-то градѣ есть нѣсколько и благородныхъ Израильтянъ, по пророческому изреченію, въ которомъ сказано: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (Пса. 67, 27.), ибо начавшіе слово вѣры, проповѣдники истины, основатели Церкви, разумію учениковъ и Апостоловъ, были *отъ источниковъ Израилевыхъ*. Князи Иудовы, говоритъ Пророкъ, *владыки ихъ,*

(у) По рукописи N 71 вмѣсто τῆς Ἰουδαίας читается: τῆς φύσεως.

князи *Завулони*, князи *Нефѳалимми* (28). Сими признаками и указаніями пророчество предозначаетъ родовыя отличія учениковъ. Между ними и *Веніаминъ юппійий*, во ужасъ обученный тайнамъ, отъ сѣмени Авраамова и колѣна Веніаминова, божественный Апостолъ Павелъ. Впрочемъ, если и повѣствуется, что Царь имѣетъ въ сожительствѣ Израильтянку, то больше любима имъ Авигея, съ которою сожительствовалъ сперва обитатель Кармила Наваль, по прозванію — *человѣкъ зѣвронравенъ* (1 Царств. 25, 3.), суровый горець, стригущій овецъ, по смерти котораго жена сія сожительствуетъ съ царемъ, и дѣлается матерью царей.

Итакъ надписаніе псалмопѣнія заключаетъ въ себѣ столько тайнъ, означая побѣду (Ф) надъ людьми, *отъ святыхъ удаленными* (Пса. 55, 1.), и за успѣхи надъ иноплеменниками воздвигнутый столпъ, который начертанными на немъ писменами держащимся іудейскаго невѣрія служилъ въ укоризну, а спасающимся вѣрою—въ путеуказаніе къ добру и въ образецъ. Самыя же изреченія псалмопѣнія, какъ мнѣ болѣе кажется, относятся не столько къ пришедшему отъ Давида (х) царю, сколько къ самому Давиду, борцу съ порокомъ, и дѣла-

(Ф) Слово: побѣду (*victory*) читается во всѣхъ рукописяхъ

(х) Сіе: *отъ Давида* дополнено по рукописямъ.

телю добродѣтели. Но никто не можетъ сказать, будто бы заключающіяся въ псалмопѣннѣ мысли не согласны съ загадочными указаніями надписанія (ц). Ибо кто истинно, и какъ должно, взираетъ на богословіе; тотъ, безъ сомнѣнія, покажетъ жизнь согласную съ вѣрою. А сіе не иначе возможно, какъ по низложеніи плотскаго возстанія упражненіями въ добродѣтели. Для добродѣтели же главное—Божія помощь, которой сподобляется своею жизнію присвоившій себѣ Божию милость. Какъ иной при внезапномъ нашествіи какого либо разбойника, или убійцы, для избѣжанія опасности, не довольствуясь самимъ собою, призываетъ на помощь кого-либо изъ друзей; такъ и здѣсь вступающій въ битву для борьбы съ человѣкомъ (а именуя человѣка, Пророкъ собирательнымъ симъ именемъ указываетъ на немощи естества) призываетъ помощь свыше, говоря, что попираетъ его борющій, что онъ подавленъ и приведенъ въ отчаяніе продолженіемъ борьбы во весь день; что не одинъ врагъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу; напротивъ же того одинъ этотъ человѣкъ есть цѣлая толпа враговъ. *Попраша мя, говоритъ Пророкъ, врази мои весь день, съ высоты* (3), низлагая тѣмъ са-

(ц) По всѣмъ рукописямъ вмѣсто τῆς ὑψοῦς читается: τῆς ἐπιγροφῆς.

мымъ, что они выше попираемаго. И не днемъ, не при свѣтѣ совершается это; вспомошествоваемый свѣтомъ неубоялся бы я; почему говорить: *въ день не убоюся* (4), и даетъ видѣть умалчиваемымъ, что тмою наводятъ на него страхъ враги. Впрочемъ таковой борець дѣлаетъ для себя днемъ надежду на свѣтъ, которымъ уничтожается тма. *Въ день не убоюся, азъ же упов аю на Тя.*

Но, можетъ быть, иный лучше постигнетъ смыслъ написаннаго, принимая во вниманіе загадочный смыслъ надписанія. Пока *людіе* (родъ человѣческой) удалены были отъ святыхъ Ангеловъ; попирали ихъ немощи естества, подавляла и сокрушала продолжительность брани, низлагали высшіе, и имѣли они страхъ во время ночи. Но когда стали надѣяться на Бога, свергнувъ съ себя, какъ бремя, обманчивую надежду на суетное; тогда восхвалили слова свои, которые не иное что, какъ исповѣданіе вѣры. Ибо Пророкъ говорить: *о Бозъ похвалю слова мои* (11). Но сими похвальными словами, говоритъ онъ еще, враги мои *гнушаются*, изобрѣтая на мя *помышленія на зло* (6), пока живу съ ними, строятъ мнѣ тайныя и скрытныя козни; дѣлая свое дѣло, не перестаютъ всегда подстерегать *пяту мою* (7), такъ какъ изъ начала дѣломъ *человѣкоубійцы—блюсти пяту* *человѣка* (Быт. 3, 15.). Но если и тяжело прираженіе неприятелей; при

Твоемъ содѣйствіи будутъ они отражены; потому что спасеніе даруется Тобою людямъ, не за дѣла праведности, но по одной Твоей благодати. Сказано: *ни о чесомъ спасешь ихъ* (8) (ч). И все дальнѣйшее послѣдованіе сего псалмопѣнія объясняетъ призваніе человѣческаго рода, а самое главное въ немъ — неизгладимый памятникъ побѣды надъ сопротивникомъ, какъ бы на столпѣ Божіа человѣколюбія показуемый всей твари въ поводъ къ славословію. Посему Пророкъ, какъ бы взирая на этотъ столпъ, въ послѣднихъ стихахъ псалмопѣнія говоритъ: *о Бозь похвалю магомъ, о Господь похвалю слово* (11). *На Бога уповахъ.* При Его помощи страха плотскаго уже *не-убоюся* (12). *Во мнѣ, продолжаетъ, молитвы, яже воздамъ хвалы: яко избавилъ еси душу мою отъ смерти, и нозь мои отъ поползновенія* (13. 14.). А поползновеніемъ называетъ уклоненіе отъ хожденія по заповѣдямъ, отъ котораго произошло паденіе. Посему, будучи избавленъ отъ смерти и возставленъ отъ паденія, представляется лицу Божію, отъ котораго былъ удаленъ, когда первоначально вкусилъ отъ запрещеннаго заповѣдію, и отъ стыда сокрылъ себя подъ тѣнію смоковницы. Итакъ, воспріявъ

(ч) Славянскій переводъ предполагаетъ другое чтеніе 8-го стиха. Ибо переведено: *ни о чесомъ же отринешь я.*

снова дерзновение, возстановляется для оживляющаго свѣта. Ибо говоритъ: *благоупожду предъ Господемъ во свѣтъ живыхъ* (14), откуда въ началѣ отчужденъ былъ грѣхомъ.

И о семъ довольно. Ибо думаю, что не должно, изслѣдывая неумоимо каждое реченіе, безъ мѣры длить слово. Но поелику въ священныхъ пѣснопѣніяхъ много псалмовъ побѣдныхъ, на которые указываетъ надписаніе: *въ конецъ*, и въ нихъ побѣда надъ сопротивниками разсматривается со многихъ сторонъ; то естественно имѣть особое нѣкое значеніе той побѣдѣ надъ противоборствующими, которая изображается историческими загадками, разумѣю же исторію, описывающую дѣла Сауловы. Порядокъ сихъ псалмовъ состоитъ не въ послѣдовательности историческихъ событій, но онъ слѣдовалъ оказываемымъ преспѣніямъ въ добродѣтели. Каждое изъ открывающихся событій поставлено такъ, чтобы служило доказательствомъ возрастанія въ добродѣтели, и первое и послѣднее приведено въ послѣдовательную связь относительно къ добродѣтели, и порядокъ не порабощенъ вещественному стеченію событій. Посему послѣ многаго другаго описывается прежде многихъ событій бывшая встрѣча въ пещерѣ Саула, стремящагося къ убійству, и Давида, уклоняющагося отъ убійства; гдѣ возможность совершить убійство извратилась до противоположности. Кого

преслѣдовали , чтобъ предать смерти , тому открывається случай убить желающаго его смерти; онъ имѣеть возможность, а съ возможностью и силу совершить казнь надъ врагомъ; но вмѣсто врага убиваетъ въ себѣ свою раздражительность.

Хотя, конечно, всякому, кто поверхностно не занимается божественнымъ, извѣстна эта исторія; однако же перескажемъ ее кратко, сколько можно будетъ, сокративъ повѣствованіе о семъ въ немногихъ словахъ. Въ Іудеи было нѣкое пустынное мѣсто, въ которомъ въ нуждѣ своей имѣлъ пристанище гонимый Давидъ. Тамъ находилась какая-то просторная пещера, которая однимъ только устьемъ принимала въ себя укрывающихся въ нее. Когда же Саулъ искалъ Давида, и со всѣмъ воинствомъ осматривалъ сію пустыню; Давидъ и бывшіе съ нимъ по необходимости убѣгаютъ въ пещеру. И когда они были уже въ пещерѣ, входитъ за ними въ устье ея и Саулъ исправить нѣкоторую нужду, не зная впрочемъ о вошедшихъ туда случайно воинахъ, угрожающихъ его безопасности. Посему Саулъ, оставшись одинъ, снялъ съ себя верхнюю одежду, и положилъ подлѣ себя, но скрывающимся внутри во мракѣ былъ онъ виденъ, освѣщенный лучемъ изъ устья. Всѣ прочіе, бывшіе съ Давидомъ, возимѣли рѣшительную мысль броситься на врага, и пришедшему для убійства

отмстить, когда какъ бы Самъ Богъ далъ врага въ руки гонимымъ на смерть. Но Давидъ удержалъ ихъ порывъ, признавъ непозволительнымъ поднять руку на царя своего. Обнаживъ же мечъ, вынутый изъ ноженъ и непримѣтно ставъ позади Саула, когда покушеніе на жизнь могло совершиться безъ свидѣтелей, потому что мракъ въ пещерѣ, затрудняя зрѣніе, все дѣлаемое въ ней укрывалъ отъ обличенія, и потому была возможность однимъ ударомъ въ спину вонзить весь мечъ въ сердце, онъ не коснулся, даже не подумалъ коснуться Саулова тѣла. Но тайно мечемъ отрѣзываетъ *воскриліе* верхней одежды (1 Цар. 24, 6.), чтобы въ послѣдствіи эта риза свидѣтельствовала о Давидовомъ челоуѣколюбіи къ Саулу, от рѣзаніемъ *воскрилія* показывая возможность нанести ударъ и его тѣлу. Риза дѣлала явнымъ, какому долготерпѣнію обучился Давидъ; въ рукѣ былъ у него обнаженный мечъ, а подъ рукою тѣло врага; имѣлъ онъ возможность и убить сего врага, однакоже, и раздраженіе прегобѣдивъ разсудкомъ, и возможность нанести ударъ—страхомъ Божіимъ, не только превозмогъ собственный гнѣвъ, но и оруженосца, стремившагося къ убіенію Саула, удержалъ произнесеніемъ достославныхъ этихъ словъ, сказавъ ему: *не убивай христа Господня* (1 Цар. 26, 9.). Итакъ Саулъ выходитъ изъ пещеры, не зная, что тамъ было, и надѣвъ на

себя обрѣзанную одежду. Выходить съ нимъ, но сзади, съ безопасноію для себя самага, и Давидъ, и взошедши на бывшій надъ пещерою холмъ, показываетъ въ рукъ воскриліе (а это было не иное чтó, какъ безкровный памятникъ побѣды надъ сопротивниками), и громкимъ голосомъ вскричавъ Саулу, извѣщаетъ его объ этой новой и чудной доблести, которой не осквернилъ онъ, обогривъ кровію, при которой, и доблестный мужъ побѣдилъ, и побѣжденный спасается. Ибо не паденіемъ врага свидѣтельствуется Давидова доблесть; но велику сопротивникъ спасенъ отъ опасности, то еще болѣе явнымъ содѣлывается превосходство силы въ имѣющемъ столько упованія, что не въ гибели противоборствующихъ поставляетъ онъ свое спасеніе, но, и окруженный злоумышляющими, какъ бы никто не думалъ оскорбить его, почитаетъ себя безопаснымъ. Лучше же сказать, Писаніе сею исторіею научаетъ, что преимуществующій добродѣтелию оказываетъ мужество свое не противъ соплеменниковъ, но противъ страстей. Посему таковою Давидовою доблестію охлаждается раздраженіе въ обоихъ. Давидъ собственнымъ разсудкомъ истребляетъ въ себѣ личный свой гнѣвъ, угащаетъ гнѣвъ (ш), располагающій ко

(ш) По рукописямъ читается: *κτιοβλουτος* а ис: *κτιοκηνι-
ολυτος*.

мщенію. А Саулъ оказаннымъ ему челоѣколюбіемъ умертвилъ въ себѣ злобу на Давида. Ибо изъ той же исторіи можно дознать, что говоритъ онъ послѣ сего побѣдителю, приводимый въ стыдъ тѣмъ, на что покушался, плачемъ и слезами, доказывая внутреннее свое отвращеніе отъ злобы.

Посему, сколько видно сіе изъ исторіи, таково содержаніе пятьдесятъ шестаго псалма; самыя же реченія надписанія, которыми указывается на встрѣчу въ пещерѣ, изложены въ слѣдующемъ видѣ: *въ конецъ, да не растлѣши, Давиду въ столпоисаніе, внигда ему отблѣати отъ лица Саулова въ пещеру* (Пса. 56, 1.). Но чтобы видно было, сколько съ симъ надписаніемъ согласны содержащіяся въ псалмопѣніи мысли, время теперъ въ немногихъ словахъ замѣтитъ, какой въ нихъ образъ воззрѣнія, изложивъ напередъ богодухновенныя изреченія. *Помилуй мя Божже, помилуй мя: яко на Тя упова душа моя, и на стнь крилу Твоею надьюся, дондеже преидетъ беззаконіе* (2). Псалмопѣвецъ молить за упованіе на Бога и за твердую на Него надежду воздать Божіимъ милосердіемъ. *Дондеже преидетъ беззаконіе*, говоритъ онъ. Но чтобы мысль сія сдѣлалась для насъ болѣе ясною, разберемъ слово сіе такъ: свойство грѣха—быть непостояннымъ и преходящимъ. И въ началѣ не вмѣстѣ съ тварію все Сотворившимъ и Осуществившимъ при-

веденъ онъ въ бытіе, и не всегда пребываетъ съ существами. Ибо что существуетъ отъ Сущаго, то и въ бытіи всегда пребываетъ. А если что происходитъ не отъ Сущаго, и сущность чего имѣетъ состоятельность не въ томъ, что оно есть, но, въ томъ, что оно не добро; то сіе — какая-то трава, растущая на кровлѣ, неимѣющая корня, не сѣянная, невоздѣланная; хотя въ настоящемъ беспокоитъ она своимъ несостоятельнымъ прозябеніемъ, но въ послѣдующее время, при восстановленіи вселенной въ доброе состояніе, конечно переходитъ и уничтожается, такъ что зла, встрѣчающагося (щ) намъ нынѣ, въ той жизни, которая предстоить по упованію, не останется слѣда. Ибо сказано: *еще мало, не будетъ грѣшника: и взыщеша мѣсто его, и не обрящеша* (Пса. 36, 10.). И такъ пророческое слово въ началѣ сего псалмопѣнія любомудрствуетъ, въ возвышенныхъ ученіяхъ излагая естествословіе порока. Оно учитъ, что до тѣхъ поръ имѣемъ нужду въ содѣйствіи милосердія, *дондеже жизнь нашу преидетъ беззаконіе*, ко вреду нашему вошедшее въ жизнь. Таковое же содѣйствіе даруетъ намъ упованіе на могущество Содѣйствующаго и вооруженіе себя сѣнію крылъ Божіихъ. И

(щ) Въ рукописи N 71 читается: *ἐπιπέλαζοντος*, а не *ἐπιπολάζοντος*.

кто подъ сѣнію криль Божіихъ, служащею для насъ покровомъ, будетъ разумѣть добродѣтели, тотъ не погрѣшитъ. Ибо само Божество, каково Оно въ естествѣ Своемъ, пребываетъ недоступнымъ и непостижимымъ естеству человѣческому, по неизреченности Своей паря горѣ превыше человѣческаго разсудка. Но въ сѣннописаніи добродѣтелей взирающимъ на оное открываются нѣкоторыя существенныя черты неизреченнаго Естества, такъ что всякая мудрость, благоразуміе, вѣдѣніе и всякій способъ постигающаго что-либо мышленія суть не самыя крила Божіи, но сѣнь Божіихъ криль. Но великое для насъ благодѣяніе и сѣнь. Ибо Пророкъ говоритъ: *воззову къ Богу вышнему, Богу благодѣявшему мнѣ* (Иса. 56, 3.). Этою сѣнію, которую долънему міру послалъ Богъ съ высоты, *спасе мя* (4) осѣнившимъ въ облакѣ Духомъ, и тѣхъ, которые, по сказанному въ прежнихъ псалмахъ, попирали меня, поставилъ нынѣ въ рядъ укоряемыхъ. Ибо *посла Богъ милость Свою и истину Свою, и избави душу мою отъ среды скимновъ* (5). Подлинно скимнами были для меня прежде грѣхи, скимнами львовъ, которые страшили пастію и острыми когтей терзали меня. Но пришли помощники, *милость и истина*—эта прекрасная чета; потому что и милость не безъ суда, и истина не безъ милости. И ими-то избавляюсь отъ сопребыванія съ сими скимнами.

Звѣри же сіи, говоритъ Пророкъ, *сынове чловчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечь острѣ* (5). Устройство естества нашего не знало сихъ чувственныхъ стрѣлъ (ѣ), вмѣсто зубовъ вложенныхъ въ уста чловчестіа; но если кто уподобится звѣрю по страсти, и преобразится въ него по овладѣвшему имъ пороку, то, утративъ естественный свой образъ, подлинно дѣлается звѣремъ. Посему Пророкъ, упомянувъ о львахъ, наименовалъ сыновъ чловчестіа звѣрями (ы), у которыхъ бранными орудіями зубы и языкъ. Потому, кто столько возвысился умомъ, что водворяется подѣ сѣнію крилъ Божіихъ, и на землѣ воспріялъ небесный жребій (ибо сказано: *посла съ небесе и спасе мя* (4)), тотъ не взираетъ уже на земное, но трудится для славы пренебесной, говоря: *вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя* (6). И описывая нападенія враговъ, сказываетъ имъ Пророкъ, что впадутъ они въ яму, и на нихъ самихъ обратятся уготовляемыя ими бѣдствія. Ибо говоритъ: *сѣть уготоваша ногамъ моимъ, и слякоша душу мою: ископаша предѣ лицомъ моимъ яму, и впадоша въ ню* (7). Самъ же, какъ извѣщаетъ, готовъ онъ воспѣвать Божію славу съ благо-

(ѣ) По рукописямъ читается: βελη, а не μελη

(ы) Слово сіе дополнено по рукописямъ.

хваленіємъ; потому что при такомъ величїи души блаженъ тотъ, чье сердце уготовано къ благохваленію Божїей славы, вмѣщая въ себѣ невмѣстимое, утверждая о себѣ, что онъ расположенъ и готовъ, и не отлагаетъ пѣсни, но живыя орудія свои поименно приглашаетъ къ служенію въ пѣснопѣнїи, взывая: *востани псалтирю и гусли* (9), чѣмъ указывается стройное согласіе въ божественномъ славословіи двоякаго человѣка, и видимаго, и сокровеннаго. И орудія повинуются призывающему. Временемъ же для такого мусикійскаго пѣснопѣнїя служитъ раннее утро; потому что для тѣхъ, которые не отложили дѣлъ тмы, не пробуждается Божїя слава. Посему и псалтирь и гусли отвѣтствуютъ взывающему: *встану рано* (9). Такъ Пророкъ общается воздать Богу благодареніе, которое называетъ исповѣданіемъ, исполняемымъ *въ людехъ и во языцехъ* (10); потому что благодать вѣры равно удѣляется носящимъ оба сіи имени, и *людямъ и языкамъ*. Не *Иудеевъ Богъ* токмо, но и *языковъ*, понеже *единъ Богъ*, *Иже отсрѣдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою* (Рим. 3, 29. 30.). Посему такъ какъ Божїе благословеніе, какъ бы двойнымъ какимъ потокомъ, излилось на тѣхъ и другихъ, раздѣляясь то на *людей*, то на *язычниковъ*; пророчество за тѣхъ и другихъ приноситъ благодареніе Богу; потому что до безвѣчности возросшій грѣхъ превосходитъ вели-

чіємъ своимъ Божія милость, содѣлавшаяся превышею и самой небесной высоты. Ибо сказано: велика превыше *небесъ милость Твоя* (Пса. 56, 11.). Изреченіями воздаваемого за сіе славословія почитаю окончательныя слова псалмопѣнія, въ которыхъ сказано: *вознесися на небеса Боже, и по всей земли слава Твоя* (12). Ибо въ какой мѣрѣ Божіе славословіе, распространенное спасаемыми вѣрою, умножается на землѣ, въ такой же пренебесныя силы, радуясь нашему спасенію, воспѣвають и славословятъ Бога, какъ и то небесное воинство, когда Ангелы увидѣли на землѣ миръ, явившійся нашему міру по благоволенію *въ челоуцяхъ*, говоритъ пастырямъ: *слава въ вышнихъ Богу* (Лук. 2, 14.).

ГЛАВА 15.

Но при такой высотѣ этого псалмопѣнія слѣдующій за нимъ по порядку псаломъ столько отличается еще большимъ величіемъ, сколько можно дознавать сіе изъ того самаго, что написано. Какъ у скороходовъ опередившій побѣдителя другихъ приобрѣтаетъ большую предъ прежнимъ побѣдителемъ славу, оказавшись лучшимъ бѣжавшаго впередъ: такъ пятьдесятъ седьмое псалмопѣніе въ сравненіи съ предыдущимъ, которое оказалось высокимъ по мыслямъ, препобѣждаетъ его величіемъ своихъ

мыслей. Какъ тотъ псаломъ имѣлъ превосходство предъ другими псалмами, такъ этотъ имѣеть преимущество предъ тѣмъ, который имѣеть превосходство предъ прочими. И о побѣдѣ сего псалма свидѣтельствуется надписаніе: *сз конецъ*. Но мнѣ кажется, въ разсужденіи сей побѣды слово свидѣствуется не столько пораженіемъ противниковъ, а напротивъ того болѣе обиліемъ благъ. Надписаніе же читается такъ: *въ конецъ, да не растлшии, Давиду въ столпописаніе* (Пса. 57, 1.). Сколько разъ объ этомъ подвижникъ великодушія Самимъ Подвигоположникомъ провозглашается, что онъ увѣнчанъ за сію побѣду! А, можетъ быть, и самъ Духъ Святый нерѣдко чудеснымъ образомъ приѣмлетъ на Себя сей гласъ, такъ какъ оный выше силъ человѣческихъ, и выходитъ изъ предѣловъ естества. Ибо сказать подобное сему свойственно только естеству безплотному и невещественному, котораго не касается ни одна изъ человѣческихъ немощей. А кто чловѣкъ, кому по естеству существенна раздражительность, — и тотъ терпитъ зло отъ неполучившаго ни малѣйшихъ поводовъ къ злу, даже отъ удостоеннаго многихъ и великихъ благъ, тѣмъ самымъ, кому оказалъ добро, изъ за пустаго начальства, за сдѣланное въ его же пользу, доводится до пресельничества, принужденъ стать бѣглецемъ изъ собственнаго дома, до смерти гонимый облагодѣтельствован-

нымъ, по трудности жизни переходя съ мѣста на мѣсто, вселяется въ пустыняхъ, укрывается на вершинахъ горъ, выпрашиваетъ себѣ убѣжище у иноплеменниковъ, бѣдствуетъ отъ недостатка въ самомъ необходимомъ для жизни, многое терпитъ, живя подъ открытымъ небомъ; неоднократно бываетъ въ опасности утратить жизнь отъ гонителя, который однажды стремился изъ своихъ рукъ убить его копьемъ, даже домъ, въ которомъ жилъ, чтобы не избѣжать ему смерти, занялъ своими оруженосцами; потомъ всюду развѣдывалъ, у кого поселился, чѣмъ питается, гдѣ теперь, къ кому переходить. И когда терпѣвшему все это двукратно представлялся удобный случай убить врага: Саулъ, однажды въ пещерѣ неосмотрительно впадалъ въ руки Давиду, а въ другой разъ въ шатрѣ погруженъ былъ въ сонъ, Давидъ же стоялъ надъ спящимъ, и убійствомъ гонителя могъ вполне удовлетворить своему гнѣву; тогда и самъ онъ не поднялъ руки, и порывающемуся на умерщвленіе говорить: *да не растлѣши!* Вотъ изреченіе подлинно свойственное Богу,—изреченіе, воспреещающее губить человѣка!

Поэтому, какъ дѣлающіе явственныя на камняхъ надписи, глубоко вырѣзываютъ очертанія буквъ, много разъ вода рѣзцемъ по изображеніямъ; такъ Духъ Святой на столпѣ нашей памяти приводитъ въ большую ясность и ви-

димось сіе важное для насъ изреченіе, чтобы писмена сіи, ясно и неслитно въ насъ отпечатлѣнные, могли быть прочитываемы во время страданій. Сіе-то, думаю, было цѣлю въ домо-строительствѣ Святаго Духа—предшествовавшія преспѣванія святыхъ мужей поставить въ путеводство жизни тѣмъ, которые будутъ въ послѣдствіи, такъ какъ подражаніе приводитъ насъ къ равному и подобному благу. Ибо когда душа готова отмстить огорчающему, и кровь въ предсердіи кипитъ отъ раздраженія на оскорбившаго; тогда воззрѣвшій на этотъ столпъ, какой воздвигнуть Давиду Духомъ Святымъ, и прочитавшій на немъ слова, какія Давидъ изрекъ о намѣревавшемся убить его, безъ сомнѣнія, утишитъ въ душѣ смятеніе помысловъ, усмиряя страсть желаніемъ подражать въ подобномъ дѣлѣ.

Но величіе того, кто съ успѣхомъ восшелъ на степень сего псалмопѣнія, а именно, сколько сталъ онъ выше достигнутаго прежде величія, можно усмотрѣть и изъ самыхъ реченій псалмопѣнія. Ибо не жагуется уже, что попирають его враги, не призываетъ въ помощь себѣ милосердія, но, ставъ выше сего, какъ бы съ высокаго какого подзорнаго столпа, живущимъ внизу въ междугорья, при самой подошвѣ жизни человѣческой, съ обличеніемъ взываетъ, говоря слѣдующее: что говорите и дѣлаете вы, о человѣки? правду ли произносите вы?

по правотѣ ли ведете судъ? вижу, что сердца ваши на землѣ, и всякое сердечное движеніе есть уже дѣло, а не мысль. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ появляется зло въ разумѣніи, и руки немедленно соединяють съ мыслями дѣло. Для большей ясности своими словами замѣнивъ нѣсколько псаломскихъ реченій, изложилъ я читаемое такъ: *аще воистинну убо правду глаголете, правая судите сынове человечестіи: ибо въ сердце беззаконіе дѣлаете на земли: неправду руки ваша сплетаютъ* (Пса. 57, 2. 3.). Потомъ, негодуя на лишившихъ себѣ спасенія, Пророкъ присовокупляетъ слѣдующія за симъ реченія, говоря: *отчуждишася врѣшницы отъ ложеснъ, заблудиша отъ чрева* (4).

Уразумѣешь же сказанное, изслѣдовавъ, какія это первоначальныя *ложесна* человѣческаго состава, и какое это чрево, носившее въ себѣ человѣчество. Не иное что, думаю, означается симъ, какъ Божіе человѣколюбіе и Божія благодать, по которой мы сотворены и родились. *Ибо сотворилъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1. 26.), сказалъ *Создавый на единъ сердца ихъ* (Пса. 32. 15.), и еще говорить: *сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася Мене* (Иса. 1, 2.). И въ святомъ Писаніи можно прочесть тысячи подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ познается, какое чрево образовало насъ, и какая мать произвела на свѣтъ рожденіемъ. Сіе-то имѣя въ виду, негодующій

на погибель отступниковъ Пророкъ сѣтуеъ; ибо подлинно плачь—это изреченіе, которымъ выражаетъ онъ скорбь свою о грѣшникахъ: какъ *отчуждишия чрпаницы отъ ложеснѣхъ?* какъ *забудуши отъ чрева, ложь предпочтя истинѣ?* Ихъ раздражительность подобна ярости отца лжи, этого перваго змія (ь), *яко аспида муха и затыкающаго уши свои: иже не услышитъ гласа обавоющихъ, обавѣмъ обавастся отъ премудра* (Пса. 57, 5. 6.). Ибо свойство этого звѣря такимъ замѣтили мудрые въ этомъ, а именно, что, воспылавъ яростію, задерживаетъ въ гортани дыханіе, и недвижится отъ задержанія въ себѣ воздуха. раздуваясь какъ мѣхъ, такъ что напрасными и недѣйствительными остаются всѣ какимъ либо естественнымъ противодѣйствіемъ смягчающія звѣрей средства, какія изобрѣтены мудрыми въ подобномъ сему. А симъ Пророкъ даетъ разумѣть, что сердце одержимыхъ порокомъ, когда учителя предлагаютъ имъ врачеваніе, остается непослушнымъ.

И все продолженіе псалмопѣнія составляетъ плачь воздыхающаго о гибели людей достойныхъ сожалѣнія. Ибо предвозвѣщаетъ ихъ будущее, говоря: *Богъ сокрушитъ зубы ихъ во устѣхъ ихъ* (7). Какіе зубы? Не очевидно ли, что тѣ челюсти преслушанія, тѣхъ прислужниковъ наслажденіямъ чрева, которыхъ Про-

(ь) Последнее слово читается по рукописямъ.

рокъ въ предыдущемъ псалмопѣніи наименовалъ *оружіями и стрѣлами* (Пса. 56, 5.), и которыми растерзывается слово истины? И сказано: *членовныя львовъ сокрушилъ есть Господь* (Пса. 57, 7.). Узнаешь же, кого Пророкъ назвалъ львами, если изучишь отличительныя свойства сихъ звѣрей. Сказываютъ, что у львовъ глаза извращены, что естество ихъ плотоядное и кровожадное. Конечно же знаешь загадочный смыслъ и извращенія глазъ у тѣхъ, которые смотрятъ непрямо, и неприятнаго дыханія у тѣхъ, которые на хулу употребляютъ уста свои, и поэтому имѣютъ сродство съ зловоніемъ грѣха, а также всего, что разумѣется подъ дыханіемъ; потому что плоть и кровь, чѣмъ наипаче питается львиное естество, какъ мерзость, неприемлются въ царствіе Божіе. Ибо, когда достойные сподобятся чести, въ то время, они, какъ сказано, *уничжатся* (8), протекая жизнь вмѣстѣ съ непостояннымъ естествомъ вещественнаго, съ которымъ они освоились. Ибо сказано: *уничжатся яко води мимотекущая* (8); потому что лукавый стрѣлецъ душъ нашихъ, направляя въ человѣческую жизнь разжженные стрѣлы грѣха, не престаеетъ поражать ихъ, пока не приведетъ силъ ихъ въ изнеможеніе. Сказано: *напряжетъ лукъ свой, дождеже изнемогутъ* (8), и сдѣлаются *растаявшимъ воскомъ*, изъ котораго не трудно выгнать всякаго вида подобіе грѣха.

Къ сему Пророкъ прилагаетъ еще оныя плачевныя слова о достойныхъ сожалѣнiя, сказуя: *паде огнь на нихъ, и не видѣша солнца* (9). Значенiе же сего реченiя объясняетъ другой толковникъ, сими словами выражаясь о преждевременномъ изверженiи изъ матернихъ ложесть недоношеннаго младенца. *Извергъ* женскiй, говоритъ онъ, не увидитъ солнца (Иов. 3, 16.). Итакъ, поелику въ началѣ псалмопѣнiя сказано: *отчуждишася рршницы отъ ложесть, заблудшиа отъ чрева* (Пса. 57, 4.), а это значить тоже, что рождены недоносками, и причиною такого ихъ недостатка, какъ утверждаетъ Пророкъ, уподобленiе змию и аспиду; то посему и теперь, возвращаясь къ тому же образу рѣчи, продолжаетъ, что, будучи несовершенными въ отношенiи къ естеству, по своей порочности содѣлавшись недоносками, изринуты и виспали изъ умопредставляемыхъ нами ложесть, ставъ сами для себя огнемъ, по причинѣ вещественнаго произволенiя, по чему не узрѣли и солнца. А солнцемъ указывается истинный свѣтъ, къ которому не обратилъ взора незрѣлый родъ Иудеевъ.

И послѣдующая за симъ рѣчь состоитъ въ строгой связи съ предыдущею. Ибо, что Пророкъ наименовалъ тамъ *глужилъ аспидомъ*, то теперь, измѣнивъ образъ рѣчи, называетъ неразумнымъ *тернiемъ*; потому что разумнiе бываетъ слѣдствиемъ слышанiя, а кто не

пріемлетъ слуха, тотъ вмѣстѣ съ слухомъ отвергаетъ, безъ сомнѣнія, и разумѣніе. Посему, какъ тамъ, упомянувъ о родовомъ наименованіи змія, выставляетъ самый злой въ цѣломъ родѣ видъ этого звѣря, называя *аспиду*; такъ и здѣсь, наименованіе терна представивъ, какъ бы родовымъ какимъ, выставляетъ самый не-носный видъ терна, назвавъ его *рамномъ* (ѣ), котораго иглы остры, спицы часты, уязвленія приближающимся вредны и ядовиты. Однакоже будете ли вы терніями, говоритъ Пророкъ, или даже въ терніяхъ *рамномъ*, такъ какъ почитаете себя еще *яко* живыми (ибо не въ подлинномъ смыслѣ живъ, кто не имѣетъ истинной жизни); гнѣвъ *пожретъ* васъ (10). И какъ жизнь грѣшниковъ не въ подлинномъ смыслѣ есть то, чѣмъ называется, а только именуется симъ (что разъединено съ истинною жизнію, то не жизнь); такъ и гнѣвъ въ Богѣ, хотя грѣшникамъ представляется гнѣвомъ, и такъ ими именуется, тѣмъ паче не есть гнѣвъ, но *яко* гнѣвъ для именующихъ гнѣвомъ воздаяніе, праведно Богомъ распредѣляемое. Посему вотъ что значать слова: *яко живы*, и: *яко во гнѣвь пожретъ* васъ;—васъ, которые не въ дѣйствительной жизни, пожретъ Онъ, Который недѣйствительно во гнѣвѣ.

(ѣ) Сей видъ терна иначе называется: *придорожная ила*.

Потомъ Пророкъ говоритъ: *возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщєніе* (11), не тому радуясь, что другіе гибнуть, но когда въ сравненіе съ ихъ положеніемъ приведетъ онъ свое, тогда ублажитъ себя за благоразуміе, по которому не дѣлалъ того, за чтó, какъ видитъ, отмщено грѣшникамъ; да и чистоту собственныхъ рукъ лучше усмотритъ при сравненіи съ окровавленными руками грѣшниковъ. *Руцѣ свои, сказано, умываетъ въ крови грѣшника* (11). Знаемъ же, что не для инаго чего моемъ руки, какъ для того, чтобы водою свести съ нихъ скверну; а обагреніе кровію не очищаетъ прежде бывшей скверны, напротивъ того само дѣлается скверною. Посему, какъ бѣлый цвѣтъ при сличеніи съ кровію дѣлается виднѣе; такъ и чистота рукъ праведника, при сравненіи съ руками противника, оказывается болѣе блистательною. Невѣроятное нынѣ, а именно, что въ понесшихъ добровольно труды за добродѣтель есть нѣкое приобщеніе совершеннѣйшаго, тогда обнаружится на опытѣ. Кто увидитъ сіе, тотъ скажетъ: вѣроятно, что правдивымъ судомъ Божіимъ уготованъ былъ праведнику плодъ. Смотри, на какія высоты взшло слово! Сколько величіе сіе превышаетъ то, что показано въ предыдущихъ псалмахъ?

ГЛАВА 16.

Но для пресѣвающихъ въ добродѣтели и это еще—не предѣлъ восхожденія на высоту. Ибо слѣдующее за симъ въ связи порядка высотойю взгляда оказывается превысившимъ и это. Надписаніе снова провозглашаетъ увѣнчиваемаго. Снова воздвигаемый столпъ свидѣтельствуешь, что одержанная побѣда выше силъ человѣческихъ. Сказано: *въ конецъ, да не растлѣши* (Пса. 58, 1.). Много разъ говорено, что словомъ: *конецъ* означаетъ побѣда, и нѣтъ надобности словомъ снова объяснять, что извѣстно. Но это челоуѣколюбивое изреченіе, превосходящее всякій избытокъ великодушія: *да не растлѣши*, въ настоящемъ мѣстѣ получило высшій смыслъ. Кому неизвѣстно, что и всякій, къ кому ни обратись, готовъ дѣлать добро не причинившимъ никакого зла? А кто великодушнѣе другихъ, тотъ, и послѣ сдѣланнаго ему какого либо малаго оскорбленія, нерѣдко переносилъ небольшую неприятность, и при благотвореніи не мѣшало ему это сдѣлать добро и оскорбившему его нѣсколько. Но малодушный, если встрѣтится какая огорчающая его малость, употребляетъ всю, какая есть у него, силу на отмщеніе, воспользовавшись удобнымъ временемъ сдѣлать зло. Посему не равно чудно, если одинаковое благодѣяніе ока-

зано будетъ и тѣмъ, кто не потерпѣлъ прежде ничего худаго, и тѣмъ, кто воздаеть благодареніями оскорбившему. Поэтому-то всего болѣе несравненнымъ и неподражаемымъ окажется великодушіе Давидово, которое, если кто слитъ его съ этимъ лукавымъ неистовствомъ Сауловымъ, едва не уподобляется даже безстрастію Божественнаго естества. Слова сїи: *да не растлшии*, которыя Давидъ, какъ на столпѣ, начерталъ въ памяти потомковъ, пропнесены Давидомъ, не тогда, какъ мучитель былъ расположенъ къ нему дружественно, но уже послѣ того, какъ Саул посылалъ умертвить Давида въ домъ его. Безъ сомнѣнія же тебѣ, какъ любовѣдущему, извѣстна эта часть исторіи, на которую указываетъ надписаніе, а именно, когда на Саула было нападеніе лукаваго духа, святой Давидъ игрою на псалтири успокоилъ происшедшее отъ недуга смятеніе, а Саулъ, нашедши стоящее предъ нимъ копье, пустилъ въ своего благодѣтеля, направивъ въ него остриемъ. И какъ Давидъ при Божіемъ содѣйствіи уклонился отъ удара, брошенное копье остриемъ своимъ глубоко вонзилось въ стѣну; а Давидъ изъ царскаго дворца бѣжалъ въ свой домъ въ надеждѣ, что раздраженіе царя замѣнится раскаяніемъ. Поелику же Саул вокругъ Давидова дома поставилъ копьеносцевъ и слугителей своихъ, давъ имъ приказъ убить Давида; то онъ едва избѣгъ опасности,

тайно отъ стражи въ одно окно бросившись на открытій воздухъ, и удалившись, переходилъ съ мѣста на мѣсто, по нуждѣ ища убѣжища у незнакомыхъ (э) ему людей. Но и при этомъ поймалъ его Саулъ, со всѣмъ войскомъ окруживъ тотъ холмъ, на который прибѣгъ Давидъ съ присоединившимися къ нему. И въ ночь, на которую замедлена была смерть его, потому что Саулъ умерщвленіе гонимаго отложилъ до утра, Давидъ входитъ въ шатеръ не-
 друга, и нашедши его на какомъ-то ложѣ погруженнымъ въ сонъ, не только удерживаетъ свою руку, которая можетъ быть, поспѣшала принести даръ раздраженію, но и оруженосца, наклонившагося уже надъ Сауломъ, чтобы нанести ему смертельный ударъ (ибо говоритъ: *поражу, и не повторю* (1 Цар. 26, 8.)), останавливаетъ въ этомъ порывѣ симъ высокимъ и славнымъ изреченіемъ, сказавъ: *да не растлѣши* того, кто спѣшитъ истребить насъ. Но не это одно достойно удивленія въ семъ дѣлѣ, что Давидъ даруетъ жизнь тому, кто все дѣлаетъ противъ его жизни, но и то, что Давидъ, помазанный на царство, и зная, что не иначе достигнетъ царскаго сана, какъ развѣ когда не станетъ уже Саула, признаетъ за лучшее по великодушію злострадать въ уни-

(э) По рукописи N 71 читается: *τοῖς ἀγέλοις.*

женіи челоуѣка частнаго, нежели взойдти на царство, удовлетворивъ раздраженію на оскорбившаго. Посему-то къ изреченію челоуѣколюбія приложено и сіе: *всегда посла Саулъ въ домъ Давида, еже умертвити его* (Пса. 58, 1.). Ибо не тогда изречено, когда происходило сіе; но присовокуплено это для возбужденія большаго удивленія, что произнесъ сіе тотъ, кто испыталъ на себѣ это.

Но излишнимъ почитаю теперъ, когда рѣчь поспѣшаетъ заняться другимъ, вносить въ нее что либо требующее объясненія въ исторіи: почему послѣ сказаннаго: Саулъ поразилъ Давида копіемъ, исторія прибавляетъ, что копье вонзилось въ стѣну, *Давидъ же спасеся*, и что на одрѣ Давидовомъ не найдѣнъ самъ онъ, найдены же вмѣсто него *тщеногребальная и печень козля* (1 Цар. 19, 10—13.), что въ тѣ времена, по какому-то обычаю, въ отвращеніе смерти дѣлалось такимъ образомъ: больнаго сводили съ одра, и на постелю клали ризу, возлагаемую на умершихъ, и козю печень? Ибо для трудолюбцевъ явно, что исторія сія есть пророчество о Господнемъ домостроительствѣ. Въ мучителѣ Саулѣ были демоны. Ихъ прогоняетъ помазанный на царство, приводя въ ужасъ музыкальнымъ орудіемъ—гуслями. Одержимый же пребывающими въ немъ демонами того, кто при помощи гуслей показалъ свою силу надъ демонами, поражаетъ копьемъ, но

ударъ вмѣсто Давида принимаетъ на себя стѣна, а онъ спасается. Послѣ этого преслѣдуемаго злоумышляющимъ Сауломъ ищутъ на одрѣ, и не находятъ; а одръ вмѣсто его помѣщаетъ на себѣ *тищепоробальная* и *козью печень*. Безъ сомнѣнія же очевидно, къ чему клонится рѣчь загадокъ, изъ которыхъ слагается сія исторія (ю). Давидомъ предугадывается Тотъ, Кто отъ Давида. Помазанный означаетъ Христа; а гусли суть тѣлесное человѣческое орудіе; пѣснь на гусяхъ—слово откровенное намъ Воплотившимся, дѣломъ Котораго уничтожить наважденіе демоновъ, чтобы не были уже *бози языкъ бьсове* (Пса. 95, 5.). А этотъ царь, имѣющій въ себѣ демоновъ, какъ скоро духи бѣгутъ отъ игры на гусяхъ, съ пользою употребившаго на сіе это орудіе поражаетъ копьемъ (копье же есть древо вооруженное желѣзомъ), но копье вмѣсто игравшаго на гусяхъ принимаетъ въ себя стѣна; а подъ стѣною разумѣемъ земную храмину, и въ ней дознаемъ то тѣло, при которомъ усматриваемъ древо креста и желѣзо. Но этотъ Давидъ, и помазанныкъ и царь, неподлежитъ страданію, потому что Божество не пригвождается ко кресту гвоздями. Услышавъ и о Мелхолѣ, происходящей отъ Саула, съ которою вступилъ въ общеніе Да-

(ю) Переводъ сдѣланъ согласно съ рукописями.

видъ, не подивимся сему, взирая на послѣдствіе. Ибо знаемъ, что Богъ смерти не сотворилъ, но отцемъ смерти содѣлался царь злобы, самъ себя лишившій жизни. Ибо *завистію діаволю смерть вниде* (Прем. Сол. 2, 24.); *царствова же смерть отъ Адама* и до закона (Рим. 5, 14.). Но Апостолу желательно, чтобы не царствовала она болѣе въ насъ, *въ мертвеннѣмъ* нашемъ *тѣлѣ* (6, 12.). Посему за всѣхъ Вкусившій смерти пребываетъ въ дому у произшедшей отъ мысленнаго нашего Саула; имя же ей Мелхола, и значеніе сего имени есть царство, потому что дотолѣ надъ естествомъ человѣческимъ царствовалъ грѣхъ. Но пребывающій въ семъ домѣ, Самъ исходитъ въ окно; окно же означаетъ возвращеніе снова во свѣтъ Того, Кто явилъ Себя *спящимъ въ гробѣ* *и спящимъ въ гробѣ* (Матѣ. 4, 16.). А *тищепогребальная* Его усматриваются на одрѣ. Ибо и Ангель ищущимъ Господа во гробѣ говоритъ: *что ищите живаго съ мертвыми? нѣсть здѣ, но воста* (Лук. 24, 5. 6.): *вотъ мѣсто, идѣже лежа* (Матѣ. 28, 6.). Гробъ, въ которомъ погребенъ былъ Господь, ищущіе Его увидѣли пустымъ безъ искомаго ими тѣла; были же въ немъ однѣ погребальныя пелены. Посему разумѣемъ, что востаніе Господне изъ гроба означаютъ собою *тищепогребальная* на одрѣ Давидовомъ, которыми совершается дѣйствительное отвращеніе отъ насъ смерти. Поелику же въ прон-

зенной стѣнѣ, которую приняли мы за тѣло, нѣтъ крови; то, чтобы небыло недостатка въ самомъ существенномъ изъ представляемаго нами въ таинствѣ, которымъ мы искуплены, сказываю, что это—кровь, находится она въ *тицепогребальныхъ* (я). Ибо во внутренностяхъ одна печень служитъ источникомъ крови и мѣстомъ, гдѣ она составляется; безъ печени невозможно образоваться и естеству крови. Посему, если кровь изъ печени, а въ *тицепогребальныхъ* есть печень, то нѣтъ недостатка крови и въ томъ, что для естества человѣческаго содѣлалось средствомъ, отвращающимъ смерть. Да и родъ животнаго, отъ котораго взята печень, тотъ же, какой назначенъ для умиловительныхъ жертвъ за грѣхи. А сверхъ сего, изъ этого же рода берется животное и для пасхи (Исх. 12, 5.). И также Моисей говоритъ, что сіе же животное должно избирать для отпускаенія за грѣхъ народа (Лев. 16, 7—10.). когда изъ двухъ представленныхъ козловъ по жребію отдѣляются они на два дѣла, одинъ приносится въ жертву Богу, а другой съ возложеннымъ на него грѣхомъ отпускается въ пустыню. А въ слѣдствіе всего этого и подобнаго тому печень сего животнаго взята въ знаменованіе крови, которою совершилось от-

(4) По рукописамъ вѣрсію: *ἐν τοῖς* читается *ἐν τοῖς*.

вращеніе смерти отъ заболѣвшихъ смертельно, по причинѣ воскресенія изъ мертвыхъ Господа нашего, которое означаютъ *тщепоробальная*.

Но благовременно будетъ изложить кратко мысль, заключающуюся въ псалмопѣніи, именно слѣдующую. Пророчество дѣлитъ рѣчь свою на двѣ. Одна отъ всего человѣческаго рода обращена за насъ къ Богу; другая Пріившимъ за насъ страданіе произносится намъ. Посему изреченное за насъ таково: *изми мя отъ врагъ моихъ Божже, и отъ востающихъ на мя избави мя, и отъ дѣлающихъ беззаконіе, и отъ мужей кровей, которые уловиша душу мою, нападоша на мя крѣпко* (Пса. 58. 2—4.), не потерпѣвъ отъ насъ ничего худаго. Ни въ чемъ не погрѣшилъ я противъ нихъ; не учинено нами во вредъ врагамъ никакого беззаконія, котрымъ бы и огорчились они. *Безъ беззаконія* было первое мое теченіе (5). Но вотъ все, какъ что было, говоритъ Пророкъ, *виждь, и вонми послѣтити*: не отлагай по человѣколюбію отмщенія погрѣшившимъ, *да не уцѣдрили*, продолжаетъ, *вся дѣлающыя беззаконіе* (6). Потомъ влагаетъ рѣчь въ уста высшему лицу, и какъ бы отъ лица Внявшаго молитвѣ говоритъ, что враги сіи *возвратятся на вечеръ* (а это не иное что значитъ, какъ то, что изгнаны будутъ во тму кромѣшнюю; потому что *вечеръ*— начало и матеръ тмы), и *взмнутъ яко пещь* (у

кого нѣтъ напутія ко спасенію, тѣхъ по необходимости будетъ сопровождать бѣдствованіе отъ глада благъ: такъ взалкавъ въ адѣ богачъ, лишенный божественнаго орошенія; и какъ не заготовилъ себѣ таковаго блага (ѳ), то сгаралъ пламенемъ). Но *и обыдутъ градъ*, говоритъ Пророкъ (7). А это, кажется мнѣ, даетъ разумѣть нѣчто подобное слѣдующему. Поелику все ненужное и негодное къ употребленію живыхъ, будетъ ли это трупъ, или что повредившееся, или какой зловонный гной, выбрасывается внѣ города; то около сего находятъ голодные псы, питающіеся выбрасываемою изъ города нечистотою. Писаніе, научая симъ различію между живущими добродѣтельно и порочно, означаетъ сіе загадочнымъ представленіемъ города, благоприличный и упорядоченный образъ жизни называя городомъ, какъ бы населяемымъ добродѣтелию. А противоположный добродѣтели порокъ изображаетъ тѣмъ, что внѣ города, гдѣ отыщется всякій грѣхъ, который есть какое-то зловонное изверженіе изъ образованной жизни, составившееся изъ гнилыхъ тѣлъ и сквернаго гноя. Поэтому житель города есть нѣчто великое и досточестное, подлинный челоуѣкъ, первоначально вложенныя въ естество черты отпеча-

(ѳ) Такъ читается по рукописямъ.

тлѣвшій въ себѣ жизнь; пребывающій же внѣ города есть песь, а не человѣкъ. Такимъ образомъ по всему видно, какъ надлежитъ отличать пса отъ такого человѣка, каковъ онъ долженъ быть по естеству, и отличать не по наружному устройству тѣла, но по разности въ жизни. Ибо обитатель доблестнаго города подлинно есть человѣкъ. А кто прилагаетъ стараніе о зловонномъ непотребствѣ и о домогающемся излишествѣ любостяжаніи, которое ный назоветъ въ собственномъ смыслѣ гноемъ, или о другихъ видахъ порока; тотъ, внѣ онаго града блуждая и пресмыкаясь окрестъ его, самъ о себѣ вопіетъ, что онъ песь, изъ Божія подобія претворившійся въ естество псовъ. Подъ псами же, безъ сомнѣнія, разумѣешь первороднаго пса, этого плотоядца и *человѣкоубійцу*, какъ называетъ его Писаніе (Іоан. 8, 44.). Продолженіе псалма описываетъ жизнь псовъ, сказуетъ, что изъ усть ихъ вмѣсто лая исходитъ какой-то гласъ, и вмѣсто песьихъ зубовъ сокрытъ мечъ во устнахъ ихъ, выражая сіе такими словами: *се отвѣчаютъ усты своими и мечъ во устнахъ ихъ* (8). Но для имѣющихъ въ себѣ Бога страхованія сіи — смѣхъ. Ибо сказано: *Ты Господи посмѣшиши мя* (9). А я *державу мою къ Тебѣ сохранию* (10). И чрезъ нѣсколько словъ Пророкъ предуказуетъ челоуѣколюбіе, являемое Богомъ твари Своей. Ибо говоритъ: *не убій ихъ*, но

низведи я (12) съ высоты невѣрія на гладкую равнину богопознанія. Такъ и поступили великій Павелъ и Іоаннъ Креститель, — Павелъ, низлагая всяко возношеніе *взи.нающеся на разу.ъ Божій* (2 Кор. 10, 5.), а Іоаннъ, по пророчеству Исаи (Ис. 40, 4.), уравнивая и сглаживая всякій холмъ и всякую гору, надменную величавость порока доводя до самоуничженія и невеличавости добродѣтели. Поелику отсюда изгоняется невѣріе, и на мѣсто его вводится боговѣдѣніе; то *Богъ владычествуетъ Іаковомъ, и концы земли* (Пса. 58, 14.). Поелику нигдѣ не остается идолослуженія; то, безъ сомнѣнія, Господь будетъ Владыкою концевъ земли, когда искоренится надъ многими нѣкогда царствовавшій грѣхъ, который у Пророка названъ *грѣхомъ устъ ихъ, и словомъ устенъ ихъ, и иордынею, и клятвою, и ложью* (13) (v). Потомъ Пророкъ снова повторяетъ слово свое о *возвращающихся на вечеръ, объ алчущихъ яко пещь, и обходящихъ градъ* (15), симъ повтореніемъ сказаннаго, какъ думаю, давая знать, что люди въ томъ и другомъ, и въ худомъ и въ хорошемъ, какими бывають здѣсь, такими будутъ и послѣ сей жизни. Кто теперь по причинѣ нечестія *ходитъ кругомъ*, не живетъ во градѣ.

(v) Мѣсто сіе, начиная съ сказаннаго выше: „и чрезъ въ- сколько словъ“ переведено по рукописи N 71.

не хранить въ себѣ отличительныхъ чертъ человѣческой жизни, но произвольно дѣлается звѣремъ и псомъ; тотъ и тогда, недопущенный въ горній градъ, будетъ мучиться гладомъ благъ. А побѣдитель сопротивныхъ, какъ говорить псалмопѣвецъ въ другомъ гдѣ-то мѣстѣ, и восходя *отъ силы въ силу* (Пса. 83, 8.), и вознаграждаемый за побѣду, говорить: *воспою силу Твою, и возрадуюся завтра о милости Твоей: яко былъ еси заступникъ мой, и приближице мое* (Пса. 58, 17.), и Тебѣ подобаеть слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

6. НА ПСАЛОМЪ ШЕСТЫЙ.

О ОСМОМЪ.

—

По пророческому благословенію восходящіе *отъ силы въ силу* и прекрасныя *восхожденія въ сердца свои* полагающіе (Пса. 83, 6. 8.), когда возмутся за какую нибудь добрую мысль, руководствуются ею къ высшей еще мысли, при помощи которой и совершается душою восхожденіе на высоту. И кто такимъ образомъ простирается непрестанно *въ предняя* (Фил. 3, 13.), тотъ никогда не прекратитъ добраго восхожденія, всегда возвышенными мыслями путеводимый къ уразумѣнію того, что еще выше. Сказалъ я это, братія, вникая въ смыслъ шестаго псалма, и обращая вниманіе на необходимую послѣдовательность порядка, почему къ слову *о наследствующемъ* (Пса. 5, 1.) присовокуплено для насъ слово *о осмомъ* (Пса. 6, 1.)?

Конечно же, не неизвестна вамъ тайна осмаго. Ибо неразумно то, что мысль иныхъ увлекается іудейскими предположеніями. А Іудей, великую тайну объ *осмоли* низводя до неблагообразныхъ тѣлесныхъ членовъ, утверждаютъ, будто бы симъ числомъ: *осмый*, указывается на законъ объ обрѣзаніи, объ очищеніи послѣ родовъ и о подобномъ сему. Но мы, научившись у великаго Павла, что *законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14.), хотя число сіе имѣеть значеніе въ упомянутыхъ законахъ при узакононеніи мужескому полу обрѣзанія, а женскому жертвы при очищеніи, какъ не отвергаемъ закона, такъ не принимаемъ его въ унижительномъ смыслѣ, зная, что истинное обрѣзаніе дѣйствительно бываетъ въ осмый день, и совершается каменнымъ ножемъ. А подъ симъ камнемъ, обрѣзывающимъ нечистоту, безъ сомнѣнія, уразумѣешь тотъ Камень, который есть Христось (1 Кор. 10, 4.), то есть, Слово истины, и поймешь, что оскверняющее теченіе житейскихъ дѣлъ тогда прекращается, когда человѣческая жизнь претворена въ божественное. Но чтобы разумѣемое подъ симъ для всѣхъ стало явнымъ, сколько можно, яснѣе изложимъ то, о чемъ у насъ рѣчь.

Время настоящей жизни при первомъ созданіи твари измѣрено было одною седмицею дней; потому что съ перваго дня начато созданіе существъ, и днемъ седмымъ положенъ

конецъ творенію. *Бысть день единъ* (Быт. 1, 5.), сказано о днѣ, въ который приведены въ бытіе первыя твари; а также во вторый сотворены вторыя, и послѣдовательно до дня шестаго, когда сотворено все. День же седьмый, содѣлавшись концемъ творенія, заключилъ собою время, спротяженное устройству міра. Посему, какъ не послѣ этого времени приведено въ бытіе небо, и всякая другая часть міра не въ послѣдствіи присоединена къ приведеннымъ уже въ бытіе въ началѣ, а напротивъ того тварь сама по себѣ пребываетъ не требующею дополненія и не умаляемою въ мѣрахъ своихъ: такъ не происходило инаго времени, кромѣ показаннаго устройствомъ міра; напротивъ же того естество времени определено седмицею дней. И посему-то, когда измѣряемъ время днями, начавъ однимъ и заключивъ число седьмымъ, снова отступаемъ къ единому, цѣлое продолженіе времени измѣряя непрестанно кругомъ седмиць, пока, по минованіи движимаго и по прекращеніи скоротечнаго движенія, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 12, 27.), не придетъ то, что уже непоколебимо, и къ чему не касается болѣе превратность и измѣненіе.

Поелику въ одномъ и томъ же состояніи и въ послѣдующіе вѣки всегда одинаково пребываетъ та тварь, надъ которою совлеченіемъ тѣлесной жизни совершается истинное обрѣ-

заніе естества человѣческаго. и истинное очищеніе отъ дѣйствительной скверны; скверна же для человѣка грѣхъ, умерщвляемый вмѣстѣ съ естествомъ человѣческимъ (потому что *во грѣсахъ роди мя мати моя* (Пса. 50, 7.)), которое Сотворившій *очищеніе грѣховъ нашихъ* (Евр. 1, 3.) очищаетъ тогда совершенно, истребляя въ ествѣ существъ все, что есть въ нихъ кроваваго, нечистаго и необрѣзаннаго; то въ этомъ смыслѣ приедемъ законъ объ осмомъ днѣ,—законъ объ обрѣзаніи и очищеніи; потому что, по прекращеніи седмичнаго времени, по седьмомъ днѣ наступитъ день осмый, осмымъ называемый, потому что за седьмымъ слѣдуетъ, но не допускающій по себѣ преемства въ числѣ; потому что постоянно пребываетъ единымъ, не раздѣляемый на части ночнымъ мракомъ. Ибо производитъ его иное солнце, которое сіяетъ истиннымъ свѣтомъ, и какъ скоро однажды явилось намъ, какъ говорить Апостолъ, не скрывается уже на западѣ, но, все объявъ свѣтоносною своею силою, въ достойныхъ производитъ непрерывный и непреемственный свѣтъ, самыхъ причастниковъ сего свѣта содѣлывая новыми солнцами, какъ въ евангеліи говоритъ Слово: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Матѣ. 13. 43.).

Итакъ, послышу въ предыдущемъ псалмѣ шла рѣчь о *наслѣдствующемъ*, а наслѣдство сберегается для достойныхъ ко дню осмому,

въ сей же день совершится и правдивый судъ Божій, удѣляющій каждому по достоинству; то Пророкъ съ воспоминаніемъ о *осломъ* прекрасно соединилъ и слово о покаяніи. Ибо кто, приведя себѣ на память страшный судъ Христовъ, не смутится тотчасъ же въ собственной своей совѣсти, не будетъ объять страхомъ и невѣдѣніемъ? Если и сознаетъ въ себѣ исправленіе жизни; то, взирая на строгость суда, на которомъ и малѣйшіе недосмотры подвергаются изслѣдованію, конечно придетъ въ ужасъ отъ ожиданія страшныхъ наказаній, не зная, чѣмъ для него кончится конецъ суда. Посему-то, какъ бы имѣя у себя передъ очами страшныя мученія, эту геенну, этотъ темный огонь, этого неумирающаго червя совѣсти, всегда грызущаго душу стыдомъ, и возобновляющаго страданія напоминаніемъ о сдѣланномъ въ жизни худо, онъ обращается уже съ моленіемъ къ Богу, прося, *да не оною яростию* предастъ его *обличенію*, *ниже* онымъ *иньсомъ* наложить на него наказаніе за все, въ чемъ прегрѣшилъ (Пса. 6, 2.). Ибо для осужденныхъ на жестокое наказаніе страшнымъ онымъ мученіемъ приговоръ суда представляется дѣломъ ярости и гнѣва. И потомъ Пророкъ, какъ бы уже страдая въ мукахъ, усвояетъ себѣ реченія мучимыхъ, для которыхъ яростию и гнѣвомъ кажется то, что на нечестивыхъ налагается въ наказаніе имъ. Посему говоритъ: не дожи-

даюсь того, чтобы ярость эта страшными бичами произвела обличеніе тайныхъ моихъ дѣлъ; а напротивъ того необходимое слѣдствіе онаго грѣва предупреждаю исповѣданіемъ. Чтѣ въ бичуемыхъ производитъ боль, тайны беззаконія противъ воли ихъ дѣлая явными; то произволеніе совершаетъ само собою, бичуя и муча себя покаяніемъ, и обнаруживая сокрытый въ тайнѣ грѣхъ. Посему, сказавъ: *да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажешь мене*, въ слѣдъ за симъ Пророкъ прибѣгаетъ къ милосердію, причину въ себѣ худаго приписывая, не столько произволенію, сколько немощи естества. Въ худомъ я положеніи; уврачуй меня по милосердію; потому что по немощи впалъ я въ страсть. Какая же это немощь? Изъ мѣстъ своихъ вышли кости мои, разорвалась взаимная между ними связь. Костями же называетъ цѣломудренныя помыслы, поддерживающіе собою душу. *Исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя* (3). И объясняетъ загадочную рѣчь, присовокупивъ къ сказанному: *душа моя смятется злыю* (4). Посему, чтѣ медлишь исцѣленіемъ? говоритъ Пророкъ. *И Ты Господи доколь не окажешь милости?* Не видишь ли, какъ близка къ смерти жизнь человѣческая? Рѣшительную минуту жизни нашей предупреди обращеніемъ души моею, чтобы застигшая смерть не сдѣлала бездѣйственнымъ всякаго средства къ уврачева-

нію. Ибо въ смерти никому не будетъ уже возможности болѣзнь, причиненную ему грѣхомъ, уврачевать памятованіемъ о Богѣ; потому что исповѣдь имѣеть силу на землѣ; а во адѣ сего нѣтъ.

Потомъ, какъ бы на чей либо вопросъ: почему къ уврачеванію прегрѣшеній призываешь милосердіе? чѣмъ умилился ты Божество?— Пророкъ отвѣчаетъ такъ: *утрудился воздыханіемъ моимъ, омою отъ грѣха постелю мою слезною водою* (7). Почему же это? Потому что, говоритъ Пророкъ, *снятся отъ ярости око мое* (8), и поэтому сталъ я какимъ-то ветхимъ и изсохшимъ, потому что раздраженіе, произведенное во мнѣ врагами, зародило въ душѣ гнилость. Если же одна раздражительность производитъ такой сграхъ въ погрѣшившемъ отъ оной, то колыми паче естественно будетъ отчаяться въ спасительной надеждѣ тѣмъ, которые сознали въ жизни своей, не только страсти происходящія отъ раздражительности, но и всѣ поражаемыя похотию, любостыжательностию, кичливостию, честолюбіемъ, завистию и прочимъ роемъ худыхъ человѣческихъ наклонностей. Почему, обративъ рѣчь къ врагамъ всякаго рода, Пророкъ говоритъ: *отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе* (9).

Но въ продолженіи сего слова Пророкъ показываетъ добрую надежду, что при покаяніи

и мы преуспѣемъ въ добрѣ. Ибо немедленно, и въ одно время обращаетъ рѣчь къ Богу о покаяніи, и пришедши въ соощушеніе Божія о немъ благоволенія, возвѣщаетъ милость, и радуется дару, говоря: *услыши Господь гласъ моленія моего, Господь молитву мою приять* (9. 10.). Посему, чтобы навсегда осталось при немъ благо, приобрѣтенное покаяніемъ, и чтобы жизнь не возимѣла снова потребности во вторичномъ покаяніи, молитъ отвратить враговъ его, наказуя ихъ стыдомъ. Ибо постыженный во время худаго предпріятія, употребивъ для себя стыдъ наставникомъ, удерживающимъ отъ такихъ дѣлъ, въ послѣдующее время воздержится отъ подобныхъ покушеній.

Вотъ послѣдованіе добраго восхожденія! Псаломъ четвертый отъ блага тѣлеснаго и плотскаго отличилъ невещественное, пятый таковаго блага испрашивалъ въ наслѣдіе; а шестый, упомянувъ о *осмомъ*, указалъ время наслѣдія. *Осмый*—далъ видѣть страхъ суда. Судъ подобнымъ намъ грѣшникамъ подалъ совѣтъ, страшное рѣшеніе суда предварить покаяніемъ. Потомъ покаяніе, разумно принесенное Богу, благовѣствовало намъ о выгодѣ, какая имъ доставляется, сказуя: *услыши Господь гласъ обращающагося къ Нему со слезами*. А чтобы и послѣ сего, въ послѣдующее время, непреложнымъ оставалось у насъ благо, Пророкъ молитъ, стыдомъ произвести въ насъ уничто-

женіе враждебныхъ мыслей. Ибо иную враждебную и незаконную мысль и невозможно угасить иначе, какъ приводя ее въ уничтоженіе стыдомъ; потому что стыдъ отъ сдѣланнаго въ жизни худо дѣлается глубоко утвердившеюся пропастію, и отдѣляетъ собою чловѣка отъ грѣха. Посему скажу: *да постыдятся и посрамятся зъло вси врази мои* (11), *врази же чловѣку, очевидно, домашніи его* (Матѣ. 10, 36.), *которые отъ сердца исходятъ, и сквернятъ чловѣка* (15, 18.), и за которыми, если вскорѣ отвратятся со стыдомъ, послѣдуетъ для насъ упованіе славы, не стыдомъ оканчивающееся, по благодати Господа. Ему слава во вѣки. Аминь.

7. ТОЧНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ЕККЛЕСІАСТА СОЛОМОНОВА.

ВЕСЬДА I.

(Гл. 1, 1.). *Глаголы Екклесіаста сына Дави-дова, царя Израилева во Иерусалимь. (2) Суета суетствій, всяческая суета, рече Екклесіастъ. (3) Кое изобиліе чловьку во всемъ трудъ его, имже трудится подъ солнцемъ? (4) Родъ переходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вьки стоитъ. (5) И восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и въ льсто свое влечется: сіе возсіявая тамо, (6) идетъ къ югу, и обходитъ къ сьверу: окрестъ идетъ духъ, и на круги своя обращается духъ. (7) Все потоцы идутъ въ море, и море льсть насыщаемо; на льсто, аможетъ потоцы идутъ, тамо тїи возвращаются ити. (8) Вся словеса трудна, не возможетъ мужъ глаголати: и не насытитя око зрѣти, ни исполнитя ухо*

слышанія. (9) *Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотвореное, тожде имать сотворитися:* (10) *и ничтоже ново подъ солнцемъ, иже возмалаетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ.* (11) *Нсть память первыхъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ ихъ память съ будущими на- послѣдокъ.*

На истолкованіе намъ предлагается Еккле- сіастъ, трудность возрѣнія на который равняется великости доставляемой имъ пользы. Ибо послѣ того, какъ умъ обученъ уже при- точнымъ мыслямъ, въ которыхъ, по сказан- ному въ предисловіи къ книгѣ Притчей, есть и темныя слова и премудрыя реченія, и гада- нія и различные обороты рѣчи (Притч. 1, 6.), — только пришедшимъ уже въ возрастъ, способ- ный къ слушанію совершеннѣйшихъ уроковъ, возможно восхожденіе и до сего столько воз- вышеннаго и богодухновеннаго писанія. По- сему, если притча и упражненіе, приуготов- ляющее насъ къ симъ урокамъ, суть нѣчто столько трудное и неудобобозримое; то сколько надобно труда, чтобы самимъ вник- нуть въ сіи возвышенныя мысли, предлагае- мыя намъ теперь для обозрѣнія? Ибо какъ трудившіеся въ тѣлесныхъ упражненіяхъ въ училищѣ готовятся къ пролитію большаго пота и къ понесенію большихъ трудовъ въ дѣйстви- тельныхъ борьбахъ; такъ и приточное ученіе

кажется мнѣ нѣкимъ упражненіемъ, обучающимъ души наши и дѣлающимъ ихъ гибкими въ церковныхъ подвигахъ. Посему, если сіе предварительное упражненіе бываетъ успѣшно при пролитіи пота и при многихъ трудахъ; что надлежитъ заключить о самыхъ подвигахъ? Конечно, въ какой бы чрезвычайно великой мѣрѣ ни представлялъ ихъ кто себѣ мысленно, онъ не изобразить словомъ, какъ слѣдовало бы, тѣхъ трудовъ, какіе на поприщѣ, представляемомъ симъ писаніемъ, указуются старающимся о безопасности съ подвижническою опытностію въ духовномъ, чтобы слово не оказалось погрѣшительнымъ, но, при всякомъ бореніи мысли, умъ пребывалъ неуклонно стоящимъ въ истинѣ. Впрочемъ, поелику и на это есть Владычнія заповѣди, и должно намъ испытывать Писанія (Іоан. 5, 39.), то хотябы умъ нашъ, не постигая величія мыслей, оказался отстающимъ отъ истины, чтобы не показаться также презрителями Господней заповѣди, совершенно необходимо, по мѣрѣ силъ, преуспѣвать въ раченіи о словѣ. Поэтому, сколько можемъ, испытаетъ и предлагаемое писаніе. Ибо Давшій заповѣди испытывать, безъ сомнѣнія, дастъ для этого и силу, какъ написано: *Господь дастъ славою и благомъ своимъ силою мною* (Псал. 67, 12.).

И во первыхъ воззрѣнію нашему да будетъ подлежать надписаніе сей книги. Во всей

церкви читаются Моисей и законъ, пророки, псалмопѣніе, вся исторія, и если что заклю-
чается въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, все то
провозвѣщается въ церквахъ. Итакъ, почему
же эта одна книга по преимуществу укра-
шается надписаніемъ Екклесіаста? Что же пред-
положить намъ объ этомъ? Не то ли, что во
всѣхъ другихъ писаніяхъ, историческихъ и
пророческихъ, цѣль ихъ клонится и къ чему
либо другому, не вовсе полезному для церкви.
Ибо какая нужда для церкви въ точности из-
учать бѣдственныя послѣдствія войнъ, или кто
были князьями у народовъ, основателями го-
родовъ, кто отъ кого выселился, или какія
царства впослѣдствіи времени исчезнуть,
сколько такихъ браковъ и чадорожденій, о ко-
торыхъ тщательно упомянуто, и всему сему
подобное, о чемъ только можно почерпнуть
свѣдѣніе въ каждомъ писаніи, можетъ ли
столько содѣйствовать церкви въ дѣлѣ благо-
честія? А ученіе сей книги имѣетъ въ виду
такой только образъ жизни, какого требуетъ
церковь, и преподаетъ то, чѣмъ можно чело-
вѣку преуспѣть въ добродѣтельной жизни. Ибо
цѣль сказуемаго здѣсь, поставить умъ выше
чувства, оставивъ наконецъ все, что въ суще-
ствахъ есть кажущагося великимъ и блиста-
тельнымъ, обратиться душою къ тому, что не-
доступно чувственному пониманію, воспріять
вождедѣніе того, что недостижимо для чувства

45
2

А, можетъ быть, надписаніе имѣеть въ виду и Вождя церкви. Ибо истинный Екклесіастъ, собирающій разсѣянное въ единую полноту и блуждающихъ многократно по разнымъ обманчивымъ путямъ воцерковляющій въ единый сонмъ,—кто иной, какъ не истинный Царь Израилевъ, Сынъ Божій, которому Наваанайлъ сказалъ: *Ты еси Сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ* (Іоан. 1, 49.)? Посему, если *маголы* сін Царя Израилева, а Онъ же самый, какъ говорить евангеліе, и Сынъ Божій; то Онъ же именуется и Екклесіастомъ. Да и не безъ основанія, можетъ быть, значеніе надписанія возводимъ до сего смысла, но чтобы дознать чрезъ это, что сила и сихъ *маголовъ* возводится къ Тому, Кто на евангеліи утвердилъ церковь. Ибо сказано: *маголы Екклесіаста, сына Давидова*. А такъ и Его именуетъ Матвеей въ началѣ евангелія, называя Господа сыномъ Давидовымъ.

Суета суетствій, рече Екклесіастъ: всяческая суета. Подъ словомъ: суетное разумѣется, что неосуществимо, имѣеть бытіе въ одномъ словесномъ произношеніи, вмѣстѣ же съ означеніемъ имени не появляется состоявшаяся вещь, но бываетъ какой-то праздный, ничего не содержащій въ себѣ звукъ, въ видѣ какого либо реченія, случайно произносимый по слогамъ, безъ значенія поражающій слухъ, какъ напримѣръ иные въ шутку сочиняють имена,

для которыхъ нѣтъ и означемаго. Это одинъ видъ суеты, Суетою же другаго вида называется безполезность того, что дѣлается съ какимъ-то тщаніемъ безъ всякой цѣли; таковы на примѣръ дѣтскія зданія на песокъ, метаніе стрѣлъ въ звѣзды, стараніе уловить вѣтеръ, состязанія въ скорости бѣга съ своею тѣнью, когда кто усиливается наступить на вершину своей тѣни. И если что иное сему подобное находимъ въ дѣлаемомъ нами напрасно, все это означается словомъ: *суета*. Но въ обычаѣ называть нерѣдко суетнымъ и слѣдующее: когда кто, имѣя въ виду какую либо цѣль, и рачительно, какъ чѣмъ-то полезнымъ занимаюсь, подлежащимъ дѣломъ, все приводитъ въ дѣйствіе, а потомъ, при встрѣчѣ чего либо противнаго, трудъ его оказывается безполезнымъ, тогда это самое, что рачительность осталась безъ всякаго успѣха, означается словомъ: суетное. Ибо о подобномъ сему въ обычаѣ говорить: «напрасно я трудился, напрасно надѣялся, напрасно прилагалъ много усилій». И чтобы не перечислять въ подробности всѣхъ случаевъ, въ которыхъ употребляется слово: *суета* въ собственномъ его смыслѣ, въ немногихъ словахъ опредѣлимъ понятіе сего реченія: суета есть, или неимѣющее мысли слово, или безполезная вещь, или неосуществимый замысль, или неведущее къ концу тщаніе, или вообще что либо не служащее ни къ чему полезному.

Но если выразумѣли мы понятіе суетнаго, то должно будетъ изслѣдовать, что значить: *суета суетствій*. И, можетъ быть, удобнѣе будетъ для насъ выразумѣть искомое, если изслѣдуемъ обычай Писанія выражаться о представляемомъ въ превосходной степени. Занятіе чѣмъ либо необходимымъ и полезнымъ именуется въ Писаніи дѣломъ, занятіе же чѣмъ либо высшимъ, всѣмъ тѣмъ, что относится къ богослуженію, какъ видно изъ исторіи, называется *дѣломъ дѣлъ* (Чис. 4, 47.); и выраженіемъ симъ: дѣло дѣлъ, какъ думаю, показывается, какое занятіе относительно къ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ предпочтительнѣе другихъ. Ибо какое отношеніе рачительности въ дѣлахъ къ праздности вообще, такое же отношеніе и дѣятельности въ занятіяхъ высшихъ и предпочтительнѣйшихъ къ прочимъ дѣламъ. Такъ объ иномъ говорится въ Писаніи: святое, а объ иномъ опять: святое святыхъ, потому что въ равной мѣрѣ, какъ святое по святынѣ выше не святаго, такъ и святое святыхъ представляется преизобилующимъ во святынѣ предъ самымъ святымъ. Посему, что узнали мы о семъ обычай писанія—въ отношеніи къ лучшему такимъ образомъ означать усиленіе разсматриваемаго понятія, разумѣя тоже и о выраженіи: *суета суетствій*, не погрѣшимъ ни мало. Писаніе сказуетъ, что видимое въ существахъ не просто суетно, но что ему въ ка-

комъ-то преизбытокъ принадлежитъ значеніе суеты; какъ еслибы сказалъ кто: «это мертвѣе мертваго, бездушнѣе бездушнаго». Хотя сіе сравнительное усиленіе въ подобныхъ понятіяхъ и не имѣетъ мѣста, однакоже выражается оно симъ реченіемъ въ уясненіе превосходства означаемаго. Посему, какъ есть дѣло дѣль и умопредставляемо святое святыхъ, и симъ выражается указаніе на превосходство въ совершенствѣ: такъ и выраженіе: *суета суетстей* показываетъ крайнюю степень преизбытка суеты.

И никто да не подумаетъ, будтобы сказанное служить осужденіемъ твари. Ибо обвиненіе пало бы на Сотворшаго все, если бы и все было суетою, и создателемъ сего оказался у насъ Тотъ, Кто все привелъ въ бытіе изъ ничего. Но поелику составъ человѣка двоякій, съ тѣломъ соединяется душа; то и образъ жизни дѣлится соотвѣтственно каждой изъ усматриваемыхъ въ насъ частей. Иная жизнь души и иная тѣла; одна смертна и временна, другая безстрастна и негиблуща; и первая имѣетъ въ виду одно только настоящее, цѣль же послѣдней простирается въ непреходящее. Посему, такъ какъ велика разность между смертнымъ и бессмертнымъ, между временнымъ и вѣчнымъ; то слово Екклесиаста ведетъ къ тому, что должно имѣть въ виду не эту чувственную жизнь, которая, въ сравненіи съ

жизнію истинною, есть какая-то недѣйствительная и не состоятельная.

Но тѣмъ не менѣе иной скажетъ, что и это разсужденіе не освобождаетъ отъ обвиненія Создателя, потому что отъ Него и душа и тѣло. Если осуждается жизнь по причинѣ плоти, а Творецъ плоти—Богъ; то къ Нему необходимо будетъ относиться таковая укоризна. Но сіе скажетъ конечно тотъ, кто еще не внѣ плоти, и не вникъ до точности въ жизнь высшую. Ибо обученный Божественнымъ тайнамъ, безъ сомнѣнія, не не знаетъ, что людямъ свойственна и естественна жизнь, уподобляющаяся Божественному естеству, а жизнь чувственная, провождаемая въ дѣятельности чувствилищъ, дана естеству для того, чтобы знаніе видимаго сдѣлалось для души путеводителемъ къ познанію невидимаго, какъ говоритъ Премудрость: отъ величества красоты созданий сравнительно Рододѣлатель всего познавается (Прем. Сол. 13, 5.). Но человѣческое недоразуміе воззрѣло не на то, что достойно удивленія, по причинѣ видимаго, но тому и удивилось, что видѣло. Посему, такъ какъ дѣятельность чувствилищъ временна и скорогиблюща, изъ сей высокой рѣчи дознаемъ то, что имѣющій въ виду сіе ничего въ виду не имѣетъ; но кто, путеводимый симъ къ уразумѣнію сущаго, при помощи преходящаго уразумѣлъ естество постоянное, постигъ то, что всегда

одинаково, тотъ узрѣль дѣйствительно сущее благо, и что узрѣль, тѣмъ овладѣль, потому что зрѣніе сего блага есть обладаніе. Ибо Екклесіастъ говоритъ: *кое изобиліе чловѣку во всемъ трудъ его, имже трудится подъ солнцемъ?* Жизнь въ тѣлѣ назвалъ трудомъ, домогающимся прибыли безъ всякаго успѣха. Ибо говоритъ: *кое изобиліе чловѣку?* то есть, что пріобрѣтается душѣ въ житейскомъ трудѣ живущими только для видимаго? Въ чемъ состоитъ самая жизнь? Какое изъ видимыхъ } // благъ пребываетъ всегда тѣмъ же? Солнце совершаетъ теченіе свое, попеременно производя то свѣтъ, то тму, освѣщая надъ нами воздухъ, когда показывается надъ землею, и навлекая тму своимъ захожденіемъ. *Земля же стоитъ*, и въ стояніи своемъ пребываетъ неподвижною, и что стало, то не приходитъ въ движеніе, и что пришло въ движеніе, то не останавливается. Оказывается, что все во все продолженіе времени само собою ни въ чемъ не измѣняется превращеніемъ во что либо новое. Море служить пріемникомъ отъ всюду стекающихся водъ, и притокъ ихъ не прекращается, и море не увеличивается. Какая цѣль теченія водъ, наполняющихъ всегда наполняемое? Для чего море принимаетъ въ себя притоки водъ, оставаясь навсегда не увеличивающимся отъ сего приращенія? Екклесіастъ говоритъ это, чтобы предварительно

изъ самыхъ стихій, въ которыхъ заключена жизнь человѣческая, объяснить несостоятельность того, о чемъ заботимся. Ибо, если это установленное теченіе солнца не имѣетъ предѣла, это попеременное преемство свѣта и тмы не допускаетъ остановки, а земля, осужденная стоять, въ стояніи своемъ пребываетъ неподвижною, безъ пользы же трудятся рѣки, истощая себя въ ненаполнимое естество моря, а море напрасно принимаетъ въ себя притоки воды, нисколько не прибывая отъ принятія непрестанно вливаемаго въ его нѣдра,—если это примѣчаемъ въ сихъ стихіяхъ; то въ какомъ положеніи слѣдуетъ быть человѣчеству, котораго жизнь заключена въ тѣхъ же стихіяхъ, и что удивительнаго, если *родъ переходитъ, и родъ приходитъ*, и это теченіе не оставляетъ естества, между тѣмъ какъ привходящій родъ людей гонить предшествовавшій ему, и самъ изгоняется вновь привходящимъ?

Посему, чтоже слово сіе возглашаетъ этимъ церкви? Слѣдующее: «обозрѣвая вселенную, человѣки, уразумѣйте свое собственное естество». Что видишь на небѣ и на землѣ, что усматриваешь въ солнцѣ, что примѣчаешь въ морѣ, то да объяснить тебѣ и твое естество. Ибо и у нашего естества, по подобію съ солнцемъ, есть востокъ и западъ. Одинъ путь всѣмъ, одинъ кругъ жизненнаго теченія. Едва появимся на свѣтъ рожденіемъ, какъ снова

увлекаемъ въ сродную намъ страну. Ибо съ захожденіемъ нашей жизни и наше свѣтеніе бываетъ подземнымъ, когда чувство наше дѣлается способнымъ къ воспріятію свѣта: а земля, безъ сомнѣнія, разрѣшается въ сродное ей. И этотъ кругъ непрестанно вращается одинаково. Какъ совершается теченіе солнца, говоритъ Екклесіастъ, солнце, восходя надъ верхнею частію земли, проходитъ южными странами, а подъ землею идетъ противоположно сѣверною частію; и, такимъ образомъ всегда круговращаясь, обходитъ свой путь, и снова идетъ, возвращаясь на оный (ибо сказано: *обходитъ окрестъ*): такъ поэтому и твой идетъ духъ (продолжаетъ Екклесіастъ, подъ частнымъ именемъ разумѣя всякій человѣческій духъ). круговое сіе шествіе совершая одинаковымъ образомъ, Ибо сказано: *идетъ, и на круги своя обращается духъ*.

А кто уразумѣлъ это, тотъ немало пользы приобрѣтетъ для своей жизни. Что блистательнѣе свѣта? Что явственнѣе лучей? Однакоже, если солнце идетъ подъ землею, свѣтеніе скрывается, и лучъ исчезаетъ. Смотри на это, человѣкъ цѣломудреннѣе да проходитъ жизнь свою, презирая здѣшнюю знатность, дознавъ изъ видимаго, что знаменитое не остается такимъ всегда. Но измѣнчивы преемства противоположностей, ничто не остается такимъ, какъ оно въ настоящее время, ни молодость,

ни красота, ни блескъ властительства. И это идетъ къ живущимъ въ какомъ-то благополучіи. А для кого добродѣтельная жизнь кажется трудною, душа тѣхъ терпѣливо переноситъ бѣдствія да обучается примѣромъ земли. *Земли во вѣкъ стоитъ*. Что труднѣе сего неподвижнаго стоянія? Однакоже стояніе сіе простирается до вѣка. А для тебя время подвига коротко. Не будь бездушнѣе земли. Не будь несмысленнѣе безчувственнаго ты, снабженный разсудкомъ и управляемый въ жизни разумомъ; но *пребывай*, какъ говоритъ Апостоль, *въ низше наученъ еси, и яже въпрена суть тебѣ* (2 Тим. 3, 14.), стоя твердо и непоступно, потому что въ числѣ божественныхъ заповѣдей и слѣдующее: *тверди бывайте и не поступни* (1 Кор. 15, 58.). Да пребываютъ въ тебѣ цѣломудріе непоколебимо, вѣра тверда, любовь непоступна, стояніе во всемъ прекрасномъ неподвижно, какъ и *земля во вѣкъ стоитъ*. Еслиже кто преданъ любостыжательности, и подобно какому-то морю, разверши безмѣрную похоть, не насыщается отвсюду стекающимися прибытками; то, смотря на дѣйствительное море, да врачуетъ онъ болѣзнь свою. Ибо, какъ море при тьмочисленныхъ притокахъ водъ не преступаетъ своей мѣры, но пребываетъ въ одинаковой полнотѣ, какъ бы не было въ немъ никакого прибавленія водъ; такимъ же образомъ и человѣческое естество, ограниченное

особыми мѣрами въ наслажденіи тѣмъ, что есть, не можетъ способности къ наслажденію съ жадностію расширять, смотря по множеству доходовъ; но какъ и притокъ богатства прекращается, такъ и сила наслажденія сохраняется въ своихъ предѣлахъ. Поэтому, если наслажденіе не можетъ превзойти мѣру естества; то для чего привлекаемъ къ себѣ притоки доходовъ, а не источаемъ ихъ никогда на благотвореніе другимъ даже сверхъ приходящаго?

А поелику, по данному нами понятію о суетѣ, бесполезное ли слово, бесполезное ли дѣло есть суета; то прекрасно начинается съ сего рѣчь; чтобы мы, дѣлается ли, говорится ли что нами, если кто имѣетъ при семъ въ виду здѣшнюю цѣль, не почитали сего чѣмъ либо состоятельнымъ; потому что всякая человѣческая рачительность, занятая чѣмъ либо житейскимъ въ подлинномъ смыслѣ есть игра дѣтей на пескѣ, наслажденіе которыхъ сдѣланнымъ прекращается вмѣстѣ съ тщаніемъ это сдѣлать. Какъ же скоро трудъ прекратился, песокъ разсыпался въ тоже положеніе, въ какомъ онъ былъ прежде, съ симъ вмѣстѣ не остается и слѣда приложенныхъ трудовъ. Такова же человѣческая жизнь, честолюбіе—песокъ, властолюбіе—песокъ, богатство—песокъ, песокъ и все то, чѣмъ съ тщаніемъ наслаждаются при посредствѣ плоти; осуетившіяся нынѣ этимъ младенчествующія души, которыя много несутъ трудовъ за каж-

дую вещь, доставляющую такое удовольствіе, но какъ скоро оставляютъ эту песчаную область, разумью плотскую жизнь, познаютъ тогда суетность здѣшняго препровожденія жизни. Ибо съ вещественною жизнью продолжается и наслажденіе; съ собою же ничего они не уносятъ, кромя одной совѣсти.

И великій Екклесіастъ, кажется мнѣ, какъ ставшій уже внѣ этого и совлекшеюся душою вступающій въ невещественную жизнь, изрекъ то, что вѣроятно скажемъ со временемъ и мы, когда будемъ внѣ этой приморской области, которая полна песковъ, выбрасываемыхъ житейскимъ моремъ, и удалимся отъ всѣхъ шумящихъ и оглушающихъ насъ волнъ. Тогда, изъ мысленнаго моря принеся одну память о томъ, чего тамъ домогались, скажемъ: *суета суетствій, всяческая суета,* и нѣтъ *изобилія чловѣку* въ томъ, надъ чѣмъ *трудится подъ солнцемъ.* Такъ, по моему разсужденію, это будетъ слово всякой души, когда, совлекшись здѣшняго, преселится въ уповаемую жизнь. Ибо, если въ настоящей жизни преуспѣла въ чемъ либо болѣе возвышенномъ, то осудить то, чѣмъ была занята, по сравненію съ найденнымъ унижая прошедшее. Еслиже, до пристрастія будучи привержена къ веществу, увидитъ неожиданное, и опытомъ дознаетъ бесполезность для нея того, о чемъ старалась въ жизни; съ плачемъ тогда произнесетъ сіи слова, которыми мы люди вы-

ражаемъ свое раскаяніе, со слезами описывая свое безразсудство: *суета суетствій*, и прочая.

Вся словеса, говорить Екклесіастъ, *трудна*, и не *возможетъ мужъ глаголати*. Изъ всего подручнаго намъ всего болѣе удобнымъ признается это—говорить. Ибо какой трудъ сказать, что кому угодно? Языкъ гибокъ и поворотливъ, безъ труда прилаживается, къ какому хочешь, роду реченій; безпрепятственно также переведеніе выдыхаемаго воздуха, при помощи котораго производить онъ звуки, не болѣзненны прислуживаніе щекъ и вмѣстѣ содѣйствіе губъ для произнесенія того, что говорится. Итакъ, какой же трудъ усматриваетъ въ словѣ Екклесіастъ? Ибо, не землю копая, не камни вращая, не тяжести нося на плечахъ, не что-либо другое трудное дѣлая, выговариваемъ слово. Но въ насъ состоявшаяся мысль, будучи обнаружена посредствомъ голоса, дѣлается словомъ. Поелику же такое слово не представляетъ труда; то должно подумать, какія это — *словеса трудна*, которыхъ не *возможетъ мужъ глаголати*?—Пресвитеры, сказано, *сучубыя чести да сподобляются, паче же труждающихся въ словь* (1 Тим. 5, 17.). Пресвитеромъ, по обычаю, называется, кто вышелъ изъ неупорядоченнаго возраста, и находится въ престарѣломъ состояніи; такъ что, если кто непостояненъ помысломъ и жизнь ведетъ не въ порядкѣ, то таковой, хотя бы

показывались у него и сѣдины, не пресвитеръ, но еще мужъ. Посему *словеса, словеса* въ подлинномъ смыслѣ душѣ полезныя, служащія ко благу людей, суть *словеса*, требующія пота и трудовъ, и они, чтобы стать *словесами*, приводятъ ко многимъ усиліямъ. Ибо *труждающему длителю прежде подобаетъ отъ плода вкусити* (2 Тим. 2. 6.), говоритъ художникъ таковыхъ словесъ, такъ что подъ словомъ разумѣть должно не реченіе, но добродѣтель, предлагаемую видящимъ въ дѣлахъ, чтобы вмѣсто слова содѣлались они для поучаемыхъ урокомъ жизни. Посему трудны всѣ таковыя словеса тѣхъ наставниковъ добродѣтели, которые сперва сами преуспѣваютъ въ томъ, чему учать. Ибо это значитъ сказанное: прежде подобаетъ вкусити отъ плодовъ, какіе предварительно предъ другими въ себѣ самихъ воздѣлываемъ добродѣтелию.

Или, можетъ быть, слово сіе объясняетъ и немощь разумной природы. Ибо когда бываемъ внѣ чувствилищъ, которыя названы суетою, и мысль, вторгшись какъ-то въ созерцаніе невидимаго, покусится мыслимое представить словомъ; тогда великій бываетъ трудъ для слова, потому что истолковательная эта рѣчь не находитъ никакого средства къ уясненію неизглаголаннаго. Смотримъ на небо, пріемлемъ въ себя чувствомъ лучи свѣтилъ, ходимъ по землѣ, втягиваемъ въ себя устами

воздухъ, по видимому, пользуемся для естества водою, и огонь принимаемъ въ общеніе жизни; но, если пожелаемъ размыслить о семъ нѣсколько, что такое каждая изъ видимыхъ вещей въ отношеніи къ сущности, откуда, или какъ составилаь; то *не возмозетъ мюзъ глаголати*, хотя бы онъ былъ и выше другихъ; потому что всякое постижимое познаніе не въ силахъ выразить непостижимое. Если же слово объ этомъ составляетъ трудъ, превосходящій человѣческую способность говорить и естество человѣческое; то какой трудъ, скажетъ иный, принудятъ потерпѣть *словеса* о самомъ Словѣ, или объ Отцѣ Слова, гдѣ всякое высокоглаголаніе и велегласіе есть какая-то неясность и молчаніе, если сравнить съ истиннымъ значеніемъ искомаго; почему о Немъ въ собственномъ смыслѣ можно сказать то только одно, что, если кто приведетъ въ движеніе всѣ помыслы, и не будетъ у него недостатка ни въ одномъ изъ боголѣнныхъ представленій, но если сравнить рѣчь свою съ самымъ достоинствомъ предмета, то и тогда, что ни сказалъ бы онъ, это еще не слово, потому что *не возмозетъ* человѣкъ *глаголати*.

Зрѣніе не останавливается на томъ обзорѣ видимаго, какой доставляютъ душѣ глаза; напротивъ того, смотря непрестанно, какъ бы вовсе не видѣвшіе, остаемся еще въ невѣдѣніи о томъ, что принимаемъ чувствомъ.

Зрѣніе не можетъ проникнуть далѣе цвѣта; но мѣрою своей дѣятельности имѣеть то, что представляется ему на поверхности вещей. Посему, говорить Екклесіастъ, *не насытится око зрѣти, ни исполнится ухо слышанія*. Способность слуха, принимая въ себя слово о каждой вещи, не можетъ наполниться въ естествѣ своемъ; потому что не найдется такого слова, которое бы въ точности обнимало собою искомое. Посему какъ слуху исполниться слышанія объ искомомъ, когда нѣтъ наполняющаго?

Потомъ послѣ сихъ словъ Екклесіастъ самъ себя спрашиваетъ, и самъ себѣ отвѣчаетъ. Ибо спросивъ: *что было?* говоритъ: *тожеде есть, еже будетъ*, и еще спросивъ: *что было сотвореное?* отвѣчаетъ: *тожеде имать сотворитися*. Итакъ къ чему же этотъ вопросъ? Въ слѣдствіе того, что дознано нами, возражаемъ и говоримъ ему: «если все это суета, то, очевидно, изъ того, что не состоялось, ничего и не было; а суетное, безъ сомнѣнія, несостоятельно, и несостоятельнаго никто не почтетъ бывшимъ». Если же это не такъ; то скажи: что есть бывшее, или что остается въ бытіи? Посему, краткій у него отвѣтъ на этотъ вопросъ. Угодно тебѣ знать, что такое бывшее? размысли, что такое будущее, и узнаешь, что было. А это значить: размысли, прошу тебя, человекъ, какимъ сдѣлаешься, возвысивъ себя добродѣтелию, если во всемъ добрыми чертами

отличишь душу, если содѣлаешься чистымъ отъ пятенъ порока, если смоешь съ естества своего всю нечистоту вещественныхъ сквернъ; чѣмъ будешь въ таковыхъ украшеніяхъ, какой применишь на себя образъ? Если вникнешь въ это разсудкомъ; то изучилъ ты бывшее первоначально по образу и подобію Божию. Спрашиваю при этомъ учащаго: гдѣ теперь то, что нѣкогда было, и о чемъ есть надежда, имѣть это въ послѣдствіи, но чего теперь нѣтъ? Безъ сомнѣнія, преподающій намъ высокіе уроки, отвѣтитъ тѣмъ же словомъ; потому-то настоящее и названо суетою, что онаго нѣтъ въ настоящемъ.

И *что было сотвореное*, говоритъ Екклесіастъ, *тожде имать сотворитися*. Никто изъ слушающихъ да не признаетъ многословія и какого-то напраснаго повторенія словъ въ различеніи того, что было и что сотворено. Ибо слово каждымъ изъ сихъ реченій показываетъ различіе души отъ плоти. Душа была (а), а тѣло сотворено. Не потому, что сила сихъ реченій выражаетъ что либо не одно и то же, но чтобы дать возможность заключать о каждомъ изъ означаемыхъ, что слѣдуетъ, слово употребило сіе различіе реченій о душѣ и тѣлѣ. Душа пер-

(а) Точнѣе: стала (*υφουρε*); здѣсь удержанъ слав. переводъ въ изъясняемомъ мѣстѣ Екклесіаста: *что было* (*τι τὸ γεγονός*).

воначально была тѣмъ, чѣмъ снова окажется въ послѣдствіи по очищеніи, и тѣло, созданное Божиими руками, сотворено тѣмъ, чѣмъ въ надлежащія времена покажетъ его воскресеніе. Ибо какимъ всегда будешь видѣть его по воскресеніи, такимъ, конечно, сотворено и первоначально; потому что воскресеніе есть не иное что, какъ, безъ сомнѣнія, возстановленіе въ первобытное состояніе.

Почему Екклесіастъ прибавляетъ къ этому и слѣдующее, сказуя, что кромѣ первобытнаго нѣтъ ничего. Ибо говоритъ: *ничтоже ново подѣ солнцемъ*. А симъ какъ бы сказалъ онъ: если что не по первобытному, то вовсе этого нѣтъ, а только почитается имѣющимъ бытіе. Ибо *ничтоже*, говоритъ Екклесіастъ, *ново подѣ солнцемъ*, такъ что могъ бы кто сказать и указана что либо совершающееся: «это ново, и дѣйствительно состоялось». Таковъ смыслъ сказаннаго, читается же сіе такъ: *и ничтоже ново подѣ солнцемъ, уже возлагаетъ, и речетъ: се сіе ново есть*. И защищаетъ сказанное въ послѣдующемъ, говоря: если что дѣйствительно произошло, оно тоже, что было въ предшествовавшіе намъ вѣка. Сію мысль показываютъ самыя реченія Писанія, читаемыя такъ: *уже бысть въ влцѣхъ бывшихъ прежде насъ*.

Если же овладѣло нами забвеніе того, что было; то не дивись сему. Ибо и то, что нынѣ, предается забвенію. Когда естество уклони-

лось въ порокъ; тогда забыли мы доброе. Но когда настанетъ для насъ возвращеніе къ доброду; тогда снова покроется забвеніемъ худое. Ибо сей, думаю, смыслъ заключается въ сказанномъ, когда Екклесіастъ говоритъ: *нѣсть память первыхъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ память.* Онъ какъ бы такъ сказалъ: память о томъ, что было по первоначальномъ благоденствіи, и отъ чего человѣчество стало погруженнымъ въ зло, изгладить то, что по прошествіи долгаго времени произойдетъ на послѣдокъ. Ибо не будетъ памяти о семъ по совершившемся на послѣдокъ; то есть, всецѣлое уничтоженіе памятованія зель содѣлано для естества послѣднимъ возстановленіемъ о Христѣ Исусѣ. Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСЕДА 2.

(1 12.) *Азъ*, сказано, *Екклесіастъ*. А мы дознали, кто этотъ Екклесіастъ, который заблудшее и разсѣянное собираетъ во едино, все дѣлаетъ единымъ стадомъ, чтобы ничто не оставалось не внимлющимъ прекрасному все оживотворяющему гласу Пастыря; потому что говоритъ: *яголю, яже азъ яголю, духъ сущъ и животъ сущъ* (Іоан. 6, 63.). Онъ-то именуеть себя Екклесіастомъ, какъ врача, и жизнь, и воскресеніе, и свѣтъ, и путь, и дверь, и исти-

ну, и какъ нарицающагося всѣми именами чело-
вѣколюбія. Посему, какъ голосъ врача, при-
вѣтливъ къ больнымъ, какъ слово жизни, дѣ-
лается дѣйственнымъ на мертвыхъ, которые,
какъ скоро слышатъ гласъ Сына чело-вѣчес-
каго, не остаются уже въ давней мертвенно-
сти, но, и пребывая во гробахъ, взыскують
гласа воскресенія, какъ слово свѣта, примѣ-
няется къ тѣмъ, которые во тмѣ, какъ путь,
гладокъ для блуждающихъ, какъ дверь, готовъ
для имѣющихъ нужду войти; такъ Екклесіастъ,
конечно, бесѣдуетъ съ составляющими Цер-
ковь. Поэтому къ намъ глаголетъ Екклесіастъ:
и слова его слушать будемъ мы — Церковь.
Ибо какъ обращаютъ взоры ликъ—на устав-
щика, пловцы — на кормчаго, и военный
строй—на военачальника; такъ и составляющіе
полноту Церкви—на Правителя Церкви.

Посему, что же говорить Екклесіастъ? (12)
Азъ быхъ царь надъ Израилемъ во Иерусалимѣ.
Когда же это? Не тогда ли, безъ сомнѣнія,
какъ *поставленъ царь отъ Него надъ Сиономъ*
горою святою Ело. Возвыщай повелѣніе Гос-
подне. Кому рече Господь: Сынъ Мой еси Ты, и
Азъ днесъ днесъ родихъ Тя (Пса. 2, 6. 7.)? Ибо
рече, что Творца вселенной и Отца вѣковъ ро-
дилъ днесъ, чтобы слово, симъ приложеніемъ
означающаго время реченія ко времени рож-
денія, представило не предвѣчное существо-
ваніе, но плотское для спасенія чело-вѣковъ

рожденіе во времени. Сіе-то, думаю, изображаетъ истинный Екклесіастъ, научая великой благочестія тайнѣ, ради которой Богъ явился во плоти. Ибо говоритъ Екклесіастъ:

(13) *Вдалѣ сердце мое, еже взыскати и рассмотреть въ мудрости о всѣхъ бывающихъ подѣ небесемъ.* Вотъ причина, по которой Господь пришелъ къ людямъ во плоти, — *дать сердце Свое, еже рассмотреть въ мудрости Своей о бывающихъ подѣ небесемъ.* Ибо что выше небесъ, то, какъ неодолимое болѣзнію, не имѣло нужды въ назирающемъ и во врачующемъ. Посему, такъ какъ зло на землѣ (пресмыкающійся и наглый звѣрь—змій, влачась на персяхъ и на чревѣ, въ пищу себѣ обращаетъ землю, не питаясь ничѣмъ небеснымъ, но влачась по тому, что попирается, попираемое имѣетъ всегда въ виду, блюдя пяту человеческого шествія, и вливая ядъ въ утратившихъ власть наступати на змисвѣ (Лук. 10, 19.)); то вдалѣ посему *сердце Свое взыскати и рассмотреть о всѣхъ бывающихъ подѣ небесемъ.* Ибо въ томъ, что превъше небесъ, Пророкъ не уничиженнымъ видитъ Божественное великолѣпіе, говоря: *взятся великолѣпіе Твое превъше небесъ* (Пса. 8, 2.); потому что грѣхомъ уничижена была и небесная область. Такъ псалмопѣвецъ говоритъ: *грѣховъ своихъ ради смиришися* (Пса. 105, 43.). Сіе-то пришелъ рассмотреть Екклесіастъ, а именно, что подѣ небомъ про-

изошло такого, чего небыло прежде: какъ произошло суета, почему стало преобладать неосуществившееся, какое владычество у того, чего нѣтъ? Ибо зло не самостоятелно; потому что не отъ сущаго имѣеть свою особенность. А что не отъ сущаго, то, конечно, не существуетъ особымъ естествомъ; и однакоже уподобившимся суетѣ преобладаетъ суета. Поэтому пришелъ изыскать Своею премудростию, что произошло подъ солнцемъ? Что за смѣшеніе въ томъ, что дѣлается здѣсь? Какъ сущее поработилось не сущему? Почему неосуществившееся владычествуетъ надъ сущимъ? и увидѣлъ:

Яко попеченіе лукаво даде Богъ сыномъ человѣческимъ, еже упряднятися въ немъ. О семъ же неблагочестиво думать такъ, какъ понялъ бы иный съ перваго взгляда, а именно: будтобы Самъ Богъ далъ людямъ лукавое попеченіе. Въ такомъ случаѣ къ Нему относилась бы причина золь. Ибо Кто благъ по естеству, Тотъ непременно готовъ бываетъ снабжать благами. Почему *всяко древо доброе плоды добрыя творитъ* (Матѣ. 7, 17.); не на терніи зараждается гроздь, и не на виноградной лозѣ—терніе. По природѣ доброе изъ сокровищъ своихъ недаетъ ничего лукаваго. И добрый человѣкъ отъ избытка сердца не глаголетъ худаго, но произноситъ сообразное своей природѣ. Тѣмъ паче Источникъ благъ изольетъ

ли изъ естества Своего что либо лукавое? Напротивъ того болѣе благочестивый смыслъ требуетъ разумѣть сіе такъ, что Божіе даяніе благо. Это же есть свободное движеніе, которое при погрѣшительномъ употребленіи людьми содѣлалось орудіемъ грѣха. Ибо что свободно и не поработчено, то добро по естеству; а что сопряжено съ необходимостію, того никто не причислитъ къ благамъ. Напротивъ того самое свободное стремленіе мысли, безъ руководства уклонившееся къ избранію худаго, сдѣлалось искушеніемъ для души, отъ высокаго и досточестнаго увлекшейся къ страстнымъ движеніямъ естества. Сіе-то и значить слово: *даде*, имѣющее не тотъ смыслъ, что Богъ въ жизнь человѣческую вложилъ зло, но тотъ, что человѣкъ данныя Богомъ блага по безразсудству употребилъ въ услуженіе злу. А святому Писанію обычно подобныя симъ мысли изражать такими реченіями. Напримѣръ: *предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (Рим. 1. 26.); и: *предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (28.); и: *ожесточи сердце Фараоново* (Исх. 9, 19.); и: *что уклонилъ еси насъ Господи отъ пути Твоего, ожесточивъ сердца наша, еже не боитися Тебе* (Иса. 63, 17.); и: *заблуждати сотвори я по непроходный, а не по пути* (Иса. 106, 40.); и: *прелстилъ мя еси, и прелстихся* (Іер. 20, 7.). Таковы и всѣ однообразныя съ сими изреченія, точный смыслъ которыхъ

не то подтверждаетъ, будтобы въ естествѣ человѣческомъ происходитъ что либо человѣческое отъ Бога, а напротивъ того обвиняетъ свободу, которая есть благо, и Богомъ данный естеству даръ, но содѣлалась зломъ отъ наклонности къ противоположному.

Посему Екклесіастъ (14) видѣлъ *всѣческая сотворенная* въ сей жизни *подъ солнцемъ*, а именно, что все было *суетство*, потому что небыло разумѣвающаго, небыло взыскающаго Бога, когда *все уклонишася, скупль неключими быша* (Иса. 13, 23.). Потому, сказавъ: *и се вся суетство*, присовокупилъ причину, а именно, что не Богъ виновникъ этого, а произволеніе человѣческаго вожделѣнія, которое назвалъ онъ *дугомъ*. Обвиняетъ же этотъ духъ не потому, что таковъ былъ онъ изначала (не подлежалъ бы онъ и осужденію, если бы такимъ былъ созданъ); но потому что, развратившись, пришелъ въ разладъ съ устройствомъ цѣлаго. Ибо говорить:

(15) *Развращенное не можетъ исправиться*, то есть, да не будетъ того, чтобы благоустроенной Богомъ твари свойственно было превратное. Какъ художникъ, обдѣлывающій себѣ что либо по замышленному чертежу, по линейкѣ и шнуру обрабатываетъ части, которыя при своемъ художественномъ отношеніи одной къ другой составляютъ изъ себя цѣлое произведеніе сосуда, и если какая изъ частей

не обработана еще по шнуру, то сего безобразія не допустить, конечно, правильный складъ цѣлаго, а надобно будетъ и эту часть, чтобы приладить ее къ прямой чертѣ, подвести подъ шнуръ и выпрямить: такъ и Екклесіастъ говоритъ, что естество развращенное порокомъ не можетъ находиться въ твари, въ которой соотношеніе частей устроено правильно.

И лишеніе, говоритъ онъ, *не можетъ исчислитися*. Обычное писанію словоупотребленіе учить подъ *лишеніемъ* разумѣть недостатокъ. И въ этомъ можно увѣриться изъ многихъ мѣстъ. Ибо *во всея и во есиахъ* навикшій Павелъ умѣлъ *лишатися и избыточествовати* (Филип. 4. 12.). И по распутству расточившій отцовское имущество, когда одолѣвалъ голодь, *начатъ лишатися* (Лук. 15, 4.). И о святыхъ разсуждая, Павелъ перечисляетъ и инья злостраданія ихъ тѣломъ, присовокупляетъ же и сіе, что были *лишени и скорбяще* (Евр. 11, 37.). Посему и здѣсь Писаніе, сказавъ: *лишеніе*, реченіемъ симъ указало на недостатокъ. А недостающее не можетъ быть причисляемо къ тому, что есть. Ибо и учениковъ, пока всѣ они были въ своей полнотѣ, числомъ было двѣнадцать; когда же погибъ сынъ погибели, число стало не полно, потому что недостающее не соприсчислялось къ тому, что оставалось. Послѣ Іуды число учениковъ и было и имено-

валось единонадесять. Посему Екклесиастъ говоритъ: *мшшеніе не можетъ исчислитися*. Что означаетъ это въ словѣ? То, что нѣкогда и мы сопрічислялись къ цѣлому; потому что и мы принадлежали къ священной сотнѣ словесныхъ овецъ. Но поелику отъ нагорной пажити уклонилась одна овца,—наше естество, увлекшись порокомъ въ эту соленую и сухую страну; то уже не то же упоминается число въ стадѣ заблудшихся, но именуется оно числомъ: девяносто девять. Ибо суетное дѣлается чѣмъ-то внѣ числа дѣйствительно состоящихъ вещей. Почему *мшшеніе не можетъ исчислитися*. Посему-то *пріиде взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 15, 10.), и воспріавъ на рамена возстановить въ число сущихъ, что погибало въ суетѣ несуществующаго, чтобы дѣйствительно число твари Божіей, когда погибшее будетъ спасено съ непогибшими, сдѣлалось снова полнымъ.

Итакъ какое возвращеніе заблудшагося, и какой способъ отрѣшенія отъ золъ для общенія во благѣ, научимся сему въ послѣдующемъ. Ибо *Искушенный по всяческимъ по подобію, развѣрѣха* (Евр. 4, 15.) бесѣдуетъ съ нами отъ нашего же, Воспріавшій на Себя наши немощи самыми немощами естества указываетъ путь внѣ порока. Представъ себѣ теперь, что бесѣдуетъ премудрость Того, Кто отъ самаго по плоти Соломона, бесѣдуетъ же о томъ, что наипаче

путеводить насъ къ презрѣнію вождѣннаго для людей. Ибо не по подобію многихъ, у которыхъ не во власти вождѣваемое, и Имъ изрекается слово, такъ что поэтому не имѣеть Онъ достовѣрности, обвиняя въ томъ, чего не извѣдалъ на опытѣ. Ибо мы все дознаемъ не своимъ опытомъ, но по однимъ умозаключеніямъ знаемъ то, услаждение пріятностію чего на опытѣ возбуждаетъ намъ бѣдность. Если кому предлагается нами совѣтъ, что не должно ему во что либо ставить цѣнное людьми; то у слушающаго это готово замѣчаніе: «потому не цѣнишь ты этого, что самъ не дозналъ сего опытомъ на себѣ». Но въ разсужденіи Бесѣдующаго съ нами объ этомъ дѣйствительно уничтожается всякое подобное возраженіе; потому что говоритъ сіе Соломонъ. А Соломонъ этотъ—третій изъ царей Израильскихъ, послѣ онаго Саула и избраннаго Господомъ Давида. Онъ, принявъ начальство отъ отца, и достигнувъ уже величія Израильтянъ, провозглашается царемъ царства; не войною и битвами покоряя себѣ подданныхъ, но со всею властію живя въ мирѣ, поставляя для себя дѣломъ не пріобрѣтеніе того, чего у него небыло, но наслаженіе тѣмъ, что было; такъ что ему ни въ чемъ изъ желаемаго никакого небыло препятствія. Ибо изобиліе простиралось до той же мѣры, какъ и пожеланіе, и свободный былъ досугъ для наслаженія; такъ какъ ничто не-

приятное не пресѣкало препровожденія времени съ тѣмъ, что было вождельнно. Но, будучи мудръ въ иномъ и имѣя достаточное разуміе, чтобы найти что либо для удовольствія, говорилъ онъ, что самъ примыслилъ и то и другое изъ вождельвѣаемаго для наслажденія, и сдѣлавъ все, что въ послѣдствіи исчислилъ въ словѣ, утверждалъ, что самымъ опытомъ дозналъ одинъ конецъ всѣхъ попеченій при этомъ, именно: *суетство*. Разказу же своему объ этомъ придалъ такой порядокъ, что сперва, въ первыя времена жизни, употреблялъ время на обученіе, и не ослаблялъ усилія въ этихъ трудахъ; воспользовался же произволеніемъ духа, то есть естественнымъ стремленіемъ къ приращенію вѣдѣнія, хотя и съ трудами преслѣдовалъ въ желаемомъ. Такъ возраста мудростию, не разумомъ только приникъ на это страстное и неразумное обольщеніе людей тѣлесными наслажденіями, но самымъ опытомъ дозналъ суетность каждаго изъ вождельній. Вотъ цѣль изслѣдованій. Но время въ послѣдующемъ предложить по порядку написаннаго и самое обозрѣніе читаемаго.

(16) *Глаголахъ азъ въ сердцѣ своемъ, еже реку: се азъ возвеличихся; потому что увидѣлъ я внезапно совокунившимися на мнѣ и величіе владычества и пышность царства. Но прежде этого запаса пріобрѣтеніемъ во всемъ мудрости, которую невозможно и пріобрѣсти*

иначе, какъ съ трудами и пролитіемъ пота. Посему сказавъ: *маломахъ азъ въ сердцѣ своемъ, (же реши: се азъ возвелъчихся, присовокупилъ и сіе: умножихъ мудрость; потому что пышность владычества, которая пришла ко мнѣ сама собою, увеличилъ я присовокупленіемъ мудрости, сказавъ самъ въ себѣ, что въ этомъ наипаче надлежитъ оказаться мнѣ имѣющимъ верхъ предъ царями, прежде меня бывшими, и имѣть больше ихъ мудрости. Ибо говоритъ: умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Иерусалимѣ. И размыслилъ, какъ возможно достигъ сего. Ибо кому не извѣстно, что мудрость состоитъ въ вѣдѣніи того, надъ чѣмъ прежде потрудились другіе трудолюбцы.*

Почему говоритъ: (17) *сердце мое видя многая, премудрость и разумъ*, такъ какъ не само собою, не безъ усилія дано вѣдѣніе о подобномъ сему; но потому что, говоритъ Екклесіастъ, *сердце мое вдахъ, еже видѣти премудрость и разумъ*. Не было бы возможности дознать мнѣ сіе, если бы трудъ и размышленіе не предшествовали вѣдѣнію. Но и притчи и хитрость *уразумѣхъ*, продолжаетъ онъ, то есть, пріобрѣлъ понятіе высшаго, составяемое по сходству чрезъ сличеніе сего съ окружающимъ насъ. И сіе-то изучилъ я, говоритъ онъ. Ибо, какъ свидѣтельствуеть, *уразумѣхъ притчи и хитрость*. Какъ и Господь, научая въ еванге-

ли слушателей, представляет взору слово о царствіи, изобразивъ, или жемчужину, или сокровище, или бракъ, или горчичное зерно, или закваску, или что либо подобное, не въ томъ смыслѣ, что это самое и есть царствіе; но уподобленіемъ означаемому сими вещами примѣнительно указываетъ слушателямъ нѣкоторыя отблески и загадочныя черты того, что превышаетъ понятіе. И на это, говоритъ Екклесіастъ, стало у меня произволенія духа приобрести себѣ множество мудрости, чтобы, сдѣлавшись мудрымъ, по сему самому не погрѣшить мнѣ въ вѣдѣніи сущаго, и не оставаться ненашедшимъ того, что полезно; потому что изъ мудрости составляется вѣдѣніе, а вѣдѣніе дѣлаетъ для насъ болѣе доступнымъ судъ внимательнаго. Сіе же обыкновенно не безъ усилія достается старательнымъ, но приложившій себѣ вѣдѣніе, безъ сомнѣнія, до одной мѣры съ ученіемъ простираетъ и трудъ. Посему Екклесіастъ говоритъ: (18) *приложивый разумъ, приложитъ бользнь*. А когда дошелъ до этого, тогда о пріятномъ произноситъ приговоръ, какъ о суетности.

Ибо сказываетъ о себѣ: (2, 1.) *рекохъ азъ въ сердце своемъ: прииди убо, да ты искушу въ веселии, и виждь во блазнь: и се такожде сіе суетство*. Ибо не тотчасъ предалъ я себя на такое испытаніе, и не прежде, какъ вкусивъ строгій и благонравной жизни, поползнулся

на участіе въ удовольствіяхъ, но искусивъ себя въ первомъ, и преуспѣвъ нравомъ въ угрюмости и непреклонности, въ чемъ для старательныхъ наипаче заключаются уроки мудрости; тогда уже снисходить до того, что почитается пріятнымъ для чувства, не страстію увлеченный въ это, но съ намѣреніемъ разсмотрѣть, точно ли къ вѣдѣнію истинно добраго содѣйствуетъ сколько нибудь приводимое въ услажденіе чувство. Ибо тогда, то есть въ началѣ, и смѣхъ дѣлаетъ своимъ врагомъ, и страсть называетъ (2) *погрѣшеніемъ*; и это по смыслу значить тоже, что назвать скудоуміемъ и безуміемъ. Ибо если кто въ собственномъ смыслѣ назоветъ чѣмъ инымъ этотъ смѣхъ, это и не слово, и не дѣло какое либо, совершаемое съ какою либо цѣлію но непристойное разверстіе устъ, перерывистое дыханіе, содроганіе всего тѣла, расширеніе щекъ, обнаруженіе зубовъ, десенъ и неба во рту, кривлянія шеи, беспорядочное измѣненіе въ голосѣ, пресѣкаемое перерывами дыханія; то будетъ ли это что другое, спрашиваетъ Екклесіастъ, а не безуміе? Почему говорить: (2) *смыху рекохъ: погрѣшеніе*; какъ бы такъ сказалъ смѣху: «ты не въ умѣ, изъ себя вышелъ, не держишься въ предѣлахъ долга, добровольно себя безобразя, извращая видъ свой въ страстный и производя это извращеніе безъ всякой пользы».

Рекость и веселію: что́ сіе твориши? Это тоже значить, какъ и сказать: «я былъ противъ удовольствія, подозрѣвая приближеніе его, какъ бы какого татя, тайкомъ вкрадывающагося въ таинницы души; никогда не позволялъ ему овладѣвать мыслию. Ибо какъ скоро узнавалъ, что удовольствіе, подобно какому-то звѣрю, подползаетъ къ моимъ чувствамъ; тотчасъ вступалъ съ нимъ въ борьбу, и встрѣчалъ, говоря этому рабскому и неразумному веселію: *что́ сіе твориши?* для чего разслабляешь мужество естества? для чего размягчаешь крѣпость мысли? для чего обезсиливаешь бодрость души? для чего вредишь помысламъ? для чего свѣтлую ясность чистыхъ мыслей приводишь въ омраченіе своею туманностію?» Сдѣлавъ все это и подобное сему, продолжаетъ Екклесіастъ:

(3) *Разсмотришь, аще сердце мое повлечетъ аки вино плоть мою.* то есть, смотрѣлъ, какъ попеченію о духовномъ можно сдѣлаться преобладающимъ надъ плотскими движеніями, чтобы естеству не придти въ разладъ съ самимъ собою, когда умъ избираетъ одно, а къ иному влечетъ плоть, но чтобы плотское наше мудрованіе сдѣлать послушнымъ и подручнымъ разумной части души, когда меньшее будетъ увлечено и поглощено преизбыточествующимъ, какъ это бываетъ у жаждущихъ. Ибо вино, если поднесено будетъ къ жаждущимъ устамъ, не остается въ чашѣ, но переливается въ пію-

щаго, и тщательно втягивающій его внутрь дѣлается свѣтлымъ. Когда же исполнено это мною, тогда восхождение къ познанію сущаго содѣлалось для меня непогрѣшительнымъ и безпрепятственнымъ.

Сердце мое, говоритъ Екклесіастъ, *настави мя въ мудрости*, которою превозмогъ я возстаніе сластолюбія; и обученіе это содѣлалось для меня причиною, *еже удержати веселіе*. Вотъ смыслъ содержащійся въ сихъ словахъ по связи чтенія: а мнѣ наипаче вожделѣнно было при вѣдѣніи не тратить жизнь ни на что суетное, но найти то благо, сподобившись котораго, человѣкъ не погрѣшаетъ въ сужденіи о полезномъ, и которое постоянно, а не временно, продолжается во всю жизнь, подавая надежду обладать благомъ во всякомъ возрастѣ и первомъ, и среднемъ, и послѣднемъ и во все число дней.

Дондеже увижду, говоритъ, *кое благо сыномъ человѣческимъ, еже творятъ подъ солнцемъ въ число дней живота своего*. Хотя вожделѣнное для плоти всего болѣе служить приманкою чувству въ настоящемъ, но увеселяющее въ немъ минутно. Ибо ни чѣмъ происходящимъ въ тѣлѣ невозможно услаждаться продолжительно. Но удовольствіе пить прекращается съ насыщеніемъ; и при вкушеніи также наполненіе чрева угашаетъ пожеланіе; да и всякое другое вожделѣніе такимъ же образомъ по

удовлетвореніи ослабѣваетъ. и если появляется снова, снова пропадаетъ. А ничто усладительное для чувства не продолжается навсегда, и не остается такимъ. И сверхъ этого еще иное благо человѣку въ дѣтствѣ и иное въ цвѣтущемъ возрастѣ, и иное пришедшему въ зрѣлость, другое же въ преклонномъ возрастѣ, и иное опять старцу, смотрящему въ землю. Но я, говоритъ Екклесіастъ, искалъ того блага, которое во всякомъ возрастѣ и во всякое время жизни равно есть благо—такое благо, что и пресыщенія имъ не чается, и сытости въ немъ не находится, но и при удовлетвореніи продолжается вождельніе, вмѣстѣ съ наслажденіемъ усиливается пожеланіе, и не ограничивается возрастомъ любителя; но чѣмъ болѣе человѣкъ наслаждается симъ благомъ, тѣмъ паче съ наслажденіемъ возрастаетъ пожеланіе, а съ пожеланіемъ возгорается наслажденіе, и во все продолженіе жизни всегда бываетъ прекрасно для обладающихъ, ни мало не измѣняясь отъ непостоянства возрастовъ и временъ; смѣжаетъ ли кто очи, или подѣмлетъ взоръ, благоденствуетъ, или печаленъ, ночь ли проводить, или день,—однимъ словомъ всякому въ жизни служить такимъ благомъ которое и для впадшаго въ какое либо несчастное обстоятельство не дѣлается чѣмъ ни есть худшимъ, или лучшимъ, не умалется, не увеличивается. Таково, по моему разсужденію, въ подлинномъ

смыслѣ благо, которое увидѣть домогался Соломонъ, *еже и творятъ люди подѣ солнцемъ во все число дней живота ихъ*. Не инымъ чѣмъ кажется оно мнѣ, какъ дѣломъ вѣры, дѣйствительность которой есть для всѣхъ общая, равно предлагается желающимъ, всеильна, постоянно пребываетъ въ жизни. Вотъ—то благое дѣло, которое да будетъ и въ насъ, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСЬДА 3.

Время изслѣдовать, чему послѣ этого научить насъ Екклесиастово слово. Сперва научились мы тому, что нами дознано, именно: что сей Екклесиастъ всей твари, взыскующей погибшее и заблудшее собирающей во едино, Онъ самый назираетъ земную жизнь. Ибо земное есть поднебесное, что въ Писаніи называется сущимъ подѣ небесемъ, и въ чемъ преобладаютъ обольщеніе и несостоятельность. А во второй бесѣдѣ дознали мы, что отъ лица Соломонова сдѣлано осужденіе жизни, расположенной къ наслажденіямъ и страстямъ, чтобы тѣмъ болѣе убѣдились мы отринуть таковую жизнь, когда имѣющей всякую возможность наслаждаться удовольствіемъ все, что вождѣланнымъ кажется для людей, оплевалъ, какъ ничто. Итакъ что же по порядку дознаемъ въ настоящемъ случаѣ изъ третьей бесѣды?

Думаю—урокъ болѣе всего приличный принадлежащимъ къ церкви, разумѣю исповѣданіе сдѣланнаго не по разуму, при которомъ въ душѣ производится болѣзненное чувство стыда признаніемъ въ дѣлахъ несообразныхъ. Ибо великимъ и сильнымъ оружіемъ къ избѣжанію грѣха служить обыкновенно хранящійся въ людяхъ стыдъ, для того, думаю, и вложенный въ насъ Богомъ, чтобы такое расположеніе души производило въ насъ отвращеніе отъ худшаго. Ибо сродны и близки между собою и самый стыдъ и болѣзненное чувство посрамленія; тѣмъ и другимъ воспящается грѣхъ, если только кто для сего пожелаетъ воспользоваться таковымъ расположеніемъ души. Ибо стыдъ часто больше страха обучалъ избѣгать дѣлъ несообразныхъ. Да и посрамленіе, слѣдующее за обличеніями въ погрѣшности, само по себѣ достаточно можетъ уцѣломудрить согрѣшающаго, чтобы онъ снова не впалъ въ что либо подобное. И еслибы кто захотѣлъ опредѣлить различіе стыда и посрамленія, то посрамленіе есть высшая степень стыда, а стыдъ наоборотъ нисшая степень посрамленія. Различіе же и общеніе сихъ болѣзненныхъ чувствъ обнаруживаются на лицѣ краскою. Ибо стыдъ означается однимъ румянцемъ, такъ какъ съ душею по естественному нѣкоему расположенію состраждетъ нѣсколько и тѣло, и жаръ сердечной плевы воскипаетъ на поверх-

ности лица; а посрамленный обнаруженіемъ проступка дѣлается посинѣвшимъ и побагровѣвшимъ, потому, что страхъ къ румянцу примѣшиваетъ желчь. Посему такого болѣзненнаго чувства для рѣшившихся на что-либо несообразное достаточно будетъ, чтобы не оставаться имъ дольше въ томъ, за что обличеніемъ подверглись посрамленію. Если же это дѣйствительно такъ, и Писаніе коснулось потребнаго человѣку болѣзненнаго чувства, потому что таковое расположеніе врождено естеству въ предохраненіе отъ проступковъ; то сіе исповѣдію прегрѣшеній достигаемое преспѣяніе хорошо признать собственнымъ урокомъ церкви. Ибо чрезъ это человѣкъ душу свою приводитъ въ безопасность оружіемъ посрамленія. Какъ если кто по неумѣренной обжорливости сконить въ себѣ какіе либо неудобоваримые соки, потомъ, когда произойдетъ жаръ въ тѣлѣ, уврачевавъ болѣзнь рѣзаніемъ и прижиганіемъ, и смотря на оставшійся отъ прижиганія на тѣлѣ струпъ, будетъ имѣть его какъ бы наставникомъ, удерживающимъ отъ безпорядочности въ послѣдующей жизни: такъ выставившій себя на позоръ исповѣданіемъ сокровеннаго, памятованіе о болѣзненномъ чувствѣ посрамленія поставяетъ себѣ наставникомъ для послѣдующей жизни.

Итакъ вотъ чему научаетъ Церковь нынѣшнимъ чтеніемъ написаннаго у Екклесіаста. Ибо

говорить онъ, свободно рѣчью обнародывая это, и предъ всѣми людьми, какъ бы вѣкѣй исписанный столпъ, воздвигнувъ исповѣданіе содѣланнаго имъ; оно же таково, что незнаніе сего и молчаніе о семъ славнѣе слова. Говорить же, дѣйствительно ли сдѣлавъ это, или измысливъ сіе для нашей пользы, чтобы слово въ послѣдствіи достигло цѣли, — не могу сказать сего въ точности, по крайней мѣрѣ, говорить то, о чемъ добровольно сказать не согласился бы имѣющій въ виду добродѣтель. А онъ, если по особенному смотрѣнію несдѣланное описываетъ, какъ сдѣланное, и осуждаетъ это, какъ извѣдавшій на себѣ опытомъ; то дѣлаетъ сіе, чтобы мы прежде испытанія уклонились отъ пожеланія того, что осуждается; а если и добровольно себя самага допустилъ до наслажденія подобными вещами, чтобы чувствовалища свои занять тѣмъ, что одно другому противоположно; то предоставляется волѣ желающаго сдѣлать о семъ, какую угодно, догадку. Но если кто скажетъ, что Соломонъ дѣйствительно извѣдалъ опытомъ пріятности жизни; то примемъ сіе, понимая слѣдующимъ образомъ: какъ погружающіеся въ глубину моря и ищущіе чего либо на днѣ подъ водою, если найдутъ какую либо жемчужину, или другое что подобное сему изъ родящагося во глубинѣ, то имъ никакого удовольствія не представляетъ бѣдствованіе подъ водою, заставля-

еть же погружаться надежда на выгоду; такъ и Соломонъ, если испыталъ это, то, конечно, подобно какому нибудь ловцу въ морѣ пурпуровыхъ раковинъ, погружался въ наслажденіе не для того, чтобы наполниться соленою морскою водою (а подъ сею водою разумѣю удвольствіе), но чтобы въ такой глубинѣ отыскать что либо полезное для ума. Находимое же подобнымъ сему образомъ, по моему гаданію, съ пользою служить, или къ ослабленію порывовъ тѣла дозволеніемъ того, что ему угодно, потому что природа всегда упорнѣе стремится къ запрещенному, или къ содѣланію учителя сего достойнымъ вѣроятности, чтобы не почиталась уже привлекательною для людей вещь суетная, презрѣнная тѣмъ, кто изучилъ ее опытомъ. Ибо и о врачахъ сказываютъ, будто въ томъ преуспѣваетъ ихъ искусство, что касается рода недуговъ, узнаннаго ими на своемъ тѣлѣ, и что болѣе надежными совѣтниками и цѣлителями дѣлаются въ такихъ болѣзняхъ, о которыхъ, будучи прежде сами отъ нихъ вылѣчены, пріобрѣли свѣдѣніе въ той именно мѣрѣ, въ какой научены собственнымъ своимъ страданіемъ. Посему посмотримъ, что потерпѣвшимъ себя въ жизни своей признаетъ врачующій нашу жизнь?

(2, 4.). *Возвеличишя*, говоритъ онъ, *твореніе мое, создашя ми дома*. Слово прямо начинается осужденіемъ. Ибо говоритъ: *возвеличишя*, не

Божіе *твореніе*, которое и я самъ, но мое. А мое твореніе не иное что есть, какъ то, что доставляетъ удовольствіе чувству. Твореніе же это по родовому понятію одно, но, при дробномъ дѣленіи, необходимо разлагается на многія по потребностямъ наслажденія. Тому, кто однажды вступилъ въ глубину вещественнаго, по всей необходимости должно всюду обращать око и смотрѣть, откуда можетъ произойти удовольствіе. Какъ вода изъ одного источника по водотечамъ проводится во многія мѣста, и вода, раздѣляемая изъ источника, остается тою же водою, хотя бы текла тысячами ручьевъ: такъ и удовольствіе, будучи по природѣ одно, но иначе и иначе представляясь въ различныхъ занятіяхъ, течетъ повсюду, присоединяя и себя къ потребностямъ жизни.

Напримѣръ жизнь необходимымъ для естества содѣлала жилище, потому что человѣчество немощно къ перенесенію неравностей тепла и холода. Посему въ этомъ отношеніи домъ полезенъ для жизни, но удовольствіе понудило человѣка преступить предѣлы потребности. Ибо не тѣлу только доставляя въ домѣ потребное, но готовя пріятности и услажденія глазамъ, едва не плачетъ о томъ, что неба не сдѣлалъ верхнимъ жильемъ своимъ, и что не имѣетъ у себя лучей солнечныхъ, чтобы придѣлать ихъ къ потолку. Почему во всѣ стороны распространяетъ ряды построекъ, созидавая

вокругъ себя цѣпь помѣшеній, какъ бы нѣкую
 другую вселенную; до чрезвычайной высоты
 возводитъ стѣны; а внутренность жилищъ
 разнообразить расположеніемъ; камень изъ
 Лаконіи и Фессаліи и Кариста дѣлится желѣ-
 зомъ на тонкіе слои, отыскиваются нильскія
 и нумидійскія ископаемыя. И если гдѣ съ ве-
 ликимъ стараніемъ бываетъ найденъ фригійскій
 камень, по бѣлизнѣ мрамора разсѣвающій по
 мѣстамъ глубокую багряность, то дѣлается это
 наслажденіемъ для жадныхъ глазъ, живо пред-
 ставляя многовидный какой-то и разнообразный
 разливъ красокъ по бѣлому. Сколько о семь
 стараній! сколько чертежей! сколько ухищреній
 у распиливающихъ вещества водою и желѣ-
 зомъ! а надъ распилкою другихъ обдѣлывае-
 мыхъ веществъ день и ночь трудятся руки
 человѣческія. И этого недостаточно трудя-
 щимся надъ суетнымъ украшеніемъ, и чистое
 стекло посредствомъ составовъ окрашиваетъ
 человѣкъ въ различные цвѣта, чтобы и имъ
 прибавлялось нѣчто къ примышленной роскоши.
 Кто же опишетъ изысканное устройство по-
 толковъ, на которыхъ деревья, бывшія кедами,
 ухищреніемъ искусства снова обращены въ мни-
 мыя деревья, и съ помощію рѣзбы произраца-
 ютъ вѣтви, листья и плоды? Умалчиваю о золотѣ,
 вытянутомъ въ тонкія и воздушныя плевы, и по-
 всюду на нихъ накладываемомъ, чтобы обращать
 на себя жадность очей. Кто изобразить употреб-

ніе слоеновой кости на изысканное убранство входовъ, покрытіе золотомъ сдѣланной на нихъ рѣзбы, или гвоздями прибитые къ рѣзбѣ листы серебра и всему тому подобное? Или полы въ домахъ блистающіе различными цвѣтами камней, такъ что и ноги ихъ наслаждаются блескомъ сихъ камней? И величаніе множествомъ такихъ домовъ, которыхъ построеніе дѣлаеть необходимымъ, не потребность жизни, а прихотливость, простирающаяся отъ одного неразумія къ другому, Екклесіастъ находитъ бесполезнымъ. Ибо однимъ изъ зданій надлежитъ служить для состязанія въ бѣгу, другимъ для прогулокъ, однимъ быть входными, другимъ предвходными, а инымъ привратными. И недостаточнымъ для пышности почитаютъ имѣть врата и подъѣзды, и широкій проходъ внутри воротъ, если входящимъ не встрѣчается чего либо такого, что можетъ при входѣ немедленно изумить смотрящаго на это. При этомъ купели соединяютъ съ великолѣпнѣею пользою, цѣлыми рѣками орошаютъ изъ обильныхъ водотечей, и при нихъ устроены особыя помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій, убранныя до излишества различными мраморами; отовсюду около зданія крыльца, подпертыя столпами нумидійскими, или ессалійскими, или египетскими: мѣдь въ истуканахъ принимаетъ на себя тысячи видовъ, въ какіе мелочная прихотливость отливаетъ вещество; видны

мраморныя изваянія и живописныя картины, зрители которыхъ совершаютъ блудъ очами, потому что искусство, подражая тому, что не бываетъ видимо, обнажаетъ это на картинахъ, да и что позволительно видѣть, изображено на нихъ въ изумительной красотѣ.

Но какъ подробно кому перечислить все, раченіе о чемъ служить обличеніемъ и обвиненіемъ нерадѣнія о томъ, что важнѣе? Ибо чѣмъ больше увеличить челоуѣкъ раченіе о постройкахъ множествомъ и дороговизною заготовляемыхъ веществъ, тѣмъ паче обличить недостатокъ въ убранствѣ души. И кто внимателенъ къ себѣ, и подлинно украшаетъ свое жилище, чтобы со временемъ принять въ него обитателемъ Бога, у того есть другія вещества, изъ которыхъ собираетъ украшеніе для такого жилища. Знаю я золото, которое блистаетъ въ подобныхъ дѣлахъ, и искапывается изъ глубины мыслей писаній; знаю серебро—слова Божія разжженные, которыхъ свѣтлость, какъ молнія, блещетъ, осіявая истинною. А подъ лучами различныхъ камней, которыми украшаются стѣны таковаго храма, и подъ помостомъ зданія, представивъ въ умѣ различные расположенія добродѣтелей, не погрѣшишь въ приличномъ сему дому убранствѣ. Помость пусть будетъ устланъ воздержаніемъ, при которомъ прахъ земнаго разумѣнія не обезпокоитъ живущаго воздержно. Упованіе небес-

наго пусть озаряетъ потолокъ, на который взирая душевнымъ окомъ, не подобія красоты изображенныя рѣзцами увидить, но самый Первообразъ красоты, не золотомъ какимъ и серебромъ украшенный, но тѣмъ, что гораздо выше золота и драгоцѣннѣе камня. Если же надобно словомъ описать убранство разныхъ частей; то пусть здѣсь украшаютъ домъ не тѣнѣиен безстрастіе; а тамъ убранствомъ жилищу служатъ правда и негнѣвливость; на одной сторонѣ сіяютъ смиренномудріе и великодушіе, и на другой опять благочестіе предъ Богомъ. Все же это прекрасный художникъ—любовь пусть въ наилучшемъ порядкѣ приваровитъ одно къ другому. Пожелаешь ли купелей? если хочешь, имѣешь у себя домашнюю купель и свои водотечи, изъ которыхъ можно омыть душевныя скверны; симъ пользовался и великій Давидъ, по ночамъ наслаждаясь этою купелью. А столпы, поддерживающіе крыльце души, дѣлай не какіе либо фригійскіе, или порфиновые; а напротивъ того постоянство и неподвижность во всемъ добромъ да будутъ для тебя многоцѣннѣе этихъ вещественныхъ прикрасъ. Подобій же всякаго рода, или живописныхъ, или изваянныхъ, какія людскимъ искусствомъ на обманъ уготовляются въ подражаніе истинѣ вовсе не допускаетъ такое жилище, въ которомъ все наполнено изваяніями истины. А вождѣвая состязаній въ бѣгѣ

и прогулокъ, имѣешь вмѣсто сего упражненіе въ заповѣдяхъ. Ибо такъ говоритъ Премудрость: *въ путехъ правды хожду, и посредь стезь оправданія живу* (Притч. 8, 20.). Какъ прекрасно приводитъ душу въ движеніе и упражненіе на сихъ путяхъ, и въ движеніи прошедшему поприще заповѣди снова возвращаться на оное! то-есть, у исполнившаго заповѣдь въ томъ, къ чему прилагается имъ стараніе, пусть въ другой и третій разъ украсятся и преспѣяніе нрава и благопристойность жизни. Кто такимъ образомъ приводитъ въ красоту свое зданіе, тотъ мало озаботитъ себя земнымъ веществомъ, не будетъ беспокоиться объ ископаемыхъ, не поѣдетъ за индійскія моря покупать слоновую кость, не станетъ нанимать для изысканной работы художниковъ, которыхъ искусство посвящено извѣстному веществу; напротивъ того дома имѣеть онъ богатство, доставляющее вещества для такихъ построекъ.

Дѣтьми благонравными безобразное положеніе признано достойнымъ сожалѣнія, а сыну глупому и грубому зрѣлище опьяненія служить поводомъ къ смѣху. Великій же списокъ страстныхъ движеній содержитъ въ себѣ признаніе въ насажденіи винограда. Ибо сколько и какихъ страстныхъ дѣйствій производитъ вино, силу всего этого выражаетъ слово. Кто не знаетъ всего того, что вино, когда оно не-

умѣренностію преступаетъ потребность. бываетъ пищею къ воспаленію непотребства и къ доставленію удовольствій, растлѣніемъ юности, безобразіемъ старости, безчестіемъ для женъ, составомъ приводящимъ въ неистовство, напутіемъ къ безчинству, отравою души омертвѣніемъ разума, отчужденіемъ отъ добродѣтели. Отсюда безъ всякаго повода смѣхъ, безъ всякой причины плачь, произвольно льющіяся слезы, ничѣмъ неоправдываемое хвастовство, безстыдство во лжи, пожеланіе неосуществимаго, надежда на несбыточное, надменная угроза, неразумный страхъ, безчувственность къ дѣйствительно страшному, неосновательное подозрѣніе, неразумительное челоуѣколюбіе, обѣщаніе невозможнаго, не будемъ уже говорить о прочемъ, о неприличной дремотѣ, о расслабляющей боли въ головѣ, о неприличіяхъ отъ неумѣреннаго пресыщенія, о расслабленіи членовъ, о согбеніи шеи, не держащейся уже на плечахъ, когда виновная влага расслабитъ связи ея составовъ. Что произвело это гнусное беззаконіе—кровосмѣшеніе съ дочерьюми? Что въ такой мѣрѣ похитило у Лота разумніе сдѣланнаго имъ, что и на гнусный поступокъ отважился, и не зналъ на что отважился? Кто, какъ бы загадочно, избрѣлъ странное наименованіе онымъ дѣтямъ? Какъ матери преступнаго плода содѣлались сестрами своихъ чадъ? Какъ дѣти одного и того же имѣ-

ли вмѣстѣ и отцемъ и дѣдомъ? Кто смѣсилъ естество въ беззаконіи? Не вино ли преступившее мѣру произвело это невѣроятное и достопаечное событіе. Не пѣяство ли привнесло въ исторію такое похожее на баснь сказаніе, которое своею необычайностію превосходитъ и подлинныя басни? *Упоиша*, сказано, *отца своего виною* (Быт. 19, 33.). И такимъ образомъ, когда разумѣніе было изгнано изъ него виномъ, какъ одержимый какими чарами, оставилъ онъ по себѣ міру плачевную эту повѣсть, потому что упоеніемъ на время преступления у него похищено было чувство. О, для какого вреда жены сіи принесли съ собою это вино изъ содомскихъ запасовъ! О, какое недоброе привѣтствіе изъ дурной чаши влили отцу! О, гораздо было бы лучше и этому вину со всѣмъ прочимъ погибнуть въ Содомѣ, прежде нежели подало оно поводъ къ такому плачевному происшествію! И при такомъ числѣ такихъ примѣровъ ежедневно бывающихъ отъ вина въ мірѣ бѣдствій; безъ стыда въ признаніи своемъ выставяющій на позоръ себя, говоритъ о себѣ, что онъ сдѣлалъ это, нетолько чтобы употреблять вино самому, но чтобы позаботиться объ обильнѣйшемъ снабженіи другихъ такимъ достояніемъ.

Насадихъ, говоритъ, *ми винограды*, въ которыхъ не имѣлъ я нужды; потому что самъ я—виноградъ плодоносный, виноградъ духовный.

цвѣтущій, многовѣтвистый, вѣтвями жизни и любвеобильными кольцами соплетающійся съ единоплеменнымъ, красующійся вмѣсто листьевъ благоприличіемъ нравовъ, возвращающій сладкій и зрѣлый гроздь добродѣтели. Кто насаждаетъ сіе въ собственной душѣ своей, воздѣлываетъ вино веселящее сердце, *дѣлаетъ свою землю*, по слову приточному (Притч. 12, 11.), какъ требуетъ законъ такого дѣланія, такъ что вызываетъ жизнь разсудкомъ, изъ корней добродѣтелей исторгаетъ что чуждо ихъ и приросло къ нимъ, орошаетъ душу уроками, серпомъ строго оцѣнивающаго разума обсѣкаетъ порывы мысли къ излишнему и бесполезному; тотъ весьма блаженъ въ этомъ дѣланіи, въ чашу премудрости выжавъ гроздь свой.

Но не знаетъ такого насажденія, кто обращается къ землѣ и объемлетъ земное; потому что присоединяетъ къ этому богатое украшеніе вертоградовъ и садовъ плодовыхъ. Какая потребность во многихъ садахъ тому, кто имѣетъ въ виду одинъ садъ (6)? Какая мнѣ польза отъ вертограда, произращающаго овощи—пищу немощныхъ? Еслибы я былъ въ томъ саду, то не развлекался бы пожеланіемъ многихъ садовъ. Еслибы здоровою со-

(6) Рай.

хранялъ я душу, такъ что могла бы вкушать твердую пищу, то не заботился бы объ овощахъ, воздѣлывая для пищи, что годно недугу. Но когда однажды къ потребности привзошла роскошь, а пожеланіе ея перешло предѣлы, тогда, за расточительностію въ домахъ и послѣ расходовъ на суетное подъ домашнею кровлею, человекъ предается роскоши и подъ открытымъ небомъ, для удовлетворенія желанію удовольствій пользуется по свойствомъ воздуха. Домогается того, что при помощи воздѣлыванія, дерева всегда у него зелены и съннолиственны, на воздухъ служатъ вмѣсто кровли, такъ что и подъ открытымъ небомъ наслаждается, какъ въ домѣ; поверхность земли, по искусству садовника, одѣвается всякаго рода травами, такъ что, куда ни обратить взоръ, повсюду представляется глазу все пріятное, и всегда окруженъ доставляющимъ удовольствіе, во всякое время года видить необычное времени, зимою траву, ранніе цвѣты, виноградную лозу обращающуюся въ дерево, и съ чужими вѣтвями сплетающую свои вѣтви, нѣжныя объятія плюща съ деревьями. А какіе на нихъ виды плодовъ, будучи смѣшаны другъ съ другомъ изъ разнородныхъ, дѣлаютъ насиліе природѣ, по виду и вкусу показывая въ себѣ нѣчто среднее, такъ что плодъ, по видимому, есть то и другое, что можетъ произойти изъ растворенія разнородныхъ,—о всемъ

этомъ, и если еще что иное изобрѣло въ растеніяхъ искусство, насилующее природу, чего не изыскиваетъ потребность жизни, ищетъ же необузданное пожеланіе; о всемъ этомъ говоритъ исповѣдающій дѣла свои, что было сіе въ его искусственныхъ вертоградахъ и садахъ. Ибо, сказавъ: (5.) *насадихъ древесъ всякаго плода,* собирательнымъ симъ выраженіемъ показалъ, что не было у него недостатка въ подобномъ сему.

Потомъ, послѣ снѣди, пронизываемой подъ открытымъ небомъ и подъ крышею, и вода не оставляется несодѣйствующею разнообразію удовольствій, какъ будто должно наслаждаться всѣми стихіями, землю посредствомъ свойственнаго ей, воздухомъ посредствомъ деревъ, водою посредствомъ сдѣланнаго человѣческими руками моря. Ибо чтобы взгляды на воду услаждалъ обольщеніемъ глазъ, поность дѣлается озеромъ, потому что вода вокругъ обнесена стѣнами зданія, такъ что и купаніе доставляетъ удовольствіе прохлаждающимъ тѣло, и вытекающая вода, дѣлается повсюду, гдѣ потребно орошеніе, дѣлаетъ сады болѣе цвѣтущими. (6.) *Сотворихъ ми,* говоритъ Екклесіастъ, *купели водныя, еже напаяти отъ нихъ прозябеніе древесъ.*

А у меня былъ источникъ райскій, то есть, ученіе добродѣтелей, которымъ орошалась духовная сухость, пока презиралъ я земныя воды,

и наслажденіе которыми временно, и естество которыхъ переходить. И такъ гораздо лучше изъ божественнаго источника, которымъ орошаются и возвращаются душевныя добродѣтели, привести для себя хотя малый потокъ, чтобы въ душахъ нашихъ зеленѣлъ садъ добрыхъ предначинаній, при помощи Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА 4.

Слово наше задерживаетъ еще эта исповѣдь; потому что повѣствующій о своихъ дѣлахъ описываетъ почти все, изъ чего познается суетность дѣлъ этой жизни. Теперь же приступаетъ какъ бы къ большому какому осужденію сдѣланнаго имъ, и къ тому, что служить къ охудженію страсти гордыни. Ибо что изъ изчисленнаго, дорогій ли домъ, множество ли виноградниковъ, красота ли вертоградовъ, собраніе ли водъ въ купеляхъ, или орошеніе имъ садовъ, показываетъ столько кичливости, сколько имѣетъ ее въ себѣ, кто, будучи человекомъ, почитаетъ себя владыкою единоплеменниковъ? А Екклесіастъ говоритъ:

(2, 7.) *Притязанъ рабы и рабыни, и домо-чадцы быша ми.* Смотри, какое надмѣніе высокоумія! Стать наравнѣ съ Богомъ — вотъ до чего превозносится это слово! Ибо *всяческая*

работна превысшей надъ всѣми власти, слышали мы въ пророчествѣ (Пса. 118, 91.). Посему, кто своимъ достояніемъ дѣлаеть достояніе Божіе, роду своему удѣляя власть почитаться господиномъ мужей и женъ, тотъ что иное дѣлаеть, какъ не преступаеть въ гордынѣ самое естество, смотря на себя, какъ на нѣчто иное отъ своихъ подначальныхъ?

Притязанъ рабы и рабыни. На рабство осуждаешь человѣка, котораго естество свободно и самовластно, даешь законъ вопреки Богу, извращая законъ данный Имъ естеству. Ибо созданнаго на то, чтобы ему быть господиномъ земли, и кого Творецъ поставилъ въ начальство, подводилъ ты подъ иго рабства, какъ бы прекословя и противодѣйствуя божественной заповѣди. Развѣ забылъ ты предѣлы власти, что начальство твое ограничено надзоромъ надъ безсловесными. Ибо сказано: *да обладаетъ* птицами, рыбами и четвероногими (Быт. 1, 26.). Почему же, оставивъ подчиненное тебѣ въ рабство, превозносишься надъ самымъ свободнымъ родомъ, соплеменнаго тебѣ причисляя къ четвероногимъ и даже безногимъ? *Вся изкорилъ еси* человѣку, зываетъ въ пророчествѣ Слово (Пс. 8, 7.). и перечисляетъ подчиненныхъ его разуму, скотовъ, воловъ, овецъ. Развѣ отъ скотовъ по твоему произошли люди? Развѣ волю по твоему произвели человѣческій родъ? Одна услуга

у людей—безсловесныя. *Прозябаяй траву скотамъ, и злакъ на службу челоуькомъ* (Пса. 103, 14.); а ты смѣшавъ естество рабства и господства, сдѣлавъ, что оно само себѣ служить, и само надъ собою господствуетъ.

Притязангъ рабы и рабыни. За какую, скажи мнѣ, цѣну? Какое изъ существъ нашелъ ты равноцѣннымъ этому роду. Какой монетой оцѣнилъ разумъ? Сколько олововъ поставилъ за образъ Божій? За сколько статировъ купилъ богозданную природу? *Рече Богъ: сотворимъ челоуька по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). И этого по Божию подобію сущаго князя всей земли, отъ Бога наслѣдовавшаго власть надъ всѣмъ, что на землѣ, скажи мнѣ, кто продаетъ, и кто покупаетъ? Одному Богу возможно это; лучше же сказать, и Самъ Богъ не можетъ сего. *Не раскаянна бо, какъ сказано, дарованія Ею* (Рим. 11, 29.). Поэтому естества нашего не поработить и Богъ, Который призвалъ въ свободу насъ, самовольно поработившихся грѣху. Еслиже Богъ не поработяетъ свободнаго, кто владычество свое поставилъ выше Божія? Какъ будетъ проданъ князь всей земли и всего, что на землѣ? Ибо совершенно необходимо, чтобы вмѣстѣ было продано и достояніе покупаемаго. Во сколько же оцѣнимъ то, что въ цѣлой землѣ? А если это не оцѣнимо; то, скажи мнѣ, какой цѣны достоинъ тотъ, кто выше сего? Если наименуешь цѣ-

мый міръ, то и тогда не найдешь достойной цѣны. Ибо Вѣдущій, какъ въ точности оцѣнить естество человѣческое, сказалъ, что и цѣлый міръ — недостойный выкупъ за душу человѣческую (Матѹ. 16, 26.). Посему, когда продается человѣкъ, не иное что выводится на торжище, какъ господинъ земли. А поэтому вмѣстѣ съ нимъ провозглашена будетъ продажною и тварь, то есть, земля, море, острова и все, что на нихъ. Итакъ чѣмъ же будетъ платить за это покупающій? Что получить продающій, когда такое пріобрѣтеніе послѣдуетъ за обмѣномъ? Но небольшая книжка, письменный договоръ, отчисленіе олововъ обманули тебя, будто бы ты сталъ владыкою образа Божія. — Какое безуміе! Если договоръ утратится, если писаніе источить моль, или смоешь упавшая откуда нибудь капля воды, гдѣ у тебя будутъ поручительства? гдѣ у тебя права на владычество?

Сверхъ сдѣлавшагося тебѣ подручнымъ по имени ничего больше не вижу, кромѣ одного имени. Ибо что къ природѣ твоей прибавила власть? Ни времени, ни преимуществъ; и рожденіе твое отъ тѣхъ же людей, и образъ жизни такой же, и тобою господствующимъ, и имъ подчиненнымъ господству, въ равной мѣрѣ обладаютъ душевныя и тѣлесныя страсти, страданія и радости, веселія, безпокойства, печали и удовольствія, раздраженія и страхи,

болѣзни и смерти. Никакого нѣтъ въ этомъ различія у раба съ господиномъ. Не тотъ же ли воздухъ втягиваютъ въ себя дыханіемъ? Не также ли смотрятъ на солнце? Не одинаково ли принятіемъ новой пищи поддерживаютъ естество? И оба по смерти не одинъ ли прахъ? Не одинъ ли судъ? Не общее ли царство, не общая ли и геенна? Во всемъ имѣя равное, скажи, въ чемъ же имѣешь больше, чтобы тебѣ, будучи человѣкомъ, почитать себя владыкою человѣка?

И *притяжалъ*, говоришь, *рабы и рабыни*, какъ стадо какое козловъ или свиней. Ибо сказавъ, что притяжалъ себѣ *рабы и рабыни*, присовокупилъ о прежде бывшемъ у него обилии овецъ и воловъ: *и стяжаніе скота, и стадъ мною ми бысть*, говоритъ Екклесіастъ, какъ будто въ одномъ порядкѣ тѣ и другіе подчинены его власти. Потомъ въ слѣдъ за симъ исповѣданіе грѣховъ переходитъ къ важнѣйшимъ. Ибо приписываетъ себѣ *корень всѣмъ злымъ, сребролюбіе* (1 Тим. 6, 10.). Слово же въ слово говоритъ такъ:

Собрахъ ми сребро и злато. Какую скорбь причиняло золото землѣ, будучи смѣшано съ нею и разсыпано въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ началѣ положено было Творцемъ? Что сотворилъ Создатель приносящаго пользы болѣе, нежели плоды земные? Не одни ли древесные плоды и сѣмена удѣлилъ Онъ въ пищу? Для

чего преступилъ ты предѣлы власти? Или докажи, что дозволено тебѣ Творцемъ и это, — рыться и углубляться въ землѣ, огнемъ расплавлять, что подъ землею, и собирать, чего не сѣялъ; или, можетъ быть, иный не вмѣнить себѣ и въ вину собирать такимъ образомъ деньги, вырывая изъ земли? Но поелику прилагается къ слову: *и илииія царей и странъ*; то мысль о собираніи дѣлается уже не безотвѣтственною. Ибо сколько позволительно царской власти собирать имѣніе съ *странъ*, то есть, сколько налагать подати, сколько требовать десятины, къ какимъ денежнымъ вносамъ понуждать подданныхъ, Екклесіастъ говоритъ, что такъ онъ собиралъ тогда золото и серебро. Впрочемъ охотно желалъ бы я дознать, что прибудеть у собирающаго такъ, или иначе, подобныя вещества? Согласимся на то предложеніе, что не по мнасу, или драхмѣ, или таланту прибываютъ они у сребролюбцевъ, но вдругъ озолотилось у нихъ все, земля, песокъ, горы, равнины, холмы; предположимъ, что все внезапно превратилось въ это вещество; чѣмъ же въ благоденствіи возрастетъ чрезъ это жизнь? Если во всемъ увидить то, что усматриваетъ теперь въ маломъ количествѣ, какое изъ душевныхъ благъ, что изъ вождельнаго для тѣла, прибудеть отъ сего обилія? Родится ли отъ сего надежда, что живушій въ такомъ обиліи зо-

лота сдѣлается мудрымъ, оборотливымъ, разумнымъ, свѣдущимъ, боголюбивымъ, цѣломудреннымъ, чистымъ, безстрастнымъ, не допускающимъ до себя и не терпящимъ всего того, что привлекаетъ къ пороку? Или, хотя и не въ силахъ сего сдѣлать, можетъ однакоже на многія столѣтія продолжить жизнь тѣлу; сдѣлать его нестарѣющимъ, безболѣзненнымъ, невредимымъ, дать ему все, что желательно для жизни плотской? Но никто не суетенъ такъ, и немалосвѣдущъ столько въ общемъ нашемъ естествѣ, чтобы подумать, будто бы и это будетъ у людей, если въ неисчетномъ множествѣ ко всѣмъ потечетъ по желанію каждаго то вещество, изъ котораго дѣлаются деньги. Ибо и нынѣ можно видѣть, что многіе изъ преимуществующихъ такимъ обиліемъ живутъ въ самомъ жалкомъ тѣлѣ, и еслибы не было при нихъ врачующихъ, то безъ врачей не могли бы они и жить. Итакъ, если предположительно присвоемое намъ словомъ обиліе золота не показало никакой выгоды ни тѣлу, ни душѣ; то тѣмъ паче оказывающееся въ маломъ количествѣ обличается не служащимъ къ пользѣ имѣющихъ его. Или что будетъ обладающему отъ этого вещества, когда не дѣйствуетъ оно ни на вкусъ, ни на обоняніе, ни на слухъ, да и для осязанія ту же имѣетъ цѣну, какъ и все твердое? По мнѣ никто въ прибавокъ къ золоту не дастъ добываемыхъ

въ обмѣнъ на него пищи, или одежды. Ибо кто на золото вымѣнялъ хлѣбъ или одежду, тотъ за полезное вознаградилъ бесполезнымъ, и онъ живъ, сдѣлавъ для себя пищу хлѣбъ, а не золото. А кто такимъ промѣномъ собралъ себѣ это вещество, тотъ на что употребляетъ деньги сіи, какимъ совѣтомъ пользуется отъ нихъ, какимъ ученіемъ въ дѣлахъ настоящихъ, какимъ предсказаніемъ о будущемъ? Какое имѣетъ отъ нихъ утѣшеніе въ болѣзняхъ тѣлесныхъ? Считаешь, откладываетъ, налагаетъ печать; если спрашиваютъ, отрекается, и если не вѣрятъ, клянется,—вотъ блаженство, вотъ конецъ старанія, вотъ наслажденіе: до этого простирается все счастье — доставить пищу клятвопреступничеству!

Но у золота, говорятъ, и видъ доброцвѣтный; но красивѣе ли оно огня, но прекраснѣе ли звѣздъ, но свѣтлѣе ли лучей солнечныхъ? Кто же препятствуетъ тебѣ въ этомъ наслажденіи, такъ что необходимо тебѣ доброцвѣтностію золота доставлять удовольствіе взорамъ?—Но огонь, говорятъ, гаснетъ; солнце заходитъ, и пріятность этого свѣтила не всегда ощутительна.—Да и у золота во тмѣ, скажи мнѣ, какое различіе съ свинцомъ? — Но, изъ огня или звѣздъ, говорятъ, не было бы у насъ кожъ, запястьевъ, пряжекъ, поясовъ, ожерельевъ, вѣнковъ, и подобнаго тому; золото же и это доставляетъ, и если что иное дѣ-

лается для украшенія. Такъ желаніе защитить это вещество привело къ самому главному въ рачительности о суетѣ. Ибо сіе самое и скажу имъ: «о чемъ старается, кто золотомъ разцвѣтилъ себѣ волосы, или примкнулъ украшенія къ устамъ, или кожу на шеѣ обложилъ ожерельями, или показываетъ, что на другой какой либо части тѣла носить золото? Гдѣ бы ни было оно возложено на тѣлѣ, самъ чловѣкъ нимало не преобразится отъ блеска золота. Кто видитъ златоносца, тотъ также смотритъ на золото, какъ бы если оно лежало въ лавкѣ, а носящаго видитъ такимъ же, какимъ привыкъ его видѣть. Пусть это золото хорошо будетъ обдѣлано и вычеканено, пусть заключаетъ въ себѣ цвѣтные и огневидные камни, тѣмъ не менѣе естество никакого не пріобрѣтаетъ ощущенія отъ возложеннаго на чловѣка; но ежели есть у него какое поврежденіе на лицѣ, или не достаетъ чего либо изъ естественныхъ принадлежностей, или глазъ выколотъ, или на щекѣ проведенъ отвратительный рубецъ; то гнусность остается на виду, не помрачаемая блескомъ золота; и если кому случится имѣть болѣзненное тѣло, то вещество сіе не доставитъ никакого утѣшенія страждущему. Поэтому для чего заботиться о томъ, что у заботящихся не приноситъ ничего полезнаго ни красотѣ, ни благосостоянію тѣла, и не утѣшаетъ въ скорбяхъ?» И какое распо-

ложеніе у привязанныхъ сердцемъ къ сему веществу, когда, пришедши въ сознаніе цѣнности такого стяжанія, радуются, какъ будто имѣющіе у себя нѣчто большее. Если кто спроситъ ихъ: «одобряете ли, чтобы естество перемѣнено было у васъ въ это; и сдѣлалось тѣмъ, что съ такимъ расположеніемъ вами цѣнится; согласитесь ли на сію перемѣну, чтобы изъ людей стать вамъ золотомъ; и оказаться уже не словесными, разумными, для жизненныхъ отправленій имѣющими у себя чувствительными, но желтыми, тяжелыми, нѣмыми, неодушевленными и безчувственными, каково естество золота?»—то не думаю, чтобы согласились на это даже сильно похотѣніемъ своимъ привязанные къ сему веществу. Посему, если для здравомыслящихъ желаніе, имѣть чловѣку свойства неодушевленнаго вещества, служить проклятіемъ; то какое безумное неистовство заботиться о приобрѣтеніи того, чему концемъ суета, такъ что, приведенные въ бѣшенство деньгами ради нихъ осмѣливаются на убійство и разбой?

И не на это только, но и на лукавое примышленіе ростовъ, которое иной, назвавъ новымъ разбоемъ и убійствомъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо какая разность имѣть у себя чужое, что тайно награблено изъ подпанной стѣны, и убивъ прохожаго, сдѣлаться обладателемъ его собственности, или вынуж-

деннымъ ростомъ приобрѣсть себѣ непринadleжащее? Какое худое проименованіе! ростъ служить именемъ разбою (в). Какое горькое супружество! Какое лукавое состояніе, котораго не признала природа, и которое недугъ сребролюбцевъ ввелъ у неодушевленныхъ! Какое тяжкое чревоношеніе, отъ котораго рождается такой приплодъ! Изъ существъ одушевленное только различается мужскимъ и женскимъ поломъ. Имъ сказалъ по сотвореніи Богъ: *раститесь и множитесь* (Быт. 1, 22.), чтобы роженіемъ другъ отъ друга живыя существа возрастали до множества. А этотъ приплодъ золота вслѣдствіе какого бываетъ брака? вслѣдствіе какого чревоношенія происходитъ на свѣтъ? Но знаю болѣзни роженія тако-го приплода, научившись у Пророка: *се боль неправдою, зачатъ бользнъ, и роди беззаконіе* (Пса. 7, 15.). Вотъ тотъ приплодъ, которымъ болѣла любостыжательность, который рождаетъ беззаконіе, повиваетъ челоуѣконенавистничество. Ибо кто скрываетъ всегда свой недостатокъ, увѣряетъ съ клятвою, что ничего не имѣетъ, тотъ, какъ скоро увидитъ, что давитъ кого нибудь нужда, является тогда съ чреватымъ карманомъ, по корыстолюбію мучится

(в) Греческое слово: *δ τδκος* значитъ вообще приплодъ, а посему какъ ростъ на деньги, такъ и плодъ чрева.

тогда рожденіемъ лукаваго роста, несчастному показываетъ надежду на заемъ, чѣмъ подбавляетъ пищи его злосчастію, подобно тому, кто масломъ тушитъ огонь; потому что займомъ не врачуетъ, но усиливаетъ потерю. И какъ въ засуху нивы сами собою произращаютъ терніе, такъ и при несчастіяхъ у любостяжательныхъ готовъ ростъ для бѣдствующихъ. Потомъ протягиваетъ руку съ деньгами, какъ уда крючекъ, прикрытый приманкою. А бѣднякъ, обольстившись достаткомъ въ настоящую минуту, если что и было у него сокрыто въ кладовой, выблевываетъ вмѣстѣ съ потянутымъ крючкомъ. Таковы-то благодѣянія роста! Если кто насильно отниметъ, или тайно украдетъ у другаго путевый запасъ, называютъ его грабителемъ, воромъ и тому подобными именами; а кто причиняетъ засвидѣтельствованную обиду и жестокость, договорами подтверждаетъ беззаконіе, того называютъ челоуѣколюбивымъ, благодѣтелемъ, спасителемъ и всѣми добрыми именами. Приобрѣтенное грабежемъ называется кражею, а кто при такой нуждѣ обнажаетъ Христа, того жестокость величается челоуѣколюбіемъ; ибо такъ называютъ наносимый ущербъ бѣднякамъ.

Собрахъ ми злато и сребро. Но премудрый, обучая жизни, къ списку того, въ чемъ исповѣдуется, причислилъ и сіе для того, чтобы люди дознали отъ извѣдавшаго опытомъ, что

это есть одно изъ дѣлъ осуждаемыхъ за неумѣстность, прежде извѣданія опытомъ охраняли себя отъ прираженія этого зла, какъ и мѣстами, гдѣ водятся разбойники и звѣри. можно проходить уже безъ вреда, потому что прошли напередъ подвергавшіеся на нихъ опасности. Но прекрасно Божественный Апостоль, прекрасно опредѣляетъ страсть сребролюбія, назвавъ ее корнемъ *всѣмъ злымъ* (1 Тим. 6, 10.). Если къ какой либо части тѣла бываетъ приливъ испорченнаго и гнилаго сока, и дѣлается въ томъ мѣстѣ воспаленіе; то всего необходимѣе, чтобы скопившаяся влага, по устремленіи ея къ наружности, прорвалась въ какомъ либо особомъ мѣстѣ и нарывѣ. Такъ въ комъ бываетъ приливъ недуга сребролюбія, въ томъ страсть всего чаще склоняется къ невоздержанію. Поэтому Екклесіастъ въ слѣдъ за обиліемъ золота и серебра къ предшествующей болѣзни присовокупляетъ слѣдующее за нею несоблюденіе благоприличія. Ибо говоритъ:

Сотвори хъ ми поющихъ и поющія, услажденія пиршествъ, виночертцы и виночерпичицы. Достаточно напоминанія именъ, чтобы выставить на позоръ эту страсть, къ которой проложенъ путь недугомъ сребролюбія. Какъ неумѣстна эта утонченность въ искусствахъ! Какъ внезапно покрываетъ эта рѣка удовольствій, какъ бы двумя потоками слуха и зрѣнія наводняя души, чтобы онѣ и видѣли и слышали худое!

Пѣніе подчиняетъ себѣ слухъ, зрѣніе препо-
бѣждаетъ взоръ. Тамъ женскій голосъ вольною
стройностію пѣсней вводитъ за собою въ
сердце страсть; здѣсь взоръ, подобно какому-
то военному орудію, поражая глаза разнѣжен-
наго уже пѣснями поражающаго, подчиняетъ
себѣ душу. Воздемъ же этой дружины бы-
ваетъ вино, подобно нѣкому лукавому стрѣлку,
уязвляющее человѣка двоякаго рода стрѣлами,
направляющее острія на слухъ и зрѣніе. Ибо
стрѣлою для слуха служитъ пѣніе, а для взора—
видимое. Не даромъ употреблено имя вино-
черпцевъ, но конечно названіе дается сообразно
съ самымъ дѣломъ. Посему, когда пирующимъ
обильно разливается цѣльное вино, а для этой
прислуги употребляется юность, цвѣтущая кра-
сотою, или отроки убранные по женски, или
самый женскій полъ присутствующій при пир-
шествѣ, и съ благожеланіями сливающій не-
благопристойный помысль; тогда чѣмъ въ
иной разъ естественно окончится такимъ усиліемъ?
Ибо кто во всякомъ дѣлѣ предполагаетъ
для себя цѣль, и претупаетъ потребность
въ заботливости о томъ, какъ нарядить пою-
щихъ пѣсни, тотъ въ какое платье одѣнетъ
виночерпицъ, объ этомъ надобно лучше мол-
чать, и не углубляться словомъ въ описаніе
подобныхъ вещей, чтобы въ людяхъ страст-
ныхъ напомниманіе сіе не раздражило ранъ са-
мымъ обвиненіемъ. Вотъ на что золото, вотъ

для чего серебро — готовить такія при-
манки наслажденію!

Не поэтому ли страсть сластолюбія въ Пи-
саніи называется змїемъ, который имѣеть
свойство, если голова его пройдетъ въ пазъ
стѣны, пройти въ него и всѣмъ тянущимся
сзади тѣломъ? Напримѣръ что скажу? Природа
дѣлаеть необходимымъ для людей жилище; но,
по этой потребности сластолюбіе, вползая въ
пазъ души, превратило сію потребность въ
безмѣрную трату на дорогія убранства, и из-
мѣнило предметъ заботы; потомъ этотъ звѣрь—
сластолюбіе проползаетъ къ какимъ-то вино-
градникамъ, купелямъ, садамъ и украшеніямъ
вертоградовъ. Послѣ сего вооружается гордо-
стію, облекается въ кичливость, присвоивая
себѣ начальство надъ соплеменными. За симъ
тянется слѣдъ сребролюбія, за которымъ по
необходимости слѣдуетъ воздержаніе — это
последняя и крайняя часть уподобленія въ
сластолюбіи звѣрю. Но какъ змѣю не возможно
втащить за край хвоста, потому что, чешуя
естественнымъ образомъ, упирается вопреки
втаскивающимъ: такъ невозможно начинать съ
крайнихъ частей души, чтобы выжить изъ нея
вторгшееся сластолюбіе, если кто не загра-
дитъ этому злу перваго входа. Почему Настав-
никъ добродѣтели повелѣваетъ блюсти его
главу, главою называя начало порока, въ ко-
торомъ, если оно не допущено, бездѣйствен-

нымъ остается прочее. Ибо кто враждебно противосталъ удовольствію вообще, тотъ не поддастся частнымъ прираженіямъ страсти. А кто допустилъ въ себя начало страсти, тотъ съ этимъ вмѣстѣ принялъ въ себя цѣлаго звѣря. Поэтому выводящій наружу таковыя страсти, описавъ все, повторяетъ слово кратко. Ибо сказавъ въ началѣ: *возвеличихъ твореніе мое*, присоединяетъ теперь по частямъ изложеніе сдѣланнаго, а именно говоритъ: *возвеличихся*, показывая, что вѣдѣніе противоположнаго произошло у него не отъ чего либо малаго, но что опытъ доведенъ до самой крайней величины, такъ что въ бывшемъ прежде него не равняется этому ни одно воспоминаніе о чемъ либо подобномъ. Ибо говоритъ: *возвеличихся*; и даже присовокупилъ: *паче всѣхъ бывшихъ прежде мене во Иерусалимѣ*, и открылъ теперь цѣль, для которой снизошелъ до испытанія такихъ вещей, обучившись всякой премудрости.

(9) *И мудрость моя пребысть со мною*, говоритъ Екклесіастъ. Даетъ же разумѣть сказаннымъ, что съ мудростію испытывалъ всякое примышленіе наслажденія, что разумѣніе его остановилось на самомъ верху найденнаго въ этомъ; зрѣніе содѣйствовало пожеланію, произволеніе при удовольствіи, взоровъ преисполнилось вожделѣваемымъ, такъ что ничего не оставалось изъ примышленнаго къ наслаж-

денію, но участіе въ удовольствіяхъ содѣлалось долею приобрѣтенія. А это, кажется мнѣ, не иное чтó значить, но то, что въ себѣ самомъ имѣлъ онъ способность примыслить всякое наслажденіе. какъ бы съ имѣнія какого, съ того, чтó дѣлалось, собирая въ плодъ веселіе.

(10) *И не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего, и сердце мое возвеселися во всякоу трудь моею: и сіе бысть часть моя отъ всего труда моего.* Частію Екклесіастъ называетъ обладаніе. Итакъ, когда по частямъ описалъ наслажденія, продолжая отъ начала до конца, и изображая словомъ все, съ чего наслаждающимся собираются удовольствія, красоту зданій, виноградники, вертограды, купели, сады, начальство надъ соплеменниками, обиліе денегъ, приготовленіе увеселеній на пиршествахъ, всѣ, какъ называетъ онъ, *услужденія*, которыми занималась его мудрость, изслѣдывая и примышляя подобное тому, чѣмъ, какъ говоритъ Екклесіастъ, наслаждался онъ всякимъ чувствомъ, и глазами находящими, чтó служитъ къ удовольствію, и душою не возбранно имѣющею все, чего она вожелѣвала: тогда объясняетъ то выраженіе, которое употребилъ въ началѣ слова, обо всемъ отозвавшись, что все суета. Ибо, смотря на сіе, рѣшительно говоритъ о человѣческой жизни, что все суета, и чтó чувство видитъ, и чтó предначинается людьми для веселія.

(11) *И прирѣхъ на вся творенія моя, яже сотвориста руцѣ мои, и на трудѣ, илже трудихся творити: и се вся суета, и произволеніе духа, и нѣсть изобиліе подѣ солнцемъ. Ибо вся сила и дѣйственность чувствъ имѣеть предѣломъ жизнь подѣ солнцемъ; преступить этотъ предѣлъ и постигнуть разумніемъ блага превыснія естество чувственное не въ состояніи. Посему, обзрѣвъ все это и подобное сему, обучаетъ не смотрѣть въ жизни ни на что здѣшнее, ни на богатство, ни на любочестіе, ни на начальство надъ подчиненными, ни на увеселенія, забавы и пиршества, и если что иное признается драгоцѣннымъ; но видѣть, что одинъ конецъ всему подобному—суета, въ которой не обрѣтается на послѣдокъ обилія. Ибо какъ пишущіе на водѣ, хотя производятъ рукою писмена, начертывая на влагѣ изображенія буквъ, но ни одно изъ начертаній не остается въ своемъ видѣ, стараніе же написать ограничивается однимъ дѣйствіемъ писанія; потому что за пишущею рукою слѣдуетъ всегда поверхность воды, сглаживающая начертанное: такъ все стараніе о наслажденіи и вся дѣятельность обнаруживаются въ томъ, что дѣлается это. А съ прекращеніемъ дѣйствія и наслажденіе изглаждается, и не сберегается ничего на послѣдующее время, и въ усладившихся не остается никакого слѣда веселія, или остатка въ удовольствіи прошедшей дѣятельности. Сіе-*

то означаетъ слово изрекшее: *нѣсть избытіе подѣ солнцемъ* трудящимся о чемъ либо такомъ, чему предѣлъ суета. Чуждыми сего да будемъ и мы по благодати Господа нашего Иисуса Христа! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА Б.

Теперь великимъ Вождемъ Церкви совершается для насъ тайноводство къ возвышеннѣйшимъ урокамъ. Ибо, предпочистивъ души въ предшествовавшихъ бесѣдахъ, и устранивъ всякое остающееся въ людяхъ пожеланіе суетнаго, такимъ образомъ приводитъ онъ къ истинѣ умъ, отрясшій съ себя горестъ суеты, какъ нѣкоторое бремя съ рамень. Таковому же какъ бы догмату да обучится Церковь, дознавая изъ настоящаго ученія, что начало добродѣтельной жизни—стать виѣ порока. Посему и великій Давидъ, предлагая въ псалмѣхъ нѣкое предварительное руководство къ чистому образу жизни, начинается въ словѣхъ не съ того, что въ ученіи о блаженствахъ представляется совершеннѣйшимъ. Ибо не сказалъ прежде всего, что блаженнѣе всѣхъ, кто во всемъ благоуспѣшенъ, уподобляется дереву, насажденному при исходнищахъ водъ, всегда цвѣтетъ, пребывая въ добрѣ, и въ надлежащее время пожинаетъ плоды жизни; но

началомъ блаженства поставилъ онъ удаленіе отъ зла; такъ какъ невозможно и добрымъ слѣлаться, пока не омоешь съ себя скверну порока. Такъ и великій сей Екклесіастъ сперва очищаетъ словомъ отъ суетнаго, чтобы, какъ въ больномъ тѣлѣ, возстановилось благо здравія. Почему и преслѣдовалъ онъ словомъ суету, сказавъ, что чувство—не надежный оцѣнщикъ прекраснаго, представилъ взорамъ несостоятельность того, чего домогается вожделѣвательное наше расположеніе, отлучилъ отъ наслажденія тѣлеснаго, и такимъ образомъ показываетъ, что подлинно достойно избранія и истинно вожделѣнно то, раченіе о чемъ есть нѣчто дѣйствительное и состоятельное, всегда пребывающее для участвующихъ въ этомъ, и далекое отъ всякой суетной мысли.

(2, 12) *И прирѣкъ азъ видѣти мудрость,* говоритъ Екклесіастъ. Но чтобы въ точности видѣть желаемое, видѣлъ я прежде лести и безуміе; потому что взгляды на желаемое дѣлается болѣе точнымъ при сличеніи съ противоположнымъ. Мудрость же именуется онъ совѣтомъ, говоря: *яко кто человекъ, иже пойдетъ въ слѣдъ совѣта, елика сотвори въ немъ?* Посему научаетъ, какая это человѣческая мудрость—слѣдовать мудрости истинной, которую именуется и совѣтомъ, творящимъ истинно сущее и состоятельное, а не въ суетѣ представляющимся. Это есть верхъ человѣческой муд-

рости. А истинная мудрость и совѣтъ, по моему мнѣнію, ни иное чѣмъ, какъ мудрость о всемъ промыслительная: это—мудрость, которую все сотворилъ Богъ, какъ говоритъ Пророкъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Христосъ же—*Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24.), которую все приведено въ бытіе и устроается. Посему, если человѣческая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы придти въ уразумѣніе истинныхъ дѣлъ дѣйствительной мудрости и совѣта, а дѣломъ онаго совѣта, или оной мудрости, по моему мнѣнію, нетлѣніе, блаженство души, мужество, справедливость, благоразуміе и относительно къ добродѣтели всякое умопредставляемое имя и понятіе; то ея послѣдовательно приводимся, можетъ быть, къ вѣдѣнію благъ. Когда, говоритъ Екклесіастъ, увидѣлъ я это, тогда, какъ бы на вѣсахъ, различилъ сущее отъ несущаго, чтобы найти разность между мудростію и безуміемъ, какъ можетъ быть она найдена при сравненіи свѣта съ мракомъ. И мнѣ кажется въ разсужденіи прекраснаго прилично воспользоваться примѣромъ, взятымъ отъ свѣта, потому что тма по естеству своему не состоятельна; безъ чего либо преграждающая солнечный лучъ не будетъ и тмы. Свѣтъ же самъ по себѣ умопредставляется въ собственной своей сущности. Сямъ примѣромъ Екклесіастъ показываетъ, что порочность не состоятельна

сама по себѣ, но составляется лишеніемъ добра. А доброе всегда одинаково, и постоянно пребываетъ. и составляется безъ всякаго предварительнаго лишенія чего нибудь. Умопредставляемое же противоположнымъ доброму, въ сущности не существуетъ. Ибо что не существуетъ само по себѣ, то вовсе не существуетъ. И порочность есть лишеніе сущаго, а не бытіе. Посему равна разность, какъ между свѣтомъ и тмою, такъ между мудростью и безуміемъ. Ибо подъ именемъ мудрости Екклесіастъ объемлетъ отчасти всякое добро, а безуміемъ означаетъ все естество зла. Но какая намъ польза удивляться доброму, если учителемъ не будетъ указанъ какой либо путь къ приобрѣтенію сего? Посему послушаемъ учащаго, какъ и намъ содѣлаться причастниками прекраснаго.

(14) *Мудраго*, говоритъ, *очи его во главъ его*. Что это значить? Есть ли вообще живое существо, назовемъ ли живущее въ водѣ, или на сушѣ, или въ воздухѣ, у котораго бы это чувствилище—глаза совершенно было внѣ головы? Ибо у всякаго глазъ напередѣ прочаго тѣла, а у имѣющихъ голову утверждёнъ въ головѣ. Почему же Екклесіастъ говоритъ здѣсь, что у одного мудраго голова имѣетъ очи? Или подразумѣваетъ въ словѣ то, что есть нѣкое сходство между усматриваемымъ въ дунѣ и между частями тѣла? И какъ въ устроеніи тѣла

преимуществующее надъ цѣлымъ называется головою, такъ и въ душѣ вмѣсто головы разумѣется владычественное и первенствующее? И какъ подошву ноги называемъ пятою, такъ у души можетъ быть подошва, которою соприкасается она съ сроднымъ ей тѣломъ, и тѣмъ подлежащему сообщаетъ чувствительную силу и дѣятельность? Посему, когда прозрительная и зоркая сила души занята чувственнымъ, тогда въ пяты ея перемѣщается естество очей, которыми разсматриваетъ дальнее, оставаясь невидящею вышнихъ зрѣлищъ. Но если, познавъ суетность подлежащаго разсмотрѣнiю, возводить взоръ къ Главѣ своей, Которая, какъ толкуетъ Павелъ, *есть Христосъ* (Ефес. 4, 15.): то да ублажается за острозрѣнiе, имѣя очи тамъ, гдѣ нѣтъ помраченiя зломъ. Великiй Павелъ и иные, если подобно ему велики, и всѣ, которые о Христѣ живутъ, движутся и существуютъ, имѣли очи во главѣ. Какъ существу во свѣтѣ невозможно видѣть тму, такъ невозможно и имѣющему око во Христѣ устремлять его на что либо суетное. Посему, кто имѣетъ очи *во главѣ*, глава же, какъ уразумѣли мы,— начало всего, тотъ имѣетъ очи во всякой добродѣтели (потому что всяческая добродѣтель есть Христосъ)—въ истинѣ, въ справедливости, въ нетлѣнiи и во всякомъ добрѣ.

Посему *мудраго очи его во главѣ его, а безумный во тмѣ ходитъ*. Ибо кто свѣтильника своего

не выдвигаетъ на свѣщникъ, но ставитъ подъ помостомъ постели, тотъ свѣтъ дѣлаетъ для себя тмою, ставъ творцемъ несостоятельнаго. Несостоятельное же суетно. Поэтому тма по значенію равняется суетѣ. И душа безумнаго, сдѣлавшись какою-то плотолюбивою и плотскою, смотря на это, ничего не видитъ. Ибо острозрительность въ этомъ подлинно есть тма. Видишь ли этихъ живыхъ и оборотливыхъ въ житейскомъ людей, называемыхъ правовѣдами, какъ пролагаютъ себѣ путь къ неправдѣ, свидѣтелями, защитниками, записями, услужливостію судей, чтобы и зло сдѣлать и подвѣсть подъ наказаніе? Кто не подивится тонкости и изворотливости такихъ людей? Но однакоже слѣпы такіе люди, если устремить пытлиное око на того, кто обращаетъ взоръ въ горнее, поставленъ во главѣ существъ, совершенно слѣпы они, украшающіе пяду свою, угрызаемую зубами змїя; тѣмъ самымъ, что обращаютъ взоръ къ дольному, начертываютъ въ себѣ велѣнія грѣха. Ибо *любятъ неправду, ненавидятъ свою душу* (Иса. 10, 5.). И ублажаемое ими въ людяхъ бѣдственнѣе всякаго злополучія.

Но сколько еще наоборотъ такихъ, которые преисполнены на высотѣ совершаемыхъ подвиговъ, заняты созерцаніемъ истинно сущаго, почитаются же какими-то слѣпцами и людьми бесполезными въ дѣлахъ вещественныхъ, какъ

хвалится таковымъ о немъ мнѣніемъ и Павелъ, называя себя *буимъ Христа ради*; потому что его благоразуміе и мудрость не были заняты ничѣмъ вождельваемымъ здѣсь? Почему и говоритъ: *мы буи Христа ради* (1 Кор. 4, 10.), какъ бы выражая симъ: мы слѣпы для долней жизни, такъ какъ устремляемъ взоръ въ горнее и имѣемъ очи во главѣ. По сей-то причинѣ не имѣлъ онъ ни дома, ни стола, былъ нищимъ, скитальцемъ, терпѣлъ наготу, томился голодомъ и жаждою. Но таковымъ будучи долу, смотри, какимъ онъ былъ горѣ. Ибо возвысившійся до третьяго неба, гдѣ была его глава, тамъ имѣлъ очи, приводимый въ восхищеніе неизреченными тайнами рая, усматривающій незримое и наслаждающійся тѣмъ, что выше чувства и разумѣнія. И кто не почтетъ его жалкимъ, видя узникомъ, приѣмлющимъ раны подъ ударами, утопающимъ во время кораблекрушенія и вмѣстѣ съ узами носимаго по морскимъ волнамъ? Но если и терпѣлъ подобное сему среди людей, то не отрекся непрестанно имѣть очи во главѣ, говоря: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой во Христѣ Иисусѣ? Скорбь ли, или тѣснота, или ионеніе, или гладъ, или нагота, или быда, или меч* (Рим. 8, 35.)? А это значить тоже, что сказать: кто вырветъ у меня очи изъ головы, и переставитъ ихъ на попираемое ногами и земное? Но сіе Апостолъ повелѣваетъ равно дѣлать и намъ, научая *гор-*

няя мудрствовать (Кол. 3, 2.), что подобно тому, какъ если бы потребовалъ имѣть очи во главѣ.

Но если дознали мы, почему *мудраго очи во главѣ его*, то будемъ бѣгать безумія, которое, для проходящихъ настоящую жизнь, бываетъ какою-то тмою. Ибо сказано: *а безумный во тмѣ ходитъ*. Безумный же, какъ говорить пророчество, есть тотъ, который говоритъ въ сердцѣ своемъ: *нльсть Богъ*, растлѣнъ и омерзился *въ начинаніихъ* (Иса. 13, 1.). А что по порядку рѣчи сказано въ послѣдующемъ, то врачуеть до малодушія привязанныхъ къ настоящей жизни, по мнѣнію которыхъ смерть есть нѣчто тяжелое, и какъ они увѣрены, для проходящихъ высшій образъ жизни никакой нѣтъ пользы отъ жизни добродѣтельной, потому что для тѣхъ и другихъ жизнь разрѣшается однимъ и тѣмъ же концемъ, и что, хотя преуспѣемъ въ лучшей жизни, смерти избѣжать не возможно. Посему Екклесіастъ, какъ бы отъ собственнаго своего лица, дѣлая подобныя симъ возраженія, снова нападаетъ на нелѣпность представляющихъ оныя, какъ не обращающихъ вниманія на естество существующаго, и показываетъ разность добродѣтели и порока, и въ чемъ одна предъ другимъ преимуществуетъ, такъ что надѣмся отъ нихъ не какой либо равной чести, по причинѣ вообще всѣхъ постигающей смерти, но по причинѣ въ

послѣдствіи ожидающихъ благъ или золъ находимъ сію разность. Буквально же возраженіе сіе читается такъ:

Увѣдѣхъ азъ, яко случай единъ случится всѣмъ имъ. (15) И рѣхъ азъ въ сердцы моема: якоже случай безумнаго, и мнѣ случится: и вскую умудрихся азъ излише? глаголахъ въ сердць моема, понеже безумный отъ избытка глаголетъ, яко и сіе суета. (16) Яко нѣсть памяти мудраго съ безумнымъ во вѣкъ, зане уже во днѣхъ грядущихъ вся забвена быша: и како умретъ мудрый съ безумнымъ? Къ сему присовокупляетъ Екклесіастъ, что признаетъ достойнымъ ненависти все то, къ чему прежде былъ пристрастенъ, любя суетное, какъ благо. И говорить, что возненавидѣлъ все, надъ чѣмъ трудился, имѣя въ виду настоящую жизнь; потому что трудился вовсе не для себя, но для того, кто будетъ по немъ, и о комъ, по неизвѣстности будущаго, не возможно предузнать, какъ воспользуется трудами его. Буквально же говорить это такъ:

(17) И возненавидѣхъ животъ: яко лукавно мнѣ сотворенное подѣ солнцемъ: понеже всяческая суета и произволеніе дѣха. (18) И возненавидѣхъ азъ всяческая, трудъ мой, имъ же азъ труждаюся подѣ солнцемъ, яко оставлю ео челоуку будущему по мнѣ. (19) И кто вѣсть, мудръ ли будетъ, или безуменъ? и обладати ли имать всѣмъ трудомъ, имъ же трудихся, и

мудрствовашъ подъ солнцемъ? и сіе же суета. Сказавъ это, говоритъ, что чужда душѣ его и та мысль, будтобы одинъ и тотъ же удѣлъ и живущаго добродѣтельно и не прилагавшаго никакого о семъ старанія. У одного, говоритъ онъ, трудъ въ мудрости, въ вѣдѣніи, въ мужествѣ; а у другаго въ раздраженіи, въ скорбяхъ, причиняемыхъ житейскою рачительностію. Посему приводитъ ихъ въ равенство между собою, говоритъ онъ, есть дѣло, не только суеты, но и лукавства. Читается же сіе такъ:

(20) *И обратихся азъ отрещися сердцу моему о все. нѣ трудъ, имже трудихся подъ солнцемъ.* (21) *Яко есть человекъ, еможе трудъ въ мудрости, и въ разумѣ, и въ мужествѣ: и человекъ, иже не потрудися о немъ, дастъ ему часть свою: и сіе суета и лукавство велие.* (22) *Яко бываетъ человеку во всемъ трудъ его, и въ произволеніи сердца его, имже той труждается подъ солнцемъ.* (23) *Яко вси дніе его болзней и ярости попеченіе ему, и въ ноци не спитъ сердце его: и сіе же суета есть.* Но все еще самъ себѣ предлагаетъ возраженіе тѣхъ, которые жизнь сластолюбивую признаютъ предпочтительнѣйшею жизни возвышенной, и опровергаетъ предлагаемое. отъ собственнаго своего лица излагая то и другое, и, возраженіе и рѣшеніе. Ибо представляемое въ возраженіи таково: не должно почитать благимъ ничего

иного, кромѣ того, что́ человекъ въ себя принялъ, то есть, пищи и питія. Опроверженіе же состоитъ въ томъ, что не то благо, чѣмъ человекъ питается и увеселяется, но это — мудрость и вѣдѣніе, такъ что и имѣть о нихъ раченіе есть уже благо; а что́ вождельнно для плоти, то для души—забота и суета. И подлинныя слова сего возвышеннѣйшаго ученія имѣють слѣдующій видъ:

(24) *Нсть благо человеку, который яств и нств, и покажетъ души своей благо въ трудн своемъ: и сіе видѣхъ азъ, яко отъ руки Божіа есть.* (25) *Яко кто яств и нств кромъ Ело?* (26) *Яко человеку благу предъ лицемъ Ело даде мудрость, и разумъ и веселіе; сопришающему же даде попеченіе еже прилагати и собирати, во еже дати благому предъ лицемъ Божіимъ: яко и сіе суета и произволеніе духа.* Посему, хотя смыслъ написаннаго въ послѣдствіи и предварительное воззрѣніе на связь рѣчи приводятъ къ тому самому, что мы кратко теперъ изложили, однакоже благовременно будетъ снова повторить чтеніе и въ точности согласить понятіе съ реченіями.

И увидѣхъ и азъ, яко случай единъ случится всьмъ имъ: и рѣхъ азъ, яко случай безумнаго и мнл случится, и вскую умудрихся? Вотъ возраженіе, которое Екклесіастъ дѣлаетъ самъ себѣ, говоря: если одинъ этотъ случай смерти для того и другаго, и добродѣтель пребывающаго

въ мудрости не избавляетъ отъ вкушенія смерти, то суетнымъ для меня стало раченіе о мудрости. Какое же въ словѣ семъ опроверженіе сказаннаго? *Азъ, говоритъ, излише глаголахъ это въ сердце мое, понеже безумный отъ избытка глаголетъ: яко и сіе суета. Яко нѣсть памяти мудраго съ безумными во вѣкъ.* Екклесіастъ осуждаетъ сіе возраженіе, какъ излишне и непослѣдовательно сдѣланное, и безумнымъ называетъ слово, которое не принадлежитъ къ достойнымъ сбереженія, и износится не изъ нутри хранилищъ мудрости, но, какъ нѣкоторый излишекъ разумнія, извергается, подобно пѣнѣ; потому что *безумный отъ избытка глаголетъ.* Но такъ пользоваться словомъ суетно и ни къ чему не служитъ, потому что слово сіе не имѣетъ попеченія о другомъ чемъ, а только старается убѣдить, чтобъ не обращали вниманія на видимое. Возражатель же ведетъ споръ о видимомъ; потому что и смерть есть нѣчто видимое. Посему, что же говоритъ? Въ этомъ мірѣ не совершается суда о добродѣтельной и лукавой жизни; потому что должно было бы одному лукавому умереть тѣлесно, а доброму остаться неизвѣдавшимъ тѣлесной смерти. И говоритъ сіе не зная, въ чемъ состоитъ безсмертіе добродѣтели, и какая разумѣется смерть живущихъ порочно. Память мудраго, говоритъ Екклесіастъ, живетъ всегда, и продолжается во весь

вѣкъ, съ безумнымъ же угасаетъ и памятованіе о немъ. О таковыхъ и Пророкъ говоритъ: *поибе память ихъ* весьма гласно и очевидно (Иса. 9, 7.). Ибо сіе показываетъ присовокупленіе: *съ шумомъ*. Посему Екклесіастъ говоритъ: *нѣсть памяти мудрому съ безумнымъ во вѣкъ*: напротивъ того жизнь мудраго увѣковѣчивается памятію; а безумнаго сопровождаетъ забвеніе. Ибо *во дни грядущихъ* все, что касается безумнаго, въ забвеніе приходитъ; выражается же всегда такимъ рѣченіемъ, какъ будто уже грядущіе дни наступили, *и вся забвена быша*.

Итакъ, если мудрый ищетъ мудрости, а безумный уничтоженъ смертію забвенія, то *како*, спрашиваетъ Екклесіастъ, говоришь, что *мудрый умретъ съ безумнымъ*? Посему скорбитъ и стыдится того, что было для него вожделѣнно въ этой жизни, и сказываетъ, что ненавидитъ все, чего желалъ для настоящей жизни, терпя подобно тому, кто по жадности безъ мѣры насытившись смѣшаннаго съ чѣмъ либо меда, потомъ, когда это лакомство обратится въ немъ въ дурный сокъ, при изблеваніи подмѣшаннаго состава ощущаетъ выплевываемое вмѣстѣ съ медомъ, и потому отъ воспоминанія о сей непріятности ненавидитъ медъ; потому что пресыщеніе примѣшаннымъ составомъ произвело разстройство. Посему-то Екклесіастъ, до пресыщенія наполнивъ себя тѣмъ, что вожде-

лѣвается для наслажденія, при очищеніи себя исповѣдію, какъ бы къ качеству какого яда ощутивъ отвращеніе и омерзеніе, къ постыдно имъ сдѣланному взываетъ, что ненавидить оную жизнь, слово въ слово говоря такъ: *и возненавидѣхъ животѣ: яко лукавно лишь сотвореніе сотворенное подѣ солнцемъ.* Не для другаго кого, говоритъ онъ, но для себя самаго сталъ я лукавъ въ томъ, что сдѣлано мною подѣ солнцемъ. Ибо у меня не осталось ничего изъ сдѣланнаго, но все вожделѣваемое было мечтою и порывомъ произволенія. *Всяческая суета и произволеніе духа,* говоритъ онъ. А другій называетъ достойнымъ ненависти попеченіе о здѣшнемъ; потому что человекъ трудится не для себя, но для того, кто будетъ по немъ. Что ни удастся съ раченіемъ сдѣлать въ этой жизни, укрытія для кораблей, пристани, величественные и многостоящіе запасы для крѣпостей и зданій, преддверія, башни, красивые переходы и подъемы, земледѣльческія работы, всякаго рода роши, изящество луговъ, виноградники, обширностію уподобляющіеся морямъ, и если потрудится надъ чѣмъ инымъ сему подобнымъ, что ни удастся сдѣлать ему, пользуется этимъ послѣ него вступившій въ жизнь.

И неизвѣстно, не обратитъ ли онъ сего обилія въ пищу пороку. Ибо не всякому возможно для приобрѣтенія вѣдѣнія подвергать чувство

испытанію подобныхъ вещей, какъ сдѣлалъ это я, говоритъ Екклесіастъ, по внушенію мудрости. Естественному стремленію, какъ молодому какому коню, давъ не надолго свободу увлечься низшими страстями, снова обуздалъ я бродюю разсудка, и подчинилъ его власти. Кто же знаетъ, говоритъ Екклесіастъ, возьметъ ли верхъ надъ привязанностію къ наслажденію и тотъ, кто послѣ насъ будетъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, а не останется скорѣе въ ихъ власти, подобно какому-то невольнику, преклонившись предъ владычествомъ сластолюбія? Посему-то говоритъ: *возненавидѣхъ азъ всяческую, трудъ мой, имъ же азъ труждаюся подѣ солнцемъ, яко оставляю его челоуѣку, будущему по мнѣ. И кто вѣсть, мудръ ли будетъ или безуменъ, и обладати ли имать всемъ трудомъ, имъже трудихся, и имъже мудрствовашъ подѣ солнцемъ?* Вотъ, думаю, смыслъ сего изреченія: Екклесіастъ говоритъ о себѣ, что не по страсти поползнулъ онъ вести жизнь въ удовольствіяхъ, но пришелъ къ этому по нѣкому внушенію мудрости, наслаждаясь сею жизнію свободно, а не подчиняя себя ея владычеству. Посему кто знаетъ, говоритъ онъ, что будущій по мнѣ не будетъ обладаемъ тѣмъ, надъ чѣмъ я трудился не по страсти, но руководясь мудростію? Ибо даетъ видѣть, что трудомъ наименовалъ и услажденіе; потому что участіе въ удовольствіи допустилъ до

себя принужденно, какъ непреодолимую какую борьбу. Посему и это, говорить Екклесіастъ, пусть причислить человѣкъ къ суетному. Сказываетъ же и кому-то иному, что отъ здѣшняго отрекся онъ душою своею, и готовъ обнаружить въ словѣ, что намѣренъ сказать. Ибо оклеветанъ предъ погрѣшающимъ противъ праваго сужденія, будтобы, видя ясное различіе противоположныхъ родовъ жизни, изъ которыхъ въ одномъ трудятся для добродѣтели, и не обращаютъ пожеланія ни къ чему человѣческому, а въ другомъ поступаютъ наоборотъ, онъ не терпитъ никакого труда людей добродѣтельныхъ, проводитъ же время въ однихъ тѣлесныхъ занятіяхъ. Почему, когда произносить кто предъ нимъ приговоръ о прекрасномъ, тогда, презирая превосходящаго мудростію, даетъ не только суетное, но лукавое и несправедливое сіе сужденіе. Выражаетъ же это Екклесіастъ такими словами: *и обратихся азъ, говоритъ, отрещися сердцу моему о всемъ трудѣ, имъ же трудихся подъ солнцемъ.* Чего же именно отрекся? *яко есть человѣкъ, съюже трудъ въ мудрости, и въ разумъ, и въ мужество,* а другой человѣкъ нимало не потрудился о подобномъ сему. Такъ почему же иный таковому предоставить долю предпочтенія? Потому, говорить, что и человѣкъ тому, *иже потрудися о немъ,* то есть, трудившемуся въ жизни о добрѣ, *дастъ ему часть свою;* а

это значить, назоветъ такую жизнь доброй долею.

Но *сїе*, говоритъ Екклесїастъ, *суета и лукавство велие*. Ибо не велие ли лукавство, когда знаетъ, какая въ человѣкѣ рачительность къ трудамъ, и сколько произволенїя? Сїе-то и выражаетъ Екклесїастъ въ словахъ: *яко знаетъ (г) челоуьку во всемъ трудъ ею, и въ произволенїи сердца ею, ильже той труждается подѣ солнцемъ*. Что же знаетъ? *Яко вси днїе ею болзней и ярости попеченїе ему, и въ ноци не спитъ сердце ею*. Ибо дѣйствительно прискорбна жизнь тѣхъ, чья душа не знаетъ покоя отъ сего искушенїя, и какъ бы жалами какими уязвляется сердце пожеланїями большаго. Мучительна эта рачительность любостыжательнаго, не столько увеселяющаяся тѣмъ, что имѣетъ у себя, сколько огорчаемая тѣмъ, чего недостаетъ; у такихъ людей трудъ удѣляется и дню и ноци, занимая ихъ сообразно той и другой части времени, когда день тратится на труды, а ночь гонитъ сонъ отъ очей. Ибо заботы о выгодѣ не даютъ мѣста сну. Посему кто обращаетъ на сїе вниманїе, тому этой рачительности какъ не признать суетою? Къ сказанному прежде Екклесїастъ присовокупляетъ: *и сїе же суета есть*.

(г) Въ Писанїи. а выше и у Нисскаго читается здѣсь *убытокъ*, а не *убожи*

Касается и другаго еще возраженія, а возражаемое таково: если что внѣ насъ, къ суетѣ причисляешь это, учитель; то несправедливо осуждаешь, какъ суетное, и то, что приѣмлемъ въ себя самихъ. Но пища и питіе бывають въ насъ самихъ; значить подобное сему не есть что либо отметаемое; напротивъ того иный благодать сію назоветъ Божиимъ благодѣяніемъ. Вотъ смыслъ возраженія, самыя же реченія имѣють такой видъ. *Нѣсть благо чело-вѣку, говоритъ Екклесіастъ, развѣ еже ястъ и пїетъ, и покажетъ души своей благо въ трудѣ своемъ: и сіе видѣхъ азъ, яко отъ руки Божїя есть, яко кто ястъ и пїетъ кромль Его.* Вотъ что защитникъ чревоугодія возражаетъ учителю, и наставникъ мудрости даетъ на это отвѣтъ *человѣку благу.* (Прибавленіе слова: *благій*, безъ сомнѣнія, указываетъ на отличіе, такъ что разумѣемое подъ именемъ благости дѣлается явнымъ изъ противоположнаго.) Посему чело-вѣку, а не скоту, не такому чело-вѣку, который смотритъ себѣ на чрево, и вмѣсто разсудка имѣеть гортань, но *благу*, живущему по образу единаго Благаго. Не то наслажденіе узаконилъ Богъ, которому радо естество скотское, но въ замѣнъ пищи *даде* ему мудрость, разумъ и веселіе. И дары благости увеличитъ ли кто яствами чрева? *Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ* (Матѣ. 4, 4.)— вотъ слово истиннаго Слова. Не хлѣбомъ пи-

тается добродѣтель, не мясами укрѣпляется и тучнѣетъ сила души; другими явствами питается и приводится въ мужество высокая жизнь. Пища благаго есть цѣломудріе, хлѣбъ— мудрость, приправа—справедливость, питіе— безстрастіе, удовольствіе не какое либо тѣлесное сношеніе съ тѣмъ, что пріятно, но то, что и по имени и на дѣлѣ есть веселіе (*εὐφροσύνη*). Потому Екклесіастъ и наименовалъ симъ словомъ происходящее въ душѣ расположеніе къ прекрасному, что такое состояніе бываетъ слѣдствіемъ благоразумія (*ἐκ τῆ εὐφροσύνης*). Посему надлежитъ дознать изъ сего тоже, что слышимъ и у Апостола: *нѣсть царствіе Божіе брашно и питіе, но правда, и безстрастіе, и блаженство* (Рим. 14, 17.). А чего домогаются люди для тѣлеснаго наслажденія, то возбуждаетъ рачительность грѣшниковъ, и есть попеченіе души, увлекаемой отъ горняго къ земному, у которой все продолженіе пребыванія въ сей жизни тратится на то, чтобы тщательно *прилагати и собирать*. Посему, кто предъ лицемъ Божіимъ признаетъ сіе за благо, тотъ самъ не знаетъ, что благое поставляетъ онъ въ суетномъ. Это сказалъ я собственными своими словами, но мысль сію запечатлѣетъ присокупленіе Божіихъ словесъ. Ибо Екклесіастъ продолжаетъ: *грѣшнику даде попеченіе еже прилагати и собирать, во еже дати благому предъ лицемъ Божіимъ: яко и сіе суета и про-*

изволеніе дуга. Посему, что въ настоящемъ ученіи дознали мы при семъ взаимномъ сличеніи хорошаго и худаго, то да будетъ намъ пособіемъ къ избѣжанію того, что осуждается, и напутіемъ къ преспѣянію въ лучшемъ.

ВЕСТЬДА Б.

(3, 1) *Всплѣз время, и время всякой вещи подѣ небесемъ.* Вотъ начало словесъ подлежащихъ нашему обозрѣнію. И трудъ изслѣдованія не малъ; и польза отъ него достойна труда. Ибо цѣль обозрѣннаго нами въ первыхъ частяхъ книги всего болѣе, можетъ быть, обнаружится въ этой части, какъ покажетъ по порядку слѣдующая за симъ рѣчь. Въ предыдущихъ словахъ какъ суетное осуждено все, чего домогается человѣкъ вовсе не для какой либо душевной пользы. Ибо указано благо, къ которому надлежитъ возводить взоръ по тѣмъ понятіямъ, какія вложены намъ въ умъ, а предпочитающимъ наслажденіе тѣлесное противопоставлено услажденіе сообразное съ мудростію. Остается узнать, какъ человѣку жить добродѣтельно, заимствовавъ въ семъ словѣ какъ бы и нѣкое искусство и способъ къ преспѣянію въ жизни. Сіе-то обѣщаетъ намъ изслѣдованіе Екклесіастовыхъ словъ въ своемъ началѣ, гдѣ утверждается, что *всплѣз время, и время всякой вещи подѣ небесемъ.* Если кто при-

никнетъ во глубину смысла. то найдетъ великое любомудріе заключенное въ сихъ реченіяхъ, и созерцательное и исполненное полезныхъ совѣтовъ. И чтобы намъ въ немногихъ словахъ открыть былъ путь къ обозрѣнію сего изреченія, приступимъ къ слову такъ:

Въ существующемъ одно вещественно и чувственно, а другое умопредставляется и невещественно. Въ послѣднемъ безплотное выше чувственного постиженія, и сіе лучше познаемъ тогда, какъ совлечемся чувствъ. Чувство же, способное къ постиженію естества вещественнаго, не имѣетъ свойства проникать тѣло небесное и простираться за предѣлы видимаго. По сей причинѣ слово сіе бесѣдуетъ съ нами и о земномъ и о небесномъ, чтобы мы проводили сію жизнь непогрѣшительно. Вещественная сія жизнь есть жизнь во плоти; возрѣніе на прекрасное потемняется нѣсколько видимымъ чувственно. Посему для сужденія о прекрасномъ имѣемъ нужду въ нѣкоемъ свѣдѣніи, чтобы, какъ при постройкахъ всему, что дѣлается, направленіе давали какое-то правіло или нить. Потому и намъ предварительно указывается словомъ, чѣмъ направляется жизнь къ должному.

Два, говоритъ Екклесіастъ, отличительные въ жизни признака прекраснаго въ каждой вещи, какая вождельна для настоящей жизни, именно соразмѣрность и благовременность. И сему-то учитъ онъ теперь, говоря: *вслнз время*

(ὁ χρόνος) и время всякой вещи подъ небесемъ. А подъ временемъ (ὁ χρόνος) должно разумѣть мѣру, потому что всему, что приходитъ въ бытіе, спротяжено время. Поэтому не усиливаюсь утверждать, что сіи отличительные признаки прекраснаго совершенно примѣнимы къ всякому преспѣянію въ добродѣтели, пока не покажетъ сего продолженіе рѣчи; но что больше бываетъ успѣха въ жизни, проводимой при такомъ соблюденіи сказаннаго, сіе можно примѣтить всякому. Ибо кому неизвѣстно, что и добродѣтель есть мѣра, измѣряемая посредственностію сравниваемыхъ? Не можетъ она быть добродѣтелию, имѣя или недостатокъ, или излишекъ противъ должной мѣры; такъ напримѣръ въ мужествѣ недостатокъ его дѣлается боязливостію, а излишекъ—дерзостію. Посему-то нѣкоторые изъ питомцевъ внѣшней мудрости, ставъ, можетъ быть, хищниками нашихъ писаній, и понявъ мысль выраженную въ семъ изреченіи, одинъ въ краткомъ своемъ правилѣ совѣтовалъ ни въ чемъ не имѣть недостатка, другій воспрещалъ чрезмѣрность. Одинъ утверждалъ, что всего лучше мѣра, другій узаконилъ, ни въ чемъ не допускать излишества. А тѣмъ и другимъ доказывається, что не достигать требуемой добродѣтелию мѣры достойно осужденія. превзойти же соразмѣрность—заслуживаетъ презрѣніе. Но и касательно благовременности тоже слово объяснить намъ, что

и не предварять благовременности, и не опаздывать противъ нея, признается дѣломъ добрымъ. Чтѣ пользы земледѣльцу, который поручилъ срѣзывать колосья прежде, нежели созрѣла въ пору жатва, или отложилъ попеченіе о жатвѣ, пока сѣмена не высыплются изъ стеблей. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ попеченіе о дѣлѣ не послужитъ къ добру, потому что отъ безвременности жатвы утратится польза времени, не тогда, какъ слѣдовало, на сіе употребленнаго. А чтѣ говорится о части, то должно разумѣть и о цѣломъ. Подобное сему узнаемъ и въ мореплаваніи, если кто предупредить или опуститъ благовременность. А чтѣ скажетъ иный о врачебномъ искусствѣ? сколько причинять вреда излишекъ или недостатокъ надлежащихъ ко врачеванію времени и мѣры? Но сіе надлежитъ оставить, потому что въ продолженіи рѣчи яснѣе откроетъ сіе словами самаго Екклесіаста представленный примѣръ.

Для чего же напередъ предлагается это нашему разсмотрѣнію? Для того, что въ чемъ не соблюдается ни мѣры ни времени, то не есть благо; напротивъ того прекрасно и вожделѣнно, чтѣ имѣеть совершенство въ томъ и другомъ. Ибо если одно только въ немъ вожделѣвается, остальное же презрѣно, то бесполезно и преспѣяніе въ остальномъ. Посему какъ у насъ, которые совершаемъ движеніе

двумя ногами, если случится что съ одною, бесполезною дѣлается для хожденія и непо-страдавшая нога, по немощи содѣйствующей: такъ, если при времени недостаетъ мѣры, или при мѣрѣ благовременности, то тѣмъ, чего недостаетъ, непременно обращается въ бесполезное и то, что есть, но во времени оказы-ваетъ пользу соразмѣрность, и въ мѣрѣ благо-временность. Посему время (*χρόνος*) понимается нами какъ мѣра, потому что каждой отдѣльно взятой мѣры мѣрою служить время. Что ни бываетъ, безъ сомнѣнїя, бываетъ во времени, и съ продолженіемъ всего, что бываетъ, про-должается вмѣстѣ и протяженіе времени, малое протяженіе времени съ малымъ, и большее съ большимъ. Есть мѣра чревоношенію, мѣра воз-растанію колосьевъ, мѣра созрѣванію плодовъ, мѣра мореплаванію, мѣра путешествію, мѣра каждому возрасту, младенчеству, дѣтству, от-рочеству, приходенію въ юность, юношеству, мужеству, среднему возрасту, совершеннѣ-тію, зрѣлости и преклонной старости. Посему такъ какъ не одна всему мѣра времени, ибо по разности подлежащихъ не возможно, чтобы все было одно другому равномѣрно, общая же, какъ сказано, мѣра всему измѣряемому есть время, собою все объемлющее: то посему самому не сказалъ Екклесіастъ: всему мѣра, по причинѣ великаго равенства, въ измѣряе-момъ относительно къ большому и меньшему,

но говорить: *всѣмъ время*—эта родовая мѣра, которую измѣряется все, что ни бываетъ. Какъ въ человѣчествѣ устарѣвшее изнемогаетъ, а недозрѣвшее безчинствуетъ; лучшее же—средина между двумя возрастами, то, что избѣгаетъ неприятностей того и другаго, въ чемъ оказываются и сила, не соединенная съ безчинствомъ юности, и благоразуміе, не сопряженное съ немощію старости, почему сила срастворена съ благоразуміемъ, и равно избѣгаетъ и старческаго безсилія и юношеской дерзости: такъ и опредѣляющій всѣмъ время устраняетъ словомъ порокъ въ томъ и другомъ отношеніи, происходящій отъ несоблюденія мѣры, лишая чести то, что преступило время, и отвергая то, что не достигло совершенства во времени. Но время намъ продолжить по порядку и самое обозрѣніе богодохновенныхъ словесъ.

(2) *Время раздати, и время умирати*. Прекрасно на первомъ мѣстѣ сопрягъ словомъ сію необходимую чету, съ рожденіемъ сочетавая смерть (ибо за рожденіемъ необходимо слѣдуетъ смерть, и всякое рожденіе разрѣшается въ тлѣніе), чтобы при совокупномъ указаніи на смерть и рожденіе, напоминаніемъ о смерти, какъ бы жаломъ какимъ, пробудить погруженныхъ въ плотскую жизнь и поставить къ заботливости о будущемъ. Тоже самое сокровеннымъ образомъ въ

первыхъ написаніяхъ книгъ любомудрствуетъ другъ Божій, Моисей, прямо послѣ *Бытія* написавшій и *Исходъ*, чтобы читающіе написанное самымъ порядкомъ книгъ научены были, что́ нужно имъ знать о себѣ самихъ. Ибо кто слышалъ о *Бытіи*, тому невозможно не подумать тотчасъ и объ *Исходѣ*. Ту же мысль имѣвшимъ оказывается здѣсь и великій Екклесіастъ, когда поставляетъ смерть въ такой близости съ рожденіемъ. Ибо говоритъ: *время разжидати, и время умирати*, то есть, пришло время, и я родился; придетъ время, и я умру. Если всё обратимъ на сіе вниманіе, то не пойдемъ, оставивъ это сокращенное шествіе, кружиться съ нечестивыми, добровольно блуждая по круговратному пути жизни, увлекаясь vlastительствомъ, знатностію и богатствомъ, которыми будучи замедляемы на такомъ множествѣ путей этого міра, не находимъ исхода изъ лабиринта сей жизни, тѣмъ самымъ, что, повидимому, употребляемъ усиліе, смѣшивая для себя признаки непогрѣшительнаго пути. Сколько блаженны, говоритъ Екклесіастъ, тѣ изъ людей, которые, оставивъ коловратныя оболещенія жизни, приводятъ себя на сокровенный путь добродѣтели. А на этомъ пути тотъ, кто не обращаетъ души ни къ чему здѣшнему, но со тщаніемъ устремляется къ предложенному въ упованіи вѣроу.

Но изслѣдуемъ сказанное снова. *Время, го-*
Гр. Нисск. Ч. II.

ворить Екклесіастъ, *раждати, и время умлрати*. О, еслибы и для меня содѣлались и роженіе послѣдовавшимъ во время, и смерть благовременною! Ибо никто не скажетъ, будто бы невольное это роженіе и произвольная смерть указываются теперь Екклесіастомъ, какъ средства къ преспѣянію въ добродѣтели; потому что не по волѣ жены муки роженія, и не въ произволеніи кончающихся смерть. А что не зависитъ отъ насъ, того не назоветъ никто ни добродѣтелию, ни порокомъ. Посему надлежитъ уразумѣть сіе благовременное роженіе, и сію смерть, бывающую во время. Мнѣ кажется, что то роженіе зрѣло и непреждевременно, когда кто, какъ говоритъ Исаія, зачавъ отъ страха Божія, съ душевными муками роженія породитъ собственное свое спасеніе (Иса. 26, 18.). Ибо дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ отцами себѣ самимъ, когда образуемъ, порождаемъ и производимъ себя на свѣтъ добрымъ произволеніемъ. Совершаемъ же это пріятіемъ въ себя Бога, дѣлаясь чадами Божиими, чадами силы, и сынами Вышняго. И опять раждаемся преждевременно, и дѣлаемся недоносками и легковѣсными, когда не вообразился въ насъ, какъ говоритъ Апостолъ (Гал. 4, 19.), образъ Христовъ. Ибо должно совершеннымъ быть Божію человѣку (2 Тим. 3, 17.). Совершенъ же конечно тотъ, въ комъ совершенно исполнился законъ естества. По-

сему, если кто своею добродѣтелию содѣлалъ себя чадомъ Божіимъ, пріявъ право на сіе благородство, то онъ позналъ время добраго рожденія, и справедливо по Евангелію радуется, *яко родися человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21.). Но содѣлавшійся чадомъ гнѣва (Ефес. 2, 3.), сыномъ погибели (2 Сол. 2, 3.), исчадіемъ тмы, роженіемъ ехиднымъ (Матѳ. 3, 7.), порожденіемъ злымъ, и всѣмъ другимъ, что только порицается, какъ роженіе лукавое, не позналъ порождающаго въ жизнь времени. Ибо одно, а не много, время раждающихъ въ жизнь. Кто погрѣшилъ въ ономъ неблаговременностию рожденія, тотъ родилъ себя на погибель, и повилъ душу на смерть.

Но если явно то, какъ можемъ родиться во время, то очевидно также всякому, какъ можно и умирать во время; напримѣръ у святаго Павла всякое время было благовременно для благой смерти. Ибо въ собственныхъ своихъ писаніяхъ взываетъ о семъ, подтверждая нѣкотораго рода клятвою, когда говоритъ: *по вся дни умираю, тако ми ваша похвала* (1 Кор. 15, 31.)! и еще: *Тебѣ ради умерщвляемъ есмь весь день* (Рим. 8, 36.); и: *сами въ себя осужденіе смерти имѣхомъ* (2 Кор. 1, 9.). Конечно же не неизвѣстно, какъ *по вся дни* умираетъ Павелъ, который никогда не живетъ грѣху, всегда умерщвляетъ плотскіе удѣ, и носитъ въ себѣ мертвенность тѣла Христова, всегда

сраспинается Христу, и никогда не живетъ себѣ самому, но имѣеть въ себѣ живущаго Христа. Та смерть, по нашему разсужденію, будетъ благовременна, которая дѣлается виновницею истинной жизни. Ибо сказано: *азъ убью, и жизни сотворю* (Второз. 32, 39.), въ удостовѣреніе, что быть умерщвленнымъ грѣху и оживотвореннымъ Духу по истинѣ есть Божій даръ: потому что симъ умерщвленіемъ Божественное Слово обѣщается оживотворить. Но подобно сказанному и слѣдующее за симъ:

Время, говорить Екклесіастъ, садити, и время исторгати сажденое. Знаемъ, кто нашъ дѣлатель, и чье мы *тязаніе*. Ибо одно дознали мы отъ Христа, а другое отъ раба Христова Павла. Господь говорить: *Отецъ Мой дѣлатель есть* (Юан. 15, 1.); Апостоль же сказуетъ намъ: *Божіе тязаніе есте* (1 Кор. 3, 9.). Посему великій Дѣлатель умѣеть насаждать только благое (ибо *насади Богъ рай во Едемъ на востоцѣхъ* (Быт. 2, 8.)); исторгаетъ же все противное благу. Ибо *всякъ садъ, егже не насади Отецъ Мой небесный искоренится* (Матѣ. 15, 13.). Посему фарисейскія злоба, невѣріе и неблагодарность за совершаемыя Господомъ чудеса,—вотъ растѣнія исторгаемыя. Ибо надлежитъ одержать верхъ спасительной проповѣди; надлежитъ проповѣдану быть Евангелію въ цѣломъ мірѣ; надлежитъ всякому языку исповѣдать, яко *Господь Іисусъ*

Христосъ въ слову Бога Отца (Филип. 2. 11.). И такъ, поелику сему надлежитъ совершиться непремѣнно; то преобладающее нынѣ невѣріе нѣкоторыхъ есть насажденіе не Отца, но всѣявшаго плевелы, или во Владычнемъ виноградникѣ насадившаго содомскія розги. Такъ чему научены мы въ Евангеліи Владычнимъ словомъ, тоже самое узнали теперь въ этой загадкѣ Екклесіаста, а именно, что одно и тоже время—и принять въ себя спасительное насажденіе вѣры, и исторгнуть вмѣстѣ плевелы невѣрія. Но что сказано частію о преспѣяніи въ вѣрѣ, то слѣдуетъ разумѣть и о всякой добродѣтели. *Время садити цѣломудріе и исторгати* насажденіе непотребства. Такъ, когда насаждена справедливость, искореняется прозябеніе неправды; насажденіе смиренномудрія ниспровергаетъ кичливость; прозябшая любовь иссушаетъ лукавое древо ненависти, какъ и плодами противоположнаго древа, то есть, ненависти, приумноженная неправда охлаждаетъ любовь. А такимъ образомъ (чтобы не промедлить слова, говоря о всемъ порознь) не погрѣшимъ, подобно сему представляя себѣ и все иное. Опять и слѣдующая рѣчь согласна съ изслѣдованнымъ прежде. Ибо Екклесіастъ говоритъ:

(3) *Время убивати, и время цѣлѣити.* А сіе ясно истолковано напередъ въ пророческомъ словѣ, которое отъ лица Бога говоритъ: *Азъ убью, и жити сотворю.* Если не убіемъ въ себѣ

вражды, то не исцѣлимъ раположенія къ любви, которое страждетъ въ насъ ненавистию. А также время убить и все прочее, что живеть на зло намъ, разумѣю это злое полчище страстей, эту междуусобную брань, воздвигаемую на насъ сластолюбіемъ и плѣняющую насъ закономъ грѣховнымъ. Ибо убіеніе таковыхъ враговъ дѣлается исцѣленіемъ для приведеннаго въ изнеможеніе грѣхомъ. Врачи говорятъ, что глисты и нѣкоторыя другія подобныя имъ животныя отъ худосочія зараждаются во внутренностяхъ; и жизнь ихъ дѣлается болѣзнію для тѣла. Но если будутъ они умерщвлены какимъ либо врачебнымъ питіемъ; то страдающій снова возстановляется въ здравіи. Таковыя страданія тѣла сходны съ душевными недугами. Когда раздражительность тѣмъ, что сосетъ внутренности, или памятозлобіемъ ослабляя силу и разумъ души, и худый образъ жизни породятъ этого звѣря—зависть, или другаго какаго, столько же злаго; тогда чувствующій, что душа его внутри себя питаетъ звѣря, благовременно воспользуется врачевствомъ истребляющимъ страсти. А чтобы по умерщвленіи оныхъ въ сдѣлавшемъ сіе совершилось исцѣленіе, къ сему служитъ евангельское ученіе.

Время разрушати, и время созидати. Сіе дознать можно и въ сказанномъ отъ лица Божія Пророкомъ Іереміемъ, которому дана отъ

Бога сила сперва истребить, искоренить, расточить, а потомъ возобновить, создать и насадить (Иер. 1, 10.). Ибо прежде надобно испровергнуть въ насъ зданія порока, и потомъ уже приискать время и мѣсто къ построению храма Божія, созидаемаго въ нашихъ душахъ, для котораго веществомъ служитъ добродѣтель. *Аще кто назидаетъ на основаніи селѣ, злато, сребро, каменіе честное* (1 Кор. 3, 12.), — всѣмъ этимъ именуется добродѣтель, а дровами, сѣномъ, тростіемъ, по толкованію, означаетъ естество порока, которое не на иное что уготовляется, а только на истребленіе огнемъ. Посему, когда построенія состоятъ изъ сѣна и тростія, то есть, изъ неправды и гордыни, и прочей житейской злобы; тогда слово повелѣваетъ прежде привести ихъ въ уничтоженіе, и потомъ уже золото добродѣтели употребить въ вещество къ построению духовнаго дома. Ибо невозможно съ тростіемъ соединиться серебру, или съ сѣномъ войти въ одинъ составъ золоту, или съ деревомъ—жемчужинѣ. Если же будетъ это, непременно надобно уничтожиться одному изъ двухъ соединяемыхъ веществъ. Ибо *кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14.)? Посему пусть будутъ прежде разрушены построенія тмы, и тогда воздвигнуты свѣтлыя зданія жизни.

(4) *Время плакати, и время сльзатися.*
Уясняется слово сіе евангельскимъ изреченіемъ,

произнесеннымъ отъ лица Господа, въ которомъ сказано: *блаженни плачущіи: яко тѣи утѣшатся* (Матѳ. 5, 4.). Посему нынѣ время плакать; а время смѣяться предоставлено въ упованіи; потому что настоящая печаль содѣлается матерью ожидаемаго веселія. Да и кто не въ слезахъ и не въ скорби будетъ проводить всю жизнь свою, если только придетъ въ чувство себя самаго, и узнаетъ о себѣ, что онъ имѣлъ, и что потерялъ, въ какомъ состояніи естество его было первоначально, и въ какомъ оно въ настоящее время? Смерти тогда не было, болѣзнь не появлялась; мое и твое, — эти лукавыя рѣченія въ началѣ не имѣли и мѣста въ жизни. Ибо какъ были солнце общее, и воздухъ общій, а прежде всего общая Божія благодать и общее Божіе благословеніе, такъ право участія во всякомъ благѣ всѣмъ наравнѣ подлежало, и незнакомъ былъ недугъ любостыжательности, небыло ненависти у имѣющихъ меньше къ владѣтелямъ бѣльшаго, даже вовсе небыло и этого бѣльшаго; а сверхъ сего тьмо-численныя качества, которыхъ никто не воз- можетъ представить словомъ, величіемъ своимъ во много кратъ превосходили сказанное, разумію: равночестіе съ Ангелами, дерзновеніе предъ Богомъ, созерцаніе премірныхъ благъ, возможность и намъ украситься неизреченною лѣпотою блаженнаго Естества, показывая въ себѣ божественный образъ, сіяющій красотою

души. На мѣсто же этого появились въ насъ лукавый рой страданій, злое гнѣздо огорченій. Что назоветъ кто первымъ изъ золь житейскихъ? Все одно съ другимъ равноцѣнно, все одно у другаго предвосхищаетъ первенство въ превосходствѣ золь, все дѣлается поводомъ къ такимъ же слезамъ. Что будетъ кто оплакивать паче бѣдственной этой жизни? За что болѣе сѣтовать на естество? За скромность ли, или многотрудность жизни? За то ли, что слезами она начинается, и слезами оканчивается? За жалкое ли младенчество? За скудоуміе ли въ старости? За непостоянство ли юности? За обремененіе ли трудами въ совершенномъ возрастѣ? За тяготу ли супружества? За одиночество ли въ жизни безбрачной? За безчадіе ли, не оставляющее по себѣ корня? За то ли, что богатство возбуждаетъ зависть, а нищета мучительна? Умалчиваю о множествѣ всякаго вида разностей въ болѣзняхъ, о потерѣ членовъ, объ увѣчьяхъ, о загноеніяхъ, объ утратѣ дѣятельности въ чувствилищахъ, о помѣшательствѣ ума отъ бѣсовъ, о всѣхъ страданіяхъ, сколько ихъ заключаетъ въ себѣ естество, и какимъ подвергнуть каждаго изъ людей есть въ естествѣ возможность. А это неистовство любовной страсти, эту зловонную тину, въ которой вращается бѣшенная сія страсть, прохожу мимо; не говорю о сопряженной съ пищею непріятности по причинѣ изверженія, чтобы

не подать вида, будто бы словомъ симъ во всемъ позорю жизнь, представляя естество наше какимъ то производителемъ гноя. Оставляя все это и подобное тому, скажу, что для чувствительныхъ наиболѣе достойно слезъ извѣстное всѣмъ, а именно, что по минованіи этой тѣниподобной жизни ожидаетъ насъ *нѣкое чаяніе суда, и огня ревность поисти хотящаго сопротивля* (Евр. 10, 27.). Посему, кто такъ и подобно сему разсуждаетъ; тотъ не будетъ ли всю жизнь проводить въ слезахъ? И такъ нынѣ пусть будетъ время подумать о семъ. Ибо слѣдствіемъ скорбей настоящей жизни, какъ и естественно, содѣляется то, что не будемъ погрѣшать въ оной. А когда успѣемъ въ этомъ, предоставится намъ въ упованіи обѣщанная благодать веселія, *Упованіе же, какъ говорить Апостоль, не посрамитъ* (Рим. 5, 5.).

Присовокупляемое Екклесіастомъ есть какъ бы повтореніе прежде сказаннаго. Ибо, сказавъ о благовременности слезъ и смѣха, прибавилъ: *время рыдати, и время ликовати*. А это не иное что есть, какъ усиленіе того и другаго изъ упомянутыхъ состояній. Чувствительный и отъ сердца происходящій плачь въ Писаніи называется рыданіемъ. А также и ликованіе означаетъ усиленіе веселія, какъ подобное сему дознаемъ изъ Евангелія, въ которомъ сказано: *пискахомъ вамъ, и не плясаете: рыда-*

хомъ ваяъ, и не плакасте (Лук. 7, 32.). Такъ исторія говоритъ, что у Израильтянъ было рыданіе во время преставленія Моисеева, и что Давидъ, идя съ ковчегомъ, когда переносилъ его отъ иноплеменныхъ, скакалъ, не въ обыкновенномъ явившись видѣ. Ибо сказано, что онъ изглашалъ стройныя пѣсни, ударяя въ мусикійское орудіе, въ ладъ производилъ движеніе ногою, и мѣрнымъ движеніемъ тѣла обнаруживалъ внутреннее расположеніе (2 Цар. 14—16.). Итакъ, поелику человѣкъ двойственъ, то есть, состоитъ изъ души и тѣла, а сообразно съ симъ двойственна также и жизнь въ каждомъ дѣйствіи въ насъ происходящемъ; то прекрасно будетъ рыдающимъ въ тѣлесной жизни, если у нихъ много поводовъ къ оплакиванію сей жизни, приуготовить душѣ стройное ликованіе. Ибо чѣмъ чаще омрачается жизнь печалію, тѣмъ паче для души сконляются поводы къ веселію. Мрачно смотритъ воздержаніе; потупляетъ взоръ смиреніе; потернѣтъ ущербъ—поводъ къ слезамъ; предлогъ къ плачу—не имѣть равенства съ обладающими. Но *смирятяся вознесетя* (Лук. 14, 11.), борющійся съ нищетою увѣнчается, покрытый струнами, и во всемъ показывающій жизнь свою достойною слезъ упокоится на лонѣ патріарха, гдѣ да будемъ и мы по милосердію спасающаго насъ Иисуса Христа! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА 7.

(3, 5.) *Время разметати камене, и время собирати камене.* Тѣмъ самымъ, что показалъ этотъ чиновначальникъ церковной силы, увеличилъ онъ силы слушающихъ, такъ что могутъ они и низлагать сопротивляющихся и готовить запасы къ низложению. Ибо то, чему научились мы прежде, когда дознали пользу во всемъ соображаться съ мѣрою, какой требуетъ время, и признакомъ прекраснаго полагать во всемъ благовременность, приводить насъ въ эту возможность. какъбы представлять себѣ у души нашей какую-то мышцу, которою бросаетъ она въ цѣль убійственные для врага камни, и въ какого непріятеля ни были бы они брошены, снова возвращаетъ ихъ себѣ, чтобы имиже всегда поражать сопротивника.

Обращающіе вниманіе только на букву и останавливающіеся на томъ смыслѣ сказаннаго, какой представляется съ перваго взгляда, къ настоящимъ реченіямъ примѣняютъ законъ Моисеевъ, потому что законъ повелѣваетъ бросать камни въ тѣхъ, которые окажутся въ чемъ либо преступниками закона. Такъ дознаемъ изъ самой исторіи о согрѣшившихъ противъ субботы, о похитившихъ священныя вещи и о другихъ прегрѣшеніяхъ, за которыя наказаніемъ законъ опредѣлилъ побіеніе кам-

нями. И если бы Екклесіастъ призналъ благо-
временнымъ собирать камни, хотя о семъ ни-
какой законъ не даетъ повелѣній, и на подоб-
ное сему никакое историческое событіе не
указываетъ, согласился бы и я съ объясняю-
щими изреченіе сіе закономъ, а именно, что
тогда подлинное время бросать камни, когда
кто нарушитъ субботу, или похититъ что либо
изъ принесеннаго въ даръ Богу. Теперь же
это прибавленіе, что камни снова должно со-
бирать, чего никакимъ закономъ не опредѣ-
ляется, приводитъ насъ къ другому разумѣнію.
Постараемся дознать, какой это родъ камней,
которымъ послѣ того, какъ брошены, снова
надлежитъ содѣлываться достояніемъ бросив-
шаго. Ибо Екклесіастъ учитъ насъ, что, когда
бросимъ камни во время, во время опять и
соберемъ ихъ.

Посему, мнѣ кажется, что и законъ, если
разумѣть его по первому представившемуся
понятію, берется не очень высоко. Ибо что
великаго и боголѣпнаго оказывается въ бук-
вальномъ разумѣніи написаннаго? Если пой-
манъ человѣкъ, собирающій дрова въ субботу,
должно ли за это побивать его камнями, когда
въ этомъ проступкѣ не видно никакой не-
правды? Ибо какую сдѣлалъ неправду, кто нѣ-
сколько сухихъ сучьевъ, здѣсь и тамъ разбро-
санныхъ по пустынѣ, собралъ, чтобы поддер-
жать ими огонь? Не обвиняется онъ за при-

своеиіе себѣ чужаго, почему казалось бы справедливымъ понести ему наказаніе за обиду; напротивъ того принадлежащее всѣмъ вообще для него дѣлается причиною, что мещутъ въ него камни. Но онъ осуждается какъ злодѣй за то, что сдѣлалъ это въ субботу. Кому не извѣстно, что каждое дѣло, худо ли оно, или не таково, оцѣнивается по собственному его свойству; время же, въ которое совершается дѣйствіе, разсматривается отдѣльно отъ свойства того, что сдѣлано? Ибо временное продолженіе что имѣетъ общаго съ совершаемымъ по нашему произволенію? Если кто спросить насъ: что такое день? безъ сомнѣнія отвѣтимъ: время, когда солнце надъ землею, и мѣрою его положимъ утро и вечеръ. Такое же понятіе дня приличествовать будетъ не одному только какому либо дню изъ обращающихся въ седмидневномъ кругѣ времени; напротивъ того сіе же понятіе принадлежитъ и первому, и второму дню, даже до седьмаго, и день субботній, поколику онъ день, не отличается отъ прочихъ. А если кто станетъ довѣдываться о значеніи грѣха, о томъ, чего не должно дѣлать ближнему, конечно отвѣтимъ, на примѣръ, такъ: *не прелюбы сотвори: не убій: не укради* (Исх. 20, 13—15.) и прочее. Родовый законъ сихъ заповѣдей, заключающій въ себѣ каждую изъ нихъ, состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ себя самаго. Это равно и во

всякій день, если исполняется, безъ сомнѣнія, прекрасно, а если нарушается, признается противоположнымъ прекрасному. И если что сего дня признано худымъ дѣломъ, будетъ ли это преступленіе—убійство, или другое что изъ запрещеннаго, никто на слѣдующій день того же самага не почтетъ хорошимъ. Поэтому, если худое всегда таково, въ какое бы время ни отважился кто на сіе: то и неподлежащее отвѣтственности не сдѣлается подлежащимъ отъ времени. Поэтому, если наканунѣ субботы собирать дрова и зажигать костеръ не есть неправда, и не подвергается это наказанію; то почему тоже самое въ слѣдующій день дѣлается преступленіемъ?

Но знаю субботу—день покоя, знаю законъ о недѣланіи, который, несвязавъ въ человѣкѣ естественной его дѣятельности, повелѣваетъ быть безъ дѣла, если только повелѣваетъ и невозможное, заповѣдуя ничего не дѣлать намъ, у которыхъ, кромѣ другихъ дѣлъ, и самый образъ жизни есть дѣло: таковы: зрѣніе очей, естественная дѣятельность слуха, обоняніе ноздрей, вдыханіе воздуха устами, слово слагаемое языкомъ, приготовленіе пищи зубами, вареніе ея во внутренностяхъ, движеніе съ помощію ногъ, совершеніе руками всего, что обыкновенно дѣлаютъ у насъ сіи члены. Поэтому, возможно ли пребыть непреложнымъ закону о недѣланіи, когда естество не допу-

скаеть бездѣйствія? Какъ убѣжду ничего не видѣть въ субботу тотъ глазъ, у котораго естественное свойство — непремѣнно на что нибудь смотрѣть? Какъ удержу дѣятельность слуха? Чѣмъ убѣдится у меня обоняніе, отлагать на субботу воспріимчивое ощущеніе испареній? Какъ внутренности, порабощаясь закону, не будутъ дѣйствовать имъ особенно принадлежащею дѣятельностію, оставлять въ тѣлѣ пищу непереваренной, чтобы только показать, что естество пребываетъ празднымъ въ субботу? Если же прочія части тѣла нашего не могутъ принять закона о бездѣйствіи; потому что бездѣйственное вовсе не будетъ причастно и жизни: то, безъ сомнѣнія, невозможно не нарушить субботы, хотя бы оставались рука или нога не подвижными, въ томъ же видѣ и на томъ же мѣстѣ. Посему, такъ какъ законъ положенъ не одному члену, но цѣлому человѣку, то навѣрно не сохранимъ мы закона, не дѣйствуя членомъ, если будемъ нарушать постановленное, согласно съ естествомъ дѣйствуя прочими чувствилищами. Но законъ отъ Бога; а все заповѣданное Богомъ не таково, чтобы противорѣчить естеству, или оказываться невходящимъ въ законъ о добродѣтели; несогласное же съ разумомъ бездѣйствіе не есть добродѣтель; посему надлежитъ разыскать, чего требуетъ заповѣдь о субботнемъ бездѣйствіи.

Итакъ утверждаю, что всего законоположенія, какъ даннаго Богомъ, цѣль одна, принявшихъ законъ соблюсти чистыми отъ дѣланія порока, и весь законъ, возбраняя запрещенное, повелѣваетъ субботствовать отъ дѣлъ лукавыхъ. И скрижали, и левитское соблюденіе, и строгость, предписанная во Второзаконіи, требуютъ отъ насъ быть праздными и бездѣйственными въ томъ, дѣланіе чего есть порокъ. Посему, если кто принимаетъ законъ въ томъ смыслѣ, что человѣку должно быть празднымъ отъ порока, то согласенъ и я, что мудрый Екклесіастъ опредѣляетъ время, — бросать камни въ собирающаго себѣ дрова, чѣмъ возбраняется собираніе сухихъ сучьевъ порока, собираемыхъ въ пищу огню. Если же останется голый буквальный смыслъ; то не вижу, почему законъ признавать боголѣннымъ.

Посему должно уразумѣть, какіе это камни, бросаемые въ такого человѣка, чтобы раченіе его о собираніи сучьевъ не достигло своего конца. Если же это дрова, которыми возженъ будетъ огонь собирающему (а конечно не не-явно сіе для того, кто какъ либо вводитъ таинственный смыслъ; ибо Апостоль *дровами, тростіемъ и сѣномъ* прекрасно называетъ дурное зданіе (1 Кор. 3, 12.), потому что таковыя зданія во время суда дѣлаются огнемъ, и плевы, говоритъ евангельское слово, *уготовляются огню (Матѣ. 3, 12.) и о неплодной вѣтви данъ

приговоръ , что она пригодна только для огня (Иоанн. 15, 6.): то явно будетъ, что дрова, собираемыя на уготоуленіе огня суть суетныя предназначиванія жизни; а во время побиваемый камнями, какъ пойметъ иный, не погрѣшая противъ надлежащаго смысла, есть клонящійся къ худому помыслъ. Безъ сомнѣнія же надлежитъ разумѣть, что убійственныя для порока помыслы суть тѣ мѣтко бросаемыя изъ пращи Екклесіастовой камни, которые всегда надобно и бросать и собирать. Бросать къ низложенію того, что высится противъ нашей жизни; а собирать, чтобы лоно души всегда было полно таковыхъ заготовленій, и имѣть намъ подъ руками, что бросить во врага, если когда противъ насъ иначе измыслить кознь.

Посему откуда же соберемъ камни, чтобы замечать ими врага? Слышалъ я пророчество, которое говорить: *каменіе свято валяется на земли* (Зах. 9, 16.). А это—слова, сходящія къ намъ отъ богодуховеннаго Писанія; ихъ надлежитъ собирать въ лоно души, чтобы во время воспользоваться ими противъ огорчающихъ насъ; метаніе ихъ такъ прекрасно, что и врага они убиваютъ, и не отдаляются отъ руки мещущаго. Ибо кто камнемъ цѣломудрія мещетъ въ невоздержный помыслъ, въ удовольствіяхъ собирающій дрова въ нищу огню, тотъ и помыслъ побораетъ симъ метаніемъ, и

оружіе всегда носить въ рукѣ. Такъ и правда дѣлается камнемъ для неправды, и ее убиваетъ, и хранится въ лонѣ поразившаго. Такимъ же образомъ все разумѣемое лучшимъ бываетъ убійственно для понимаемаго, какъ худшее, и не отдается отъ преуспѣвающаго въ добродѣтели.

Такъ по нашему разсужденію, надлежитъ во время бросать камни и во время собирать камни, чтобы совершались всегда добрыя мѣтанія къ истребленію худшаго, и никогда не оскудѣвало у насъ обиліе таковыхъ оружій. Далѣе же за симъ въ связи рѣчи предлагаемая мысль опредѣляетъ время и неблаговременность какого-то обманія, и буквально читается такъ:

Время обманати, и время удалятися отъ обманія. Но сія понятія не иначе сдѣлаются для насъ ясными, какъ по предварительномъ уразумѣніи сего чтенія изъ Писанія же, когда явно намъ будетъ, о чемъ богодухновенное слово обыкновенно употребляетъ это раченіе. А сіе великій Давидъ даетъ видѣть въ псалмахъ, гдѣ взываетъ, говоря: *обидите Сионъ, и обымите его* (Пса. 47, 13.). Да и самъ этотъ Соломонъ, когда съ любовію расположеннаго къ премудрости вводитъ въ искренній съ нею союзъ, какъ говорить и нѣчто иное, чѣмъ производится въ насъ сближеніе съ добродѣтелію, такъ присовокупляетъ и слѣдующее:

почти ю, да тя обгьметъ (Притч. 4, 8.). Посему, если Давидъ повелѣваетъ намъ объять Сіонъ, а Соломонъ сказалъ, что почтившіе премудрость объемлются ею: то не погрѣшимъ противъ надлежащаго разумѣнія, дознавъ то самое, обгьманіе чего благовременно. Сіонъ есть гора возвышающаяся надъ іерусалимскою крѣпостію. Поэтому совѣтующій тебѣ обнять его, повелѣваетъ быть приверженнымъ къ высокой жизни, чтобы достигнуть самой твердыни добродѣтелей, которую Давидъ загадочно означилъ именемъ Сіона. А уготовляющійся сожительствовать съ премудростію возвѣщаетъ тебѣ о томъ объятіи, какое у нихъ послѣдуетъ. Итакъ время обгьматъ Сіонъ, и время быть объатымъ премудростію, такъ какъ именемъ Сіона указывается высота жизни; а премудрость означаетъ собою всякую въ частности добродѣтель. Посему, если изъ сказаннаго узнали мы благовременность объятія, то изъ сего же самага научились, съ кѣмъ разлученіе полезнѣе союза. Ибо сказано:

Время удалятися отъ обгьманія. Кто освоился съ добродѣтелию, тотъ чуждается сношенія съ порокомъ. Ибо *кое общеніе свѣту ко тьмѣ, или Христови съ велмаромъ?* или какъ возможно тому, кто служитъ двоимъ противоположнымъ между собою господамъ, содѣлаться угоднымъ для обоихъ? Ибо любовь одного производитъ ненависть въ другомъ. Посему, когда чувство

любви имѣеть хорошее послѣдствіе, а это есть благовременность, тогда дѣйствительно послѣдуетъ отчужденіе отъ противоположнаго. Если истинно возлюбилъ ты цѣломудріе, то возненавидишь противоположное. Если съ любовію зриаешь на чистоту; то явно, что возгнущался ты зловоніемъ грязи. Если привязанъ къ доброму, то непремѣнно сталъ далеку отъ привязанности къ худому.

А если кто значеніе обманія перенесетъ на любовь къ богатству, то Екклесіастово слово показываесть, какое богатство обимать— доброе дѣло, и объятія какихъ стяжаній надлежитъ удаляться. Знаю вождельнное сокровище, *сокровенное на селѣ* (Мате. 13, 44.), не всѣмъ видимое. Знаю еще богатство презрѣнное, не уповаемое только, но видимое уже очами. Сему научаесть апостольское слово, говоря: *не смотрящихъ на нѣ видимыхъ, но невидимыхъ: видимаа бо, временна: невидимаа же, вѣчна* (2 Кор. 4, 18.). Если поняли мы это, съ помощію сего поймемъ и продолженіе слова.

Екклесіастъ говоритъ: (6) *время искати, и время погубляти*. Ибо кто уразумѣлъ изъ изслѣдованнаго, отъ обманія чего надлежитъ удаляться, и съ чѣмъ входитъ въ связи, тотъ будетъ знать, чего надлежитъ искать, и потеря чего прибыточна. Ибо сказано: *время искати, и время погубляти*. Посему, чего на-

добно мѣ искать, чтобы получить приличное времени? Но чего должно искать, показываетъ пророчество, говоря: *взыщите Господа, и утверждайтесь* (Иса. 104, 4.); и еще: *взыщите Господа, и внигда обрѣсти Того, призовите* (Иса. 55, 6.); и: *да возвеселится сердце ищущихъ Господа* (Иса. 104, 3.). Посему позналъ я изъ сказаннаго то, что надлежитъ искать, и чего нахождение само есть всегдашнее исканіе. Ибо не иное что значить искать сіе, и не иное—находить; но выгода обрѣтенія есть самое исканіе. Угодно ли дознать тебѣ и благовременность? Когда время искать Господа? Отвѣчу кратко: цѣлую жизнь. Ибо объ этомъ одномъ благовременно имѣть раченіе при всякомъ другомъ раченіи. Не въ установленные какіе либо дни и не въ опредѣленное на сіе время разыскать Господа благо есть; напротивъ того никогда не прекращать сего вовсе ищущему—вотъ истинная благовременность. *Очи мои, говоритъ Пророкъ, вышу ко Господу* (Иса. 24, 15.). Видишь, съ какимъ прилежаніемъ око изслѣдываетъ искомое, не давая себѣ никакого отдохновенія, никакой перемежки въ наблюденіи искомаго. Ибо присовокупленіемъ слова: *вышу* показанъ всегдашнее продолженіе и непрерывность раченія.

Также уразумѣемъ и *время поубляти*, признавая для себя выгодною губить то, присутствіе чего дѣлается вредомъ имѣющему. Худое

стяжаніе—сребролюбіе, поэтому погубимъ его; худой запасъ — злопамятство, поэтому отбросимъ его; пагубное приобрѣтеніе—невоздержное похотѣніе, имъ-то болѣе, нежели чѣмъ другимъ, обнищаемъ, чтобы такую нищетою приобрести себѣ царство: ибо *блаженни нищии духомъ* (Матѣ. 5, 3.), то есть, обѣднявшіе такимъ богатствомъ. И всѣ другія діавольскія драгоценности блаженнѣе человѣку даже и въ началѣ не приобретать, чтобы содѣлаться вовсе нестяжателями оскверняющаго; а не менѣе прекрасно и тому, кто прежде имѣлъ у себя это лукавое стяжаніе, губить и въ ничто обращать таковыя имущества. Но вовсе не имѣть когда либо участія въ подобномъ выше того, что совмѣстно съ естествомъ человѣческимъ; а уничтожить получивъ—на сіе достанетъ крѣпости и человѣческихъ силъ. Посему не имѣть никакихъ стяжаній противника принадлежить единому Господу, пріявшему на Себя однѣ съ нами немощи, кромѣ грѣха: ибо говоритъ Онъ: *врядетъ сею мѣра князь, и во Мнѣ* не находитъ ничего изъ принадлежащаго ему (Іоан. 14, 30.). А какъ очищать себя тщательнымъ покаяніемъ, примѣры сему можно видѣть и на людяхъ, отличившихся добродѣтелию. Погубилъ Павелъ худое стяжаніе невѣрія, при помощи Сообщившаго ему благодать пророчества, и сталъ онъ исполненнымъ сокровища, котораго искалъ. Погубилъ Исаія при очище-

ніи Божественнымъ углемъ всякое нечистое, и слово, и помышленіе: и чрезъ это исполнился Духа Святаго. Губить всякій въ приобращеніи лучшаго все признаваемое противнымъ тому. Такъ цѣломудренный губить непотребство, правдивый неправду; скромный — гордыню, доброжелательный — ненависть, исполненный любви — вражду. Какъ въ евангеліи слѣпой нашель, чего не имѣлъ, погубивъ, что имѣлъ; ибо по отъятіи слѣпоты вошелъ вмѣсто ея лучъ свѣта, — и на прокаженнаго, по уничтоженіи болѣзни, нисходитъ благодать здравія, и возставляемыхъ отъ смерти въ присутствіи жизни оставляетъ мертвость: такъ и въ предстоящемъ намъ любомудріи невозможно приобрѣсти что либо высокое не погубившимъ раченія о земномъ и низкомъ. Ибо нахожденіемъ послѣдняго губится для насъ болѣе предпочтительное; и обратно потеря сего содѣлается причиною обрѣтенія драгоцѣннаго. Сему научаемся мы Господнимъ Словомъ: *обрѣтыи душу свою погубитъ ю* (Матѹ. 10, 39.). Ибо то самое, что душа бываетъ обрѣтена въ вождѣваемомъ по веществу, дѣлается причиною не обрѣтенія ея въ благахъ истинныхъ. И наоборотъ лишеніе и гибель перваго дѣлается приобрѣтеніемъ уповаемаго. *Кая бо польза челоуку, аще мїръ весь приобряцетъ, душу же свою отщетитъ* (Матѹ. 16, 26.)? *Время, сказано, искати, и время погубляти.* Посему, если

узнали мы, какая выгода въ томъ искомомъ, которое обрѣтается потерею приобрѣтеннаго худо: то перваго взыщемъ, а послѣднее погубимъ. Взыщемъ прекраснаго, а погубимъ худое. Но прекрасно и близко къ разсмотрѣнному и то, что читается въ связи съ написаннымъ.

Екклесіастъ говоритъ: *время хранить, и время отрпяти*. Что же *хранити*? Очевидно найденное нами въ слѣдствіе исканія. Что *отрпяти*? Безъ сомнѣнія то, потеря чего признана полезною. Родилась у тебя правая мысль, пришло тебѣ желаніе видѣть Бога; *возжада душа твоя къ Богу крепкому живому* (Псал. 41, 3.); родилось въ тебѣ сильное желаніе быть во дворахъ Господнихъ; а дворы Господни, по моему разсужденію, суть добродѣтели, съ которыми водворяется Слово, и всякій послѣдующій Слову; храни это, чтобы не расточилось у тебя богатство чистыхъ стяжаній ума. Вкрадывается какой противный помысль, подобно скрытному какому татю истребляющему чистыя помышленія; изринуть и изгнанъ быть долженъ онъ изъ ума. Ибо по удаленіи его въ безопасности сохранится у насъ сокровище благъ. Если же вредоносный не изринуть, то никакой не будетъ выгоды отъ приобрѣтенія; потому что богатство утечетъ по злоумышленію подкапывающихъ стѣны.

Итакъ, поелику извѣдали мы время *исканія*,

а всякій ищущій находить: то, чтобы найденное оставалось при насъ, приставимъ къ сокровищу какою либо бдительную стражу. Сказано: *всякъмъ храненіемъ блюди твое сердце* (Притч. 4, 23.), послѣ того, какъ нашелъ, храня найденную благодать. Напримѣръ, приступивъ съ вѣрою, обрѣлъ ты чистоту въ купѣли. Но больше труда—сохранить, что пріѣлъ, нежели найти, чего не имѣлъ. Потому, какъ, по сказанному нами, благовременность исканія не опредѣляется какимъ либо временемъ, но вся жизнь есть единое время для добраго сего исканія: такъ утверждаемъ, что и время хранения измѣряется всею жизнью, предлагая и теперь тоже пророческое слово, которое говоритъ: *очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнетъ отъ сѣти нозь мои* (Пса. 24, 15.). Въ томъ и безопасность къ храненію добраго нашего стяжанія, чтобы хранителемъ нашихъ стяжаній содѣлался Богъ. Ибо когда *очи мои будутъ выну ко Господу*, тогда недѣйственнымъ останутся сѣти сопротивника, которыми онъ строитъ козни тому, что въ душѣ драгоцѣннаго. Сказано: *не даждь во смятеніе ноги твоя, и не воздремлетъ храняй тя* (Пса. 120, 3.). И такъ настоящее изреченіе состоитъ въ связи съ предыдущимъ словомъ; то повелѣвало искать, чтобы найти; а это совѣтуетъ хранить, чтобы не потерять. Способъ же хранить благо состоитъ въ томъ, чтобы отметить все

признаваемое сопротивнымъ, какъ и въ осажденномъ городѣ охраненіе дѣлается болѣе надежнымъ, когда изгнаны предатели; а пока они въ городѣ, скрытые враги сіи злоумышляютъ болѣе явныхъ. Ибо сказано: *время хранить, и время отрывать.*

Дальнѣйшее послѣдованіе рѣчи возводитъ душу къ высшему нѣкомуею любомудрію объ умопредставляемомъ. Ибо показываетъ, что вселенная сама въ себѣ крѣпко связана, и въ стройности умопредставляемаго нѣтъ никакого разрыва, а напротивъ того у существъ имѣется какое-то между собою единолучіе. И ничто не отдѣляется отъ взаимной связи всего; напротивъ того все пребываетъ въ бытіи, содержимое силою Сущаго. А дѣйствительно сущее есть или сама благодать, или другое имя, если кто кромѣ сего примыслить какое либо въ означеніе нетлѣннаго Естества. Да и какъ кто либо найдетъ Ему *имя, еже*. по выраженію божественнаго Апостола, *паче всякаго имени* (Фил. 2, 9.)? Впрочемъ, какое ни найдено было бы имя въ означеніе неизглаголаннаго могущества и естества; означаемое непремѣнно есть благо. — И такъ сіе-то благо, или что-то превысшее блага, и само дѣйствительно существуетъ, и отъ себя даю и даетъ существамъ силу и придти въ бытіе, и пребывать въ бытіи. А все, представляемое внѣ Его, есть несущественность. Ибо что внѣ сущаго, то

не въ бытіи. Посему такъ какъ зло представляется чѣмъ-то противоположнымъ любви; а Богъ есть всесовершенная добродѣтель; то внѣ Бога зло, котораго свойство состоитъ не въ томъ, что оно въ бытіи, но въ томъ, что оно не въ добрѣ. По нашему положенію слово: зло есть наименованіе того, что внѣ понятія о добрѣ. Зло представляется столько же противоположнымъ добру, сколько несуществующее противоположно существующему. Итакъ, поелику мы по свободному устремленію отпали отъ добра, то, какъ о тѣхъ, которые не во свѣтѣ, говорится, что видятъ тму (ибо ничего невидѣть значитъ видѣть тму), такъ и въ насъ, отпадшихъ отъ добра, осуществилось тогда неосуществленное естество зла, и дотошъ пребудеть, пока мы внѣ добра. Если же свободное движеніе нашей воли прерветъ сношеніе съ несущественнымъ и сблизится съ Сущимъ, то и сіе, что теперь во мнѣ, не имѣя болѣе бытія, вовсе не будетъ имѣть и того, чтобы оставаться во мнѣ; потому что зло, внѣ произволенія взятое, само по себѣ не существуетъ. А я, обратившись и прильпившись къ истинно Сущему, и пребываю въ Сущемъ, который и всегда былъ, и на всегда пребудеть, и нынѣ есть.

Сіи мысли, кажется мнѣ, внушаются сказаннымъ: (7) *время раздрати, и время шити.* а именно, чтобы мы, отторгшись отъ того,

съ чѣмъ на зло себѣ сроднились, прилѣпились къ тому, единеніе съ чѣмъ для насъ благо. Ибо сказано: *мнѣ прилѣплятися Божови, благо есть, полагати на Господа упованіе мое* (Пс. 72, 28.). Иный можетъ сказать, что совѣтъ сей полезенъ и для многаго инаго; на примѣръ: *излите злою отъ васъ самъхъ* (1 Кор. 5, 13.). Сіе повелѣваетъ божественный Апостоль объ осужденномъ за незаконное смѣшеніе, приказывая отторгнуть его отъ общей полноты Церкви, чтобы и *малъ квасъ*, какъ говоритъ онъ, порока въ осужденномъ не содѣлалъ бесполезнымъ *все смѣшеніе* церковной молитвы (6).

Отторгнутаго же за грѣхъ снова сшиваетъ Апостоль покаяніемъ, говоря: *да не мною скорбію пожренъ будетъ* (2 Кор. 2, 7.). Такъ благовременно умѣлъ онъ и отдрать загрязненную часть церковной ризы, и снова пришить благовременно, когда стала омыта отъ скверны покаяніемъ. Можно видѣть и многое сему подобное, что, какъ, по сказаніямъ, у древнихъ, такъ и въ наше время, совершалось и совершается въ церквахъ домостроительственно. Ибо знаете, съ кѣмъ у насъ прервано единеніе, и съ кѣмъ мы всегда какъ бы сшиты. Отторгшись отъ ереси, во всякое время привязаны мы къ благочестію, и тогда видя хитонъ церкви нераздраннымъ, когда отторгся кто отъ общенія въ ересь. Но согласно ли съ

взглядомъ прежде нами изслѣдованнымъ любомудрствуетъ Писаніе о существахъ, или въ этомъ совѣтѣ научаетъ оно чему либо подобному; во всякомъ случаѣ изреченіе сіе содержитъ въ себѣ полезное и ко многому прилагаемое правило, во время отрывая отъ того, съ чѣмъ быть въ связи худо, и во время привязуя опять къ тому, съ чѣмъ единеніе полезно.

Но мы перейдемъ къ послѣдующему въ словѣ, чѣмъ по высшему любомудрію разсмотрѣнное слово болѣе, кажется мнѣ, имѣетъ близости съ послѣднимъ изреченіемъ. Ибо напередъ указало *время молчать*, а по молчаніи дало *время глаголати*. Посему, когда и о чемъ лучше молчать? Иный скажетъ, что объ относящемся къ нраву часто молчаніе приличнѣе слова, какъ на примѣръ Павелъ различаетъ благовременность молчанія и слова, иногда узаконяя молчать, а иногда совѣтуя говорить. *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ*— вотъ законъ молчанія; *но точію еже есть благо къ созданію въры, да дастъ благодать слышащимъ* (Ефес. 4, 29.)—вотъ время говорить. *Жены въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор. 14, 34.). Апостоль опять опредѣлилъ время молчанію. *Аще же чегому, чего не знаютъ, научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ*; опять указалъ благовременность слова. *Не лжете другъ на друга* (Колос. 3. 9.); вотъ

благовременность молчанія. *Глаголите кійждо искренне гду своему истину* (Ефес. 4, 25.), — снова дозволеніе говорить. Много подобнаго сему можно сказать и изъ ветхаго писанія. *Внегда востати грѣшному предо мною, оньльмъхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ* (Пса. 38, 2. 3.): *яко глухъ не слышалъ, и яко нѣмъ не отверзаяй устъ своихъ* (Пса. 37, 14.). Безгласнымъ дѣлается, кто пребываетъ неподвижнымъ къ воздаянію за зло; а для чего надлежитъ употребить слово, отверзаетъ *уста въ притчахъ*, провѣщааетъ *зананія* (Псал. 77, 2.), исполняетъ *уста хваленія* (Пса. 70, 8.), дѣлаетъ языкъ *тростію* (Псѣ. 44, 2.).

Но когда въ Писаніи тысячи примѣровъ, какая нужда утончаться въ словѣ о томъ, что всѣми признано? А что пришло мнѣ на мысль прежде сего, именно же, что благовременность *молчати* и *глаголати* согласуется съ предложеннымъ умозрѣніемъ о *раздраніи* и *сшитіи*, намѣреваюсь это же, повторивъ снова, сказать въ немногихъ словахъ. Ибо тамъ слово, отгоргнувъ душу привязанную на зло себѣ къ противнику, привело въ единеніе съ истинно сущимъ, прилѣпивъ ее къ тому, что выше слова. какъ предварительно о семъ была рѣчь: а здѣсь, поэтому же, кажется мнѣ, напередъ повелѣно молчать, именно же, потому что, чего отторгшаяся отъ зла душа, непрестанно ищетъ, и съ чѣмъ, обрѣтши это, желаетъ быть

сошвенною, то, превосходя всякое понятие и наименование, выше всякаго къ истолкованію служащаго слова. И упорно старающійся вмѣстить это въ значеніе слова, самъ того не примѣчая, погрѣшаетъ противъ Божества. Ибо о чемъ вѣруемъ, что все превышаетъ, то, конечно, выше и слова. А кто предприемлетъ неопредѣлимое объять словомъ, тотъ не соглашается ли уже, что превышаетъ всего вводимое имъ вмѣсто всепревышающаго, потому что собственное слово свое почитаетъ чѣмъ-то сему подобнымъ и столько же великимъ, поколику и въ какой мѣрѣ вмѣстило сіе слово, не зная, что боголѣпное понятіе объ истинно-сущемъ сохраняется только при увѣренности, что Божество превышаетъ вѣдѣнія? Посему все сущее въ твари взираетъ на то, что сродно съ нимъ по естеству: и нѣтъ существа между тварями, которое бы пребывало въ бытіи, изшедши изъ себя самаго. Нѣтъ ни огня въ водѣ, ни въ огнѣ воды, ни суши въ глубинѣ, ни влажности въ сушѣ, ни въ воздухѣ землянаго, ни въ землѣ также воздушнаго: напротивъ того, каждое существо, оставаясь въ собственныхъ своихъ естественныхъ предѣлахъ, дотолѣ и существуетъ, пока пребываетъ внутри собственныхъ своихъ предѣловъ. Если же что станетъ внѣ самого себя, то оно будетъ и внѣ бытія. И какъ сила чувствилищъ, оставаясь при естественныхъ дѣятельностяхъ, не

можетъ перейти въ дѣятельность чего либо ближайшаго; глазъ не дѣйствуетъ, какъ слухъ, слухъ не имѣетъ вкуса, осязаніе не бесѣдуетъ, языкъ не производитъ того, что дѣлаютъ зрѣніе и слухъ: но каждое чувство имѣетъ предѣломъ собственной своей силы свою естественную дѣятельность: такъ и всякая тварь не можетъ обширностію своего воззрѣнія выдти изъ самой себя, но всегда въ себѣ пребываетъ, и на что ни смотреть, видитъ себя. хотя и думаетъ, будто бы видитъ нѣчто высшее себя, однакоже не имѣетъ по естеству и способности смотрѣть внѣ себя. Такъ напримѣръ при обозрѣніи существъ усиливается отрѣшиться отъ представленія пространства, но не отрѣшается. Ибо со всякимъ вновь обрѣтаемымъ представленіемъ непремѣнно вмѣстѣ усматриваетъ и пространство, объемлемое существованностію представляемаго уомъ. Пространство же есть не иное что, какъ тварь. А то благо, котораго искать, и которое сохранить научились мы, будучи выше твари, выше и постиженія. Ибо наша мысль, совершая путь по пространственному протяженію, какъ постигнуть непространственное естество, всегда чрезъ разложеніе времени извѣдывая, что изъ находимаго его старше? Хотя своею любознательностію протекаетъ она все познаваемое, однакоже не находитъ никакого способа перейти представленіе вѣчности, чтобы поставить

себя внѣ, стать выше, и существа прежде всего созерцаемаго, и самой вѣчности. Но, какъ бы нашедши себя на нѣкоей вершинѣ горы, предположи, что это какая-то скала, гладкая и круглая, внизу по наружности красная, простирающаяся въ безпредѣльную даль, а въ верху подъемлющаяся въ высоту утесомъ, который нависшимъ челомъ падаетъ въ какую-то обширную пропасть. Посему, что естественно терпѣть касающемуся краемъ ноги этого клонящагося въ пропасть утеса, и не находящему ни опоры ногѣ, ни поддержки рукѣ, — это же, по моему мнѣнію, терпитъ и душа, прошедшая то, что проходимо въ протяженномъ, когда взыскуеть естества предвѣчнаго и непротяженнаго; не находя, за что взяться, ни мѣста, ни времени, ни мѣры, ни чего либо другаго сему подобнаго, къ чему доступъ возможенъ для нашего разумѣнія, но повсюду скользя при соприкосновеніи съ неудержимымъ, приходитъ она въ круженіе и смущеніе, и снова обращается къ сродному, возлюбивъ такую только мѣру познанія о Превышемъ, при какой можно убѣдиться, что Оно есть нѣчто иное съ естествомъ вещей познаваемыхъ. Посему, когда слово приходитъ къ тому, что выше слова, тогда настаетъ время молчать, и неизъяснимое чудо оной неизглаголанной силы содержать въ тайнѣ сознанія, зная, что и великіе мужи глаголами о дѣлахъ Божіихъ, а не о

Богъ, говоря: *кто возлагаетъ силы Господни* (Пса. 105, 2.)? и : *повѣяъ вся дѣла твоя* (Пс. 9, 1.); и еще: *родъ и родъ восхваляютъ дѣла Твоя* (Пса. 144, 4.). Дѣла глаголють, и о дѣлахъ возвѣщаютъ, и убѣждаютъ гласно исповѣдать о томъ, что сдѣлано. Но когда слово о самомъ превосходящемъ всякое слово, тогда тѣмъ самымъ, что говорятъ, прямо узаконяють молчаніе. Ибо глаголють, что великолѣпію, славъ, святынь Его *нѣсть конца* (3). Подлинно чудо! Почему слово убоялось приблизиться къ славъ Божественнаго чуда, такъ что удивленіе не коснулось чудесности чего либо изъ усматриваемаго отвнѣ? Ибо не сказало, что сущности Божіей нѣсть конца, почитая весьма дерзновеннымъ составить о семъ понятіе, но только выражаетъ словомъ удивленіе усматриваемому въ словѣ великолѣпію. Пророкъ не могъ также видѣть и сущности самой славы, но изумляль, представивъ мысленно славу Его святыни. Посему сколько далеку былъ отъ того, чтобы любопытствовать объ естествѣ, что оно такое, кто не имѣлъ силъ даже подивиться послѣдному изъ проявляемаго? потому что не святынь Его и не славъ святыни дивидся, но предположивъ удивляться только великолѣпію славы святыни, чудомъ оной приведенъ въ изнеможеніе. Ибо не объялъ мыслію конца въ возбуждающемъ удивленіе. Почему говорить, что *славъ, великолѣпію, святынь Его*

нльсть конца. Итакъ, если рѣчь о Богѣ, то, когда вопросъ о сущности, время молчать: а когда о какомъ либо благомъ дѣйстви, вѣдѣніе о которомъ нисходитъ и до насъ, тогда время возглаголатъ силы, возвѣститъ чудеса, повѣдать дѣла, и до сихъ предѣловъ пользоваться словомъ; а въ разсужденіи того, что внѣ оныхъ, не позволять твари выступать изъ своихъ предѣловъ. довольствоваться же, если познаетъ сама себя. Ибо, по моему разсужденію, если тварь не познала сама себя, не постигла, какова сущность души и естество тѣла, откуда существо, откуда рожденія одного отъ другаго, какъ несуществующее осуществляетъ, какъ существующее разрѣшается въ несуществующее; какая стройность въ мірѣ семъ изъ противоположностей, — если тварь не познала сама себя; то какъ объяснить то, что выше ея? Посему время молчать объ этомъ: потому что молчаніе о семъ лучше. Время же говорить о томъ, чѣмъ жизнь наша возрастаетъ въ добродѣтели, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЕДА 8.

(3. 8.) *Время любить, и время ненавидѣти.* Кто будетъ имѣть столько чистый слухъ, чтобы чисто принять слово о любви, не привнеся

въ себя съ нимъ ничего изъ нечистой любви? И нашимъ, можетъ быть, ушамъ потребны персты Иисусовы, чтобы Божественнымъ прикосновеніемъ истиннаго Слова способность слуха у души нашей освобождена была отъ всякой скверны, заграждающей слухъ, и уразумѣли мы достойную похвалы любовь, вняли душою, когда *время любить*, и когда *время ненавидѣти*. Не думаю же, чтобы это было иное какое либо время, кромѣ полезнаго. Ибо, по моему разсужденію, польза того и другаго изъ сихъ расположеній показываетъ благовременность обнаруженія каждаго; такъ что, если открывающееся на дѣлѣ не служить къ пользѣ, то оно и неблагоприятно. Прежде же всего, думаю, надлежитъ выразумѣть значеніе этихъ двухъ словъ, разумѣю, слова: *любити* и *ненавидѣти*, чтобы такимъ образомъ уразумѣть намъ въ словѣ и благовременное ихъ употребленіе.

Любовь есть внутренняя связь съ тѣмъ, что пріятно, производимая удовольствіемъ и пристрастіемъ. Ненависть есть отчужденіе отъ непріятнаго и отвращеніе отъ оскорбляющаго. То или другое изъ сихъ расположеній можно употреблять и съ пользою, и вопреки тому; и всякая добродѣтельная жизнь какъ бы отсюда ведетъ свое начало. Ибо къ чему приклонились съ любовію, съ тѣмъ освоюемся душами: а къ чему расположены съ ненавистію, того чуждаемся. Съ хорошимъ, или съ худымъ бу-

детъ связь души, любимое душею нѣкоторымъ образомъ срастворяется съ нею. Но что ни было бы это, какъ скоро войдетъ въ среду ненависть произведетъ разрывъ и съ хорошимъ и съ дурнымъ. Посему должно намъ смотрѣть, что любезно, и что ненавистно, естеству, чтобы таковымъ расположеніемъ души пользуясь, благовременно содѣлаться по ненависти чуждыми худаго, и войти въ единеніе съ естествомъ добра. И о, еслибы естество человѣческое прежде всего обучалось этому, разумѣю различеніе хорошаго и того, что нетаково! Къ нашей жизни не имѣли бы и доступа страсти, еслибы съ самаго начала распознавали мы хорошее. А теперь, цѣнителемъ хорошаго на первый разъ дѣлая неразумное чувство, возрастаемъ съ образовавшимся въ началѣ сужденіемъ о вещахъ, и потому съ трудомъ можемъ быть отвлечены отъ того, что признало въ насъ хорошимъ чувство, и съ чѣмъ своимъ возрастаніемъ утвердили мы себя въ добромъ сношеніи.

Хорошимъ представляется для людей, что глазамъ въ неодушевленномъ веществѣ, или въ одушевленныхъ зрѣлищахъ, доставляетъ нѣкоторое удовольствіе доброцвѣтностію. Для слуха прекрасно стройное пѣніе! а въ сокахъ и запахахъ опредѣляется хорошее, одно по одобренію вкуса, а другое—обонянія. Но что всего грубѣе и неразумнѣе, такъ это чувство

осязанія, которымъ въ приговорѣ о томъ, что хорошо, беретъ въ естествѣ верхъ невоздержное сластолюбіе. Итакъ, поелику чувства рождаются у насъ немедленно, вмѣстѣ съ нашимъ рожденіемъ, и ими пользуемся съ первыхъ дней жизни; а у чувственности великая близость съ неразумною жизнію; потому что подобное сему усматривается и у бессловесныхъ; между тѣмъ какъ умъ, неразвертывающійся во младенчествѣ, встрѣчаетъ какъ бы препятствіе въ своей дѣятельности, и нѣкимъ образомъ утѣсняется преобладаніемъ неразумнаго чувства; то посему самому ошибочное и погрѣшительное употребленіе исполненнаго любви расположенія дѣлается началомъ и основаніемъ порочной жизни. И какъ у насъ двойное нѣкое естество, срастворенное изъ духовнаго и чувственнаго; то въ слѣдствіе сего двойная у насъ и жизнь, совершающаяся сообразно тому и другому естеству, и именно по части чувственной тѣлесно; а по другой части безплотно. Но тѣмъ, что прекрасно, и тѣмъ, что не таково, не одно и тоже равно служить для того и другаго вида нашей жизни, напротивъ того для жизни духовной — духовное, а для чувственной и тѣлесной части то, что угодно признавать таковымъ чувству. Итакъ, поелику чувство рождается вмѣстѣ съ началомъ нашего бытія, а умъ, который можетъ открываться въ человѣкѣ только по-

степенно, ожидаетъ, когда придетъ онъ въ соразмѣрный возрастъ: то по немногу раскрывающійся умъ находится по сей причинѣ подъ владычествомъ чувства, и что всѣми силами непрестанно беретъ верхъ, тому привыкаетъ повиноваться, то и признавая или хорошимъ или дурнымъ, что, или избираетъ, или отвергаетъ чувство. Посему затруднительнымъ и безуспѣшнымъ для насъ дѣлается уразумѣніе истинно добраго; потому что бываемъ предубѣждены рѣшеніемъ чувствъ, ограничивая хорошее только тѣмъ, что веселитъ и услаждаетъ. Ибо какъ невозможно видѣть небесныя красоты, когда воздухъ надъ главою наполненъ туманомъ: такъ и душевное око не можетъ усматривать добродѣтели, когда при зрѣніи, какъ бы туманомъ какимъ, объято сластолюбіемъ. Посему, такъ какъ чувство имѣетъ въ виду удовольствіе, а удовольствіе препятствуетъ уму усматривать добродѣтель; то дѣлается оно началомъ порока, потому что и умъ, преобладаемый чувствомъ, подтверждаетъ неразумное сужденіе о хорошемъ; и если глазъ скажетъ, что красота состоитъ въ доброцвѣтности видимаго, соглашается съ тѣмъ и разумѣніе. А также и въ прочемъ то и признается хорошимъ, что веселитъ чувство.

Но если бы возможно намъ было какъ либо въ началѣ имѣть истинное сужденіе о хорошемъ, и умъ самъ собою оцѣнивалъ добре:

то не рабствовали бы мы, поработившись неразумному чувству. и ставъ скотоподобными. Посему, чтобы могло быть въ насъ различаемо такое смѣшеніе, и непогрѣшительно распознавалось, что достолюбезно по естеству. и что опять противоположно сему, Екклесіастъ о томъ говорить теперь въ слѣдующихъ словахъ: *время любить, и время ненавидѣть*, чѣмъ различаетъ свойство вещей, показывая, что любимо, и что ненавидимо, можетъ быть съ пользою. Ибо юность, кипя страстями своего возраста, говоритъ: что ей время любить то, что любезно юности: но Екклесіастъ противорѣчитъ юности, опредѣляя иное время чистой любви: потому что погрѣшительная связь души съ тѣмъ. что ни съ чѣмъ несообразно, не есть и любовь. Какъ при здоровомъ состояніи нашего естества, жажда появляется въ тѣлѣ благовременно; а въ комъ такое расположеніе произведено угрызеніемъ обогаго рода ехидны (д), о тѣхъ никто не скажетъ, что жажда дѣйствуетъ въ нихъ благовременно; потому что жажда у нихъ бываетъ не естественнымъ побужденіемъ, но недугомъ: такъ и нечистая любовь юности есть не любовь, но болѣзнь воли, производимая воспалительнымъ угрызеніемъ возраста.

(д) Сей родъ ехиднъ у древнихъ назывался. дипсада,

Поэтому не всякая любовь благовременна, а только ощущаемая къ достойному любви. Но о семъ невозможно пріобрѣсти яснаго вѣдѣнія, если въ взглядѣ о семъ nebudeтъ разобрано самое понятіе любви. И такъ изъ благъ, какія вождельныи людямъ, одни дѣйствительно таковы, какими и именуются, другія же имѣютъ ложное наименованіе. Все то, что невременное доставляетъ наслажденіе, и не таково, что одному кажется хорошимъ, а для другихъ бываетъ бесполезно, напротивъ же того всегда всѣмъ и во всемъ, у кого бы ни находилось, служить благомъ, — есть истинное благо, пребывающее всегда одинаковымъ, и недопускающее примѣси чего либо худаго; и оно изслѣдывающими сіе до точности усматривается въ единомъ Божественномъ и вѣчномъ естествѣ. А все прочее, что хорошо для чувства, хотя кажется хорошимъ по мнимому обольщенію, но не состоитъ, и не состояло, такимъ въ естествѣ своемъ, будучи же естества текучаго и скоропреходящаго, по нѣкоему обольщенію и суетному предположенію людьми невѣжественными признается за дѣйствительно хорошее. Посему, если привязанные къ непостоянному не желаютъ всегда неизмѣннаго; то кажется, что Екклесіастъ, когда говоритъ: *время любви и время ненавидѣти*, какъ бы стоя на высокой нѣкоей башнѣ, такъ взываетъ человѣческому естеству: истинное благо есть нѣчто иное: оно же са-

мое и прекрасно, и приобщающихся его дѣла-
 етъ таковыми. Ибо каково по природѣ то,
 чего приобщаются, въ тоже самое необходимо
предлагаются и причащаются: такъ напри-
 мѣръ: благоухающими дѣлаются уста того, кто
 приѣмлетъ въ уста какіе либо благоухающіе
 ароматы, и наоборотъ зловонны уста ядуща-
 щаго чеснокъ, или что другое еще болѣе зло-
 вонное. Итакъ, поелику всякая грѣховная сквер-
 на зловонна, а напротивъ того добродѣтель
 есть Христово благоуханіе, исполненное же
 любви сношеніе съ любимымъ естественно
 производитъ сраствореніе; то къ чему привер-
 жены мы любовію, тѣмъ и дѣлаемся, или бла-
 гоуханіемъ Христовымъ, или зловоніемъ. Воз-
 любившій прекрасное самъ будетъ прекрасенъ;
 потому что благость Пребывающаго въ немъ
 въ себя претворяетъ пріявшаго ее. Посему-то
 всегда Сущій предлагаетъ намъ Себя въ снѣдь,
 чтобы мы, пріявъ Его въ себя, содѣлались
 тѣмъ же, что Онъ. Ибо говорить: *плоть Моя*
истинно есть брашно, и кровь Моя истинно
есть пиво (Юанн. 6, 55.). Посему, кто любитъ
 сію Плоть, тотъ не бываетъ другомъ собствен-
 ной своей плоти, и кто съ любовію распо-
 ложень къ сей Крови, тотъ содѣлается чистымъ
 отъ крови чувственной. Ибо плоть Слова и
 кровь, какая въ этой плоти, имѣютъ въ себѣ
 не одинъ какой либо благодатный даръ, —
 но сладостны для вкушающихъ, желательны

для вождельвающихъ, достолюбезны для любящихъ.

Если же кто обратитъ любовь къ несостоятельному; то каково оно по естеству, таковымъ же по всей необходимости сдѣлается и предающійся этому. Посему, такъ какъ въ существующемъ, иное дѣйствительно, а иное суетно, то надлежитъ узнать суетное, чтобы чрезъ противоположеніе уразумѣть намъ естество дѣйствительно сущаго. Такъ поступаютъ всѣ святые, уклонившихся отъ прямого пути и идущихъ путемъ погрѣшительнымъ возвращая на тотъ путь, съ котораго совратились, взывая имъ издали: «бѣги пути, по которому идешь; на немъ разбойники и грабители и засады убійць»,—чтобы вмѣстѣ и путникъ предотвратилъ опасность пагубнаго пути, и уклоненіе съ сего пути содѣлалось путеводствомъ на путь спасающій. Такъ и великій Екклесіастъ свыше взываетъ человѣческому роду, блуждающему *по непроходной*, а не *по пути*, какъ говоритъ Пророкъ (Псал. 106, 40.), ясно въ сказанномъ выражая слѣдующее: «для чего, люди, блуждаете въ жизни! Для чего любите суетное, привержены къ непостоянному, и привязаны своимъ расположеніемъ къ тому, что не имѣетъ никакой состоятельности? Есть другой путь непогрѣшительный и спасительный; его возлюбите, по немъ шествуйте съ любовію; сему имя—истина, жизнь, нетлѣніе,

свѣтъ и тому подобное. А тотъ путь, по которому идете, достоинъ ненависти и отвращенія; потому что лишень свѣта и покрытъ тмою, ведетъ къ стремнинамъ, пропастямъ и мѣстамъ, гдѣ живутъ звѣри, скрываются разбойники».

Посему сказавшій: *время любить*, указалъ, что дѣйствительно заслуживаетъ дружбу и достоябно; и предписавшій время для ненависти научилъ, отъ чего надлежитъ имѣть отвращеніе. Посему дознавъ, что достоябно по естеству, къ сему и пригѣпимся любовію, нимало не совращаемые съ пути неумѣнемъ судить о прекрасномъ и не расточая любви на то, что запрещаетъ любить и великій Давидъ, говоря: *сынове чловчестіи, доколь тяжкосердїи? вскую любите суету, и ищете лжи* (Пса. 4, 3.)? Ибо одно только достоябно по естеству—истинно Сущее, о чемъ законоположеніе говоритъ въ десятословіи: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всего помышленія твоего* (Второз. 6, 5.). И одно также поистинѣ ненавистно, это—изобрѣтатель грѣха, врагъ нашей жизни, о которомъ законъ говоритъ: *возненавидиши врага твоего* (Матѹ. 5, 43.). Любовь къ Богу содѣлывается крѣпостію любящаго; а расположенность къ пороку приноситъ погибель любящему зло. Ибо такъ говоритъ пророчество: *возлюблю Тя Господи крѣпость моя: Господь*

укрѣпленіе мое, и приближище мое, и избавитель мой (Пса. 17, 2. 3.). О противоположномъ же говорить: *любяи неправду, ненавидитъ свою душу. Одождитъ на грѣшники слѣти* (Пса. 10, 5. 6.). Посему время для любви къ Богу—вся жизнь, и время для отчужденія отъ сопротивника — цѣлая жизнь. Кто хотя малую какую часть жизни своей пребываетъ внѣ любви Божіей, тотъ, безъ сомнѣнія, бываетъ внѣ Того, отъ любви къ Кому отдалился онъ. А пребывающему внѣ Бога, необходимо быть и внѣ свѣта (потому что Богъ свѣтъ есть), также внѣ жизни и нетлѣнія и внѣ всякаго понятія и всякой вещи представляемыхъ лучшими, чтó все есть Богъ. Ибо кто не въ этомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, въ противномъ. Посему такового приѣмлютъ въ себя тма, тлѣніе, всегубительство и смерть.

Различивъ это въ краткомъ изреченіи, Екклесіастово слово показываетъ свойство того и другаго изъ представляемаго протовоположно, открывъ сіе благовременною любовію и во время обнаруживаемою ненавистію. Время, говоритъ онъ, возлюбить доброе; и время также возненавидѣтъ противоположное; говоритъ же такъ: «той мысли держись, человекъ, что слово сіе имѣетъ въ виду прекрасное; потому что извращенное и погрѣшительное расположеніе нашей души. къ тому или другому изъ этого, есть корень и начало грѣха. Сказано:

никто не можетъ *двѣма господинома работати, ибо или единаго возненавидитъ, а другаго возлюбитъ* (Лук. 16, 13.). Это противоположеніе научаетъ, кто господствуетъ худо, и кого надлежитъ чуждаться по ненависти, а также кто властвуетъ надъ подначальнымъ ко благу, и къ кому прилѣпляться прилично любви. Если же кто будетъ держаться ненавистнаго, а пренебрегать достолюбезнымъ, то онъ нарушитъ благовременность любви и ненависти къ собственному своему вреду. Ибо небрежущій о дѣлѣ потерпитъ отъ него вредъ, а держащійся погибели, приобрѣтетъ себѣ то, чего держался. Посему различившій словомъ разумѣемое о добродѣтели и порокахъ, познаетъ благовременность, какъ надлежитъ вести себя въ разсужденіи того и другаго. Воздержаніе и сластолюбіе, цѣломудріе и непотребство, скромность и кичливость, доброжеланіе и зломысліе, также все мысленно представляемое противоположнымъ, ясно указывается тебѣ Екклесіастомъ, чтобы ты хорошимъ расположеніемъ подалъ о семъ душѣ полезный совѣтъ. Посему время возлюбить воздержаніе, и возненавидѣть сластолюбіе, чтобы содѣлаться тебѣ не сластолюбцемъ, а паче боголюбцемъ, и возненавидѣть также все прочее, любопытность, корыстолюбіе, славолубіе, и что только обращеніемъ любви къ тому, чего недолжно любить, разрываетъ связь съ добрымъ. Напри-

мѣръ дознали мы между прочимъ ученіе, что всякое движеніе души къ доброму уготовано Создавшимъ естество наше; если же погрѣшительное, конечно, употребленіе таковыхъ движеній породило поводы къ пороку; то свободная наша воля ~~будучи сама въ себѣ прекрасною, какъ скоро приводится къ дѣйствию на зло, дѣлается крайнимъ изъ зломъ.~~ И на оборотъ, сила, отталкивающая непріятное, которой имя есть ненависть, служитъ орудіемъ добродѣтели, когда вооружается на противное; но дѣлается оружіемъ грѣха тогда, какъ противоборствуетъ добру. Посему *всякое созданіе Божіе изъ уготованныхъ въ насъ добро и ничтоже отменно, со благодареніемъ приемлемо* (1 Тим. 4, 4.); а неблагодарное употребленіе ихъ сдѣлало созданіе сіе страстію, по которой прекращается близость къ Богу, вводится же и поставляется на мѣсто Бога противоположное; такъ что таковыми людьми обоготворяются страсти. Такъ ненасытнымъ *богъ чрево* (Фил. 3, 19.). Такъ любостыжательные дѣлаютъ для себя идоломъ свою болѣзнь. Такъ по обольщенію омраченные душевными очами въ вѣкѣ семъ богомъ себѣ содѣлали тщеславіе. Короче сказать, чему кто отдавъ подъ иго, свой помыслъ содѣлаетъ рабомъ и подручнымъ, то и обоготворяетъ въ собственной своей страсти; но онъ не потерпѣлъ бы сего, если бы не освоился любовію съ зломъ.

Поэтому, если уразумѣли благовременность любви и ненависти, то одно возлюбимъ, а съ другимъ поведемъ брань. Ибо Екклесіастъ говоритъ: (8) *время брани, и время мира*. Видишь полчище сопротивныхъ страстей, законъ плоти, *противувоюющъ закону ума, и плыняющъ закономъ врѣховнымъ* (Римл. 7, 23.). Обрати вниманіе на разнообразное приуготовленіе къ битвѣ, какъ сопротивное воинство въ тысячѣ мѣстахъ угрожаетъ нападеніемъ твоему городу; посылаетъ соглядатаевъ, привлекаетъ къ себѣ измѣнниковъ, устрояетъ заставы и засады, заключаетъ условія о вспоможеніи, заготовляетъ боевыя оружія, пращниковъ, стрѣлковъ, рукопашныхъ бойцовъ, конскую силу, и все сему подобное ополчается противъ тебя. Конечно же, не неизвѣстенъ тебѣ смыслъ сказаннаго, знаешь, кто измѣнникъ, кто соглядатай, кто подстерегающіе въ засадѣ, кто пращники, кто стрѣлки, кто рукопашные бойцы и дружина конниковъ. Поэтому, все сіе имѣя въ виду, надлежитъ и намъ вооружиться, призвать союзниковъ, развѣдать о подвластныхъ намъ, не благопріятствуетъ ли кто врагамъ, предусмотрѣть на пути засады, обезопасить себя отъ ударовъ щитами, прикрыть себя сверху отъ вступающихъ въ рукопашный бой, и перекопать подступъ къ намъ конницы. А инымъ прилично и стѣны обезопасить укрѣпленіями, чтобы не поколебали ихъ стѣнобитныя орудія.

Безъ сомнѣнія же никакимъ словомъ не объяснимъ въ подробности, какъ врагъ каждаго того города, населеннаго въ душѣ Богомъ, или допытывается о нашихъ силахъ, чрезъ соглядатаевъ, или даже между нами самими находятъ сдѣлавшихся предателями нашихъ силъ. Но чтобы яснѣе раскрылось это понятіе, скажемъ: таково первое прираженіе искушенія, съ чего берутъ начало страсти. Вотъ кто бываетъ соглядатаемъ нашихъ силъ! Представилось, напримѣръ, глазамъ зрѣлице, которое можетъ возобновить въ насъ вождельніе. Символъ врагъ и извѣдываетъ въ тебѣ силы, крѣпки ли онѣ, и готовы ли къ отбою, или слабы и готовы сдаться. Ибо, если не принялъ ты на себя согбенной наружности, и силы разумнія не растерялись у тебя при томъ, что увидѣлъ, но безстрастно перенесъ ты встрѣчу, то немедленно приводишь въ ужасъ соглядатая, какъ бы показавъ ему какую копьями вооруженную дружину воиновъ, разумію ополченіе помысловъ. Если же во время зрѣнія чувство разнѣжилось отъ удовольствія, и подобіе видимаго образа посредствомъ очей вторглось внутрь сердца, то внутренній военачальникъ умъ, какъ неимѣющій никакого мужества, или никакой отваги, но сластолюбивый и изнѣженный, подвергается тогда нападенію, и вокругъ соглядатая собирается множество предателей изъ толпы помысловъ. А это—тѣ предатели, о

которыхъ Господь говоритъ: *врази чловѣку до-
маини ево* (Матѣ. 10, 36.), которые отъ сердца
исходятъ и скверняютъ чловѣка, и имена ко-
торыхъ ясно можно дознать изъ Евангелія (15,
18. 19.). Послѣ сего нетрудно тебѣ будетъ
уразумѣть по порядку подробности этого не-
пріятельскаго распоряженія, невидимо уготов-
ляющаго засады, въ которыя попадають не-
осмотрительно идущіе путемъ жизни. | Ибо тѣ,
которые подъ видомъ дружбы и доброжела-
тельства совлекають внимающаго имъ въ грѣ-
ховную пагубу, тѣ самые суть подстерегающіе
въ засадахъ при дорогахъ, это хвалители сла-
столюбія, руководящіе къ зрѣлищамъ, показы-
вающіе удобство дѣлать худое, своими поступ-
ками вызывающіе на подражаніе подобнымъ
дѣламъ, на конечную пагубу губимымъ име-
нующіе себя ихъ братьями и друзьями. О нихъ
написано, что *всякъ братъ запинаніемъ запнетъ,
и всякъ другъ лстивно наскочитъ* (Іер. 9, 4.).

Если же уразумѣли мы засады, то въ со-
стояніи будемъ до ясности развѣдать и объ
этой толпѣ пращниковъ, стрѣлковъ и копей-
щиковъ; потому что обидчики, люди раздра-
жительные и злорѣчивые, сами предначиная
обиды, вмѣсто стрѣлъ или камней, стрѣляютъ
и мещутъ язвительными словами, и проходя-
щихъ безъ брони и неосторожно поражаютъ
въ средину сердца. А непогрѣшаты в' тѣ, ко-
торые страсть кичливости и гордыни сравняютъ

съ величавостію коней. Ибо подлинно это какіе-то высококоченные и высокосердые кони, надменными кичливостію реченіями, какъ дутыми какими копытами, брыкающіе людей скромныхъ. О нихъ-то говоритъ Писаніе: *да не прійдетъ мнѣ нога гордыни* (Пс. 35, 12.). А подь орудіями, которыми разбиваются связи стѣны, прекрасно сдѣлаеть иный, понявъ любостыжальность. Ибо нѣтъ ничего столько тяжелаго и непреступнаго въ вражескомъ ополченіи, какъ орудіе сребролюбія; потому что, хотя наилучшимъ образомъ оградятся души стройною связію другихъ добродѣтелей, но тѣмъ не менѣе и чрезъ нихъ нерѣдко проникаеть это стѣнобитное орудіе. Можно видѣть, что и при цѣломудріи вторгаеться любостыжаніе, при вѣрѣ, при точномъ храненіи таинствъ, при воздержаніи и смиренномудріи и при всемъ тому подобномъ, бываетъ это тяжелое и непреоборимое прираженіе зла. Почему иные воздержные, цѣломудренныя, пламенѣющіе вѣрою, люди строгаго образа жизни, скромныя нравами, не въ состояніи бываютъ противостать этой только болѣзни.

Посему, если уразумѣли мы полчище неприятелей, то время вести и брань. Никто же да не осмѣливается сопротивное ополченіе обратить въ бѣгство, не взявъ въ руки апостольскаго всеоружія (Ефес. 6, 11.). И конечно всякому извѣстенъ способъ божественнаго

онаго вооруженія, которымъ Апостолъ стоящаго предъ дружиною враговъ дѣлаеть неуязвимымъ сопротивными стрѣлами. Ибо раздѣливъ добродѣтели на виды, каждый видъ добродѣтели Апостолъ содѣлалъ особеннымъ оружіемъ, пригоднымъ для насъ въ каждомъ обстоятельствѣ. Съ вѣрою соплетши и соткавъ справедливость, изъ нихъ вооружаемоу готовяеть броню, прекрасно и безопасно ограждая война тою и другою. А если вѣра и справедливость отдѣлена одна отъ другой; то оружіе не можетъ содѣлаться безопаснымъ для того, кому вручается. И вѣра безъ дѣлъ правды недостаточна ко спасенію, а также праведность жизни для спасенія небезопасна сама по себѣ, не въ сопряженіи съ вѣрою. Посему, какъ бы вещества какія, соплетши въ семь оружіи вѣру и правду, Апостолъ приводитъ у война въ безопасность вмѣстилище сердца; ибо подъ бронею разумѣется сердце. А голову доблестнаго обезопасиваеть надеждою, означая симъ, что хорошему воину приличествуетъ, какъ нѣкое перо на шлемѣ, имѣть въ горнемъ *упованіе* чего либо возвышеннаго. И щитъ, оружіе прикрывающее, есть несокрушимая вѣра, которую не можетъ пронзить остріе рожна. Подъ рожнами же, какіе мещуть въ насъ непріатели, будемъ, конечно, разумѣть разнообразныя прираженія страстей. Но спасительное оружіе, которое вооружаеть де-

сную руку доблестно подвизающихся со врагами, есть Святы́й Духъ, страшный, когда противоудѣствуетъ, и спасительный, когда сообщается приѣмлющимъ. И всякое евангельское ученіе доставляетъ безопасность ногамъ, такъ что ни одна часть тѣла не оказывается обнаженною и открытою для принятія удара.

Посему, если дознали мы, съ кѣмъ надлежитъ вести брань, и такъ вступать въ битву; то прилично дознать и другую сторону дѣла, съ кѣмъ, какъ объявляетъ слово сіе, быть въ союзѣ и мирѣ. И такъ ктоже тотъ добрый военачальникъ, съ которымъ сблизусь миромъ? Кто царь таковаго воинства? Не явно ли, какъ то и другое узнаемъ изъ богодухновеннаго Писанія, что небесное воинство есть дружина Ангеловъ? Ибо сказано: *бысть множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога* (Лук. 2, 13.). И Даниилъ усматриваетъ тмы темъ предстоящихъ, и видитъ тысячи тысячъ между служащими (Дан. 7, 10.). И Пророкъ, свидѣтельствующій о подобномъ сему, Господа вселенной именуетъ Господомъ воинствъ и Господомъ силъ (Иса. 23, 10.). И Навину говоритъ Сильный въ брани: *азъ Архистратигъ силы* (Нав. 5, 14.). Если же уразумѣли мы, какое это доброе спорничество, и кто вождь сихъ спорниковъ; то вступимъ съ Нимъ въ союзъ, прибѣгнемъ къ Его могуществу, содѣлаемся друзьями Приобрѣтшаго столько силы. Какой же способъ

сближенія съ Нимъ, сему учитъ насъ вводящій въ сію пріязнь, великій Апостолъ, когда говоритъ: *оправдившеся убо върою, миръ имамы къ Богу* (Рим. 5, 1.); и еще: *по Христъ молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христъ, примиритесе съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20.). Ибо мы, которые нынѣ *блхомъ естествомъ чада гнѣва* (Ефес. 2, 3.), дѣлая то, чего не надлежало, и соприсчислялись къ противящимся десницѣ Вышняго, отложивъ нечестіе и мірскія похоти, какъ начавшіе жить свято, и праведно, и благочестно, симъ примиреніемъ вступаемъ въ союзъ съ истиннымъ Миромъ. Ибо такъ говоритъ о Немъ Апостолъ: *яко Той есть миръ нашъ* (Ефес. 2, 14.). Слово это есть конецъ и начало всего дѣлаемаго во время. Ибо обучены мы все дѣлать во время, чтобы самимъ для себя преуспѣть въ слѣдующемъ: пребывая во враждебномъ расположеніи къ со-противнику, имѣть миръ съ Богомъ. Конечно же, если воинствомъ мира назоветъ кто тѣ добродѣтели, съ которыми надлежитъ быть въ пріязни, то не чуждымъ сего даннаго смысла будетъ слово; такъ какъ всякое именованіе и понятіе добродѣтели относится къ Господу добродѣтелей.

И для чего кому либо длить рѣчь о подобномъ сему, когда и сказаннаго достаточно, чтобы открыть смыслъ, заключающійся въ сихъ реченіяхъ? Но поелику Екклесіастъ воз-

будиль симъ душу наперель обученнаго высокими этими уроками, то возводитъ еще въ высшее нѣкое состояніе душу, которая слѣдуетъ за словомъ, и говоритъ: (9) *кое изобиліе творящаго, въ нихъ же самъ трудится?* А это тоже, что сказать: какое слѣдствіе всѣхъ трудовъ человѣческихъ, изъ которыхъ ни одного нѣтъ уже болѣе? Человѣкъ воздѣлываетъ землю, плаваетъ по морямъ, злостраждетъ въ воинскихъ трудахъ, торгуетъ, терпитъ убытокъ, приобретаетъ выгоду, судится, борется, уходитъ съ поприща побѣжденнымъ, получаетъ побѣдный приговоръ, признается бѣдствующимъ, убажается, покоится дома, скитается по чужимъ людямъ, терпитъ все иное, что видимъ въ различныхъ житейскихъ занятіяхъ, гдѣ у каждаго свое дѣло. И тратящему жизнь свою на подобныя занятія какое приносить преимущество забота объ этомъ? Не вмѣстѣ ли и жизнь прекращается, и все покрывается забвеніемъ? Оставленный тѣмъ, чего вождѣлывалъ, уходитъ обнаженнымъ, не взявъ съ собою ничего изъ здѣшняго, кромѣ одного сознанія объ этомъ, отъ котораго послѣ въ таковыхъ занятіяхъ по заблужденію къ проводившему жизнь бываетъ на небо такой какъ бы гласъ: кое изобиліе было тебѣ отъ многихъ этихъ трудовъ, которыми трудился ты? Гдѣ великолѣпныя дома? Гдѣ погребъ съ деньгами? Гдѣ мѣдныя изваянія и восклицанія

хвалящихъ? Теперь вотъ огонь, бичи, неподкупный судъ, и непогрѣшительное изслѣдованіе сдѣланнаго въ жизни. Посему кое изобиліе творящую, въ нихъ же самъ трудится? И послѣ сего Екклесіастъ говоритъ:

(10) *Видѣхъ попеченіе, еже даде сыномъ чловѣческима, еже пеиися въ себѣ.* (11). *Всяческая, яже сотвори, добра во еремя свое: и вѣкъ далъ есть въ сердце ихъ, яко да не обрящеть чловѣкъ сотворенія, еже сотвори Богъ отъ начала и даже до конца.* Чтѣ сіе значить? Позналъ я, говоритъ онъ, отчего естество чловѣческое озабочено жизнью, поводы къ тому заимствовавъ изъ благодѣяній Божіихъ. Богъ все сотворилъ на добро, и причастнымъ существеннаго далъ разсудокъ, отличающій лучшее, познанная которымъ благовременность употребленія каждой вещи доставляетъ употребляющимъ ощущеніе прекраснаго. Поелику же погрѣшилъ чловѣкъ въ правомъ сужденіи о сущемъ, лукавымъ совѣтомъ совращенъ у него правильно судящій разсудокъ, то перемѣна во времени, чтѣ въ каждой вещи было полезнаго, превратила сіе въ испытаніе противоположнаго. Если кто, предложивъ на столѣ все приготовленное для пиршества, положить вмѣстѣ и какіе либо приборы, служащіе къ удобному принятію пищи. какіе приготовляются въ подобныхъ вещахъ любителями искусства, или небольшіе ножи, которыми гости разрѣ-

зываютъ себѣ что либо предложенное, или серебряныя остроконечныя снаряды, у которыхъ обыкновенная на другой части пустота дѣлается для удобнаго черпанія вареныхъ овощей; и потому кто либо изъ приглашенныхъ на пиръ, измѣнивъ употребленіе положенныхъ на столѣ вещей, каждую воспользуется не надлежащимъ образомъ, ножомъ зарѣжетъ или себя или кого нибудь подлѣ себя, а остриемъ выколетъ глазъ или у ближняго или свой: то иной скажетъ, что такой-то во зло употребилъ приготовленіе дающаго пиръ. Хотя устроившій пиръ самъ предуготовилъ причину происшедшаго; но въ худомъ лежащемъ на столѣ употребленіи, доведенномъ до сей бѣды, виновенъ безразсудно воспользовавшійся положеннымъ. Такъ, говоритъ Екклесіастъ, позналъ и я, что каждая вещь приведена въ бытіе Богомъ для всего наилучшаго, только бы употребленіе каждой вещи было въ свое время, и какъ слѣдуетъ; но извращеніе правильнаго сужденія о вещахъ и доброе обратило въ поводъ къ злу. Скажу на примѣръ такъ: что пріятнѣе дѣятельности глазъ? Но когда зрѣніе дѣлается страждущимъ служителемъ въ такихъ дѣлахъ, говорится, что сотворенное въ благодѣяніе стало причиною золь. И это не иное что значитъ, а только то, что человѣкъ, хорошимъ воспользовавшись худо, употребленіе сдѣлалъ страданіемъ. Такъ и все

прочее, что дано естеству Богомъ, зависитъ отъ произволенія пользующихся, чтобы содѣлаться служащимъ къ благу, или во зло. Посему Екклесіастъ говоритъ: *всяческая, яже сотвори, добра во время свое: и вѣкъ далъ есть въ сердце ихъ*. Вѣкъ же, какъ понятіе чего-то протяженнаго, означаетъ все твореніе Божіе въ немъ происшедшее. Посему слово объемлющимъ указываетъ на все объемлемое. Итакъ все, что произошло въ вѣкъ, Богъ далъ сердцу человѣческому ко благу, чтобы по величію и красотѣ тварей человѣкъ усматривалъ въ нихъ Сотворшаго. Но люди, чѣмъ были облагодѣтельствованы, отъ того потерпѣли вредъ, каждою вещью воспользовавшись, не какъ было должно, и не на пользу. Посему сказано: *яко да не обрѣцетъ чловѣкъ сотворенія, еже сотвори Богъ съ цѣлію служить на пользу во всемъ сотворенномъ отъ начала творенія и даже до совершенія вселенной, тогда какъ въ числѣ существъ нѣтъ ни одного худаго. Ибо и не естественно изъ добраго произойти чему либо худому. И если добръ Виновникъ всего; то, конечно, добро и все, что имѣетъ самостоятельность свою отъ добраго. Потомъ Екклесіастъ говоритъ:*

(12) *Уразумѣхъ, яко нѣсть благо въ нихъ, но токмо, еже веселитися, и еже творити благо въ животъ своемъ. Въ словѣ семъ кратко повторяется уже сказанное. Ибо, если употребленіе*

Божіихъ созданий во время опредѣляетъ, что хорошо для человѣческой жизни; то хорошимъ будетъ одно, постоянное при хорошемъ веселіе, которое раждается отъ добрыхъ дѣлъ. Ибо дѣланіе заповѣдей нынѣ отличившагося добрыми дѣлами веселитъ надеждою; а потомъ, усладивъ благими надеждами, присовокупляетъ свойственное достойнымъ веселіе, когда изрекаетъ Господь сдѣлавшимъ доброе: *приидите благословеннїи, наследуйте уготованное вамъ царствїе* (Матѳ. 25, 34.). И что для тѣла—пища и питіе, которыми поддерживается естество, то для души—имѣть въ виду добро, и, какъ это есть истинный даръ Божій, возводитъ взоръ къ Богу. Ибо вотъ то имя, которое объясняется въ сказанномъ въ послѣдствїи (Екк. 7, 2.). Читается же сіе такъ:

(13) *И всякъ человекъ, иже ястъ и пїетъ, и видитъ благо во всемъ трудѣ своемъ, сіе даянїе Божїе есть.* Какъ человекъ плотскій, говоритъ Екклесїастъ, имѣеть крѣпость отъ того, что ѣсть и пьеть: такъ, кто имѣеть въ виду благое (а истинное благо есть тотъ, кто одинъ благъ), имѣеть даянїе Божїе во всемъ трудѣ своемъ, именно то самое, что всегда имѣеть въ виду благое, при помощи Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и сила во вѣки вѣковъ! Аминь.

8. О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

С Л О В О 1.

Узрѣвъ же народы, взыде на гору: и сподшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ, глаголя: блаженни нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное (Матѳ. 5, 1—3.).

Кто въ числѣ собравшихся таковъ, чтобы ему и быть ученикомъ Слова, и вмѣстѣ съ Нимъ съ земли—отъ понятій пустыхъ и низкихъ, взойдти на духовную гору возвышеннаго созерцанія,—на эту гору, которая избѣгла всякой тѣни высящихся холмовъ злобы, и освѣщаемая отвсюду лучемъ истиннаго свѣта, въ чистой ясности истины, съ вершины своей даетъ видѣть все, что для заключенныхъ въ междугорья невидимо? А что открывается

взору съ высоты сей, какіе это виды, и какъ многочисленны, описываетъ Самъ Богъ Слово, ублажая восшедшихъ съ Нимъ на гору, какъ бы перстомъ какимъ указуя здѣсь царствіе небесное, а тамъ наслѣдіе горней земли; потомъ помилованіе, правду, утѣшеніе, приобретаемое родство съ Богомъ всяческихъ, и плодъ гоненій, именно тотъ, чтобы стать сообитателемъ Божиимъ, и все иное, что кромѣ сего, по персто-указанію Слова свѣше съ горы, можно видѣть въ упованіи простирающему взоры съ этой высокой стражбы.

Итакъ, поелику Господь восходитъ на гору, послушаемъ, чтоъ взываетъ Исаія: *приидите, и възидемъ на гору Господню* (Иса. 2, 3.); и если немощны мы отъ грѣха, то, какъ научаетъ пророчество, *укрѣпимъ руку ослабленнаго, и колына разслабленная* (Иса. 35, 3.). Ибо если будемъ на вершинѣ, то найдемъ *Исцѣляющаго всякъ недугъ и всяку язю* (Матѣ. 4, 23.), и *недуги наша* Восприемлющаго, и *бользни* Носящаго (Матѣ. 8, 17.). Посему поспѣшимъ и мы къ восхожденію, чтобы, съ Исаіею ставъ на вершинѣ надежды, и намъ съ высоты увидѣть оныя блага, которыя указываетъ Слово послѣдовавшимъ на сію возвышенность. Но и намъ да отверзетъ уста Богъ Слово, и насъ да научитьтому, слышаніе чего есть блаженство. Началомъ же нашего обозрѣнія да будетъ начало сказаннаго въ ученіи.

Блаженн, сказано, нищии духомъ: яко тлъхъ есть царствіе небесное. Если какой златолюбець найдетъ надпись, показывающую, что хранится тутъ сокровище, но мѣсто, заключающее въ себѣ это сокровище, желающимъ приобрѣсти его представляетъ много пота и труда; то ужели не найдетъ въ себѣ силъ къ трудамъ, вознерадить о выгодѣ, и не принять на себя никакого тщательнаго усилія признаеть пріятнѣйшимъ богатства? Нѣтъ, это невозможно; напротивъ того пригласить онъ на это всѣхъ друзей и отовсюду собравъ себѣ, какую только можно, въ дѣлѣ помощь, при множествѣ рукъ, сокрытое богатство сдѣлаеть своею собственностію. Вотъ, братія, то сокровище, которое показываетъ намъ Писаніе; сокрыто жъ богатство сіе по неясности для насъ. Посему и мы, любители безпримѣснаго золота, воспользуемся множествомъ содѣйствующихъ въ молитвахъ, чтобы и намъ сдѣлать явнымъ для себя богатство, и всѣмъ раздѣлить сокровище по ровну. и каждому приобрѣсти его въ цѣлости. Ибо таковъ раздѣлъ добродѣтели, что и всѣмъ состязующимся о ней удѣляется, и каждому принадлежитъ, вся, не убавляясь у участвующихъ въ раздѣлѣ. При раздѣлѣ земнаго богатства захватившій себѣ больше получающихъ по равной долѣ дѣлаеть несправедливость; потому что увеличившій свою часть непременно умаляетъ долю соучаст-

ника. Но богатство духовное уподобляется солнцу; ибо удѣляется всѣмъ смотрящимъ на него, и для каждаго остается цѣлымъ. И такъ, поелику каждый надѣляется равною выгодой отъ труда; то въ искомомъ нами да будетъ всѣми оказано содѣйствіе молитвенное.

Прежде всего, полагаю, должно составить понятіе о самомъ блаженствѣ, что оно такое. Блаженство (е), по моему разсужденію, есть объемъ всего, что представляется какъ благо, въ которомъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ согласномъ съ добрымъ пожеланіемъ. Но понятіе о блаженствѣ содѣляется для насъ болѣе извѣстнымъ изъ сличенія съ противоположнымъ. Признакъ блаженства—непрестанная и тѣни неимѣющая радость, происходящая отъ добродѣтели (ж). А противоположно блаженству состояніе бѣдственное. Посему бѣдствіе есть томленіе въ горькихъ и невольныхъ страданіяхъ. Расположеніе же находящихся въ томъ или другомъ изъ сихъ состояній дѣлится по противоположности. Ублажаемому возможно веселиться и радоваться на предлагаемое ему въ наслажденіе; а бѣдствующему—печалиться и

(е) По рукописи синодальной бібліотеки за N 71, на которую во всей статьѣ о блаженствахъ будутъ дѣланы указанія, мѣстоимѣніе: *тис* не читается.

(ж) Сіе допущено изъ рукописи.

огорчаться тѣмъ, что у него есть. Посему поистинѣ всеблаженно само Божество: потому что, чѣмъ ни представимъ Его себѣ, блаженствомъ будетъ чистая оная жизнь, неизрѣченное и непостижимое благо, невыразимая лѣпота, источная благодать, премудрость и сила, истинный свѣтъ, источникъ всякой благодати, превышающая все власть; единое достолюбезное, всегда неизмѣнное, непрестанное радovanje; вѣчное веселіе, о которомъ, если кто скажетъ всё, что можетъ, не скажетъ по достоинству еще ничего. Ибо разумніе не постигаютъ Сущаго, и если успѣемъ представить о Немъ что въ умѣ болѣе возвышенное, то представленное невыразимо никакимъ словомъ. Поелику же Создавшій челоуѣка *по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27.); то на второмъ мѣстѣ блаженнымъ будетъ именуемое такъ по причастію истиннаго блаженства. Какъ относительно къ тѣлесному благообразію первообразная красота въ живомъ и дѣйствительно существующемъ лицѣ; а второе по ней мѣсто занимаетъ показываемая въ подобіи на картинѣ, такъ и челоуѣческое естество, будучи образомъ превысшаго блаженства, и само отличается доброю лѣпотою, когда показывается на себѣ самомъ изображеніе блаженныхъ чертъ. Но поелику грѣховная скверна обезобразила красоту образа; то пришелъ Омывающій насъ собственною Своею водою, и живую, и теку-

Гр. Нисск. Ч. II. 24

щею *въ животѣ свѣтлый* (Іоан. 4, 14.), чтобы, когда отложимъ грѣховную гнусность, опять обновился въ насъ блаженный образъ. И какъ въ живописномъ искусствѣ иной свѣдущій скажетъ неопытнымъ, что прекрасно лице сложенное изъ такихъ-то тѣлесныхъ частей, у котораго такіе-то волосы и округлость глазъ, и очертаніе бровей, и положеніе щекъ, и по одиночкѣ все, чѣмъ восполняется благообразіе; такъ и нашу Живописующій душу по подобію единаго Блаженнаго, все по порядку, служащее къ блаженству, изображаетъ словомъ, и впервыхъ говорить: *блаженіи нощіи духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное.*

Но что будетъ пользы отъ сей великодаровитости, если не ясенъ для насъ смыслъ, заключающійся въ словѣ? Ибо и во врачебномъ искусствѣ, многія дорогія и съ трудомъ добываемыя врачевства остаются неупотребительными и бесполезными для больныхъ (з), пока не услышимъ отъ искусства, къ чему годно каждое изъ нихъ. Итакъ что значить обнищать духомъ, чѣмъ пріобрѣтается право стать обладателемъ небеснаго царствія? Изъ Писанія дознали мы два рода богатства: одно вождельное, и другое осужденное. Вождельвается богатство добродѣтелей, оуждается же веще-

(з) По рукописи вмѣсто: *τοὺς δυνάστα* читается: *τοὺς σοφοὺς.*

ственное и земное, потому что первое дѣлается достояніемъ души, а послѣднее можетъ только послужить къ обольщенію чувствительнѣ; посему Господь запрещаетъ собирать его, какъ готовимое на сѣденіе червямъ и на козни подкапывающимъ стѣны (Матѣ. 6, 9.), повелѣваетъ же прилагать стараніе о богатствѣ сокровищъ возвышенныхъ, къ которому не прикасается сила тлѣнія. Сказавъ же о червѣхъ и татѣбѣхъ, Господь указалъ на опустошителя сокровищъ душевныхъ. Посему, если нищета противоплагается богатству, то, конечно, по соотвѣтствію должно признать, что нищета бываетъ двоякая: одна отвергаемая, а другая ублажаемая. Посему, кто обнищаль цѣломудріемъ, или дорогимъ достояніемъ—справедливостію, или мудростію или благоразуміемъ, или оказывается и нищимъ, и нестяжателемъ, и убогимъ по другой какой многостоящей драгоцѣнности; тотъ бѣдствуетъ отъ нищеты, и жалокъ по нестяжательности того, что для человѣка дорого. Но кто добровольно обнищаль отъ всего, представляемаго порочнымъ, и не отлагаетъ въ свои тайники ни одной діавольской драгоцѣнности, но горитъ духомъ, и чрезъ это собираетъ себѣ въ сокровище нищету худыхъ дѣлъ, тотъ, по указанію Слова,—въ ублажаемой нищетѣ, плодомъ которой небесное царствіе.

Но возвратимся опять къ дѣланію сокровища,

и не перестанемъ рудокопнымъ словомъ разкрывать сокровенное. Господь говорить: *блаженни нищии духомъ*. Говорено было нѣкоторымъ образомъ и прежде, и теперь опять будетъ сказано, что конецъ добродѣтельной жизни есть уподобленіе Божеству. Но Безстрастное и Чистое совершенно неподражаемо для людей; потому что совершенно невозможно, чтобы жизнь страстная уподобилась естеству, недопускающему въ себѣ страстей. Посему, если блаженъ единъ Богъ, какъ именуешь Его Апостоль (1 Тим. 6, 15.), а для людей общеніе въ блаженствѣ возможно чрезъ уподобленіе Богу; подражаніе же это крайне трудно; то слѣдуетъ, что и блаженство человѣческой жизни недоступно. Но и въ Божествѣ есть нѣчто такое, что, какъ возможное, предлагается желающимъ для подражанія. Что же это именно? Какъ мнѣ кажется,—нищета духа; ею Писаніе именуешь добровольное смиренномудріе. Въ примѣръ же оной Апостоль показываетъ нищету Божию, говоря: *Онъ насъ ради обнища богатъ съи, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9.). Итакъ, поелику все прочее, что усматривается относящимся къ Божественному естеству, превышаетъ мѣру естества человѣческаго, а смиреніе есть нѣчто намъ сродное и совозрасшее съ нами, которые по землѣ ходимъ, изъ земли имѣемъ составъ, и въ землю возвращаемся; то и ты, уподобив-

шись Богу въ томъ, что для тебя естественно и возможно, самъ облачаешься въ блаженный сей образъ. И никто да не почитаетъ нетруднымъ и удобно приобретаемымъ преуспѣяніе въ смиренномудріи. Напротивъ того, такое дѣло труднѣе всякаго, какова бы то ни было добродѣтельнаго предначинанія. Почему же? Потому что когда человѣкъ, принявъ въ себя добрыя сѣмена, уснулъ, врагомъ жизни нашей укоренено въ насъ главное изъ противоположнаго сѣянія — шевелы гордости. Ибо, чѣмъ самъ онъ свергнулъ себя на землю, тѣмъ же самымъ и бѣдный человѣческій родъ вовлекъ съ собою въ общее паденіе; и для естества нашего нѣтъ другаго такого же зла, какъ этотъ недугъ, производимый (и) гордостью. Посему, поелику страсть превозношенія прирождена почти всякому, кто принадлежитъ къ человѣческому роду, то Господь съ сего поэтому и начинаетъ убаженія, какъ бы первородное какое зло, исторгая изъ нашего навыка гордость тѣмъ, что совѣтуетъ уподобляться добровольно Обнищавшему, Который истинно блаженъ, чтобы мы, въ чемъ можемъ, сколько есть въ насъ силъ, уподобившись Ему добровольною нищетою, привлекли себѣ и общеніе

(и) По рукописи N 71 читается: *το δι' ελεησενίας ευφροσύνης
κόσμη.*

въ блаженствѣ. *Сіе бо, сказано, да мудрствуется въ васъ, еже и во Христь Іисусъ, Іже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нищеза быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба приимъ* (Фил. 2, 5—7.). Какое большее обнищаніе—Богу быть въ образѣ раба? Какое большее смиреніе—Царю существовать придти въ общеніе съ нашимъ нищимъ естествомъ? Царь царствующихъ, Господь господствующихъ волею облачается въ рабскій образъ; Судія вселенной дѣлается данникомъ владычествующихъ, Господь твари превращается въ вертепъ; Всеобъемлющій не находитъ мѣста въ гостиницѣ, но повергается въ ясляхъ безсловесныхъ животныхъ; Чистый и Всецѣлый приимлетъ на Себя скверну естества человѣческаго, понесши на Себѣ и всю нищету нашу, доходитъ даже до испытанія смерти. Видите ли мѣру вольной нищеты? Жизнь вкушаетъ смерть; Судія ведется на судилище; Господь жизни всего сущаго подвергается приговору суди; Царь всей премірной силы не отклоняетъ отъ Себя рукъ исполнителей казни. Въ этомъ образцѣ, говоритъ Апостолъ, да будетъ видима тобою мѣра смиренномудрія.

Но хорошо, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, внимательно разсмотрѣть неразуміе таковой страсти киченія, чтобы, когда съ великою охотою, и съ удобствомъ преуспѣемъ въ смиренномудріи, и приобрѣтеніе блаженства со-

дѣлалось для насъ благоуспѣшнымъ. Ибо какъ свѣдущіе врачи, истребивъ сперва болѣзнетворную причину, удобнѣе преодолѣвають и недугъ; такъ и мы, кичащихся суетностію смиривъ разсудкомъ, удобоприступнымъ для себя содѣлаемъ путь смиренномудрія. Чѣмъ же кто лучше докажетъ суету кичливости? Чѣмъ иначе, какъ разсужденіемъ, что такое естество? Ибо нѣтъ основанія впасть тому въ такую страсть, кто смотритъ на себя, а не на окружающее его. Итакъ что же такое человѣкъ? Угодно ли, скажу, что въ Писаніи выражено болѣе почтительно и уважительно? Но Украститель нашъ, къ величію уготовляющій благородство человѣческое, отъ брениа ведетъ родословіе естества; и твое благородство, твоя знатность, горделивецъ (i), оттуда же ведутъ родъ и въ родствѣ съ плинѣюю. Если же желательно тебѣ, чтобы сказано было непосредственно и близко касающееся рожденія; то иди прочь, не говори объ этомъ, не скомли, *да не открѣши*, какъ говоритъ законъ, *срамоты отца твоего и матере твоея* (Лев. 18, 7.); не оглашай предъ всѣми словомъ того, что достойно забвенія и глубокаго молчанія. И не краснѣешь послѣ этого ты, земный истуканъ, который вскорѣ будешь прахомъ, какъ пу-

(i) Переводъ по рукописи.

зырь, остаешься не надолго надутымъ, пре-
 бываешь полонъ гордости, ширишься въ своей
 кичливости, и надмѣваешь мысль суетнымъ
 мудрованіемъ? Не смотришь на оба предѣла
 человѣческой жизни, какъ она начинается, и
 чѣмъ оканчивается? Но надмѣваешься юностію,
 имѣешь въ виду цвѣтущій возрастъ, восхи-
 щаешься красотою, тѣмъ, что руки у тебя
 исполнены силъ для движенія, ноги легки и
 скачутъ, кудри развѣваются по вѣтру, щеку
 окаймляетъ нѣжный пушокъ, одежда на тебѣ
 яркаго пурпурнаго цвѣта, разноцвѣтныя шел-
 ковыя ткани, испещренныя изображеніями сра-
 женій, звѣриныхъ охотъ, или какихъ событій;
 или, можетъ быть, прилежно смотришь на чер-
 ную блестящую обувь, любишься тщательно
 выстроченными чертами швовъ? На все это
 обращаешь взоръ, а не смотришь на себя са-
 мого? Покажу тебѣ, какъ въ зеркалѣ, кто и
каковъ ты. Не видѣлъ ли ты таинъ естества
 нашего на кладбищѣ? Не видалъ ли кучи ко-
 стей, лежащихъ одна на другой? обнаженныхъ
 отъ плотей череповъ представляющихъ страш-
 ный, отвратительный видъ впалыми глазами?
 Не видѣлъ ли оскалившихъ зубы ртовъ и про-
 чихъ членовъ, какъ ни есть раскиданныхъ?
 Если ты видѣлъ ихъ, то въ нихъ видѣлъ себя
 самага. Гдѣ признаки теперешняго твоего
 цвѣта? Гдѣ доброзрачность ланитъ? Гдѣ свѣ-
 жость губъ? Гдѣ величественная красота очей,

сверкающая изъ подъ покрова бровей? Гдѣ
 прямой носъ посреди красоты ланить? Гдѣ
 на вью свисшіе волосы? Гдѣ около висковъ
 вьющіяся кудри? Гдѣ, какъ лукъ, стрѣлами
 мечущія руки? Гдѣ, какъ кони, скачущія ноги?
 Гдѣ багряница, виссонъ, епанча, поясъ, обувь,
 конь, скорость его бѣга, ржаніе, — все, отъ
 чего нынѣ увеличивается твоя кичливость?
 Скажи, гдѣ въ оставшемся здѣсь то, чѣмъ
 нынѣ превозносишься, о чемъ высоко ду-
 маешь? Какой сонъ столько не состоятеленъ?
 Какія грезы подобны этому? Какая тѣнь столько
 слаба и не осизаема, какъ это сновидѣніе юно-
 сти, вмѣстѣ и являющееся и мгновенно про-
 летающее? Такъ спросимъ тѣхъ, которые по
 несовершенству возраста безумствуютъ въ мо-
 лодости. Что же скажетъ иный о возмужав-
 шихъ уже, у которыхъ, хотя возрастъ и со-
 вершеннѣй, но нравъ непостояненъ и болѣзнь
 гордости возрастаетъ? Имя такому недугу —
 надмѣнность нрава; а предлогомъ къ гордости
 всего чаще служить начальство, и съ нимъ
 соединенное властительство; потому что, или
 имѣя его, страдаютъ симъ, или къ нему гото-
 вятся, или нерѣдко, власть уже прекратилась,
 но рассказы о ней снова пробуждаютъ бо-
 лѣзнь. И гдѣ найдешь такое слово, чтобы про-
 никло въ ихъ слухъ, загражденный для гласа
 проповѣдниковъ? Кто убѣдитъ такихъ людей,
 что ничѣмъ не разнятся они отъ показываю-

щихъ себя на зрѣлищѣ. Ибо у нихъ надѣты: личина и какаѣ-то искусно выработанная и позлащенная багряница, и торжественно возсѣдаютъ они на колесницѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ такихъ украшеній не входитъ въ нихъ никакая болѣзнь гордости; но какъ думали они о себѣ до выхода на зрѣлище, такое же расположеніе сохраняютъ въ душѣ и во время представленія, и послѣ того не скорбятъ сошедши съ колесницы и снявъ съ себя нарядъ. Но величающіеся на позорищѣ жизни своею начальническою властью не разсуждаютъ о томъ, что было не задолго, и что будетъ вскорѣ послѣ сего. Какъ расширяются надуваемые пузыри, такъ и они пыщутся при громкомъ воззваніи глашатаѣ, надѣваютъ на себя какую либо чужую личину, естественное положеніе лица перемѣняя въ угрюмое и страшное; и голосъ примышляется ими болѣе суровый, къ ужасу слушающихъ дѣлающійся похожимъ на звѣрскій. Не остаются уже они въ предѣлахъ положенныхъ человѣку, но претворяютъ себя въ обладающихъ Божиимъ могуществомъ и Божіею властію. Ибо увѣрены о себѣ, будтобы они господа жизни и смерти; потому что изъ судимыхъ ими объ одномъ даютъ спасающій его приговоръ, а другаго осуждаютъ на смерть, и не обращаютъ вниманія на то, Кто подлинно Господинъ человѣческой жизни, опредѣляющій и начало и конецъ бытію; хотя къ

сокращенію ихъ тщеславія достаточно того одного, что многихъ изъ начальствующихъ во время отправленія ими своего начальствованія видѣли похищенными съ начальническихъ сѣдалищъ и отнесенными въ могилы, гдѣ голосъ глашатая замѣнилъ плачь. Посему, какъ господиномъ чужой жизни быть тому, для кого и своя—чужая? Но и онъ, если содѣлается нищъ духомъ, взирая на Обнищавшаго ради насъ добровольно, и имѣя предъ очами равночестіе нашего естества, однороднаго съ нимъ не поругаетъ никакимъ плачевнымъ зрѣлищемъ мечтательно выказываемаго начальствованія; то поистинѣ будетъ блаженъ, на временное смиренномудріе обмѣнивъ небесное царство.

Не отринь, братъ, и другаго урока нищеты, какъ служащаго къ приобрѣтенію небеснаго богатства. Господь говоритъ: *продаждь все имліе твое, и даждь нищимъ: и гряди въ слѣдъ Мене: и имлти чмаши сокровище на небеси* (Матѣ. 19, 21.). Но такая нищета кажется мнѣ недалекою отъ нищеты ублажаемой. *Се мы, оставивъ, что имѣли, въ слѣдъ Тебе идехомъ,* говоритъ Владыкѣ ученикъ, *что убо будетъ намъ* (27). И какой на сіе отвѣтъ? *Блаженни нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное.* Хочешь ли уразумѣть, кто обнищавшій духомъ? Тотъ обнищаль духомъ, кто душевное богатство вымѣняль на тѣлесное изобиліе, кто земное богатство отрясь съ себя, какъ нѣкую

тяжесть, чтобы, ставъ выспреннимъ и воздухоноснымъ, взойти горѣ, вмѣстѣ съ Богомъ, какъ говоритъ Апостолъ, воспаривъ *на облакъ* (1 Солун. 4, 17.). Золото есть тяжелое нѣкое достояніе, тяжело и всякое вещество вождѣваемое, какъ богатство; но легкая нѣкая и горѣ несущаяся вещь—добродѣтель. А тяжесть и легкость между собою противоположны. Посему невозможно кому либо стать легкимъ, пригвоздивъ себя къ тяжести вещества.

Потому, если надлежитъ взойти намъ въ горнее, то обнищаемъ влекущимъ долу, чтобы стать въ горнемъ. Какой же къ тому способъ? указываетъ его псалмопѣніе: *расточи, даде убоилъ: правда ея пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Псал. 111, 9.). Кто вступилъ въ общеніе съ нищимъ, тотъ поставилъ себя въ единую часть съ Обнищавшимъ ради насъ. Господь обнищаль, чтобы и ты не убоился нищеты. Но Обнищавшій ради насъ царствуетъ надъ всею тварію. Поэтому, если и ты обнищаешь съ Обнищавшимъ, то будешь и царствовать вмѣстѣ съ Царствующимъ. Ибо *блаженни нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное*, котораго и мы да сподобимся о Христвъ Иисувъ Господѣ нашемъ! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2.

Блаженни кротцыи: яко тии наследятъ землю (Мате. 5, 5).

Восходящiе вверхъ по какой нибудь лѣстницѣ, когда стануть на первую ступень, съ нея поднимаются на лежащую выше, и вторая опять ведетъ восходящаго на третью, а эта на слѣдующую, и сiя слѣдующая на ту, которая за ней; а такимъ образомъ восходящiй съ ступени, на которой стоитъ, подымается всегда на высшую, и достигаетъ самой вершины своего восхожденiя. Чтѣ же имѣя въ виду, съ сего начинаю я рѣчь? Мнѣ кажется, что на подобiе ступеней расположенъ рядъ блаженствъ, удобнымъ дѣлающiй въ словѣ восхожденiе отъ одного блаженства къ другому. Ибо того, кто восшелъ разумѣнiемъ до перваго блаженства, по какой-то необходимой послѣдовательности мыслей, приѣмлетъ слѣдующее за нимъ; хотя слово, по видимому, съ перваго взгляда и представляетъ нѣчто странное.

Слушатель скажетъ, можетъ быть, если слѣдовать расположенiю ступеней, то невозможно послѣ царствiя небеснаго получить наследiе земли. Напротивъ того, если слово должно было слѣдовать естеству вещей, то послѣдо-

вательнѣе было бы прежде неба упомянуть о землѣ, такъ какъ съ нея будетъ и наше восхожденіе на небо. Но если окрылимся нѣсколько словомъ, и станемъ на самомъ хребтѣ небеснаго свода; то найдемъ тамъ небесную землю, уготованную въ наслѣдіе жившимъ добродѣтельно; такъ что не окажется погрѣшности въ порядкѣ послѣдованія блаженствъ, по которому въ Божіихъ обѣтованіяхъ предложены намъ, сперва небо, и потомъ земля. Ибо видимое небо, что касается до тѣлеснаго чувства, во всемъ само съ собою сродно; и хотя представляется, по мѣстному разстоянію, высокимъ; однакоже оно ниже духовной сущности, до которой не можетъ восходить помысль, не миновавъ прежде умомъ того, до чего касается чувство. Если же землю именуется высшій жребій, то ни мало не дивись сему: потому что къ низости нашего слуха снисходитъ Слово, и снисшедшее къ намъ потому, что мы не способны были до Него возвыситься. Посему знакомыми намъ рѣченіями и словами передаетъ Оно Божественныя тайны, употребляя такія слова, которыя обычай удерживаетъ въ человѣческой жизни. Ибо и въ предыдущемъ обѣтованіи неизрѣченное оное на небесахъ блаженство наименовало царствомъ, ужели указывая симъ именованіемъ на что либо подобное тому, что бываетъ въ дольномъ царствѣ, на примѣръ, какіе либо вѣнцы, сіяющіе блескомъ

камней, цвѣтныя багряницы, чѣмъ-то усладительнымъ блещущія для жадныхъ очей, предверія и завѣсы, возвышенныя сѣдалища, ряды чинно предстоящихъ коньеносцевъ, и все иное, что выставляютъ на видъ на такомъ позорищѣ жизни старающіеся такими вещами еще выше поднять величіе власти? Но поелику именованіе царства, относительно къ сей жизни есть нѣчто великое и почти выше всего вождельннаго для людей; то Слово поэтому сіе именованіе употребило для означенія высшихъ благъ; такъ что, если бы у людей было нѣчто другое высшее царства, то, конечно, и Слово именованіемъ того окрылило бы душу слушателя къ вождельнню неизрѣченнаго блаженства. ~~Ибо открыть людямъ онныя~~ блага, которыя выше и чувства и вѣдѣнія человеческого, и невозможно было подъ собственными ихъ именами. Сказано: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце челоуьку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.). Но чтобы уповаемое блаженство не совершенно осталось далекимъ отъ нашего гаданія, сколько вмѣщаемъ по низости нашего естества, столько и слышимъ неизъяснимаго.

Посему подобоименность земли да не увлекаетъ твоего разумѣнія послѣ небесъ на дольную опять землю; но если ты отъ первыхъ блаженствъ возвысился умомъ, и возшелъ къ небесному упованію; то прости любовѣдніе

твое до той земли, которая—не общее всѣхъ наследіе, а только за кротость жизни признанныхъ достойными онаго обѣтованія. Ее-то, мнѣ кажется, и великій Давидъ, о которомъ божественнымъ Писаніемъ засвидѣтельствовано, что былъ кротокъ и незлобивъ паче всѣхъ въ его время жившихъ въ мірѣ, руководимый духомъ проразумѣль, и обладалъ уже по вѣрѣ уповаемымъ, сказавъ: *открою видѣти благая на земли живыхъ* (Псал. 26, 13.). Ибо не полагаю, что Пророкъ этою землею живыхъ нарекъ землю, возвращающую все смертное и въ себя опять разрѣшающую всякое отъ нея порожденіе. Напротивъ того зналъ онъ землю живыхъ, на которую не вступала смерть, по которой не протоптанъ путь грѣшниковъ, которая не принимала на себя слѣда порока, которой не разсѣкалъ плугомъ лукавства съятель плевелъ, которая не произращаетъ волчцевъ и терній, на которой вода упокоенія, и мѣсто злачное, и на четыре тока раздѣляемый источникъ, и виноградъ воздѣлываемый Богомъ всяческихъ, и все иное, что слышимъ загадочно высказаннымъ въ богодухновенномъ ученіи. Если же подлинно разумѣется нами эта высокая земля, превъше небесъ представляемая, на которой населенъ *градъ Царя великаго* (Псал. 47, 3.), *о немъ же преславная глаголашася*, какъ говоритъ Пророкъ (Псал. 86, 3.); то не справедливо будетъ находить страннымъ

порядокъ послѣдовательности блаженствъ. А иначе не вѣроятно было бы, какъ думаю, чтобы сія земля благословенія предоставлялась упованію тѣхъ, которые, какъ говоритъ Апостолъ, будутъ восхищены на облакахъ по воздуху въ срѣтеніе Господу, и тако всегда съ Господемъ будутъ. Ибо какая еще потребность въ дольней землѣ тѣмъ, у кого въ упованіи жизнь превыспренняя? Мы же *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздуху, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. 4, 17.).

Но посмотримъ, въ награду за какую добродѣтель предназначается наслѣдіе оной земли. Сказано: *блажени кротцыи: яко ти наслѣдятъ землю*. Чтѣ такое кротость? И за чтѣ Слово ублажаетъ кротость? По моему мнѣнію, не должно равно почитать добродѣтелию всего того, чтѣ дѣлается съ кротостію, особенно если словомъ симъ обозначаются только тишь и медленность. Въ скороходахъ тихій не лучше послѣшнаго; и въ рукопашномъ бою не тотъ, кто съ трудомъ движется, восхищаетъ вѣнецъ у противника; и если течемъ *къ почести вышнему званію* (Фил. 3, 14.), то Павелъ совѣтуетъ усилить скорость, говоря: *такъ тецѣте. да постигнете* (1 Кор. 9, 24.), потому что и самъ, съ усиленнымъ всегда движеніемъ, стремился впередъ, предавая забвенію заднее; и поворотливъ былъ въ руко-

пашномъ бою. Ибо высматривалъ готовность противника къ нападенію, надежною ступаль ногою, вооруженными имѣлъ руки, не во что либо пустое и несостоятельное повергалъ изъ рукъ оружіе, но касался имъ самыхъ существенныхъ частей противоборника, нанося удары самому тѣлу. Угодно ли тебѣ знать Павлово искусство въ бою? Посмотри на раны борющагося съ нимъ; посмотри на подбитыя глаза у противника; посмотри на слѣды язвъ у побѣжденнаго. Безъ сомнѣнія же не неизвѣстенъ тебѣ противникъ, борющійся съ нимъ при помощи плоти, которому подбиваетъ онъ глаза, раздирая ногтями воздержанія, котораго члены умерщвляетъ голодомъ, жаждою, холодомъ, на котораго налагаетъ язвы Господни, котораго побѣждаетъ, оставляя позади себя въ бѣгу, чтобы не помрачить своихъ взоровъ, если сопротивникъ побѣжитъ впереди. Такъ, если скоръ и быстродвиженъ въ подвигахъ Павелъ; то и Давидъ, нападая на враговъ, расширяетъ *стоны* (Псал. 17, 37. 38.), и Женихъ въ Пѣсни по удободвижимости уподобляется *серню, скача на горы, и прескача на холмы* (Пѣсн. пѣсн. 2, 8.). Можно указать и много подобныхъ примѣровъ, изъ которыхъ оказывается, что скорость въ движеніи предпочтительнѣе тихости. Такъ почему же здѣсь Слово въ видѣ преспѣянія ублажаетъ кротость? Ибо сказано: *блаженни кротцыи: яко ти наследятъ*

землю, безъ сомнѣнія, оную землю, плодоносную прекрасными порожденіями, украшенную древомъ жизни, орошаемую источниками духовныхъ дарованій, на которой произрастаетъ истинная виноградная Лоза, дѣлателемъ которой, какъ слышимъ, Отецъ Господа (Іоан. 15, 1.)?

Но Слово, кажется, любомудрствуетъ нѣчто подобное слѣдующему: много удобствъ пороку, естество весьма стремительно къ худшему; какъ и тяжелыя тѣла, хотя совершенно недвижимы вверхъ, но, если толкнуть ихъ по покатости съ какой нибудь высокой вершины, съ такою стремительностію несутся внизъ, увеличивая стремленіе собственною тяжестію, что скорость превосходитъ мѣру. Итакъ, велику быстрота въ стремленіи къ пороку вредна; то, безъ сомнѣнія, достойно будетъ ублаженія представляемое по противоположности. А это есть тихость—навыкъ быть медлительнымъ и неподвижнымъ въ таковыхъ порывахъ естества. Ибо какъ огонь, имѣя свойство двигаться всегда вверхъ, неподвиженъ по направленію противоположному; такъ и добродѣтель, будучи быстродвижною къ горнему и высшему, и никогда неоставляя своей скорости, не дозволеннымъ для себя находить противоположное стремленіе. А посему, такъ какъ въ естествѣ напемъ избыточествуетъ поспѣшность къ худому; то прекрасно ублажается ти-

хость въ дѣлахъ худыхъ. Ибо недѣятельность въ этомъ служитъ свидѣтельствомъ движенія къ горнему.

Но лучше будетъ ученіе сіе объяснить самими примѣрами, заимствованными изъ жизни. Движеніе всякаго произволенія двояко, по причинѣ свободы устремляясь къ тому, что кажется лучшимъ, здѣсь къ цѣломудрію, а тамъ къ непотребству. Но что сказано о частномъ видѣ добродѣтели и порока, то разумѣй и о цѣломъ. Ибо нравъ человѣческой непремѣнно дѣлится по противоположнымъ направленіямъ; раздражительность противоплагается мягкости права, кичливость—скромности, ненависть—благожеланію, непріязненность—любвеобилію и мирному расположенію. Итакъ, поелику жизнь человѣческая вещественна, а страсти изъ за веществъ, всякая же страсть имѣетъ быстрый и неудержимый порывъ къ исполненію желанія (потому что вещество тяжело и стремится внизъ); то Господь, не тѣхъ посему ублажаетъ, которые живутъ внѣ дѣйствія на нихъ страстей (въ жизни вещественной невозможно всецѣло преуспѣть въ житіи невещественномъ и безстрастномъ); но возможнымъ предѣломъ добродѣтели въ жизни человѣческой называетъ кротость, и говорить, что быть кроткимъ достаточно для блаженства. Ибо естеству человѣческому не узаконяетъ совершеннаго безстрастія; правдивому Законоположнику и не свой-

ственно повелѣвать то, чего не приметъ естество. Такое повелѣніе уподоблялось бы распоряженію того, кто живущихъ въ водѣ переселилъ бы на житіе въ воздухъ, или, наоборотъ, все, что живетъ въ воздухѣ, — въ воду. Напротивъ того закону надлежитъ быть примѣненнымъ къ свойственной каждому и естественной силѣ. Поэтому блаженство сіе повелѣваетъ умѣренность и кротость, а не совершеннос безстрастіе; потому что послѣднее виѣ естества, а въ первомъ преуспѣваетъ добродѣтель. Посему, если бы блаженство предполагало неподвижность къ пожеланію, то бесполезно было бы, и ни къ чему не служило въ жизни сіе благословеніе. Ибо кто, сопряженный съ плотію и кровію, достигъ бы такого? Теперь же сказано, что осуждается не тотъ, кто по какому либо случаю вождельмъ, но тотъ, кто по предусмотрѣнію привлекъ къ себѣ страсть. Что происходитъ иногда подобное стремленіе, до этого и противъ воли доводитъ часто соединенная съ естествомъ нашимъ немощь; но неувлекаться, на подобіе потока, стремительною страстей, а мужественно противостать такому расположенію и страсть отразить разсудкомъ, — это есть дѣло добродѣтельное.

Посему блаженны не предающіеся вдругъ страстнымъ движеніямъ души, но сдерживаемые разумомъ, — тѣ, у кого помысль, подобно

какой-то уздѣ, останавливаетъ порывы, не дозволяетъ душѣ вдаваться въ безчиніе. Лучше же сказать, подобное сему, а именно, что достойна улаженія кротость, можно всякому видѣть въ страсти раздраженія. Ибо какъ скоро слово, или дѣло какое, или предположеніе какой либо непріятности, возбудитъ такую болѣзнь, кровь въ сердцѣ закипаетъ, и душа готова подвигнуться къ мщенію; и какъ по баснословію инья снадобья измѣняютъ наше естество въ образъ безсловесныхъ, животныхъ, такъ и тогда человѣкъ отъ раздраженія дѣлается внезапно вепремъ, или псомъ, или барсомъ, или другимъ какимъ подобнымъ звѣремъ; у него налившіеся кровью глаза, ставшіе дыбомъ и ощетинившіеся волосы, голосъ суровый, рѣчь колкая, языкъ оцѣпенѣвшій отъ страсти, и неспособный служить внутреннимъ порывамъ, губы недвижущіяся, не выговаривающія словъ, неудерживающія во рту поражаемой страстью влаги, но безобразно вмѣстѣ съ звукомъ выплевывающія эту пѣну, а таковы и руки, таковы и ноги, таково все строеніе тѣла, каждый членъ соотвѣтствуетъ страсти. Посему, если таковъ раздраженный; а имѣющій въ виду блаженство при помощи разсудка укрощаетъ болѣзнь, и выражаетъ сіе и спокойнымъ взглядомъ, и тихимъ голосомъ, подобно какому-то врачу, который своимъ искусствомъ врачуетъ бѣснующихся до безоб-

разія; то не скажешь ли и самъ, сравнивъ одного съ другимъ, что жалокъ и мерзокъ этотъ звѣрь; но достоинъ ублаженія кроткій, кого и злоба ближняго не заставила утратить свое благообразіе?

И что Слово имѣеть въ виду сію наипаче страсть, явствуетъ изъ того, что послѣ смиренномудрія узаконяетъ намъ кротость; потому что естественно держаться одному другимъ, и состоянію смиренномудрія быть какъ бы матерью какою кроткаго навыка. Ибо если уничтожить въ нравѣ кичливость, то не будетъ времени породиться страсти раздраженія; потому что причиною такового недуга въ раздраженныхъ бываютъ обида и безчестіе. Безчестіе же не касается того, кто обучилъ себя смиренномудрію. Если у кого помысль чистъ отъ человѣческаго обольщенія, и видитъ онъ ничтожество естества, какое и ему дано въ удѣлъ, также какое начало его состава, и къ какому концу стремится краткость и скоротечность здѣшней жизни, видитъ сопряженную съ плотію, нечистоту, и бѣдность естества, которое само по себѣ недостаточно было бы къ поддержанію собственнаго своего состава, если бы недостатковъ его не восполняло обиліе безсловесныхъ, а сверхъ сего видитъ скорби, печали, бѣдствія и многообразныя виды болѣзней, которымъ подлежитъ человѣческая жизнь, и отъ которыхъ никто не изъять и не

свободенъ по естеству: то тщательно всматривающемуся въ это чистымъ окомъ души не легко будетъ вознегодовать на недостатки воздаваемыхъ ему почестей. Напротивъ того обманомъ почтетъ почесть за что либо оказываемую ему ближнимъ, потому что въ естествѣ нашемъ ничего такого нѣтъ, что можетъ стоять въ ряду вещей досточестныхъ, кромѣ одной только души, которой честь составляетъ не чѣмъ либо взыскуемымъ въ этомъ мѣрѣ. Ибо тщеславиться богатствомъ, или величаться родомъ, или мечтать о славѣ, или мысленно присвоить себѣ верхъ надъ ближнимъ, чѣмъ и ограничиваются человѣческія почести, все это служитъ душѣ въ посрамленіе и укоризну, такъ что человѣкъ разсудительный не согласится чѣмъ либо подобнымъ сему осквернить чистоту души. Вести же себя такъ—не иное что значить, какъ глубоко укорениться въ смиренномудріи, по преуспѣяніи въ которомъ, раздраженіе даже не будетъ имѣть и входа въ душу. А когда нѣтъ раздраженія, преслѣдуетъ *тихое и безмоленное житіе* (1 Тим. 2, 2.); оное же не иное что есть, какъ кротость, которой конецъ блаженство и наслѣдіе небесной земли (к) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

(к) Послѣднія слова переведены по рукописи N 71.

С Л О В О 3.

Блаженни плачущи: яко ти утлышатся (Матв. 5, 4.).

Не взопли мы еще на вершину горы, но въ мысленномъ пока подгоріи; хотя и миновали уже два нѣкіе холма, блаженствами возведенные въ блаженную нищету и высшую нищеты кротость, откуда слово ведетъ насъ къ большимъ еще возвышеніямъ, и показываетъ между блаженствами третью по порядку возвышенность, на которую, безъ сомнѣнія, надлежитъ поспѣшить, какъ говоритъ Апостолъ, *лѣность всяку отложше, и удобь обстоятельный грѣхъ* (Евр. 12, 1.); чтобы легкими и проворными ставъ на вершинѣ, приблизиться душою къ чистѣйшему свѣту истины. Посему, что значитъ сказанное: *блаженни плачущи: яко ти утлышатся?*

Посмѣется, конечно, у кого въ виду этотъ міръ, и, издѣваясь надъ словомъ симъ, скажетъ такъ: если ублажаются по жизни истощаемые всякимъ бѣдствіемъ; то слѣдуетъ, конечно, что бѣдствуютъ тѣ, у кого жизнь безпечальна и благоденственна. И такимъ образомъ увеличитъ еще смѣхъ, перечисляя роды бѣдствій, выставляя на видъ худыя послѣдствія вдовства, горькое состояніе сиротства, убытки, кораблекрушенія, взятіе въ плѣнъ на войнѣ,

несправедливыя рѣшенія въ судахъ, изгнанія изъ отечества, описанія имуществъ, безчестія, бѣдствія отъ болѣзней, какъ то: увѣчья, отъятіе членовъ, и всякаго рода тѣлесныя поврежденія, и если еще какое страданіе, касающееся или тѣла, или души, приключается людямъ въ сей жизни, все опишетъ въ словѣ, и тѣмъ, по его мнѣнію, докажетъ, будто бы достойно осмѣянія слово, ублажающее плачущихъ. Но мы, не обращая много вниманія на тѣхъ, которые имѣютъ тѣсный и низкій взглядъ на мысли Божественныя, постараемся, сколько возможно, разсмотрѣть заключающееся въ глубинѣ сказаннаго богатство; чтобы и чрезъ это сдѣлалось явнымъ, сколько разности въ разумѣніи плотскомъ и перстномъ съ разумѣніемъ возвышеннымъ, небеснымъ.

Съ перваго взгляда блаженнымъ можно признать плачъ о проступкахъ и о грѣхахъ, по ученію о печали Павла, который сказалъ, что не одинъ видъ печали, но есть печаль мірская, и есть печаль *по Бозь содѣваемая*, и дѣло печали мірской—смерть, а вторая печаль покаяніемъ *содѣловаетъ* печалующимся спасеніе (2 Кор. 7, 10.). Ибо подлинно не недостойно ублаженія такое состояніе души, когда, пришедши въ чувство худости, оплакиваетъ она порочную жизнь. Какъ въ тѣлесныхъ недугахъ, въ которыхъ одна изъ частей тѣла отъ какого либо поврежденія дѣлается недѣйствующею,

знакомъ омертвенія недѣйствующей части служить ея безчувственность; если же какимъ врачевнымъ искусствомъ тѣлу снова возвращено будетъ жизненное чувство, то радуются уже болямъ члена, и самъ страждущій, и прислуживающій больному, признакомъ переворота болѣзни на здравіе принимая то, что членъ сталъ уже чувствовать причиняемую ему боль: такъ, когда иные, какъ говорить Апостоль, *въ нечаяніе вложшеся* предадутъ себе (Еф. 4, 19.) жизни грѣховной, ставъ подлинно какими-то мертвыми и недѣйствующими для жизни добродѣтельной, ни мало не чувствуютъ они того, что дѣлаютъ. Если же коснется ихъ какое либо врачующее слово, какъ бы горячими какими и опаляющими составами, — разумѣю строгія угрозы будущимъ судомъ, — и страхомъ ожидаемаго до глубины проникнетъ сердце, и въ немъ, оцѣпенѣвшемъ отъ страсти сластолюбія, какъ бы растирая и согрѣвая, подобно какому-то горячптельному и острому врачевству, — страхъ геенны, огонь неугасимый, червя неумирающаго, скрежетъ зубовъ, непрестающій плачь, тму кромѣшную и все сему подобное, заставитъ почувствовать ту жизнь, какую проводить; то содѣлаетъ его достойнымъ ублаженія, произведя въ душѣ болѣзненное чувство. Какъ и Павелъ восшедшаго неистово на отцево ложе до тѣхъ поръ бичуетъ словомъ, пока остается онъ безчувственнымъ

къ своему грѣху; а когда врачество укоризнѣ коснулось этого человѣка, какъ содѣлавшагося уже блаженнымъ за свой плачь, начинаетъ утѣшать, *да не мноюю*, какъ говорить, *скорбію пожертвѣ будетъ таковъи* (2 Кор. 2, 7.).

Положимъ, что и эта мысль въ предлагаемомъ взглядѣ на ученіе о блаженствѣ небезполезна будетъ для жизни добродѣтельной, потому что грѣхъ въ естествѣ человѣческомъ какъ-то умножается, а покаянный плачь оказывается врачествомъ отъ него; но мнѣ кажется, что слово усильнѣйшимъ дѣйствіемъ плача означаетъ нѣчто имѣющее болѣе глубокой смыслъ, нежели сказанное, заставляя разумѣть кромѣ сего нѣчто иное. Ибо если бы слово указывало на одно покаяніе по прегрѣшеніи, то послѣдовательнѣе было бы ублажать плакавшихъ, а не всегда плачущихъ. Такъ если для сравненія взять болѣзненное состояніе; то ублажаемъ излѣчившихся, а не тѣхъ, которые всегда лечатся, потому что продолженіе лѣченія показываетъ вмѣстѣ и неукрощаемость недуга. Но и по другой причинѣ, кажется мнѣ, не хорошо ограничиться такою одною мыслию, будто бы словомъ симъ удѣляется блаженство однимъ плачущимъ о грѣхахъ. Ибо найдемъ многихъ, проведшихъ жизнь безукоризненно, и, по свидѣтельству самаго Божія Слова, отличившихся всякимъ добрымъ дѣломъ. Какая любостыжательность

у Иоанна? Какое идолослуженіе у Іліи? Какое малое или большое прегрѣшеніе въ ихъ жизни извѣстно исторіи? Что же? Неужели слово сіе предположить, что внѣ блаженства и они, и первоначально неболѣвшіе, и недошедшіе до потребности въ семъ врачевствѣ, разумью покаянный плачь? Не будетъ ли нелѣпо признать таковыхъ лишенными божественнаго ублаженія за то, что не грѣшили, и не врачевали грѣха плачемъ? Или въ такомъ случаѣ грѣшить не будетъ ли предпочтительнѣе того, чтобы жить безгрѣшно, если однимъ кающимся дана въ удѣлъ Утѣшителява благодать? Ибо сказано: *блажени плачущіи: яко тѣмъ утѣшатся*. Посему, сколько можно, послѣдовавъ, какъ говоритъ Аввакумъ, *на высокая* Восходящему (Авв. 3, 19.), еще поищемъ заключающагося въ сказанномъ смысла, чтобы дознать, какому плачу уготовано утѣшеніе Святаго Духа.

Посему посмотримъ сперва, что такое въ человѣческой жизни самый плачь, и отчего иногда бываетъ онъ? Всякому явно, что плачь есть унылое расположеніе души, появляющееся при лишеніи чего либо любимаго; каковое состояніе въ живущихъ благополучно не имѣетъ мѣста. Напримѣръ: человѣкъ благоуспѣшенъ въ жизни, всѣ дѣла идутъ, какъ по теченію рѣки, въ пріятность ему, веселитъ его супруга, радуютъ дѣти, подкрѣпляютъ своимъ содѣйствіемъ братья, въ народномъ собраніи онъ

пользуется почетомъ, а у начальства добрымъ о себѣ мнѣніемъ, страшень противникамъ, уважается подчиненными, обходителень съ друзьями, изобилуетъ богатствомъ, живетъ въ свое удовольствіе, пріятень, безпечалень, крѣпокъ тѣломъ, имѣеть все, что почитается въ этомъ мірѣ дорогимъ: такой человекъ, конечно, живетъ (л) въ веселіи, наслаждаясь каждою вещію, какая есть у него. Но если благоденствія сего коснется какая либо превратность, и, по дурному какому-то стеченію обстоятельствъ, произведетъ или разрывъ съ наиболѣе любимыми, или утрату въ имуществѣ, или какія либо тѣлесныя поврежденія (м); тогда лишеніемъ увеселяющаго производится противоположное расположеніе, которое называемъ плачемъ. Посему истинно данное о немъ понятіе, что плачь есть скорбное нѣкое ощущеніе утраты того, что увеселяетъ. Если же понять нами плачь человѣческой, то пусть очевидное послужитъ нѣкоторымъ путевказаніемъ къ незнаемому, и сдѣлается явнымъ, что такое плачь ублажаемый, за которымъ слѣдуетъ утѣшеніе.

Ибо, если здѣсь плачь производится лишеніемъ благъ, какія у кого есть, и никто не

(л) Слово сіе дополнено по рукописи.

(м) Въ рукописи читается: *η τινος πύρωσης τῆς σωματός.*

станеть оплакивать того, что желаеть утратить; то надлежитъ прежде узнать самое благо, что оно такое въ дѣйствительности, а потомъ составить понятіе о человѣческомъ ествѣ; ибо симъ достигнется и то, чтобы преуспѣть въ ублажаемомъ плачѣ. Напримѣръ изъ живущихъ во тмѣ, когда одинъ родился въ темнотѣ, а другой привыкъ наслаждаться внѣшнимъ свѣтомъ, но насильно сталъ заключеннымъ, настоящее бѣдствіе не одинаково дѣйствуетъ на обоихъ. Ибо одинъ, зная, чего лишился, тяжелымъ для себя почтетъ утрату свѣта; а другой, совсѣмъ не знавшій такой благодати, проживетъ безпечально, какъ выросшій во мракѣ, и разсуждая, что не лишенъ ни одного изъ благъ. А посему пожеланіе насладиться свѣтомъ одного поведетъ ко всякому усилію и примышленію снова увидѣть то, чего лишенъ насильно; а другой состарится, живя въ темнотѣ, потому что не зналъ лучшаго, признавая для себя благомъ настоящее. Такъ и въ разсужденіи того, о чемъ у насъ рѣчь, кто возмогъ усмотрѣть истинное благо, и потомъ уразумѣлъ нищету человѣческаго естества, тотъ, конечно, почтетъ душу бѣдствующею, оплакивая то, что настоящая жизнь не пользуется онымъ благомъ. Посему, кажется мнѣ, слово ублажаетъ не печаль, но познаніе блага, по причинѣ котораго человѣкъ страждетъ печалію о томъ, что нѣтъ въ жизни сего искомаго.

Посему порядокъ требуетъ изслѣдовать, дѣйствительное ли нѣчто есть оный свѣтъ, которымъ темный этотъ вертепъ естества человѣческаго не озаряется въ настоящей жизни? Или, можетъ быть, пожеланіе стремится къ тому, чего нѣтъ, и что непостижимо? Ибо таковъ ли нашъ разсудокъ, чтобы слѣдить ему за естествомъ искомага? Таково ли значеніе именъ и рѣченій, чтобы передать намъ ими достойное понятіе о высшемъ свѣтѣ? Какъ наименую незримое? Какъ представлю невещественное? Какъ покажу не имѣющее вида? Какъ постигну то, что не имѣетъ ни величины, ни количества, ни качества, ни очертанія, не находится ни въ мѣстѣ, ни во времени, внѣ всякаго ограниченія и опредѣленнаго представленія? Чье дѣло—жизнь и самостоятельность всего представляемаго благомъ? Къ чему прилагается мыслію всякое высокое понятіе и именованіе: Божество, царство, сила, присносушіе, нетлѣніе, радость, радованіе, и все высоко мыслимое и сказуемое? Посему, какъ и при какихъ помыслахъ возможно, чтобы таковое благо стало доступнымъ взору, — было и созерцаемымъ и не видимымъ? Всѣмъ существамъ сообщило бытіе, а само было присносушимъ, и не имѣло нужды приведенія въ бытіе?

Но чтобы не утруждалъ себя напрасно разумъ, простираясь до предѣловъ безпредѣльнаго, прекратимъ пытлиное изслѣдованіе объ

естествѣ превысшихъ благъ, такъ какъ все подобное сему не можетъ и быть постигнуто; извлечемъ же ту одну пользу изъ своихъ изысканій, что, по самой невозможности увидѣть искомое, отпечатлѣется въ насъ нѣкое понятіе о величій искомага. Но въ какой мѣрѣ, по нашему вѣрованію, благо по естеству своему выше нашего вѣдѣнія, въ такой паче и паче усиливаемъ въ себѣ плачь о благѣ, съ которымъ мы разлучены, и которое такъ высоко и велико, что даже вѣдѣніе о немъ не можетъ быть вмѣстимо. И сего-то блага, превышающаго всякую силу постиженія, мы люди были нѣкогда причастниками; и въ естествѣ нашемъ оное превысшее всякаго понятія благо было въ такой мѣрѣ, что обладаемое человѣкомъ, по самому точному сходству съ первообразомъ, казалось новымъ благомъ, принявшимъ на себя образъ перваго. Ибо что теперъ гадательно представляемъ объ ономъ благѣ, все то было у человѣка: нетлѣніе и блаженство, самообладаніе и неподвластность, безпечальная и незанятая жизнь, занятіе божественнымъ, — тѣмъ, чтобы взирать на благо и чистымъ и обнаженнымъ отъ всякаго покрывала разумѣніемъ. Ибо все сіе даетъ намъ въ немногихъ реченіяхъ гадательно уразумѣть слово о міробытіи, говоря, что человѣкъ созданъ по образу Божию, жилъ въ раю, и наслаждался насажденнымъ тамъ; а плодъ оныхъ растеній — жизнь,

вѣдѣніе и подобное сему. Если же это было у насъ; то какъ не востенать о бѣдствіи, сравнительно съ тогдашнимъ блаженствомъ сличающему настоящую нынѣ бѣдность? Высокое унижено; созданное по образу небеснаго оземлилось; поставленное царствовать поработилось; сотворенное для безсмертія растлѣно смертію; пребывающее въ райскомъ наслажденіи преселено въ эту болѣзненную и много трудную страну; воспитанное въ безстрастіи обмѣняло сіе на жизнь страстную и кратковременную; неподвластное и свободное нынѣ подъ господствомъ столь великихъ и многихъ золь, что невозможно исчислить нашихъ мучителей. Ибо каждая въ насъ страсть, когда возобладаетъ, дѣлается властелиномъ порабощеннаго, и подобно какому-то преобладателю, занявъ твердыню души, чрезъ самихъ подчинившихся ей мучить подвластнаго, наши же помыслы въ угодность себѣ употребляя на свою прислугу. Такъ раздражительность, гнѣвъ, страхъ, боязнь, дерзость, состояніе печали и удовольствія, ненависть, ссора, безчеловѣчіе, жестокость, зависть, ласкательство, памятозлобіе, нечувствительность, и всѣ страсти, представляющіяся противъ насъ дѣйствующими, составляютъ списокъ какихъ-то мучителей и властелиновъ, какъ плѣнника какого, власти своей порабощающихъ душу. А если кто исчислитъ и бѣды постигающія тѣло, тѣсно

соединенныя и неразлучныя съ естествомъ нашимъ — разумью различные и разнообразныя роды болѣзней, которыхъ въ началѣ вообще не испытывало человѣчество; — то гораздо обильнѣйшія прольетъ слезы, смотря вмѣсто благъ сравнительно съ ними на скорби и благоденствію противоположныя бѣдствія.

Посему Ублажающій плачь, кажется, втайнѣ учить душу обращать взоръ къ истинному благу, и не погружаться въ настоящую прелесть сей жизни. Ибо невозможно, какъ никакому тщательно въ дѣла прожить безъ слезъ, такъ глубоко погрязшему въ житейскихъ удовольствіяхъ думать, что онъ печаленъ. Подобное сему можно видѣть на бессловесныхъ. Хотя жалости достойно устройство ихъ естества (ибо что жалостнѣе сего — быть лишеннымъ разума?); однакоже нѣтъ у нихъ никакого чувства о своемъ несчастіи; напротивъ того и ими проводится жизнь съ нѣкоторымъ удовольствіемъ: конь поднимаетъ вверхъ голову, волъ взрываетъ пыль, свинья щетинитъ волосы, молодые псы играютъ, тельцы прыгаютъ, и всякое животное, какъ можно видѣть, какими нибудь знаками показываетъ свое удовольствіе. А если было бы у нихъ какое либо понятіе о дарѣ разума; то не проводили бы они въ удовольствіи своей глупой и бѣдственной жизни. Такъ и людьми, у которыхъ нѣтъ никакого вѣдѣнія о благахъ, ка-

кихъ лишилось естество наше, настоящая жизнь препроводится въ удовольствіи. А кто улаждается настоящимъ, тому слѣдуетъ не искать лучшаго. И кто не ищетъ, тотъ и не найдетъ приобретаемаго одними ищущими.

Итакъ поэтому Слово улажаетъ плачь, признавая его блаженнымъ не потому, что таковъ онъ самъ по себѣ, но потому, что отъ него происходитъ. Да и связь рѣчи показываетъ, что для плачущихъ блаженно плакать, такъ какъ сіе самое приводитъ къ утѣшенію. Ибо Господь сказалъ: *блазени плачущи*, и не оставилъ на семь рѣчи, но присовокупилъ: *яко тѣи утѣшатся*. Сіе-то, кажется мнѣ, проразумѣвъ великій Моисей (лучше же сказать, Слово чрезъ него учреждающее это), въ таинственныхъ обрядахъ пасхи узаконилъ іудеямъ въ дни сего праздника ѣсть нектвасный хлѣбъ, а приправою къ снѣди содѣлалъ *горькое зеліе* (Исх. 12, 8.), таковыми гаданіями давая намъ возможность дознать, что не иначе можемъ стать причастниками таинственнаго онаго празднества, какъ къ неизнѣженной (н) и безктвасной жизни добровольно примѣшавъ горькое зеліе вѣка сего. Посему и великій Давидъ, даже видя у себя высочайшую мѣру человѣческаго благополучія, разумѣю царство, — обильно надѣляетъ жизнь свою горькимъ зеліемъ, жалобно стняя и оплакивая продолженіе пришельствія

(н) По рукописи вмѣсто: *נֶחֱמָה* читается:

своего во плоти, и лишаясь силъ отъ пожеланія чего-то большаго, говоритъ: *увѣ мнѣ, яко пришесть мое продолжится* (Псал. 119, 5.); а въ другомъ мѣстѣ, неослабно взирая на красоту селеній Божіихъ, говоритъ, что *скончается* отъ сильнаго желанія, признавая для себя достопочтеннѣйшимъ причитаться тамъ къ послѣднимъ, нежели первенствовать въ обладаніи настоящимъ (Псал. 83, 2. 3. 11.).

Но если кому угодно точнѣе уразумѣть силу ублажаемаго онаго плача; то пусть разбереть самъ съ собою повѣствованіе о Лазарѣ и богатомъ, въ которомъ съ большею открытностію уясняется намъ таковое ученіе. Ибо Авраамъ говоритъ богатому: *помяни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твоимъ, и Лазарь такожде зля: посему онъ утѣшается, ты же страждеша* (Лук. 16, 25.). Сему и быть надлежало послѣ того, какъ чуждыми благаго Божія о чловѣкѣ смотрѣнія содѣлало насъ неразуміе, лучше же сказать, злоуміе. Поелику Богъ узаконилъ намъ наслаждаться благомъ, къ которому не примѣшано зло, и воспретилъ къ хорошему примѣшивать испытаніе худаго; то, когда мы по жадности своевольно пресытились противнымъ, то есть вкусили преслушанія Божія слова; — конечно естеству чловѣческому надлежитъ по этому извѣдать то и другое, имѣть часть въ печальномъ и веселящемъ. И какъ два вѣка, также и жизнь,

въ сообразность съ каждымъ собственно вѣкомъ, представляется двойкою. Подобно сему и веселіе двойко: одно—въ настоящемъ вѣкѣ, а другое—въ предстоящемъ намъ по упованію; то достоблаженно, долю увеселенія истинными благами предоставить вѣчной жизни, а служеніе печали исполнить въ этой краткой и временной жизни, почитая для себя утратою не то, если лишимся чего либо пріятнаго въ сей жизни, но то, если за наслажденіе сею пріятностію не получимъ лучшаго. Посему, если блаженно въ безконечные вѣки имѣть нескончаемое и всегда продолжающееся веселіе, а естеству человѣческому непременно должно вкусить и противоположнаго: то не трудно уже понять, что имѣть въ виду слово. Почему *блаженни плачущіи* нынѣ? Потому что *тѣи утѣшатся* въ безконечные вѣки. Утѣшеніемъ же служить причастіе Утѣшителя; ибо собственное дѣйствіе Духа есть даръ утѣшенія, котораго да сподобимся и мы, по благодати Господа нашего Иисуса Христа! Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 4.

*Блаженни алчущіи и жаждущіи правды:
яко тѣи насытятся* (Матѣ. 5, 6.).

Свѣдущіе во врачебномъ искусствѣ говорятъ, что страждущіе желудкомъ и худымъ поэзы-

вомъ на пищу, отъ скопленія въ верхней части желудка дурныхъ какихъ либо соковъ и излишествъ, всегда представляютъ желудокъ свой полнымъ и сытымъ, и потому имѣютъ отвращеніе отъ пищи полезной, по причинѣ ослабленія естественнаго позыва во время этой мнимой сытости. Но если приложено будетъ о нихъ какое либо попеченіе врачебнаго искусства; то, по очищеніи какимъ либо разводящимъ врачебнымъ питіемъ скопившагося въ желудочныхъ полостяхъ, произойдетъ, что ничто чуждое уже не будетъ беспокоить естества, возвратится же имъ позывъ на пищу полезную и питательную. И признакомъ здоровья служить, что пища принимается уже не принужденно, но съ пожеланіемъ и увлеченіемъ.

Что же значить у меня это вступленіе? По велику слово, руководящее насъ на высшія ступени лѣствицы блаженствъ, и, по выраженію Пророка, полагающее добрыя *восхожденія въ сердцѣ* нашемъ (Псал. 83. 6.), поступаая послѣдовательно, послѣ совершенныхъ уже нами прежде, восходовъ указываетъ подобное еще новое четвертое восхожденіе, говоря: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся*: то хорошо, думаю, избавивъ душу отъ утраты позыва на пищу и отъ пресыщенія, сколько возможно, возбудить въ себѣ самихъ этотъ блаженный позывъ на пищу и питіе. Ибо не возможно человѣку, ни быть

сильнымъ безъ достаточной пищи, подкрѣпляющей его силы, ни насытиться пищею, не вкушая ея, ни питаться ею безъ позыва на пищу. Итакъ, поелику сила есть нѣкое жизненное благо; и она соблюдается достаточною сытостію; а сытость бываетъ отъ пищи, вкушаемъ же при позывѣ на пищу: то позывъ сей въ живыхъ есть нѣчто достойное ублаженія, служащее въ насъ началомъ и причиною силы. Но въ разсужденіи чувственной этой пищи бываетъ съ нами, что не всѣ желаемъ тѣхъ же снѣдей, и пожеланіе вкушающихъ дѣлится не рѣдко по родамъ яствъ, одному пріятно сладкое, а другой чувствуетъ побужденіе къ острому и горячительному; иному же нравится солоноватое, и иному—кислое; случается же часто, что не у всякаго бываетъ побужденіе къ снѣди полезной; ибо иный, по какой-то особености сложенія имѣя склонность къ какой либо страсти, питаетъ болѣзнь соотвѣтственными ей по качеству яствами. А если будетъ имѣть онъ побужденіе къ яствамъ полезнымъ, то, безъ сомнѣнія, проживетъ наслаждаясь здоровьемъ; потому что пища соблюдетъ тѣлесное его благосостояніе. Такъ и въ душевной пищѣ не у всѣхъ пожеланія склонны къ одному и тому же. Одни желаютъ себѣ славы, или богатства, или какой либо мірской знаменитости; у другихъ не усыпная забота о хорошемъ столѣ;

иные съ жадностію поглощаютъ зависть, какъ ядовитую какую пищу; а есть и такіе, у которыхъ пожеланіе возбуждается естественно прекраснымъ. Естественно же прекрасно всегда и для всѣхъ то, что не ради чего другаго избирается, но само по себѣ вождѣлѣнно, всегда одинаково, и никогда не теряетъ привлекательности по насыщеніи онымъ. Посему-то Слово ублажаетъ не просто алчущихъ, но тѣхъ, у кого пожеланіе имѣетъ склонность къ истинной правдѣ.

Посему что же такое правда? Ибо сіе, думаю, должно прежде раскрыть въ словѣ, чтобы, когда обнаружится ея красота, тогда уже возбудилось въ насъ влеченіе къ красотѣ видимаго. Ибо не возможно возимѣть пожеланіе чего либо не виданнаго; напротивъ того естество наше въ разсужденіи незнакомаго намъ какъ-то недѣйственно и неподвижно, если посредствомъ слуха или зрѣнія не пріобрѣтетъ какого либо понятія о вождѣлеваемомъ. Потому нѣкоторые изслѣдователи подобнаго сему говорятъ, что правда есть соблюденіе правила, воздавать каждому равно и по достоинству. Напримѣръ, если кто сдѣлается полнымъ господиномъ при раздачѣ денегъ; то имѣющей въ виду равенство и подаваніе соразмѣряющей съ потребностію получающихъ называется правдивымъ. И если кто, получивъ власть судить, произноситъ приговоръ, не по милости какой и

враждѣ, но слѣдуя свойству дѣлъ, и наказываетъ достойныхъ того, и оправдываетъ своимъ приговоромъ подлежащихъ отвѣтственности, и о прочихъ спорныхъ дѣлахъ творить судъ по истинѣ; то и онъ называется правдивымъ. И назначающій подати съ подначальныхъ, когда налагаетъ подать соразмѣрную съ силами, и владыка дома, и начальникъ города, и царь народовъ, — если каждый изъ нихъ правитъ подвластными, не властію неразумныхъ побужденій движимый, но по правотѣ судя ему покорныхъ, и въ рѣшеніи дѣла сообразуясь съ поведеніемъ подначальныхъ; то опредѣляющіе правду соблюденіемъ сказаннаго правила все сему подобное означаютъ именемъ правды. Но, взирая на высоту божественнаго законоположенія, полагаю, что здѣсь подъ правдою разумѣется нѣчто большее сказаннаго. Ибо если спасительное слово изрекается вообще для всего человѣческаго рода, не всякому же человѣку можно быть въ числѣ поименованныхъ (ибо царствовать, начальствовать, творить судъ, имѣть во власти раздачу денегъ, или другое какое смотрѣніе, — удѣлъ не многихъ; великое же множество состоитъ подъ начальствомъ и смотрѣніемъ другихъ); то какъ согласиться кому либо, что истинна та правда, которая не всему роду предлагается въ равной степени? Ибо если, по словамъ вѣдшихъ мудрецовъ, цѣль правды — управленіе; а гдѣ пре-

имущество, тамъ нѣтъ равенства: то даннаго о правдѣ понятія не возможно признать истиннымъ; потому что оно немедленно обличается неравенствомъ въ жизни. Посему какая же правда, простирающаяся на всѣхъ, вождельнѣе которой, какъ общее, предлежитъ всякому, имѣющему въ виду евангельскую трапезу, богатъ ли онъ, или бѣденъ, рабствуетъ, или господствуетъ, знатнаго ли рода, или купленный рабъ, такъ что никакое внѣшнее обстоятельство не увеличиваетъ, и не умаляетъ, понятія правды? Ибо если можетъ она находиться только въ томъ, кто выше прочихъ властію какою и преимуществомъ; то почему праведенъ поверженный у воротъ богатаго Лазарь, не имѣющій у себя ни какого средства для оказанія таковой правды: ни начальства, ни власти, ни дома, ни трапезы, ни другаго какого житейскаго запаса, чѣмъ можно надѣлѣ совершить оную правду? Ибо если правда возможна тому, кто начальствуетъ, одѣлѣетъ, или вообще имѣетъ что либо подѣ смозрѣніемъ; тотъ, кто не завѣдываетъ этимъ, безъ сомнѣнія, внѣ возможности творить правду. Почему же сподобляется успокоенія не имѣвшій у себя того, чѣмъ, по словамъ многихъ, отличается правда? Посему надобно намъ искать той правды, вождельнѣе которой по обѣтованію насладится ею. Ибо сказано: *благосени алмуции правды: яко ти насытятся.*

Поелику много всякаго рода такихъ вещейъ, ко вкушенію которыхъ естество человѣческое стремится съ вождельніемъ; то потребно намъ много свѣдѣнія, чтобы различать въ такихъ снѣдяхъ питательное и ядовитое, и чтобы то, что, по мнѣнію души, приеется въ пищу, вмѣсто жизни не причинило намъ смерти и разрушенія. Но, можетъ быть, безвременно будетъ понятіе о семъ уяснить чѣмъ либо другимъ разрѣшаемымъ въ евангеліи. Вступившій въ общеніе съ нами *по всяческому*, *развь трѣхъ* (Евр. 4, 15.), и приобщившійся тѣхъ же съ нами немощей, не призналъ алканія грѣхомъ, и не отказался собственнымъ Своимъ опытомъ извѣдать сію немощь, но допустилъ до Себя это естественное побужденіе къ пожеланію пищи. Ибо, сорокъ дней пребывъ безъ пищи, *послѣди взалка* (Матѳ. 4, 2.). Такъ, когда хотѣлъ, давалъ естеству время дѣлать свое. Но изобрѣтатель искушеній, какъ скоро узналъ, что и въ Немъ произошла эта немощь алканія, совѣтовалъ удовлетворить желанію камнями, то есть, пожеланіе естественной пищи обратить къ неестественному; ибо говорить: *рцы, да каменіе сіе хлбы будутъ* (3). Въ какой неправдѣ виновно стало земледѣліе? За что было до того возгнущаться сѣменами, чтобы обезчестить и пищу изъ нихъ? За что осуждается Создателя премудрость, будто бы, питая челоувѣчество сѣменами, пи-

тасть не надлежащимъ образомъ? Ибо если теперь камень оказывается болѣе пригоднымъ для пищи; то значить, что Божія премудрость погрѣшила въ должномъ промышленіи о чело-вѣческой жизни. *Рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ,* — сіе и до нынѣ говоритъ онъ тѣмъ, которые искушаются собственнымъ своимъ пожеланіемъ, и говоря такъ, всего чаще визи-рающихъ на него убѣждаетъ уготавливать себѣ пищу изъ камней. Ибо когда пожеланіе вы-ходить изъ необходимыхъ предѣловъ потреб-ности; чтò это иное, какъ не совѣтъ діавола, запрещающій тогда пищу изъ сѣменъ, и вы-зывающій пожеланіе неестественнаго? Изъ кам-ней ѣдятъ хлѣбы предлагающіе ихъ отъ любо-стяжательности, приготавлиющіе себѣ дорогія и пышныя трапезы изъ неправдъ. У нихъ и приготовленіе вечери — какое-то торжество, ухищренно устроенное на изумленіе всѣмъ, выходящее за предѣлы необходимаго для жиз-ни. Ибо чтò общаго съ естественною потреб-ностію имѣетъ не употребляемое въ пищу ве-щество серебра, выставяемое въ тяжеловѣс-ныхъ и съ трудомъ переносимыхъ приборахъ? Чтò такое ощущеніе голода? Не желаніе ли восполнить недостатокъ въ необходимомъ? По-елику сила утратилась, недостающее снова восполняется приличнымъ прибавленіемъ. Хлѣ-ба, или иного чего годнаго въ снѣдъ, жемаетъ естество. А кто вмѣсто хлѣба подноситъ ко

рту золото, тотъ удовлетворяетъ ли нуждѣ? Посему, когда вмѣсто годнаго въ снѣдь ищетъ кто вещества, неупотребляемаго въ пищу; тогда онъ прямо заботится о камняхъ, потому что инаго требуетъ естество, а инымъ занять онъ. Естество ощущеніемъ голода, какъ бы внятнымъ голосомъ, едва не говоритъ, что теперь нужна снѣдь, потому что должно возратить снова тѣлу утраченную силу. А ты не слушаешь естества; даешь ему не то, чего просить. Напротивъ того заботишься, чтобы на столѣ у тебя было большее бремя серебра, приискиваешь ковачей этого вещества, любопытствуешь узнать исторію чеканимыхъ на веществахъ изображеній, чтобы они въ точности передали искусствомъ страсти и нравы, и тебѣ можно было узнать раздраженіе воина, когда заноситъ мечъ на закланіе, и страданіе раненаго, когда, пораженный смертельно, показывается видъ готоваго заплакать, и рьяность звѣролова, и свирѣпость звѣря, и все иное, что съ такою изысканностію эти суетные люди искусно изображаютъ на настольныхъ приборахъ. Естество требуетъ питія; а ты приготавлиешь дорогіе треножки, лохани, чаши, большіе сосуды, и тысячи другихъ приборовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ требуемою нуждою. Ужели въ томъ, что дѣлаешь, не слышишь явно совѣтующаго тебѣ обратить взоръ на камень? А что, если кто опишетъ тебѣ,

чѣмъ сопровождается эта каменная пища, эти гнусныя зрѣлища, страстныя услажденія слуха, которыми пролагаютъ въ себя путь ряду золь приправляющіе пищу тѣмъ, что разжигаетъ къ распутству? Вотъ совѣтъ сопротивника о пищѣ! Это именно, обращая твой взоръ къ камнямъ, предлагаетъ онъ тебѣ вмѣсто законнаго употребленія хлѣба!

Но Преодолѣвающій искушеніе, не алканіе какъ причину золь, изгоняетъ изъ естества, а удаливъ только излишнюю заботливость, присоединяющуюся къ потребности по совѣту сопротивника, предоставляетъ естеству имѣть о себѣ смотрѣніе, не выходя изъ естественныхъ своихъ предѣловъ. Какъ очищающіе вино не унижаютъ его, и не называютъ негоднымъ къ употребленію, по причинѣ образовавшейся на немъ пѣнки, но, отдѣливъ излишнее въ горлѣ сосуда, не оставляютъ безъ употребленія вина, сдѣлавшагося чистымъ: такъ Слово, обзрѣвая и разбирая, что естеству чуждо, при тонкости точнаго обзора, не отмѣтаетъ алканія, какъ служащаго къ соблюденію жизни нашей, но очищаетъ отъ изысканныхъ прибавленій къ потребному, и отвергаетъ ихъ, сказавъ, что знаетъ питательный хлѣбъ, который усвоенъ естеству Божиимъ глаголомъ. Посему, если *взалка* Иисусъ, то достойно ублаженія алканіе, когда и въ насъ совершается въ подражаніе Ему. А поэтому, если узнали

мы, чего *взалка* Господь, то, конечно, узнаемъ силу блаженства, о которомъ теперь рѣчь. Какая эта снѣдь, пожеланія которой Иисусъ не стыдится? Послѣ бесѣды съ самаряною говорить Онъ ученикамъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего* (Иоан. 4. 34.). Очевидна же воля Отца, *Иже всѣмъ челоуькомъ хочетъ спастися и во разумъ истаны приити* (1 Тим. 2. 4.). Итакъ если желаетъ Онъ, чтобы мы спаслись, и Его пищею дѣлается наша жизнь; то изъ сего дознаемъ, на что должно употребить такое расположеніе души. На что же именно? Будемъ алкать своего спасенія, жаждать Божіей воли, которая желаетъ нашего спасенія.

А какъ можно намъ преусиѣть въ таковой алчбѣ, дознали это мы теперь изъ сего ублаженія. Ибо кто возжелалъ Божіей правды, тотъ нашелъ подлинно достожелаемое, и вожелѣнію сего удовлетворилъ не однимъ изъ тѣхъ способовъ, какими исполняется желаніе. Ибо не только, какъ снѣди, возжелалъ причащенія правды; потому что желаніе, остановившееся на этомъ одномъ расположеніи, было бы въ половину совершеннымъ; теперь же благо сіе содѣлалъ и питіемъ, чтобы горячность и пламенность пожеланія доказать и самымъ ощущеніемъ жажды. Ибо, во время жажды, дѣлаясь нѣкоторымъ образомъ сухимъ и пламенѣющимъ, съ удовольствіемъ употребляемъ питіе,

какъ нѣчто врачующее въ такомъ положеніи. Поелику же, хотя побужденіе къ принятію пищи и питія по роду одно, однакоже расположеніе къ тому и другому различно: то Слово предписало намъ, что всего выше въ пожеланіи блага, ублажаетъ тѣхъ, которые терпятъ то и другое, и алканіе и жажду правды; такъ какъ вожделѣваемаго достаточно для того, чтобы примѣнительно содѣйствовать тому и другому желанію, стать и твердою пищею для алчущаго, и питіемъ для привлекашаго съ жаждою благодать. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣмъ насытятся.*

Ужели же вожделѣвать правды достоблаженно; а если кто будетъ имѣть подобное расположеніе къ цѣломудрію, или мудрости, или благоразумію, или къ другому какому, ежели есть, виду добродѣтели, то Слово не ублажаетъ его? Но, можетъ быть, сказанное имѣетъ какой либо подобный слѣдующему смыслъ: правда есть одно изъ разумѣемаго подъ именемъ добродѣтели; а божественное Писаніе по обычаю своему въ упоминаніи о части нерѣдко объемлетъ цѣлое, напримѣръ, когда естество Божіе объясняетъ какими либо именами. Ибо пророчество какъ бы отъ лица Божія говорить: *Азъ Господь* (Иса. 42, 8.): *сіе Мнѣ имя вѣчное, и память родовъ родовъ* (Исх. 3, 15.); и еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Азъ есмь сый* (14), и у другаго Пророка: *яко милостивъ*

есль (Иер. 3. 12.). И тысячами другихъ именъ, означающихъ высоту и богодѣпіе, святое Писаніе умѣло наименовать Бога; почему въ точности дознаемъ изъ сего, что, когда скажетъ одно которое либо имя, этимъ однимъ безмолвно произносится весь списокъ именъ. Ибо если именуется Господомъ, не предполагается этимъ, что не принадлежать Ему другія имена; напротивъ того въ одномъ имени именуется всѣми именами. А изъ сего дознаемъ, что богодухновенное слово подъ какою либо частію умѣетъ обнимать многое. Посему и здѣсь, сказавъ, что блаженно алчущимъ предлагается правда, именуемъ ея слово означаетъ всякій видъ добродѣтели; такъ что равно достоинъ ублаженія алчущій и благоразумія, и мужества, и цѣломудрія, или чего либо другаго, что только заключается въ томъ же понятіи добродѣтели. Ибо невозможно одному какому либо виду добродѣтели, въ отдѣльности отъ прочихъ, самому по себѣ быть совершенною добродѣтелію. Въ чемъ не усматривается чего либо уопределяемаго, какъ доброе, въ томъ, по всей необходимости, имѣетъ мѣсто противоположное ему; а цѣломудрію противоположно распутство, благоразумію — безуміе, да и всему, что берется въ лучшую сторону, безъ сомнѣнія, есть нѣчто разумѣемое противно. Посему, если въ правдѣ не усматривается вмѣстѣ и все, то невозможно осталь-

ному быть добромъ. Никто не скажетъ, что правда неразумна, или дерзка, или распутна, или имѣетъ что либо иное, усматриваемое въ пороки. Если же понятіе правды не соединимо со всѣмъ худымъ; то, конечно, сообщемъ въ себѣ всякое добро; добро же все представляемое, какъ добродѣтель. Поэтому именемъ правды, алчущихъ и жаждущихъ которой убажаетъ Слово, обѣщая имъ исполненіе вождельваемаго, означаетъ здѣсь всякая добродѣтель.

Ибо сказано: *блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся*. Сказуемое же, кажется мнѣ, имѣетъ такой нѣкій смыслъ: чего домогаются въ жизни для удовольствія, то служить къ насыщенію домогающихся; напротивъ того заботливость объ удовольствіяхъ, какъ гдѣ-то загадочно говоритъ Премудрость, — *сосудъ сокрушенъ* (Притч. 23, 27.), который непрестанно со тщаніемъ наполняя, домогающіеся сего показываютъ какой-то неисполнимый и ни къ чему не служащій трудъ, всегда вливая что-то въ бездну пожеланія и прибавляя къ удовольствію, но не доводя пожеланія до сытости. Позналъ ли кто предѣлъ сребролюбію, приобрѣтая то, чего домогаются сребролюбцы? Успокоился ли кто до неистовства славолюбивый, получивъ, чего искалъ? А кто насытилъ сластолюбіе слышаннымъ, или видѣннымъ, или бѣснованіемъ и неистовствомъ чрева и того, что за симъ; тотъ нашелъ ли какой

прибытокъ въ себѣ отъ³ сего наслажденія? Всякаго рода удовольствіе, ощущаемое тѣломъ, не таково ли, что вмѣстѣ, и приближается, и улетаетъ, и на самое краткое время не оставаясь у коснувшихся его? Посему-то дознаемъ отъ Господа сіе высокое ученіе, что одно только утвердившееся въ насъ раченіе о добродѣтели есть нѣчто твердое и состоятельное. Ибо кто преуспѣлъ въ чемъ либо высокомъ, напримѣръ: въ цѣломудріи, или въ скромности, или въ благочестіи предъ Богомъ, или въ другомъ какомъ изъ возвышенныхъ и евангельскихъ ученій, тотъ при каждомъ преспѣяніи имѣетъ не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолженіе жизни пребывающее и продолжающееся веселіе. По чему же? По тому что все это всегда можно приводить въ дѣйствіе, и во все продолженіе жизни нѣтъ времени, приводящаго въ пресыщеніе добрую дѣятельность. И цѣломудріе, и чистота, и непреткновенность во всякомъ добрѣ, и общительность съ зломъ всегда приводятся въ дѣйствіе, пока имѣетъ кто въ виду добродѣтель, и дѣятельность сопровождается веселіемъ. А у предавшихся безсмысленнымъ похотямъ, хотя душа всегда имѣетъ въ виду непотребство, однакоже не всегда бываетъ наслажденіе. Ибо жадность къ ѣдѣ останавливаетъ сытость, удовольствіе пьющаго угасаетъ вмѣстѣ съ жаждою, и все другое такимъ же образомъ

имѣеть нужду въ нѣкоторомъ времени и промежуткѣ, чтобы снова возбудить желаніе улаждающаго, ослабленное удовольствіемъ и насыщеніемъ. Но приобрѣтеніе добродѣтели, въ комъ однажды твердо она укоренилась, ни временемъ не мѣрятся, ни сытостію не ограничивается, но живущимъ добродѣтельно всегда доставляетъ чистое, живое, сильное ощущеніе собственныхъ своихъ благъ. Почему алчущимъ сего Богъ Слово обѣщаетъ удовлетвореніе алчбы, такое удовлетвореніе, которое сытостію воспаляетъ, а не угашаетъ, желаніе.

Итакъ вотъ чему учить Бесѣдующій съ высокою горы мыслей,—не занимать намъ пожеланія ничѣмъ такимъ, домогающимся чего нѣтъ впереди и конца, и раченіе о чемъ суетно и неразумно, какъ у старающихся ступить на вершину своей тѣни, у которыхъ бѣгъ простирается въ безконечность, такъ какъ туда отъ настигающаго со скоростію уходитъ всегда имъ преслѣдуемое; но обращать желаніе къ тому, о чемъ раченіе дѣлается приобрѣтеніемъ домогающагося. Ибо кто возжелалъ добродѣтели, тотъ добро дѣлаетъ своимъ приобрѣтеніемъ, въ себѣ видя то, чего возжелалъ. Посему блаженъ взалкавшій цѣломудрія; ибо исполнится чистоты. А насыщеніе ею производить, какъ сказано, не отвращеніе, но усиленіе желанія; и насыщеніе и желаніе взаим-

но возрастаютъ въ равной одно съ другимъ степени. Ибо за вождельніемъ добродѣтели слѣдуетъ приобрѣтеніе вождельваемаго; и приобрѣтенное благо привноситъ въ душу непрекращающееся веселіе. Таково свойство сего блага, что, не въ настоящемъ только услаждаетъ пользующагося имъ, но на всѣ части времени доставляетъ дѣйствительное веселіе, потому что преуспѣвающаго увеселяютъ, и воспоминаніе о жизни проведенной правильно, и самая жизнь въ настоящемъ, когда проводится она добродѣтельно, и ожиданіе воздаянія, которое не въ иномъ чемъ полагаю, какъ въ тойже опять добродѣтели, такъ какъ она есть дѣло преуспѣвающихъ, и дѣлается наградою преспѣваній.

Если же нужно коснуться и смѣлаго нѣкоего слова; то, кажется мнѣ, подъ именемъ добродѣтели и правды, желанію слушающихъ Себя Самаго, можетъ быть, предлагаетъ Господь, *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30.), а также и *хлѣбъ сходяй съ небесе* (Іоан. 6, 50. 51.). и *вода живая* (4, 10.), жажду которой исповѣдуетъ Давидъ въ нѣкоемъ псалмопѣніи, открывая Богу сіе достоблаженное страданіе души, когда говоритъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. 41, 3.)? И силою Духа, кажется мнѣ, предобученный симъ величествен-

нымъ наставленіямъ Господа, приписалъ онъ себѣ и исполненіе таковаго желанія; ибо говоритъ: *азъ правдою явлюся лицу Твоему: насъщуся, ввсегда явитимся славъ Твоей* (16, 15.). Итакъ вотъ, по моему разсужденію, истинная добродѣтель, добро безъ примѣси худаго, добро, при которомъ постигается всякое понятіе, составляемое мыслию о наилучшемъ,—Самъ Богъ Слово,—сія *покрывшая небеса добродѣтель*, какъ выражается Аввакумъ (Авв. 3, 3.). И весьма справедливо ублажены алчущіе сей Божіей правды; ибо подлинно *вкусившій* Господа, какъ говоритъ псалмопѣвнѣ (Псал. 33, 9.), то есть, пріявшій въ себя Бога, дѣлается исполненнымъ того, чего жаждалъ и алкалъ, по обѣтованію Рекшаго: *Азъ и Отецъ придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23.), очевидно, по вселенію уже Святаго Духа. Такъ, кажется мнѣ, и великій Павелъ, вкусившій неизреченныхъ оныхъ плодовъ изъ рая, и исполненъ былъ того, чего вкусилъ, и всегда алкалъ: ибо исповѣдуетъ, что исполненъ былъ желаемаго, говоря: *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.), и какъ алчущій, всегда въ *предняя простирается* (Филип. 3, 13.), говоря: *не зане уже достигнухъ, или уже совершихся: но спѣшу, да постигну* (12). Ибо, да позволено намъ будетъ сказать нѣчто такое что останется только въ предположеніи, и чего нѣтъ въ природѣ. Какъ

если бы изъ чувственной снѣди, принимаемой въ пищу, ничто не извергалось по излишеству, но всецѣло принималось въ прибавленіе тѣлеснаго роста; то тѣла достигали бы великаго роста, потому что величину ихъ приращала бы собою ежедневная пища: такъ и оная правда, а съ нею и всякая добродѣтель, поелику, будучи вкушаема, какъ духовная снѣдь, не извергается, то причащающихся дѣлаетъ всегда болѣе и болѣе отъ нея рослыми, непрестанно возвращая ихъ величину своимъ прибавленіемъ.

Итакъ, если уразумѣли мы блаженную эту алчбу; то, изблевавъ все обиліе порока, взлечемъ правды Божіей, чтобы придти въ исполненіе ея, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

С Л О В О 5.

Блаженіи милостивіи: яко ти помилуваніи будутъ (Матв. 5, 7.).

Іаковъ въ нѣкоемъ видѣніи узрѣвъ лѣствицу, простирающуюся отъ земли до небесной высоты, и утверждающагося на ней Бога, загадочно наученъ былъ, можетъ быть, чему-то такому, что теперь съ нами дѣлаетъ ученіе посредствомъ блаженствъ, восходящихъ къ оному непрестанно возводя къ возвышеннѣй-

шимъ мыслямъ. Ибо и тамъ, патриарху въ видѣ дѣствицы, какъ думаю, изображена добродѣтельная жизнь, чтобы и самъ онъ дозналъ и тѣмъ, кто будетъ по немъ, передалъ, что не иначе можно возвыситься до Бога, какъ только всегда взирая въ горнее и имѣя непрекращающееся вожделѣніе высшаго, а потому не любилъ останавливаться на томъ, въ чемъ уже преуспѣлъ, но почиталъ для себя ущербомъ, если не касается того, что еще выше. Такъ и здѣсь высота блаженствъ одного предъ другимъ приготавливаетъ къ тому, чтобы приблизиться къ самому Богу, истинно блаженному и утверждающемуся во всякомъ блаженствѣ. Безъ сомнѣнія же, какъ къ премудрому приближаемся мудростію, и къ чистому чистотою, такъ и блаженному усвоемся путемъ блаженствъ; потому что блаженство есть то, что въ подлинномъ смыслѣ свойственно Богу; почему и повѣдалъ Іаковъ, что Богъ *утверждается* на таковой дѣствицѣ (Быт. 22, 13.). Посему участіе въ блаженствахъ не иное что есть, какъ общеніе съ Божествомъ, къ которому Господь возводитъ насъ сказаннымъ теперь.

Посему, кажется мнѣ, что въ предлагаемой бесѣдѣ о блаженствѣ тѣмъ, что по порядку въ ней слѣдуетъ, нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ Онъ Богомъ того, кто слушаетъ и разумѣетъ слово сіе. Ибо говоритъ: *блаженни ми-*

лостивии, яко тиѣ помиловани будутъ. Извѣстно изъ многихъ мѣстъ божественнаго Писанія, что милостивымъ святые мужи называютъ Божіе могущество. Такъ Давидъ въ пѣснопѣніяхъ, такъ Іона въ своемъ пророчествѣ, такъ великій Моисей во многихъ мѣстахъ своего законоположенія именуютъ Божество. Посему, если Богу приличествуетъ названіе милостивымъ, то не Богомъ ли содѣлаться призываетъ Слово и тебя, какъ украшеннаго свойствомъ Божества? Ибо если въ богодухновенномъ Писаніи Богъ именуется милостивымъ, а истинно-блаженно Божество; то явствуется по порядку вытекающая изъ сего мысль, что, если кто, будучи человѣкомъ, дѣлается милостивымъ, то онъ сподобляется Божія блаженства, достигнувъ того, чѣмъ именуется Божество. *Милостивъ Господь и праведенъ, и Богъ нашъ милуетъ* (Пса. 114, 4.). И не блаженно ли паче человѣку называться и стать тѣмъ, чѣмъ за дѣла Свои именуется Богъ? *Ревновать* же о дарованіяхъ высшихъ совѣтуетъ собственными своими словами и божественный Апостоль (1 Кор. 12, 31.).

Но у насъ не та цѣль, чтобы убѣдить намъ себя, желать хорошаго; потому что само собою лежитъ это въ естествѣ человѣческомъ, — имѣть стремленіе къ хорошему, но чтобы не ошибаться намъ въ сужденіи о хорошемъ. *Ибо* жизнь наша по большей части погрѣшаетъ въ

томъ, что не можемъ въ точности познать, что хорошо по естеству, и что обманчиво тако-вымъ представляется. А если бы порокъ въ жизни представлялся намъ, во всей наготѣ, неприкрашеннымъ какимъ либо призракомъ хорошаго, то не предавалось бы ему челове́чество. Посему потребно намъ умѣнье, чтобы понять предлагаемое изреченіе, и изучивъ истинную лѣпноту заключающейся въ немъ мысли, образовать по оной себя. И мысль о Богѣ естественно вложена во всѣхъ людей; но по незнанію истинно сущаго Бога бываетъ погрѣшность въ предметъ чествованія; ибо одними чувствуется истинное Божество, умопредставляемое въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ; а другіе заблудились въ нелѣпныхъ предположеніяхъ, примысливъ досточтимое нѣчто въ тваряхъ; и вслѣдствіе этого уклоненіе отъ истины въ маломъ открыло входъ нечестію. Такъ въ разсужденіи подлежащей намъ мысли, если не поймемъ истиннаго смысла, не малый будетъ ущербъ для насъ, погрѣшившихъ въ истинѣ.

Посему, что такое милость, и въ чемъ ея дѣятельность? Почему блаженъ обратнo прие-млющій, что даетъ? Ибо сказано: *блаженни милостивии: яко тии помиловани будутъ*. Ближай-шій смыслъ сего изреченія призываетъ чело-вѣка къ взаимной любви и сострадательности; потому что по неравенству и несходству жи-тейскихъ дѣлъ не всѣ живутъ въ одинаковыхъ

обстоятельствахъ, относительно къ достоинству и устройству тѣла, и достатку во всемъ прочемъ. Жизнь по большей части дѣлится на противоположности, различаясь рабствомъ и господствомъ, богатствомъ и бѣдностію, славою и безславіемъ, дряхлостію тѣла и добрымъ здоровьемемъ, и всѣмъ тому подобнымъ. Посему, чтобы недостаточное пришло въ равенство избыливающимъ, и скудное восполнилось избыточествующимъ, Господь узаконяетъ людямъ быть милостивыми къ нисшимъ; ибо невозможно иначе побудить къ уврачеванію бѣды ближняго, какъ только если милость смягчитъ душу къ принятію такого побужденія; такъ какъ милость познается изъ противоположнаго жестокости. Какъ жестокій и свирѣпый недостатокъ приближающимся, такъ сострадательный и милостивый приходитъ какъ бы въ одно расположеніе съ нуждающимся, для опечаленнаго дѣлаясь тѣмъ, чего требуетъ скорбный его умъ; и милость, какъ протолкуетъ иной, давъ понятію сему опредѣленіе, есть произвольная печаль, производимая чужими бѣдствіями.

Если же не точно выразили мы значеніе сего слова; то, можетъ быть, яснѣе истолкуется другимъ понятіемъ: милость есть исполненное любви расположеніе къ претерпѣвающимъ со скорбію что либо для нихъ обременительное. Ибо, какъ жестокость и звѣрство имѣютъ началомъ ненависть, такъ и милость

нѣкоторымъ образомъ происходитъ отъ любви, и ее только имѣеть своимъ началомъ. И если кто въ точности изслѣдуетъ отличительное свойство милости, то найдетъ, что это усиленіе исполненнаго любви расположенія, соединенное съ ощущеніемъ печали. Имѣть общеніе въ хорошемъ заботятся всѣ одинаково, и враги, и друзья; но желать участвовать въ прискорбномъ свойственно только обладаемымъ любовію. А изъ всѣхъ привязанностей въ этой жизни могущественнѣйшею признается любовь, и милость есть усиленіе любви. Конечно, въ собственномъ смыслѣ достооблаженъ, у кого душа въ такомъ расположеніи, какъ у достигшаго самаго верха добродѣтели.

И никто да не представляетъ себѣ добродѣтель сію состоящею въ одномъ вещественномъ; ибо въ такомъ случаѣ преспѣваніе въ подобномъ, безъ сомнѣнія, будетъ достояніемъ того только, кто имѣеть нѣкоторую возможность къ благотворительности. Но, мнѣ кажется, справедливѣе въ такомъ дѣлѣ смотрѣть на произволеніе.

Кто пожелалъ только добраго, но встрѣтилъ препятствіе къ тому, чтобы сдѣлать хорошее, потому что не имѣлъ возможности, тотъ по расположенію души ничѣмъ не меньше доказавшаго изволеніе свое дѣлами.

А сколько пользы для жизни, если кто принимаетъ въ этомъ смыслѣ значеніе сего бла-

женства, — излишнее дѣло о томъ и разсуждать; потому что и самымъ дѣтямъ явны преспѣянія, совершаемыя въ жизни по этому совѣту. Если, предположимъ такъ, во всѣхъ произойдетъ такое соотношеніе души съ униженнымъ, то не останется уже ни высшаго, ни нисшаго, и жизнь не будетъ дѣлиться по противоположности именъ; не отяготитъ человѣка бѣдность, не унизитъ рабство, не опечалитъ безчестіе, потому что все у всѣхъ будетъ общее; и равенство правъ, и свобода говорить водворятся въ жизни человѣческой, когда избилующій (о) добровольно сравнивается съ недостаточнымъ. Если же будетъ сіе, то не останется никакого предлога къ враждѣ; бездѣйственна тогда зависть; мертва ненависть, чужеземцами содѣлаются тогда злопамятство, ложь, обманъ, война—всѣ эти порожденія похоти—имѣть у себя больше. По истребленіи же онаго несострадательнаго расположенія, конечно, подобно какому-то худому корню, исторгнуты будутъ и отпрыски порока, а по искорененіи дѣлъ лукавыхъ, на мѣсто ихъ выступитъ цѣлый списокъ всего добраго: миръ, правда и весь рядъ представляемаго наилучшимъ. Посему что блаженнѣе этого, такъ ве-

(о) По рукописи читается: τοῦ περιειροτός ἑμῆσιο τοῦ πολιτείουτος.

сти жизнь, не запорамъ и засовамъ (б) ввѣря безопасность своей жизни, но безопасность сію находя другъ въ другѣ? Какъ жестокий и звѣронравный непріязненными себѣ дѣлаетъ испытавшихъ его свирѣпость; такъ напротивъ всѣ дѣлаются благорасположенными къ милостивому, потому что милость въ получившихъ ее естественно раждаетъ любовь.

Посему милость, какъ показало слово, есть мать благорасположенія, залогъ любви, союзъ всякаго дружественнаго расположенія: и при сей надежной опорѣ можно ли примыслить что либо болѣе твердое для этой жизни? Потому слово справедливо ублажаетъ милостиваго, когда столько благъ оказывается въ его имени. Но хотя всякому не безъизвѣстно, что совѣтъ сей полезенъ для жизни; однакоже, мнѣ кажется, смыслъ онаго нѣчто большее понимаемаго съ перваго взгляда таинственно даетъ видѣть указаніемъ на будущее; ибо сказано: *блаженни милостивии: яко тѣмъ помиловани будутъ*, какъ будто воздаяніе милостивымъ за милость отложено на послѣдокъ.

Посему, оставивъ этотъ удобопонятный, и многими съ перваго взгляда находимый, смыслъ, попытаемся, сколько будетъ силъ, по возможности проникнуть умомъ за внутрен-

(п) По рукописи читается: *κλειθροίς*.

нѣйшую завѣсу. *Блаженіи милостивіи: яко тѣи помиловани будутъ.* Въ этомъ уже словѣ можно дознать нѣкое возвыщенное ученіе, а именно, что Сотворившій человѣка по образу Своему въ естество твари вложилъ начатки всѣхъ благъ, такъ что не отвнѣ входитъ въ насъ хорошее, но въ нашей волѣ, какое намъ угодно, какъ бы изъ сокровищницы какой, брать благо изъ естества. Ибо отъ части научаемся судить о цѣломъ, что не возможно кому либо получить желаемое иначе, какъ если самъ себѣ даруетъ это благо. Посему Господь говоритъ негдѣ слушателямъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21.); и: *всякъ просіяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзетъся* (Мате. 7, 8.); такъ что получить желаемое, и обрѣсти искомое, и стать среди вожделѣнныхъ намъ благъ — въ нашей волѣ, какъ скоро захотимъ сего, и отъ нашего зависить это произвола. А въ слѣдствіе сего приводимся и къ противоположной мысли, а именно, что склонность къ худому происходитъ не отвнѣ, по какой либо понуждающей необходимости; но вмѣстѣ съ соизволеніемъ на зло составляется самое зло, тогда приходя въ бытіе, когда избираемъ его; само же по себѣ, въ собственной своей самостоятельности, внѣ произвола, зло нигдѣ не находится состоящимъ. Изъ сего ясно открывается самоправная и свободная сила, какую Господь есте-

ства устроилъ въ естествѣ человѣческомъ для того, чтобы отъ нашего произволенія зависѣло все, и доброе, и худое. ~~А Божественный судъ, слѣдующій неподкупному и правдивому приговору, сообразно съ нашимъ произволеніемъ удѣляетъ каждому, что человекъ приобрѣлъ самъ себѣ.~~ *Овыль убо, какъ говоритъ Апостолъ, по терпѣнію дѣла благого, славы и чести ищущимъ, животъ вѣчный; а противляющимся истинѣ, повинующимся же неправдѣ: гнѣвъ, скорбь, и все, что именуется строгимъ воздаяніемъ (Рим. 2, 7. 8.).* Ибо какъ точныя зеркала показываютъ изображенія лицъ такими, каковы лица въ дѣйствительности, у веселыхъ веселыми, а у угрюмыхъ посупленными; и никто не обвинить свойства зеркала, если угрюмымъ окажется изображеніе лица поникшаго отъ унылости: такъ и правдивый Божій судъ уподобляется нашимъ расположеніямъ: и каково то, что въ нашей волѣ, таковымъ же содѣлаетъ и свое воздаяніе. *Приидите, скажетъ, благословеніи (Матѣ. 25, 31.); идите проклятіи (41).* Неужели внѣшняя какая необходимость опредѣляетъ въ удѣлъ стоящимъ одесную оный сладостный, а стоящимъ ошую—строгій гласъ? Не за то ли, что дѣлали, первые получили милость? А другіе не тѣмъ ли, что жестоко обходились съ соплеменными, жестокимъ для себя содѣлали Божество? Не миловаль бѣдствующаго у воротъ нищаго утопавшій въ

роскоши богачъ. Этимъ и себя лишилъ милости, и имѣя нужду въ помилованіи, не услышанъ; не потому что одна капля нанесла бы ущербъ великому источнику, но потому что съ жестокостію несоединима и капля милосердія. *Ибо кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14.)? *Человѣкъ, сказано, еже аще съетъ, тожде и пожнетъ: яко съяй въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а съяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7. 8.). Человѣческое произволеніе, какъ думаю, есть сѣяніе, а воздаяніе за произволеніе—жатва. Обилень благами класъ у избравшихъ такое сѣяніе; многотрудно собираніе терній у посѣвающихъ въ жизни тернистыя сѣмена; потому что человѣку непремѣнно надлежитъ пожать то, что посѣялъ; иначе и быть не можетъ

Блаженни милостивіи: яко тѣи помиловани будутъ. Какое человѣческое слово изобразить глубину мыслей, заключающихся въ семь словъ? Положительность и неопредѣленность изреченія даютъ поводъ доискиваться чего-то большаго противъ сказаннаго, потому что не прибавлено: кто тѣ, на кого надлежитъ милости простираť свое дѣйствіе, но сказано просто, что *блаженни милостивіи*: Ибо, можетъ быть, слово сіе даетъ намъ разумѣть нѣчто подобное тому, что значеніе милости состоитъ въ связи съ блаженнымъ плачемъ. Тамъ былъ достоинъ ублаженія, кто проводитъ жизнь въ

плачѣ. И здѣсь, кажется мнѣ, Слово разумѣеть то же ученіе. Въ какомъ бываемъ расположеніи отъ чужихъ бѣдствій, когда нѣкоторые изъ близкихъ намъ встрѣчаютъ какія либо тяжкія скорби, или лишившись отеческаго дома, или нагими спасшись отъ кораблекрушенія, или доставшись въ руки разбойникамъ на сушѣ или морѣ, или изъ свободныхъ сдѣлавшись рабами, изъ жившихъ счастливо—плѣнниками, или понесши другое какое подобное зло, между тѣмъ какъ дотолѣ испытывали жизнь въ какомъ-то благополучіи, — посему какое при этомъ болѣзненное расположеніе бываетъ въ душахъ нашихъ; тѣмъ паче гораздо благовременнѣе, можетъ быть, въ насъ самихъ возбудиться подобной мысли объ унизительномъ въ жизни переворотѣ (р). Ибо, когда разсудимъ, какъ свѣтла та наша обитель, изъ которой мы изгнаны, какъ подпали мы власти разбойниковъ, какъ обнажились, погрызши въ глубинѣ этой жизни, какихъ и сколькихъ владыкъ навлекли на себя вмѣсто свободнаго и самозаконнаго житія; какъ блаженство жизни пресѣкли смертію и тлѣніемъ; тогда, если займемся сими мыслями, возможно ли, чтобы милость обращена была на чужія бѣдствія, и душа не ощутила жалости къ себѣ самой, разсуждая, что

(р) Въ рукописи читается. *ἀπὸ τῆς ἐπιπέδου τῆς μεταβολῆς.*

она имѣла, и чего лишилась? Ибо что бѣдственнѣе этого плѣна? вмѣсто наслажденія въ раю наслѣдовали мы въ жизни болѣзненную и многотрудную область; вмѣсто онаго безстрастія приняли на себя тысячи бѣдствій отъ страстей; вмѣсто высокаго онаго житія и сопребыванія съ Ангелами осуждены жить съ звѣрями земными, и жизнь ангельскую безстрастную обмѣнили на скотскую. Кто безъ труда изчислитъ жестокихъ мучителейъ жизни нашей, этихъ неистовыхъ и свирѣпыхъ властелиновъ? Жестокій властитель—раздраженіе, другіе подобныя—зависть, ненависть, страсть гордыни; какой-то бѣшенный и свирѣпый мучитель, презирающій (с) насъ, какъ невольниковъ,—это невоздержный помысль, поработяющій себя для страстныхъ и нечистыхъ услугъ. А мучительство любостыжательности не превосходитъ ли мѣру всякой жестокости? Поработивъ бѣдную душу, всегда принуждаетъ исполнять ненасытимыя свои пожеланія, непрестанно принимая въ себя и никогда не наполняясь, подобно какому-то многоглавому звѣрю, тысячами челюстей передающему пищу въ ненаполнимое чрево, у котораго пріобрѣтеніе никогда не служитъ хотя малымъ насыщеніемъ, но всегда получаемое дѣлается пи-

(с) По рукописи читается: *καταφρονῶν*, а не *κατατροφῶν*.

шею и поджегою къ пожеланію ббльшаго. Посему ктоже, понявъ ббдственную эту жизнь, останется безжалостно и немилосердно расположеннымъ къ такимъ ббдствіямъ? Но причина того, что не милуемъ себя самихъ, заключается въ неощущеніи золь; напрімъръ, чбмъ страдаютъ неистовствующіе отъ сумасшествія, для которыхъ преизбытокъ зла состоитъ въ томъ, что отъемлетя чувство того, что терпятъ? Посему, если кто узнаеть себя, каковъ онъ былъ прежде, и каковъ въ настоящее время (говорить же гдб-то и Соломонъ: *себе познающіи премудри* (Притч. 13, 10.)), то никогда таковой не перестанетъ быть милостивымъ, а за таковымъ расположеніемъ души естественно послбдуетъ и Божія милость. Почему сказано: *блаженн милостивіи: яко тii помилованы будутъ.*

Помилованы они, а не другіе. Симъ Господь уясняетъ мысль (т), какъ бы сказалъ кто: блаженное дбло имбтъ попеченіе о тблесномъ здоровбѣ. Кто имбтетъ сіе попеченіе, тотъ проживетъ здоровымъ. Такъ и милостивый весьма блаженъ; потому что плодъ милости дблается собственнымъ достояніемъ милующаго, какъ на основаніи ли нами найденнаго теперь, такъ и въ слбдствіе изслбдованнаго прежде. раз-

(т) По рукописи вмбсто: *тб бгои* читается *тб рбгма.*

умѣю объ оказывающемъ сострадательность души къ чужимъ бѣдствіямъ. Ибо одинаково доброе дѣло есть то и другое, и себя самаго миловать по сказанному, и сострадать о злосчастіи ближняго: потому что произволеніе чловѣка относительно къ нисшимъ при превосходствѣ власти показываетъ правдивость суда Божія, почему чловѣкъ нѣкоторымъ образомъ самъ себѣ судія, и въ судѣ надъ подчиненными себѣ самому произноситъ приговоръ. Итакъ поелику вѣруемъ, и дѣйствительно вѣруемъ, что весь родъ чловѣческой предстанеть *предѣ судищемъ Христовымъ, да прииметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10.); поелику (дерзновенно можетъ быть и говорить о семъ, однакожъ скажемъ, если только возможно постигнуть разсудкомъ и уразумѣть неизреченное и незримое блаженство въ воздаяніи милостивымъ) происшедшему въ душахъ благорасположенію къ оказывающимъ милость и послѣ настоящей жизни въ получившихъ милость естественно остаться навсегда въ жизни будущей: то поэтому не вѣроятно ли, что благодѣтель, если и во время суда будетъ узнанъ облагодѣтельствованными, расположить къ себѣ душу восхвалять его благодарственными гласами предъ Богомъ всякой твари? Да и въ какомъ другомъ блаженствѣ будетъ имѣть нужду на такомъ зрѣлищѣ провозглашаемый за дѣла доблестныя? Ибо

евангельское слово научаетъ, что и облагодѣтельствованные будутъ при судѣ Царя надъ праведными и грѣшными. Къ тѣмъ и другимъ обращается Онъ съ указаніемъ, какъ бы перстомъ давая знать о томъ, что передъ ними: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ* (Матѣ. 25, 40.). Ибо словомъ: *сихъ* показывается присутствіе облагодѣльствованныхъ.

Скажи теперъ мнѣ ты, неодушевленное вещество имущество предпочитающій будущему блаженству: что за блескъ такой у золота? что за сіяніе такое у дорогихъ камней? что за убранство такое отъ одеждъ въ сравненіи съ онымъ благомъ, предлагаемымъ упованію? Когда Царствующій надъ тварію открыто явитъ Себя человѣческому роду, велѣнно возсѣдая на превознесенномъ престолѣ, когда окрестъ Его видимы будутъ безчисленныя тѣмы Ангеловъ, и когда очамъ всѣхъ откроется неизреченное царство небесное; а также въ противоположность сему показаны будутъ страшныя мученія; и среди сего весь человѣческій родъ отъ первой твари до всей полноты приведенныхъ въ бытіе, въ страхъ и надеждѣ будущаго, предстанетъ съ недоумѣніемъ, многократно приводимый въ содроганіе исполненіемъ ожидаемаго для тѣхъ и другихъ; потому что и жившіе съ доброю совѣстію не увѣрены въ будущемъ, видя, что другіе лукавою совѣстію

какъ бы какимъ исполнителемъ казни, влекутся въ ужасную оную тьму: а между тѣмъ и |этотъ, при хвалебныхъ и благодарственныхъ гласахъ облагодѣтельствованныхъ, исполненный дерзновенія, приведенъ будетъ дѣлами къ Судіѣ; тогда ужели по вещественному богатству станеть вычислять онъ свою благовую часть? Ужели согласится, чтобы, вмѣсто сихъ благъ, всѣ горы, и равнины, и долины, и моря, преобратившись, сдѣлались золотомъ?

А кто богатство свое тщательно скрывалъ подъ печатами, запорами, за желѣзными дверями, въ безопасныхъ тайныхъ мѣстахъ, и стекающея у него вещество прятать и хранить у себя предпочиталъ всякой заповѣди; того, если стремглавъ повлечется въ темный огонь, всѣ, въ этойъ жизни испытавшіе его жестокость и немилосердіе, стануть ускорять, и скажутъ ему: *поляни, яко воспріял еси благая твоя въ животль твоемъ* (Лук. 16, 25.); въ твердыняхъ съ богатствомъ своимъ заключилъ ты милость, и на землѣ оставилъ милосердіе; не принесъ въ эту жизнь челоувѣколюбія, и не имѣешь, чего не имѣлъ; не находишь, чего не полагалъ; не собираешь, чего не расточалъ; не пожинаешь, чего не сѣялъ; жатва твоя достойна сѣянія; сѣялъ ты горечь, собрай ея рукояти; уважалъ ты жестокость, имѣй при себѣ, что любилъ; ни на кого не смотрѣлъ сострадатель-но, и на тебя никто не посмотритъ съ сожа-

лѣніемъ; презиралъ ты скорбящаго, презрять и тебя гибнущаго; бѣгалъ ты случаевъ оказать милость, и отъ тебя побѣжить милость; гнушался ты нищаго, возгнушается и тобою, кто отъ тебя былъ въ нищетѣ. Если сказано будетъ это и подобное этому, то гдѣ окажется золото? гдѣ блестящіе сосуды? гдѣ печатями приданная сокровищамъ безопасность? гдѣ для ночной стражи приставленные псы и запасъ оружія на злоумышленниковъ? Гдѣ записанныя въ книгахъ примѣты? что они значать противъ плача и скрежета зубовъ? Кто озарить тму? Кто угасить пламень? Кто отвратитъ неумирающаго червя?

Уразумѣемъ поэтому, братія, Господне слово, въ немногомъ научающее насъ такъ многому о будущемъ, и содѣлаемъ милостивыми, чтобы стать чрезъ это блаженными о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 6.

Блаженни чистиі сердцемъ: яко тии Бога узрятъ (Матѣ. 5, 8.).

Что естественно чувствовать смотрящимъ съ возвышенной какой вершины на какое-либо обширное море; тоже самое потерпѣло мое разумѣніе, какъ бы съ вершины какой горы,

отъ сего высокаго изреченія Господня простирая взоръ въ неизъяснимую глубину мысли. Во многихъ приморскихъ мѣстахъ можно видѣть полуустьченную гору съ прибрежной стороны, отъ вершины до подошвы обрѣзанную по прямой чертѣ, между тѣмъ какъ верхній ея край, склонившись съ высоты, нависъ надъ бездной. Чтѣ естественно бываетъ съ тѣмъ, кто, ставъ на подобную стражбу, съ большой высоты смотреть на море въ глубинѣ; такъ и у меня кружится теперь душа, приводимая въ недоумѣнїе великимъ этимъ изреченїемъ Господа.

Блажени чистиі сердцама: яко тиі Бога узрятъ. Богъ предлагается зрѣнїю очистившихъ сердце. Но, какъ говоритъ великій Іоаннъ, *Бога никтоже видѣ видѣше* (Іоан. 1, 18.). Подтверждаетъ же это и высокій разумѣнїемъ Павелъ, сказавъ: *Егоже никто же видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16.). Это гладкій и несѣкомый камень, непоказывающій на себѣ никакого слѣда восхожденія мыслей; о Немъ и Моисей также утвердилъ, что намѣревающемуся преподавать ученїе о Богѣ Онъ недоступенъ; потому что разумѣнїе наше никакъ не можетъ приблизиться къ Нему, по причинѣ рѣшительнаго отрицанія всякой возможности постигнуть Его. Ибо Моисей говоритъ: невозможно. чтобы узрѣлъ кто лице Господа, и живъ былъ (Исх. 33, 20.). Но ви-

дѣть Бога есть вѣчная жизнь, а сіи столпы
 ѿбры: Іоаннь, Павелъ и Моисей признають сіе
 невозможнымъ. Видишь ли круженіе, которымъ
 увлекается душа въ глубину усматриваемаго
 въ словѣ? Если Богъ — жизнь; кто невидитъ
 Его, тотъ не зреть и жизни. А что невозмож-
 но видѣть Бога, свидѣлствуютъ богоносные
 Пророки и Апостолы. На чемъ опереться че-
 ловѣческой надеждѣ? Но Господь подкрѣпляетъ
 падающую надежду, какъ поступилъ Онъ съ
 Петромъ, подвергавшимся опасности утонуть,
 снова поставивъ его на твердую и неусту-
 пающую давленію ноги воду. Посему, если и
 къ намъ прострется рука Слова, и не твердо
 стоящихъ въ глубинѣ умозрѣній поставить на
 твердой (у) мысли; то будемъ внѣ страха,
 крѣпко держась руководствующаго насъ Слова.
 Ибо сказано: *блаженни чистии сердцемъ: яко
 тѣи Бога узрятъ.*

Посему обѣтованіе сіе таково, что превос-
 ходитъ всякій предѣлъ блаженства. Ибо послѣ
 такого блага пожелаетъ ли кто чего другаго,
 въ томъ, что узрѣлъ, имѣя все? Потому что
 видѣть, по обычному въ Писаніи словоупотреб-
 ленію, значить тѣже, что имѣть: напримѣръ,
 словами: *узриши блага Іерусалима* (Пса. 127,
 6.), Писаніе означаетъ: найдешь. И въ сказан-

(у) По рукописи читается: *ἐπὶ σθεσσοῦ νοῦ/μυτος.*

номъ: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Божіей* (Пса. 26, 10.), словомъ: *не видитъ*. Пророкъ выражаетъ, что не причастится оной. Посему, кто зреть Бога, тотъ въ семь зрѣніи имѣеть уже все, что состоитъ въ списокъ благъ, некончаемую жизнь, вѣчное не-тлѣніе, безсмертное блаженство, некончаемое царство, непрекращающееся веселіе, истинный свѣтъ, духовную и сладостную пищу (Ф), неприступную славу, непрестанное радованіе и всякое благо. Посему такъ важно и обильно то, что обѣтованіемъ сего блаженства предлагается упованію.

Но поелику, чтобы узрѣть Господа, напередъ показанъ способъ, именно же имѣть для этого сердечную чистоту; то при семь снова изнемогаетъ мое разумѣніе; и эта сердечная чистота не есть ли для насъ нѣчто невозможное, и не превышаетъ ли нашего естества? Ибо если симъ способомъ зримъ бываетъ Богъ, а Моисей и Павелъ не видѣли Бога, и утверждаютъ, что и сами они, и другой кто, видѣть немогутъ; то предлагаемое теперь словомъ о блаженствѣ, повидимому, есть нѣчто невозможное. Посему, что намъ пользы отъ познанія, какъ узрѣть Бога, если при разумѣніи нѣтъ вмѣстѣ возможности? Сіе подобно тому,

(Ф) По рукописи вмѣсто: *σωτήν* читается *τροφήν*.

какъ если бы кто назвалъ блаженнымъ быть на небѣ; потому что тамъ человѣкъ увидитъ неусматриваемое въ этой жизни. Если бы указано было напередъ въ словѣ какое либо орудіе для восхожденія на небо; то полезно было бы слушателямъ дознать и то, что блаженно быть на небѣ. А какъ восхожденіе невозможно, какую пользу принесетъ знаніе о небесномъ блаженствѣ, огорчающее только дознавшихъ, чего лишаемся, по невозможности восхожденія?

Посему, ужели Господь повелѣваетъ то, что внѣ нашей природы, и превышаетъ мѣру человѣческихъ силъ величіемъ заповѣди? Нѣтъ. Ибо не повелѣваетъ стать птицами тѣмъ, кого не оперилъ, и жить подъ водою тѣмъ, кому далъ жизнь на сушѣ. Посему если для всѣхъ иныхъ законъ сообразенъ съ силами пріемлющихъ, и ничто не приневоливается къ сверхъестественному; то, конечно, въ слѣдствіе сего и это поймемъ такъ, что не безнадежно преуказуемое въ блаженствѣ Да и Іоаннъ, и Павелъ, и Моисей, и кто иной, если подобенъ имъ, не лишены сего высокаго блаженства, — состоящаго въ зрѣніи Бога, не лишены и тотъ, кто изрекъ: *соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, еяже воздастъ ми праведный Судія* (2 Тим. 4, 8.), и тотъ, кто припадалъ къ персямъ Иисусовымъ, и тотъ, кто слышалъ Божественный гласъ: *вѣкъ ты, паче всѣхъ* (Исх. 33, 17.). Посему, если о тѣхъ, которыми

провозвѣщено, что постиженіе Бога выше силъ, нѣтъ сомнѣнія, что они блаженны, а блаженство состоитъ въ томъ, чтобы зрѣть Бога. зрѣніе же дается чистому сердцемъ; то значитъ, что не невозможна и чистота сердца, при которой можно содѣлаться блаженнымъ.

Посему, какъ же можно сказать, что говорятъ истину согласно съ Павломъ утверждающіе, будто бы постиженіе Бога выше нашихъ силъ, и имъ не противорѣчить Господне слово, обѣщающее, что при чистотѣ сердца зримъ будетъ Богъ? Мнѣ кажется, чтобы обзорніе предложеннаго происходило у насъ въ порядкѣ, хорошо будетъ сначала предложить о семъ краткое разсужденіе. Естество Божіе, само въ себѣ, по своей сущности, выше всякаго постигающаго мышленія, какъ недоступное при мышленіямъ гадательнымъ и не сближаемое съ ними; и въ людяхъ не открыто еще никакой силы къ постиженію непостижимаго (х), и не придумано никакого средства уразумѣть неизяснимое. Посему великій Апостоль пути Божіи именуеть неизслѣдованными (Римл. 11, 33.), означая симъ словомъ, что на оный путь, который ведетъ къ познанію Божіей сущности, не могутъ и восходить человѣческіе помыслы, такъ что на немъ почти нигѣмъ изъ

(х) По рукописи читается: τὸν ἀληθινόν.

прешедшихъ жизнь сію прежде насъ не оставлено никакого слѣда постигающимъ примышленіемъ, который бы означался вѣдѣніемъ того, что выше вѣдѣнія. Но таковымъ будучи по естеству Тотъ. Кто выше всякаго естества, Сей невидимый и неопиcуемый, въ другомъ отношеніи бываетъ видимъ и постигается. Способовъ же такого уразумѣнія много. Ибо, и по видимой во вселенной премудрости можно гадательно видѣть Сотворшаго все въ премудрости. Какъ и въ человѣческихъ произведеніяхъ нѣкоторымъ образомъ усматривается разумѣніемъ творецъ выставляемаго творенія въ дѣло свое вложившій искусство, усматривается же не естество художника, а только художническое знаніе, какое художникъ вложилъ въ произведеніе; такъ и мы, взирая на красоту въ твореніи, впечатлѣваемъ въ себѣ понятіе не сущности, но премудрости премудро все Сотворившаго (ц). Если разсуждаемъ о причинѣ нашей жизни, именно же, что не по необходимости, но по благому произволению, приступилъ Богъ къ сотворенію человека, опять говоримъ, что и симъ способомъ узрѣли мы Бога, постигнувъ благость, а не сущность. Такъ и все прочее, что приводитъ насъ къ понятію лучшаго и болѣе возвышен-

(ц) По рукописи предлогъ: *кажд* не читается.

наго, подобно сему называемъ уразумѣніемъ Бога, потому что каждая возвышенная мысль зрѣнію нашему представляетъ Бога. Ибо и могущество, и чистота, и неизмѣняемость, и несоединяемость съ противоположнымъ, и все сему подобное напечатлѣваетъ въ душахъ представленіе нѣкоего божественнаго и возвышеннаго понятія. Итакъ изъ сказаннаго открывается, что Господь истиненъ въ Своемъ обѣтованіи, говоря, что имѣющіе чистое сердце узрятъ Бога; и не лжетъ Павелъ, собственными своими словами утверждая, что никто не видѣлъ, и не можетъ видѣть Бога; ибо Невидимый по естеству дѣлается видимымъ въ дѣйствіяхъ, усматриваемый въ чемъ либо изъ того, что окрестъ Его.

Но смыслъ сказаннаго о блаженствѣ не ограничивается только тѣмъ, что по какому либо дѣйствию можно дѣлать подобныя заключенія о дѣйствующемъ. Ибо и мудрымъ вѣка сего доступно, можетъ быть по устройству міра, постиженіе превысшей премудрости и силы. Но величіе блаженства, кажется мнѣ, иное преподаетъ въ совѣтъ способному сіе принять, чтобы увидѣть желаемое. Представившаяся же мнѣ мысль объяснится примѣрами. Въ человѣческой тѣлесной жизни здоровье есть нѣкое благо, но блаженно не то, чтобы знать только, что такое здоровье, но чтобы жить въ здравіи. Ибо если кто, слагая похвалу здоровью, при-

меть въ себя доставляющую худые соки и вредную для здоровья пищу, то, угнѣтаемый педугами, какую пользу получить онъ отъ похвалъ здоровью? Посему такъ будемъ разумѣть и предложенное слово, а именно, что Господь, не зная что либо о Богѣ, но имѣть въ себѣ Бога, называетъ блаженствомъ, ибо *блажени чистиі сердцама: яко тиі Бога узрятъ.* Но не какъ зрѣлице какое, кажется мнѣ, предъ лице очистившему душевное око, предлагается Богъ; напротивъ того высота сего изреченія, можетъ быть, представляетъ намъ тоже, что открытѣ изложило Слово, другимъ сказавъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 12.), чтобы научились мы изъ сего, что очистившій сердце свое отъ всякой твари и отъ страстнаго расположенія, въ собственной своей лѣпотѣ усматриваетъ образъ Божія естества. И мнѣ кажется, что въ немногомъ, что изрекло, такой совѣтъ заключаетъ Слово: всѣ вы, о человекѣ, въ комъ только есть какое либо вожделѣніе воззрѣть на истинно благое, когда слышите, что Божіе велелѣпіе превыше небесъ и слава Божія неизъяснима, и лѣпота неизглаголанна, и естество невмѣстимо, не впадайте въ безнадежность, будто бы невозможно увидѣть желаемое. Ибо въ тебѣ вмѣстимая для тебя мѣра постиженія Бога, Который такъ тебя создалъ, немедленно осуществивъ въ естествѣ таковое благо; потому что въ

составѣ твоємъ отпечатлѣлъ подобія благъ собственнаго Своего естества, какъ будто на какомъ воску нанечатлѣлъ рѣзныя изображенія. Но порокъ, смывъ боговидныя черты, бесполезнымъ содѣлалъ благо, закрытое гнусными покровами. Посему, если рачительною жизнію опять смоешь нечистоту, налегшую на твоємъ сердцѣ, то возсіяетъ въ тебѣ боговидная лѣпота. Какъ это бываетъ съ желѣзомъ, когда точильнымъ камнемъ сведена съ него ржавчина; недавно бывъ чернымъ, при солнцѣ мещетъ оно отъ себя какіе-то лучи, и издаетъ блескъ: такъ и внутренній челоуѣкъ, котораго Господь именуетъ сердцемъ, когда очищена будетъ ржавчина нечистоты, появившаяся на его образѣ отъ дурной любви (ч), снова восприметъ на себя подобіе первообраза, и будетъ добрымъ; потому что подобное добру, безъ сомнѣнія, добро. Посему, кто видитъ себя, тотъ въ себѣ видитъ и вождѣваемое; и такимъ образомъ чистый сердцемъ дѣлается блаженъ, потому что, смотря на собственную чистоту, въ этомъ образѣ усматриваетъ первообразъ. Ибо какъ тѣ, которые видятъ солнце въ зеркалѣ, хотя не устремляютъ взора на самое небо, однакоже усматриваютъ солнце

(ч) По рукописи вмѣсто *εὐφροσύνη* читается *ἀφροσύνη*.

въ сіяніи зеркала не меньше тѣхъ, которые смотрять и на самый кругъ солнца; такъ и вы, говорить Господь, хотя не имѣете силъ усмотрѣть свѣта, но, если возвратитесь къ той благодати образа, какая сообщена была вамъ въ началѣ, то въ себѣ имѣете искомое. Ибо чистота, безстрастіе, отчужденіе отъ всякаго зла есть Божество. Посему, ежели есть въ тебѣ это, то, безъ сомнѣнія, въ тебѣ Богъ, когда помысль твой чистъ отъ всякаго порока, свободенъ отъ страстей и далекъ отъ всякаго оскверненія, ты блаженъ по своей острозрительности; потому что, очистившись, усмотрѣлъ незримое для неочистившихся, и отъявъ вещественную мглу отъ душевныхъ очей, въ чистомъ небѣ сердца ясно видишь блаженное зрѣлице. Чтò же именно? Чистоту, святость, простоту и всѣ подобныя свѣтоносныя отблески Божія естества, въ которыхъ видимъ Богъ.

А что сіе дѣйствительно такъ, въ томъ не сомнѣваемся на основаніи сказаннаго. Но чѣмъ слово наше затруднялось еще въ началѣ, то остается при томъ же неудобствѣ. Если и всѣ согласны, что тотъ, кто на небѣ, причастенъ небесныхъ чудесъ, то, поелику и способъ восхожденія туда невозможенъ, согласіе въ этомъ никакой не приноситъ намъ пользы: такъ несомнѣнно и то, что, по очищеніи сердца, человѣкъ дѣлается блаженнымъ; но

какъ ему очистить оное отъ оскверняющаго, это почти совершенно равно восхожденію на небо. Посему найдется ли какая либо Іаковлева лѣствица, какая либо огненная колесница, подобная вознесшей Пророка Ілію на небо, на которой бы сердценаше, возвысившись до горнихъ чудесъ, сложило съ себя это земное бремя? Если кто представить въ умѣ необходимыя душевныя страданія; то труднымъ и невозможнымъ признаетъ удаленіе отъ сопряженныхъ съ нимъ золь. Самое рожденіе наше начинается тотчасъ страданіемъ, съ страданіемъ происходитъ возрастаніе, оканчивается жизнь страданіемъ, и зло нѣкоторымъ образомъ срастворяется съ естествомъ чрезъ тѣхъ, которые первоначально допустили въ себя страданіе, преслушаніемъ вселили въ себя болѣзнь. Но какъ преемствомъ принадлежащаго каждому роду продолжается естество живыхъ существъ, такъ что по закону природы рожденное есть тоже съ родившимъ: такъ и отъ человѣка рождается человѣкъ, отъ страстнаго страстный, отъ грѣшника грѣшникъ. Посему въ рождающихся нѣкоторымъ образомъ составляется грѣхъ, вмѣстѣ и рождаемый, и возрастающій, и оканчивающійся предѣломъ жизни. Напротивъ того, что добродѣтель для насъ неудобопріобрѣтаема, что при тмочисленныхъ потахъ и трудахъ со тщаніемъ и изнуреніемъ едва преуспѣваемъ въ ней, сему научаемся

изъ многихъ мѣстъ божественнаго Писанія, слыша, что путь, идущій въ царствіе, тѣсенъ и узокъ; а вводящій порочною жизнию въ пагубу широкъ, покать и утопанъ. Однакоже, что не вовсе невозможна и возвышенная жизнь, Писаніе подтвердило сіе, въ священ-ныхъ книгахъ представивъ намъ чудесныя дѣянія столькихъ мужей. Но поелику въ обѣтова-ніи видѣть Бога заключается двоякій смыслъ, одинъ познать естество всё превышающее, и другой—посредствомъ чистоты сердца войти съ Нимъ въ единеніе: то первый родъ разумѣнія, по слову святыхъ, признается невозможнымъ, другой же естеству человѣческому въ настоящемъ ученіи обѣщаетъ Господь, сказавъ: *блаженни чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ.*

А какъ сдѣлаться чистымъ, способы къ этому можно тебѣ дознать изъ всякаго почти евангельскаго ученія. Ибо, переходя къ послѣдующимъ заповѣдямъ, найдешь ясное ученіе объ очищеніи сердца. Господь, раздѣливъ порокъ на два вида, на видимый въ дѣлахъ и на составляющійся въ мысляхъ, первый видъ, то есть неправду, обнаруживаемую въ дѣлахъ, наказывалъ по ветхому закону. нынѣ же обратилъ вниманіе закона на другой видъ грѣха, не дѣло худое наказывая, но промышляя, чтобы не полагалось ему и начала. Ибо изъять порокъ изъ самаго произвола гораздо важнѣе,

нежели сдѣлать жизнь чуждою лукавыхъ дѣлъ. Поелику порокъ многочастень и многообразень; то Господь въ заповѣдяхъ Своихъ каждому изъ запрещенныхъ дѣлъ противопоставилъ особое врачевство. И какъ недугъ гнѣва въ продолженіе всей жизни всего чаще и явнѣе постигаетъ человѣка; то и начинается врачеваніемъ преобладающаго, узаконяя прежде всего негнѣвливость. Научень ты, говорить, ветхимъ закономъ: *не убій*; а теперь научись удалять отъ души и гнѣвъ на соплеменника (Матѳ. 5. 21. 22.); ибо Господь не запретилъ вовсе гнѣва, потому что иногда такое стремленіе души можно употреблять и на добро, но гнѣвнымъ когда либо быть на брата безъ всякой доброй цѣли—такое воспламененіе угасилъ заповѣдію, сказавъ: *всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе* (22). Ибо присовокупленіе слова: *всуе* показываетъ, что и обнаруженіе раздраженія часто бываетъ благовременно, когда страсть сія воскипаетъ при наказаніи грѣха. Такого рода гнѣвъ былъ въ Финеесѣ, какъ засвидѣтельствовало слово Писанія, когда пораженіемъ незаконнующихъ умилостивилъ негодованіе (ш) Бога, подвигнутое на весь народъ. Потомъ Господь переходитъ къ врачеванію грѣховъ сластолюбія, и Своею заповѣдію

(ш) По рукописи читается: *ἀγαπάκησιν*, а не *ἀλλήλην*.

исторгаетъ изъ сердца неумѣстную похоть прелюбодѣйства. Такъ найдешь, что въ послѣдующемъ Господь исправляетъ все по порядку, постановляя законы противъ каждаго вида пороковъ. Неправеднымъ рукамъ запрещаетъ распоряжаться самимъ, не дозволяя имъ мстить. Изгоняетъ страсть любостыжанія, приказывая лишаемому одежды къ тому, что отнимаютъ, присовокупить и остальное. Вракуетъ боязнь, повелѣвъ пренебрегать и смертію. И вообще найдешь, что въ каждой заповѣди, на подобіе плуга рѣжущее, слово изъ глубины сердца вырываетъ дурные корни, и тѣмъ очищаетъ отъ произращенія терній. Итакъ тѣмъ и другимъ оказывается благодѣяніе естеству, и тѣмъ, что заповѣдуются доброе, и тѣмъ, что предлагается намъ ученіе о настоящемъ предметѣ. Если же, по твоему мнѣнію, раченіе о добромъ трудно, то сравни съ противоположною жизнію; и найдешь, сколько труднѣе порокъ, если примешь во вниманіе не настоящее, но что будетъ послѣ. Ибо кто услышалъ о гееннѣ, тотъ уже не съ трудомъ какимъ и усиліемъ будетъ удаляться отъ грѣховныхъ удовольствій; а напротивъ того и одного страха, овладѣвшаго помыслами, достаточно ему, чтобы изгнать изъ себя страсти. Лучше же сказать, постигшимъ и то, что подразумѣвается въ умолчанномъ, въ пользу служить и то, что получаютъ отъ сего сильнѣйшее пожеланіе. Ибо

если блаженны чистые сердцемъ, то конечно жалки оскверненные умомъ, потому что видятъ лице сопротивника. И если въ жизни добродѣтельной напечатлѣваются черты самаго Божества, то явно, что жизнь порочная дѣлается образомъ и лицомъ противника. Но если Богъ, по различнымъ примышленіямъ, именуется всѣмъ, что представляемъ себѣ добромъ, свѣтомъ, жизнію, нетлѣніемъ, и что только есть подобнаго сему рода; то конечно, и на оборотъ всѣмъ этому противоположнымъ именоваться будетъ изобрѣтатель порока, и тмою, и смертію, и тлѣніемъ, и всѣмъ, что съ симъ однородно и сродственно.

Итакъ, дознавъ, изъ чего образуются въ насъ и порокъ и жизнь добродѣтельная, поелику, по свободѣ произволенія дана намъ власть на то и другое изъ этого, избѣжимъ діавольскаго образа, отринемъ это дурное олицетвореніе, воспримемъ же на себя образъ Божій, содѣлаемся чистыми сердцемъ, чтобы стать блаженными, какъ скоро чистою жизнію вообразится въ насъ Божій образъ, о Христіѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 7.

*Блажені миротворцы: яко тии сынове
Божіи нарекутся (Матѣ. 5, 9.).*

Въ священной скиніи свидѣнія, которую Законодатель устроилъ Израильтянамъ по образу, показанному Богомъ на горѣ, святы и священны были, какъ все содержавшееся внутри ограды, такъ и всякая отдѣльно взятая часть. Самая же внутренняя часть была не прикосновенна и недоступна, и называлась святое святыхъ. А сіе усиленно выраженное наименованіе показываетъ, думаю, что часть сія имѣла святость не въ равной мѣрѣ съ другими частями, но, сколько освященное и святое отличалось отъ общеупотребительнаго и нечистаго, столько же и сія неприступная часть была священнѣе и чище окружающихъ ее святыхъ. Посему полагаю, что и всѣ прежде указанныя намъ на горѣ сей блаженства, сколько ихъ предварительно уготовало Божіе слово, таковы, что каждое священно и свято, но теперь предлагаемое воззрѣнію въ подлинномъ смыслѣ есть святилище и святое святыхъ. Ибо, если нѣтъ въ благахъ выше сего—видѣть Бога; то содѣлаться сыномъ Божіимъ, безъ сомнѣнія, выше всякаго благополучія. Какое примышленіе рѣченій, какое знаменова-

ніе именъ вполнѣ обьметъ собою даръ такого обѣтованія? Чтѣ ни представитъ кто въ умѣ, представляемое, безъ сомнѣнія, выше представленія. Если предлагаемое въ обѣтованіи сего блаженства назовемъ благомъ, или драгоценнымъ, или возвышеннымъ; то означаемое больше того, чтѣ выражается сими именованиями. Успѣхъ выше желанія, даръ выше упованія, благодать выше естества.

Чтѣ такое человѣкъ въ сравненіи съ естествомъ Божиимъ? у кого изъ святыхъ позаимствую слово, чтобы выразить уничтоженіе человѣка? По слову Авраамову, онъ *земля и пепелъ* (Быт. 18, 27.); по слову Исаіи, — *снѣно* (Иса. 40, 6.); по слову Давида, — даже не сѣно, но подобіе сѣна: ибо Исаія сказуетъ: *всяка плоть снѣно*; а Давидъ говоритъ: *человѣкъ яко трава* (Псал. 36. 2.). По слову Екклесіаста, онъ — *суета*; а по слову Павлову, — *окаянство* (1 Коринѣ. 15, 10.); ибо въ рѣченіяхъ, какими Апостолъ именовалъ себя, оплакивается все человѣчество. Вотъ чтѣ человѣкъ; а чтѣ же такое Богъ? какъ скажу чтѣ либо о томъ, чего невозможно ни видѣть, ни въ слухъ вмѣстить, ни сердцемъ объять? какими словами изображу естество? какое подобіе блага сего найду въ извѣстныхъ намъ благахъ? какія рѣченія избрѣту къ означенію неизреченнаго и неизглаголаннаго? Слышу, что священное Писаніе повѣствуетъ великое о превысшемъ Естествѣ;

но что сіе значить въ сравненіи съ самимъ Естествомъ? Столько изрекло слово, сколько способенъ я принять, а не сколько вмѣщаетъ въ себѣ означаемое. Какъ вдыхающіе въ себя воздухъ преемлютъ его, каждый по своей вмѣстимости, одинъ больше, другой меньше, но и тотъ, кто содержитъ въ себѣ много, не всю стихію вмѣщаетъ внутри себя, а напротивъ того и онъ, сколько могъ, столько и принялъ въ себя изъ цѣлаго, и это въ немъ цѣлое: такъ и богословскія понятія святаго Писанія, у богоносныхъ мужей изложенныя намъ Святымъ Духомъ, для нашей мѣры разумѣнія высоки, велики, и превосходятъ всякую величину, но не достигаютъ до величины истинной. Сказано: *кто изльри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію* (Псал. 40, 12.)? Видишь ли, какая высокая мысль у описывающаго несказанное могущество? Но что сіе значить въ сравненіи съ дѣйствительно Сущимъ? Пророческое слово въ такихъ высокихъ выраженіяхъ показало только часть Божественной дѣятельности. О самой же силѣ, отъ которой дѣятельность, не говорю уже объ естествѣ, отъ котораго сила, не сказано, и не имѣло въ виду говорить, а напротивъ того касается словомъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, изображающаго только собою Божество, какъ бы отъ лица Божія произнося такія слова: *кому Мя уподобисте* (Иса. 46, 5.)? говорить Господь.

Такой же совѣтъ предлагаетъ и Екклесіастъ собственными своими словами: *нескорѣ буди износити слово предѣ лицемъ Божиимъ, яко Богъ на небеси горь, ты же на земли долу* (Еккл. 5, 1.), взаимнымъ разстояніемъ сихъ стихій, какъ думаю, показывая, въ какой мѣрѣ естество Божіе превышаетъ земные помыслы.

Симъ-то Существомъ, столько могущественнымъ и великимъ, что невозможно ни видѣть Его, ни слышать ни мыслию постигнуть, присвоится въ ничто между существами вмѣняемый человѣкъ, — этотъ пепель, это сѣно, эта суета; онъ-то воспріимется въ сына Богомъ всяческихъ. Что можно найти достойнаго къ благодаренію за сію милость? Гдѣ такое слово, такая мысль, такое движеніе мысли, чтобы ими воспрославить сей преизбытокъ милости? Человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего естества, дѣлается изъ смертнаго безсмертнымъ, изъ скоро - гибнущаго неизмѣнно - пребывающимъ, изъ однодневнаго вѣчнымъ, однимъ словомъ изъ человѣка Богомъ; потому что сподобившійся стать сыномъ Божиимъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть въ себѣ достоинство Отца, содѣлавшись наслѣдникомъ всѣхъ отеческихъ благъ. Какая великодаровитость богатаго Владыки! Какая широкая длань! Какая великая рука! Сколько дарованій неизреченныхъ сокровищъ! Обезчещенное грѣхомъ естество приводитъ почти въ равночестіе съ са-

мимъ Собою! Ибо если свойство того, что Самъ Онъ есть по естеству, даруетъ людямъ, что иное возвѣщается этимъ средствомъ, какъ не равночестіе нѣкое?

Такова награда, какой же это подвигъ? сказано: если будешь миротворцемъ, то увѣнчаетъ тебя благодать всыновленія. Мнѣ кажется, что и дѣло, за которое обѣщана такая награда, есть новый даръ. Ибо въ наслажденіи вождельнымъ для насъ въ этомъ мірѣ, что сладостнѣе для людей мирной жизни? О какой ни заговоришь пріятности въ жизни, чтобы ей быть пріятною, нуженъ миръ; ибо, если будетъ всё, что цѣнится въ этомъ мірѣ, богатство, здоровье, жена, дѣти, домъ, родъ (щ), прислуга, друзья, земля, море, и та и другое обогащающія своими дарами, сады, звѣриныя ловли, купальни, мѣста для борьбы и тѣлесныхъ упражненій, для прохладъ и забавъ, всё, какія есть, изобрѣтенія сластолюбія; приложи къ этому увеселительныя зрѣлища, музыку, и ежели есть что иное, чѣмъ услаждается жизнь роскошныхъ; если будетъ всё это, но не будетъ при этомъ блага—мира, какая польза отъ всѣхъ благъ, наслажденіе которыми пресѣчетъ война? Поэтому миръ, и самъ пріятенъ для

(щ) По рукописи читается *υἱός* вмѣсто *υἱός*.

наслаждающихся имъ, и услаждаетъ все цѣнное въ этомъ мѣрѣ. Если и во время мира терпимъ по человѣчеству какое либо бѣдствіе, то зло, срастворенное благомъ, дѣлается легкимъ для страждущихъ. Правда, что, когда и войною стѣснена жизнь, нечувствительны также бываемъ къ подобнымъ скорбнымъ случаямъ; потому что общее бѣдствіе горестями своими превышаетъ бѣдствія частныя. И какъ, говорятъ врачи тѣлесныхъ страданій, если въ одномъ тѣлѣ въ одно и тоже время сойдутся двѣ болѣзни, то ощутительно дѣлается сильнѣйшая, а болѣзненное ощущеніе меньшаго зла утаевается какъ-то, похищаемое приращеніемъ преобладающей боли: такъ бѣдствія войны, по превосходству горестныя, доводятъ до того, что каждый частный человѣкъ дѣлается нечувствительнымъ къ собственнымъ своимъ несчастіямъ. Но если и для ощущенія собственныхъ своихъ золъ цѣпенѣтъ какъ-то душа, пораженная общими бѣдствіями войны; то какъ ей имѣть ощущеніе пріятнаго? Гдѣ оружія, копья, изощренное желѣзо, звучація трубы, гремящіе кимвалы дружины, сомкнушіеся щиты, страшно помавающіе перьями шлемы, столкновенія, столпленія, схватки, сраженія, побоища, бѣгства, преслѣдованія, стоны, радостные клики, земля увлажненная кровью, попираемые мертвецы, безъ помощи оставляемые раненые, и всё, что на войнѣ, можно ви-

дѣть и слышать (ъ) о горестныхъ военныхъ событіяхъ, — ужели и тамъ найдетъ кто время (ы) преклонить иногда помыслъ къ воспоминанію объ увеселяющемъ? Если и придетъ какъ въ душу припоминаніе о чемъ либо весьма пріятномъ; то не послужитъ ли къ увеличенію бѣдствія это, во время опасностей входящее въ помыслъ припоминаніе о предметѣ самомъ любимомъ? Посему Награждающей тебя, если предотвратилъ ты бѣдствіе войны, два даруетъ тебѣ вмѣсто дара; однимъ даромъ служить награда, а другимъ даромъ самый подвигъ; потому что, если бы за таковое дѣло и ничего не предстояло въ упованіи, то миръ самъ по себѣ для имѣющихъ умъ дороже всякаго о немъ раченія. Поэтому преизбытокъ Божія челоуѣколюбія можно познавать въ этомъ, что благими воздаяніями награждаетъ не за труды и поты, но за удовольствія, можно сказать, и радости; такъ какъ изъ всего, что веселитъ, главное есть миръ, который каждому желательно имѣть въ такой мѣрѣ, чтобы не только самому пользоваться, но, по великому обилію онаго, удѣлять и неимѣющимъ. Ибо сказано: *блаженн миротворцы*, а миротворецъ тотъ, кто даетъ миръ другимъ.

(ъ) Дополнено по рукописи.

(ы) По рукописи читается: *οχλολαστ.*

Но никто не сообщитъ другому того, чего не имѣетъ самъ. Посему желательно, чтобы прежде самъ ты исполнился благами мира, а потомъ уже снабдилъ таковымъ достояніемъ имѣющихъ въ немъ нужду. И слову моему нѣтъ нужды крайне пытливой обзоръ прости- рать до глубины; потому что для приобрѣтенія блага достаточно намъ понятія, представляю- щагося съ перваго взгляда.

Блаженни миротворцы. Писаніе въ краткомъ выраженіи предлагаетъ въ даръ врачеваніе отъ многихъ недуговъ, въ этомъ многообъемлю- щемъ и общемъ реченіи заключивъ подро- бности. Сперва выразумѣемъ, что такое миръ? Не иное что, какъ исполненное любви распо- ложеніе къ соплеменнику. Посему что же разумѣ- тся подъ противоположнымъ любви? ненависть, гнѣвъ, раздраженіе, зависть, злопамятство, лицемеріе, бѣдствіе войны. Видишь ли, отъ сколькихъ и отъ какихъ недуговъ предохра- нительнымъ врачевствомъ служить одно реченіе? Ибо миръ равно противится всему исчислен- ному, и присутствіемъ своимъ приводитъ зло въ уничтоженіе. Какъ по возвращеніи здравія уничтожается болѣзнь, и по появленіи свѣта не остается тмы, такъ съ появленіемъ мира исчезаютъ всѣ страсти, возбужденныя сопро- тивнымъ. А какое это благо, не почитаю нуж- нымъ описывать того словомъ. Разсуди самъ съ собою, какова жизнь взаимно другъ друга

подозрѣвающихъ и ненавидящихъ? Встрѣчи ихъ непріятны, все одному въ другомъ отвратительно; уста безмолвны, взоры обращены въ разныя стороны; слухъ заграждень для словъ у ненавидящаго и у ненавидимаго; одному изъ нихъ пріязненно все, что непріязненно другому; и на оборотъ враждебно и непріязненно все любезное непріязненному. Посему, какъ благоуханіе аромать благовоніемъ своимъ наполняетъ окружающій воздухъ: такъ Господу угодно въ обиліи пріумножить для тебя благодать мира, чтобы жизнь твоя была врачевствомъ чужой болѣзни.

А сколь велико такое благо, точнѣе узнаешь, исчисливъ бѣдствія отъ каждой страсти, порождаемой въ душѣ непріязненнымъ произволеніемъ. Кто опишетъ, какъ должно, страстныя движенія гнѣва? Какое слово изобразить неприличіе такой болѣзни? Смотри, какъ въ одержимыхъ раздраженіемъ появляются тѣже припадки, что и въ бѣсноватыхъ. Сравни между собою страданія и отъ бѣса и отъ раздраженія, и разсуди, какая между ними разность. Намытые кровью и извращенные глаза бѣсноватыхъ, языкъ выговаривающій неясно, произношеніе грубое, голосъ пронзительный и прерывистый, вотъ общія дѣйствія и раздраженія и бѣса; потрясеніе головы, изступленные движенія рукъ, содроганіе всего тѣла, нестоящія на мѣстѣ ноги,—въ подобныхъ симъ чер-

тахъ одно описаніе двухъ болѣзней. Въ томъ только разнится одна отъ другой, что одно зло произвольно, а другое, съ кѣмъ оно бываетъ, поражаетъ его невольно. Но по собственному своему стремленію подвергнуться бѣдствію, а не противъ воли страдать, — сколь большаго достойно сіе сожалѣнія? Кто видитъ болѣзнь отъ бѣса, тотъ конечно жалится; а безчинные поступки отъ раздраженія вмѣстѣ и видитъ, и подражаетъ имъ, признавая для себя утратою не препобѣдить своею страстію заболѣвшаго прежде него. И бѣсъ, мучащій тѣло страждущаго, на томъ останавливаетъ зло, что бѣснующійся напрасно ударяетъ руками по воздуху; а демонъ раздражительности не напрасными дѣлаетъ тѣлесныя движенія. Ибо, когда этотъ одержитъ верхъ, кровь въ предсердечіи воскипаетъ, какъ говорятъ, горькою желчію отъ раздражительнаго расположенія, распространившагося повсюду въ тѣлѣ; тогда отъ стѣсненія внутреннихъ паровъ утѣсняются всѣ главныя чувствилища Глаза выходятъ изъ очертанія рѣсницъ, и чтò-то кровавое и змѣиное устремляютъ на оскорбительное для нихъ. И внутренности бываютъ подавлены дыханіемъ, жилы на шеѣ выставляются наружу, языкъ дебелиеть, голосъ отъ сжатія біющейся жилы невольно (б) дѣлается звонкимъ. губы

(б) По рукописи читается: *δκασίως*, а не *ἐκασίως*.

отъ вошедшей въ нихъ холодной желчи отвердѣваютъ, чернѣютъ и дѣлаются неудободвижными для естественнаго разжатія и сжатія, такъ что не въ состояніи удерживать слюну, наполняющую уста, но извергаютъ ее вмѣстѣ съ словами, и отъ принужденнаго произношенія выплевываютъ въ видѣ пѣны. Тогда-то можно увидѣть, что и руки, а также и ноги, приводятся въ движеніе, и члены сіи уже движутся не напрасно, какъ бываетъ съ бѣснующимися, но на зло сцѣпившимся между собою по причинѣ этой болѣзни. Ибо стремленія наносящихъ удары другъ другу направлены бываютъ на главныя чувствилища. А если въ этой схваткѣ уста приблизятся гдѣ къ тѣлу; то и зубы не остаются безъ дѣла, но, подобно зубамъ звѣринымъ, впиваются въ то, что къ нимъ близко. И кто расскажетъ по порядку все множество зомъ, происходящихъ отъ раздраженія? Посему, кто не допускаетъ до такого безобразія, того за сіе весьма великое благодѣяніе справедливо будетъ наименовать достоблаженнымъ и досточестнымъ. Если избавившій челоуѣка отъ тѣлесной какой нибудь непріятности за такое благодѣяніе достоинъ чести, то не тѣмъ ли паче освободившій душу отъ этой болѣзни имѣющимъ умъ признанъ будетъ благодѣтелемъ жизни? Ибо сколько душа лучше тѣла, столько же уврачевавшій душу предпочтительнѣе врачующихъ тѣло.

И никто да не подумаетъ, будто, по моему мнѣнію, непріятность, причиняемая по раздраженію, хуже злыхъ дѣлъ, совершаемыхъ по ненависти. Страсти: зависть и лицемѣріе, кажется мнѣ, гораздо хуже упомянутой теперь, и именно въ той же мѣрѣ, въ какой скрытное страшнѣе явнаго. И тѣхъ псовъ больше боимся, которые не извѣщаютъ прежде о своемъ раздраженіи, ни лаемъ, ни нападеніемъ спереди, но въ кроткомъ и тихомъ видѣ подстерегаютъ насъ неожиданно, когда не предусматриваемъ того. Таковы же страсти зависть и лицемѣріе въ людяхъ, у которыхъ внутри во глубинѣ сердца ненависть, какъ огонь, возгарается (ѣ) скрытно; а наружность прикрывается личиною дружбы, подобно огню закрытому соломой, отъ котораго, пока сожигаетъ лежащее внутри, не бываетъ видно пламени, а только выходитъ ѣдкій дымъ, сильно внутри сгущаемый; но стобить кому либо подуть, и разливается тогда ясный и свѣтлый пламень. Такъ и зависть изѣдаетъ внутри сердце, на подобіе огня, какъ бы заваленнаго какою грудю соломы. И хотя скрываетъ отъ стыда болѣзнь, однакоже не можетъ она быть совершенно скрытою; но какъ будто какой-то ѣдкій дымъ въ наружныхъ припадкахъ выказывается

(ѣ) По рукописи читается: *длостѣтн.*

горечь зависти. Но если того, кому завидуютъ, коснется какая бѣда, то завистникъ обнаруживаетъ тогда эту болѣзнь, печаль бѣдствующаго обращая для себя въ веселіе и удовольствіе. Впрочемъ тайны этой страсти, когда думаютъ и скрывать ее, выказываются явными признаками на лицѣ. Чтó въ отчаянно больныхъ служитъ знакомъ близкой смерти, то нерѣдко увидишь на снѣдаемомъ завистию: сухіе глаза, впавшіе между разширившимися вѣками, нависшія брови, на мѣсто плеча выставившіяся кости. Чтó же причиною болѣзни? То, что братъ, или сродникъ, или сосѣдъ живутъ весело. Какая необычайная несправедливость! Ставить въ вину, что не бѣдствуетъ тотъ, о чьемъ благополучіи онъ печалится, признавая для себя обиду не то, что самъ потерпѣлъ какое либо зло отъ другаго, но то, что этотъ другой, не дѣлая никакой обиды, живетъ, какъ ему желательно. Чтó съ тобою, бѣдный? сказалъ бы я ему. Для чего сохнешь, горькимъ окомъ взирая на благополучіе сосѣда? Въ чемъ можешь винить его? Въ томъ ли, что благолѣпенъ тѣломъ? Или что украшенъ даромъ слова? Или что беретъ преимущество родомъ? или что, вступивъ въ должность начальника, въ этомъ чинѣ оказывается достойнымъ уваженія? Или что много стало у него денегъ? Или что уважаютъ его за благоразуміе въ рѣчахъ? Или что многимъ извѣстенъ

онъ добрыми дѣлами? Или что радуется на дѣтей? Или что увеселяется супругой? Или что пышно живетъ доходами своего дома? Почему, какъ остріе стрѣль, падаетъ это тебѣ на сердце? Складываешь ты руки, жмешь пальцы между пальцами, тревожишься помыслами, глубоко и болѣзненно какъ-то вздыхаешь; неприятно тебѣ пользоваться тѣмъ, что имѣешь у себя; трапеза горька, домъ (э) сумраченъ. Слушать клевету на живущаго благополучно ухо готово; а если сказано о немъ что либо доброе, заграждается для сего слухъ. И при такомъ душевномъ расположеніи, для чего прикрываешь болѣзнь лицемѣріемъ? Для чего изъ притворнаго расположенія составляешь себѣ личину дружбы? Для чего привѣтствуешь почтительными именованиями, прося быть веселымъ и здоровымъ, а въ тайнѣ душею изрекая противныя тому желанія? Таковъ былъ Каинъ, раздраженный благоволеніемъ Божиимъ къ Авелю. Зависть внутри внушаетъ ему убійство, а лицемѣріе (ю) дѣлается исполнителемъ злодѣянія. Принявъ на себя какой-то дружескій и привѣтливый видъ, ведетъ онъ Авеля на поле вдаль отъ родительской защиты, и тамъ обнаруживаетъ зависть убійствомъ. По-

(э) По рукописи читается: *εστία*, а не *διετία*.

(ю) По рукописи вмѣсто: *ἐπιθετικὸς* читается: *ἐπιεικτικὸς*.

сему, кто такую болѣзнь искореняетъ изъ человѣческой жизни, благорасположеніемъ и миромъ связуетъ единоплеменныхъ, въ дружеское согласіе приводитъ людей, тотъ не божескаго ли, подлинно, могущества совершаетъ дѣло, въ родѣ человѣческомъ истребляя худое, и на мѣсто сего вводя общеніе благъ? Посему-то Господь именуетъ миротворца сыномъ Божиимъ; ибо, даруя это человѣческой жизни, дѣлается подражателемъ истиннаго Бога.

Итакъ *блаженни миротворцы: яко тѣи сынове Божіи нарекутся*. Кто же именно? Подражатели Божію человѣколюбію, что свойственно Божіей дѣятельности, то самое показывающіе въ жизни своей. Благодѣющій Податель благъ и Господь совершенно истребляетъ и въ ничто обращаетъ все, что не сродно съ добромъ и чуждо ему, и тебѣ узаконяетъ сей образъ дѣйствованія, изгонять ненависть, прекращать войну, уничтожать зависть, недопускать до битвъ, истреблять лицемѣріе, угашать въ сердцѣ пожигающее внутренность злоспамятство, вводить же на мѣсто сего, что становится истребленіемъ противоположнаго. Какъ съ удаленіемъ тмы наступаетъ свѣтъ: такъ вмѣсто исчисленнаго выше появляются плоды духа: *любы, радость, миръ, благодать, долготерпѣніе*, и все собранное Апостоломъ число благъ (Гал. 5, 22.). Посему какъ же не блаженъ раздаятель божественныхъ даровъ,

Богу уподобляющійся дарованіями, благотворенія свои уподобляющій Божіей великодаровитости? Но, можетъ быть, ублаженіе имѣеть въ виду не только благо, доставляемое другимъ, но, какъ думаю, въ собственномъ смыслѣ миротворцемъ называется, кто мятежь плоти и духа и междуусобную брань естества въ себѣ самомъ приводитъ въ мирное согласіе, когда въ бездѣйствіе уже приходитъ законъ тѣлесный, *противовоюющъ закону ума* (Римл. 7, 23.), и, подчинившись лучшему царству, дѣлается служителемъ божественныхъ заповѣдей. Лучше же сказать, будемъ держаться той мысли, что слову Божіе^с совѣтуетъ не это, то есть не въ двойственности представляетъ себѣ жизнь преуспѣвшихъ, но въ томъ, чтобы, когда разорено въ насъ *средостѣніе оградъ* (Ефес. 2, 14.) порока, сраствореніемъ (я) съ лучшимъ *обоя* содѣлались совокупившимися во едино. Итакъ, поелику вѣруемъ, что Божество просто, несложно и неописуемо, то, когда и человѣческое естество за таковое умиротвореніе дѣлается чуждымъ сложенія изъ двойственнаго, въ точности возвращается во благо, становясь простымъ, неописуемымъ, и какъ бы въ подлинномъ смыслѣ единымъ, такъ что въ немъ одно и тоже есть и видимое съ

(я) По рукописи читается: *ἀνακρίσει*, а не *ἀνακρίσει*.

тайнымъ и сокровенное съ видимымъ; тогда дѣйствительно подтверждается ублаженіе, и таковыя въ подлинномъ смыслѣ называются сынами Божиими, содѣлавшись блаженными по обѣтованію Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О В .

Блаженни изнани правды ради : яко тлхъ есть царствіе небесное (Матѳ. 5, 10.).

Порядокъ высокаго преподаванія уроковъ возводитъ настоящее обзорѣніе изреченія сего на осьмую ступень. Но лучшимъ признаю объяснить сперва въ словѣ, что значать у Пророка, въ надписаніи двухъ псалмопѣвій тайна осьмаго, а также очищеніе (ѳ) и законъ объ обрѣзаніи; такъ какъ то и другое по закону совершалось въ осмый день, и, можетъ быть, число сіе имѣетъ нѣкое средство съ осьмымъ блаженствомъ. Какъ нѣкая вершина всѣхъ блаженствъ, оно составляетъ самый верхъ добраго восхожденія. Ибо и тамъ Пророкъ осьмымъ загадочно означаетъ день воскресенія, и очищеніе указываетъ возвращеніе оскверненнаго

(ѳ) По рукописи читается: δ καθαρμός, а не δ μακάρμός.

человѣка къ естественной чистотѣ, а обрѣзаніе, какъ толкуется, есть сложеніе съ себя мертвыхъ кожъ, въ какія облечены мы, по преслушаніи обнажившись отъ жизни. И здѣсь осьмое блаженство заключаетъ въ себѣ востановленіе на небеса тѣхъ, которые впали въ рабство, и изъ рабства призваны отгнъ въ царство.

Ибо Господь говорить: *блажени изнани* Мене ради: *яко тлѣхъ есть царствіе небесное.* Вотъ конецъ подвиговъ по Богу, награда трудовъ, воздаяніе за пролитый потъ—сподобиться царствія на небесахъ! Надежда благаго жребія не кружится уже около непостояннаго и измѣняемаго; потому что превратному и измѣняемому мѣсто на землѣ. О томъ же, что видимо и движится на небѣ, не знаемъ ничего такого, что не было бы всегда тѣмъ же и таковымъ же; напротивъ того тамъ все въ порядкѣ и послѣдовательности совершаетъ свое теченіе. Посему видишь ли преизбытокъ дара Величіе достоинства даруется не въ превратномъ, такъ что добрыя надежды могъ бы омрачить страхъ какого либо переворота: но, наименовавъ небесное царство, Господь показываетъ непревратность и всегдашнюю одинаковость предложеннаго намъ въ упованіи дара.

Въ сказанномъ же встрѣчается для меня затруднительнымъ слѣдующее: почему Господь во первыхъ о обнищавшихъ духомъ и о гони-

мыхъ Его ради говорить, что тѣмъ и другимъ награда равная; тогда какъ, если кому награда равная, то у нихъ очевидно и подвиги равны? А потомъ, когда, десныхъ отдѣливъ отъ шухихъ, призываетъ къ небесному царствію, тогда представляетъ другія причивы таковой чести. Ибо тамъ, сказавъ о сострадательности, объ общительности, о взаимной любви, вовсе не упоминаетъ о духовной нищетѣ и о гоненіи Его ради. И это, кажется по смыслу, представляющемуся съ перваго взгляда, одно съ другимъ весьма несходно. Ибо что общаго въ этомъ: обнищать и быть гонимымъ? Или еще, что согласнаго между этимъ и дѣлами сострадательной любви? Напиталъ ли кто нуждающагося, или одѣлъ нагаго, или принялъ подъ кровъ путника, или оказалъ возможную услугу недужному и заключенному, въ отношеніи къ самому исполненію, что общаго въ этомъ и въ томъ, чтобъ быть нищимъ и гонимымъ? Первый врачуетъ бѣдствія другихъ, а изъ послѣднихъ каждый, и нищій и гонимый, сами имѣютъ нужду во врачующихъ. Но конецъ для всѣхъ одинаковъ; потому что Господь равно возводитъ на небо и обнищавшаго духомъ, и гонимаго Его ради, и оказавшихъ состраданіе къ соплеменнику. Посему, что скажемъ на это? То, что во взаимной между собою связи состоитъ все, клонящееся и содѣйствующее къ одной цѣли. Ибо нищета не далека отъ изгнанія, и нище-

любіе не чуждается нищеты. Но мнѣ кажется, хорошо будетъ сперва изслѣдовать настоящее слово, а потомъ уже въ изслѣдованномъ отыскивать согласіе и смыслъ.

Блаженіи изгнани правды ради. Откуда и гѣмъ *изгнани*? Ближайшее понятіе слова указываетъ на поприще мучениковъ, даетъ подразумѣвать теченіе вѣры. Ибо гоненіе означаетъ усиленное въ текущемъ тщаніе о скорости, лучше же сказать, даетъ подразумѣвать и побѣду въ теченіи. Ибо текущему не иначе можно побѣдить, какъ позади себя оставивъ того, кто течетъ вмѣстѣ съ нимъ. И такъ, поелику текущій *къ почести вышняго званія* (Филип. 3, 14.), и гонимый врагомъ ради сея почести, равно имѣютъ за хребтомъ своимъ, одинъ состязующагося, другой гонителя (а это совершающіе теченіе мученичества, въ подвигахъ благочестія гонимые и не наступаемые); то въ предлагаемомъ упованію блаженствѣ сказаннымъ въ окончательныхъ словахъ Господь присовокупляетъ, кажется, главное, какъ бы нѣкій вѣнецъ. Ибо дѣйствительно блаженно быть гонимымъ ради Господа. Почему? потому что изгнаніе худымъ дѣлается причиною пребыванія въ добрѣ. Отчужденіе отъ лукаваго служитъ поводомъ къ освоенію съ добромъ. А доброе, и что выше всякаго добра, есть самъ Господь, къ Которому поспѣшаетъ гонимый. Посему истинно блаженъ,

кто на добро себѣ пользуется содѣйствіемъ врага. Поелику жизнь человѣческая заключается въ междугоріи добраго и худаго ; то , какъ препнувшійся въ своей благой и высокой надеждѣ впадаетъ въ пропасть , такъ разлучившійся съ грѣхомъ , и избавившійся отъ растлѣнія приближается къ правдѣ и нетлѣнію. И гоненіе , воздвигаемое мучителями на мучениковъ , какъ представляется оно съ перваго взгляда , болѣзненно для чувства , но цѣль претерпѣваемаго мучениками превышаетъ всякое блаженство. Впрочемъ смыслъ сего слова лучше можемъ усмотрѣть изъ примѣровъ. Кому не извѣстно , сколько , по общему признанію , хуже терпѣть злоумышленія , нежели быть любимымъ? И это , по видимому , тягостное многократно бываетъ причиною благополучія въ сей жизни , какъ Писаніе показываетъ на Іосифѣ , которому злоумышляли братья , и который , будучи удаменъ отъ сопрѣбыванія съ ними продажею , содѣлался царемъ злоумыслившихъ , но , можетъ быть , не достигъ бы такого высокаго сана , если бы зависть онымъ злоумышленіемъ не проложила ему пути къ царству. Если бы кто , имѣя вѣдѣніе о будущемъ , сталъ предрекать Іосифу : подвергшись злоумышленію будешь ты блаженъ ; то съ перваго взгляда не показался бы онъ достовѣрнымъ Іосифу , который , слыша сіе и прежде всего имѣя въ виду печальное , почелъ бы невозможнымъ , чтобы ко-

нецъ злаго произволенія оказался добромъ. Такъ и здѣсь гоненіе, воздвигаемое мучителями на вѣрныхъ, имѣя въ себѣ много болѣзненнаго для чувства, для оплотнявѣвшихъ неудобопріемлемою дѣлаетъ предлагаемую имъ надежду на полученіе царства посредствомъ страданій. Но Господь, видя брѣнность естества, болѣе другихъ немощнымъ напередъ возглашаетъ, какой конецъ подвига, чтобы надеждою на царство безъ труда преобороли они временное ощущеніе болѣзненнаго. Посему-то великій Стефанъ, побиваемый отвсюду бросаемыми камнями, радуется, какъ бы нѣкую пріятную росу, съ готовностію принимаетъ на тѣло летящія одна за другою тучи камней, и благословеніями вознаграждаетъ убійць, молясь, да не поставленъ имъ будетъ грѣхъ сей. Ибо и обѣтованіе онъ слышалъ, и видѣлъ, что уповаемое согласно съ явленнымъ. Слышавъ, что гонимые Господа ради будутъ во царствіи небесномъ, увидѣлъ ожидаемое, когда гонимъ былъ самъ. Когда поспѣшаетъ онъ совершить исповѣданіе, указывается ему уповаемое, отверзается небо, изъ премірнаго жребія приникаетъ на подвигъ текущаго и Божія слава, и Тотъ Самъ, о Комъ подвижникъ свидѣтельствуеть своими подвигами. Ибо *стояніе* Подвигоположника даетъ гадательно (Дѣян. 7, 55.) разумѣть помощь, какая подается подвижающимся; изъ чего дознаемъ, что Одинъ и

Тотъ же, и распоряжается подвигами, и съ Своими подвижниками противостоятъ сопротивнымъ. Посему, кто блаженнѣе гонимаго ради Господа, когда ему предоставлено имѣть сподвижникомъ самого Подвигоположника?

Не легкое, а можетъ быть, даже и невозможное дѣло—видимымъ въ этой жизни пріятностямъ предпочесть невидимое благо; и человѣку безъ труда рѣшиться на то, чтобы ему быть изгнаннымъ изъ своего дома, или разлученнымъ съ супругою и дѣтьми, съ братьями и родителями, съ сверстниками, и со всѣмъ пріятнымъ въ жизни, если самъ Господь не содѣйствуетъ ко благу содѣлавшагося *по предувѣднiю званнмъ*. Ибо кого *предувѣдаетъ*, какъ говоритъ Апостоль, того *предуствуетъ*, и призываетъ, и оправдываетъ, и прославляетъ (Рим. 8, 28—31.). Поелику душа посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ дѣлается какъ-то привязанною къ житейскимъ пріятностямъ, и посредствомъ глазъ услаждается благоцвѣтностію вещества, посредствомъ слуха получаетъ склонность къ тому, что пріятно дѣйствуетъ на слухъ, а посредствомъ обонянiя, вкуса и осязанiя пріобрѣтается расположеніе къ тому, что обыкновенно имѣетъ пріятность для каждаго изъ сихъ чувствъ; то какъ бы гвоздемъ какимъ, чувственною силою къ житейскимъ сладостямъ пригвожденная душа дѣлается неразрывно привязанною къ тому, къ чему при-

лѣпилась, и влача на себѣ все бремя жизни, подобно черепахамъ и улиткамъ, какъ бы связанная какимъ-то раковистымъ покровомъ, бываетъ неповоротлива для таковыхъ движеній. Посему въ такомъ состояніи удобно уловляется гонителями, при угрозѣ описаніемъ имѣнія, или при утратѣ чего либо инаго, вождельнаго въ этой жизни, безъ сопротивленія отдаваясь во власть, и дѣлаясь подручною преслѣдующему. Но когда *живо слово*, какъ говоритъ Апостоль, и *дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12.), проникаетъ въ истинно пріившаго вѣру, и разсѣкаетъ сросшееся ко вреду вмѣстѣ, и расторгаетъ связи привычки: тогда вѣрующій, какъ бы бремя какое, привязанное къ душѣ, свергнувъ съ раменъ мірскія удовольствія, подобно какому-то скороходу, легко и проворно проходитъ поприще подвиговъ, пользуясь въ теченіи своемъ руководствомъ Подвигоположника. Ибо взираетъ не на то, что оставилъ, но на то, къ чему стремится; не на сладости, которыя позади, обращаетъ око, но вождельваетъ лежащаго ему блага; не скорбитъ отъ утратъ земнаго, но восхищается пріобрѣтеніемъ небснаго; а посему съ готовностію пріемлетъ всякій видъ мученія, какъ поводъ и содѣйствіе къ лежащей радости; съ готовностію пріемлетъ огонь, какъ очищеніе отъ вещества, мечъ, какъ расторгеніе свя-

зей ума съ вещественнымъ и плотскимъ, при-
мышленіе всякихъ трудовъ и болѣзней, какъ
противоядіе отъ зловредной отравы удоволь-
ствіями. Какъ избыточествующіе худыми со-
ками и желчные съ охотою пьютъ горькое вра-
чевство, чтобы очистить имъ себя отъ болѣз-
нетворной причины: такъ гонимый врагомъ и
прибѣгающій къ Богу приеѣметъ прираженіе
скорбей, какъ нѣчто служащее къ угашенію
дѣйственности сластолюбія; потому что невоз-
можно чувствовать услажденія тому, кто въ
скорби. Поелику чрезъ удовольствіе вошелъ
грѣхъ, то противоположнымъ будетъ, безъ
сомнѣнія, изгнанъ. Посему тѣ, которые гонятъ
за исповѣданіе Господа, и вымышляютъ не-
стерпимыя мученія, трудностію оныхъ достав-
ляютъ душамъ нѣкоторое исцѣленіе, прираже-
ніями скорбей врачуя отъ болѣзни сластолю-
бія. Такъ приеѣмлютъ Павелъ (v)—крестъ, Іа-
ковъ — мечъ, Стефанъ — камни, блаженный
Петръ — прободеніе копьемъ во главу; всѣ
бывшіе послѣ подвижники вѣры—разнообраз-
ные виды мученій, звѣрей, пропасти, костры,
ощѣпенѣнія отъ хлада, обнаженіе реберъ отъ
плоти, пробитіе главы гвоздями, избоденіе
очей, отсѣченіе перстовъ, вырваніе съ объ-
ихъ сторонъ тѣла по частямъ, томленіе голо-
домъ—все это и подобное сему, какъ очище-
ніе отъ грѣха, съ веселіемъ терпѣли святыя,

(v) По рукописи: Андрей.

чтобы и слѣда, произведеннаго снстолубіемъ, не оставалось въ сердцѣ послѣ того, какъ это болѣзненное и мучительное ощущеніе сгладить въ душѣ всѣ отпечатки снстолубія.

Посему *блаженни изгнани* Меня ради. А это (можно придумать и другое основаніе) имѣеть такое же значеніе, какъ если бы кто дозволилъ вести рѣчь здравію, и оно сказало: блаженны удаленные отъ болѣзни ради меня; потому что отчужденіе отъ печалей приуготовляетъ болѣзновавшихъ нѣкогда ими къ тому, чтобы приобрѣсть меня. Такъ будемъ внимать словамъ симъ, какъ бы сама жизнь провозглашала намъ подобное блаженство: блаженны гонимые смертію ради меня; или какъ бы свѣтъ сказалъ: блаженны изгнанные изъ тмы ради меня. Подобно, представь себѣ, что и Господь, Который есть правда, и святость, и не тлѣніе, и благость, и все, о чемъ имѣешь понятіе, какъ о представляемомъ и именуемомъ наилучшимъ, скажетъ тебѣ, что блаженъ всякій удаляемый отъ всего противоположнаго тому, что о Немъ разумѣется, отъ тлѣнія, отъ тмы, отъ грѣха, отъ неправды, отъ любостыжанія, и отъ чего бы то нибыло, и на дѣлѣ, и по понятію несогласнаго съ правилами добродѣтели. Ибо стать внѣ худаго значитъ быть поставленнымъ въ добромъ. *Твори грѣхъ*, говоритъ Господь, *рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34.). Посему отступившій отъ того, кому былъ

рабомъ, свободенъ по достоинству. А высочайшій видъ свободы — стать самовластнымъ: царское же достоинство не имѣеть надъ собою никакой высшей управы. Поэтому, если чуждый грѣха самовластенъ, царскому же сану свойственно самодержавіе и неподвластность; то справедливо ублажается изгоняемый зломъ, такъ какъ изгнаніе отъ зла доставляетъ ему царское достоинство.

И такъ не скорбите, братія, изгоняемые отъ земнаго. Преселяемый отсюда водворяется въ царскихъ на небѣ чертогахъ. Двѣ сіи стихіи въ твореніи существъ удѣлены для пребыванія разумнаго естества, — земля и небо; земля — мѣстопробываніе пріившихъ жизнь при посредствѣ плоти, а небо — мѣстопробываніе безплотныхъ. Посему жизни нашей, конечно, необходимо быть гдѣ-нибудь. Если не изгнаны мы съ земли, то, безъ сомнѣнія, на землѣ пребываемъ. А если удалимся отсюда, то преселимся на небо. Видишь ли, куда возводитъ тебя ублаженіе за то, что повидимому прискорбно, но служить для тебя причиною такъ великаго блага? Сіе разумѣвъ, Апостоль говоритъ: *всякое наказаніе въ настоящее время не мнитса радость быти, но печаль; послѣди же плодъ миренъ наученыиъ тѣмъ воздвигетъ правды* (Евр. 12, 11.). Поэтому скорбь есть цвѣтъ ожидаемыхъ плодовъ. Ради плодовъ пожнемъ и цвѣтъ. Пусть будемъ изгнаны, чтобы всту-

пить въ теченіе, и вступивъ въ теченіе, потечемъ не всуе; а напротивъ того теченіе наше да будетъ *къ почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.).

Такъ потечемъ, да постигнемъ. Чтò же постигаемое? Какая почеть? Какой вѣнецъ? — Чтò ни представишь себѣ изъ уповаемаго тобою, все это, кажется мнѣ, не иное чтò есть, какъ Самъ Господь. Ибо самъ Онъ и подвигоположникъ подвизающихся, и вѣнецъ побѣждающихъ. Онъ раздѣляетъ жребій; Онъ же и жребій благій. Онъ—благая часть; Онъ же и даруетъ благу часть. Онъ обогащаетъ; Онъ же и богатство. Онъ указываетъ тебѣ сокровище; Онъ же и дѣлается для тебя сокровищемъ. Онъ вводитъ тебя въ вождельніе прекраснаго бисера; Онъ же и предлагается тебѣ, совершающему добрую куплю. Посему, чтобы возобладать этимъ, откажемся отъ того, чѣмъ обладаемъ (а), какъ на торжищѣ, на то, чтò имѣемъ, вымѣнявъ то, чего не имѣли. Если мы гонимы, не будемъ печалиться; лучше же сказать, возрадуемся, что изгнаніемъ отъ того, чтò дорого на землѣ, дѣлаемся гонимыми къ небесному благу, по обѣтованію Господа, что *блажени изгнани* Его ради: *яко тѣхъ есть царствіе небесное*, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

(а) Переводъ дополненъ по рукописи.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИЦАТЬ ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЕПИСКОПА НИССКАГО.

(ЧАСТЬ II.)

	Стран.
5 О надписаніи псалмовъ.....	1
6 <u>На псаломъ шестый.....</u>	194
7 <u>Точное истолкованіе Екклесіаста Соломонова..</u>	203
8 <u>О блаженствахъ.....</u>	359

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

4	5	св. Божеству	Божеству
22	10	св. другимъ	другими
—		въ прим. <i>ἐκ τῆς ἀλλοτρίου</i>	<i>ἐκ τῆς ἄλλοτρίου.</i>
35	13	св. науки	науки
44	8	— смиреніе. Трудъ	смирение,—трудъ
49	9	св. мѣсто	мѣста
80	13	— потому сей день	потому что сей день
92	8	— и точнѣе	точнѣе
164	7	— поверхностно не зани- мается	не поверхностно занимается
182	11	— Словоъ слова	Слову слова
219	7	— <i>πρὸς τὸν ἀποστόλου</i>	<i>πρὸς τὸν ἀποστόλου</i>
223	1	св. предается	предается
232	10	— Израильтиѣ	у Израильтиѣ
231	14	— <i>ὄψιν</i>	<i>ὄψιν</i>
239	8	св. смотрящему	смотрящему уже
247	1	— словесной	словной
—	4	— и всему	и все
249	6	св. драгоценнѣе	драгоценнѣе
260	6	— естество?	естество? Не тоже ли устройство внутренностей?
261	12	св. предположеніе	предположеніе
276	5	— преграждающа	преграждающаго
—	12	— сущее отъ несущаго	сущее отъ не сущаго
278	15	— то да	тогда

II

283	1	сп. благимъ	олагомъ
298	2	— поставить	воставить
299	6	— софросный	собращенный
301	8	сп. ехиднымъ	ехидинимъ
314	10	сп. членомъ	однимъ членомъ
333	13	— въ словѣ	въ славѣ
336	4	сп. непаивнсть произведеть	ненависть, произведеть
342	1	сп. сему	ему
353	7	сп. нывъ	донивъ
377	15	— открыть	открыть
424	въ прип.	<i>περιττωτος</i>	<i>περιττωτος</i>
429	10	сп. накъ	накъ
430	11	— себѣ для страстныхъ	себѣ естество для страстныхъ
431	2	— на основаніи ли	на основаніи
434	13	— ускорить	укорить

10 FEB 1925

45219.